МИР. ЧЕЛОВЕК. ЯЗЫК

Сборник научных трудов

Владимир – Донецк – Санкт-Петербург – Ростов-на-Дону

ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Институт иностранных языков ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена»

Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

МИР. ЧЕЛОВЕК. ЯЗЫК

Сборник научных трудов

Владимир 2019

УДК 81
ББК 81
М63

Рецензенты:
Левицкий А. Э. – д-р. филол. наук., профессор
профессор кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М. В. Ломоносова;
Харитончик З. А. – д-р филол. наук, профессор
профессор кафедры общего языкознания Минского государственного лингвистического университета

Редакционная коллегия:
Бессонова О. Л. – д-р. филол. наук, профессор ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» (*отв. редактор)*; ***Щирова И. А.*** – д-р. филол. наук, профессор ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена» *(зам. отв. редактора)*; ***Замараева Г. Н.*** – ст. преподаватель ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых» *(зам. отв. редактора)*; ***Кравцов С. М.*** – д-р. филол. наук, доцент ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» *(зам. отв. редактора)*; ***Марычева Е. П.*** – канд. пед. наук, профессор ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых» *(чл. редколлегии)*, ***Сергаева Ю. В.*** – канд. филол. наук, доцент ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена» *(чл. редколлегии)*, ***Сысоева Е. С.*** – канд. филол. наук, доцент ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» *(чл. редколлегии)*; ***Косован О. Л.*** – доцент ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых» *(чл. редколлегии)*

Издается по решению редакционно-издательского совета ВлГУ

М63 **Мир**. Человек. Язык : сб. науч. тр. / Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых ; Донец. нац. ун-т ; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, Ин-т иностр. яз. ; Юж. федер. ун-т, Ин-т филолог. журн. и межкультурн. коммуникации. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2019. – 351 с. – ISBN 978-5-9984-0914-1.

В сборник научных трудов вошли материалы II Международной научно-практической онлайн-конференции «Мир. Человек. Язык». В статьях рассматриваются актуальные проблемы лексической семантики и словообразования, вопросы ономастики и фразеологии, лингвокультурологии, сопоставительного изучения языков, дискурсивные исследования различных аспектов коммуникации, вопросы теории и практики перевода, современные технологии обучения иностранным языкам.

Издание адресовано филологам, лингвистам, специалистам по межкультурной коммуникации, культурологии, студентам, магистрантам и аспирантам.

УДК 81
ББК 81

ISBN 978-5-9984-0914-1

© ВлГУ, 2019
© Коллектив авторов, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 7

Лингвокогнитивные и лингвокультурологические исследования языковых единиц и категорий

Бессонова О. Л. Концепты, обозначающие эмоции удовольствия – неудовольствия, в структуре оценочного тезауруса английского языка .. 12

Воркачев С. Г., Воркачева Е. А. «Пошлость» в лексикографическом представлении 21

Елькина Д. С. Правдоподобные и неправдоподобные объекты текстового мира сказки 26

Клейменова В. Ю. Репрезентация вероятностного знания в медиа тексте 33

Спирина А. А., Койкова Т. И. Когнитивно-дискурсивный подход к анализу британской публичной речи 39

Маркевич Ю. В. Понятийные признаки в семантическом составе лингвокультурного концепта «совесть» (на материале научного дискурса) 42

Марычева Е. П. Прагматические аспекты функционирования фразеологических единиц в составе лингвокультурного концепта «Ordnung» 49

Морозенко Е. А. Особенности семантической и морфологической мотивации оценочного значения в английских прилагательных 55

Пашков С. М. Лингвокультурный концепт «благоговение» в русской и английской лингвокультурах 61

Росторгуева Г.Д. Особенности использования эвфемизмов и их роль в языке 68

Саркисов Э. Э. Специфика интерференционной картины «классического» лингва франка (на примере современного английского языка) 73

Фатьянова И. В. Языковая личность в контексте англо-американского политического дискурса 21 века (на материале публичных выступлений Дональда Трампа) 80

Шостак К. А. Семантика и структура антропонимов германского происхождения в английской лингвокультуре 90

Щирова И. А. Интерпретатор художественного текста: творец или сотворец? 95

Ярошенко Н. А. Ономасиологические типы сложных номинаций лица с колоративным компонентом в диалектах русского языка 101

Сопоставительные исследования в аспекте современных лингвистических парадигм

Басыров Ш. Р., Кочиер Е. С. Фразеологические единицы со значением «предельность» в английском, испанском и русском языках 107
Ветрова Э. С. Этикетные формулы приветствия как элементы национальной языковой картины мира (на материале разноструктурных языков)..... 114
Войтенко Е. Ю. Оценочный компонент семантики фразеологических единиц с лексемами, обозначающими названия стихий, в разноструктурных языках..... 122
Гармаш Д. А. Структурно-грамматические особенности фразеологических единиц и паремий, вербализующих концепт «любовь», в английском, испанском и русском языках..... 128
Дроздов В. А. Семантические особенности существительных в ямайском, белизском, тринидадо-тобагском и багамском креолях на англоязычной основе 134
Никулина И. Н. Мотивационные особенности терминов информатики и вычислительной техники (на материале французского, русского и украинского языков) 140
Резникова А. Р. Фразеологические единицы с топонимическим компонентом в разноструктурных языках 146

Актуальные проблемы исследования структуры и семантики языковых единиц

Арсеньева Е. А. Фразеология и диалектология: концептуальный анализ лексических единиц языка 153
Важенина В. П. О некоторых лингвистических кодах выражения английской ментальности..... 158
Гордеева Л. К. Медицинский термин и его ассоциативное поле..... 163
Жилнин А. Г. Игра слов как стилистический прием во французском рекламном тексте 165
Заковоротная Е. М. Словообразовательное подполе одушевленных существительных в современном французском языке 171

Зубкова М. А. Роль вариативности в развитии терминосистем 176
Кремзикова С. Е. Когнитивный аспект осмысления деятельностной ситуации в дискурсе (на материале разноструктурных языков)..... 183
Новикова Л. В. Семантические факторы, обусловливающие фразеологическую активность прилагательного 194
Ососкова А. С. Структурные особенности образных существительных, обозначающих человека по характеру в английском языке..... 199
Петрищева Е. И. Структурные типы субстандартных наименований родственников в английском, немецком, русском и украинском языках 204
Сысоева Е. С. Аллюзия в семантике английских оценочных антропонимов 211
Токарева К. Д. Временные, пространственные и оценочные средства репрезентации языковой личности автора в англоязычных мемуарных текстах XX – XXI веков..... 216
Трофимова Е. В. Оценочная семантика фразеологических единиц, выражающих отрицательные эмоции в английском языке 225
Яковенко Н. И. Содержательная структура современной спортивной терминологии..... 233

Дискурсивные и прагмалингвистические исследования коммуникации
Авраменко В. В. Концептуальная и коммуникативная организация новостных медиатекстов, посвященных сирийскому кризису 240
Воеводина А. В. Заимствования как основная лексическая составляющая англоязычных юридических текстов..... 245
Кишко С. Н. К вопросу английского коммуникативного поведения (на материале коммуникативно-прагматической категории модерации) 252
Ненарочкина А. Г., Пилюгина Е. А. Поликодовые средства выражения в британском художественном дискурсе XX века 258
Путивцева А. Н. Гендерная специфика политического дискурса во Франции: прагмалингвистический аспект..... 263
Розова И. В. Грамматические видоизменения – средства реализации авторской модальности англоязычного сатирического дискурса XX столетия 268

Сергаева Ю. В., Гарбар Е. Л. Синтез мифа и реальности в художественном дискурсе (на материале романов Дж. Джойса и Дж. Барнса) 274
Скрипка О. С. Метафора как средство создания портрета персонажа в системе английского художественного дискурса М. Спарк «На публику» (The Public Image)..... 280
Чечина И. В. Особенности функционирования антропонимов в романе Ш. Бронте «Шерли»..... 284
Шашков И.А. Экстралингвистические факторы формирования языковой личности в религиозном интернет-дискурсе..... 291

Актуальные проблемы переводоведения, теории и практики перевода
Косован О. Л. Особенности письменного перевода немецкоязычных текстов 298
Педерсен А. А. Историко-филологический аспект моделирования статей пословиц и поговорок в двуязычных паремиологических словарях..... 303
Шершикова А. В. Лингвостилистические особенности баллады В. Скотта «Замок Смальгольм, или Иванов вечер» в переводе В. А. Жуковского..... 309

Картина мира в зарубежной литературе и культуре
Минеева А. В. Языковые средства объективации авторской картины мира в прозе С. Хилл 314
Чекалина Т. В., Саитхалилова Л. Р. Специфика автобиографического нарратива Патрика Модиано..... 320

Традиции и новаторство в современных концепциях обучения иностранным языкам
Авдеева Н. А. К вопросу об изменении обучающей среды студентов «цифрового поколения» 326
Каверина О. Г. Развитие интегративных характеристик педагога в условиях профильного обучения иностранному языку будущих инженеров 330
Лычко Л. Я. Формирование у обучаемых надпрофессиональных компетенций в процессе преподавания английского языка 337
Полякова Я. В. Формирование учебных стратегий работы с художественным текстом на занятиях по домашнему чтению 343

Предисловие

Предлагаемый сборник содержит материалы международной научно-практической онлайн-конференции «Мир. Человек. Язык», которая состоялась 16 – 17 мая одновременно в четырех вузах, выступивших организаторами: Владимирский государственный университет, Донецкий национальный университет, Институт иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета.

Заявки на участие в конференции подали 86 человек, из них 11 докторов наук, 26 кандидатов наук, 15 преподавателей. Была широко представлена и молодежная наука: на конференцию подали заявки 34 аспиранта и студента. География участников впечатляет: Владимирский государственный университет, Донецкий национальный университет, Донецкий национальный технический университет, Донбасская юридическая академия, Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики, Донецкий педагогический институт, Донбасская аграрная академия, Донской государственный технический университет, Казанский федеральный университет, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Кубанский государственный технологический университет, Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, Тверской государственный университет, Южный федеральный университет.

Оргкомитет конференции в составе директора Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», кандидата филологических наук, доцента Н.А. Архипенко (сопредседатель);. ректора ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», доктора физико-математических наук, профессора С.В. Беспаловой (сопредседатель); ректора ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», доктора филологических наук, профессора С.И. Богданова (сопредседатель); директо-

ра Гуманитарного института ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых», доктора исторических наук, профессора Е.М. Петровичевой (сопредседатель); директора института иностранных языков ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», доктора филологических наук, профессора А.В. Ачкасова; заведующей кафедрой английской филологии ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», доктора филологических наук, профессора О.Л. Бессоновой; кандидата филологических наук, доцента кафедры романской филологии ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» Н.Е. Гапотченко; кандидата филологических наук, доцента кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» И.А. Зюбиной; кандидата филологических наук, доцента кафедры перевода и информационных технологий в лингвистике Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» М.В. Ивченко; доктора филологических наук, профессора кафедры английской филологии ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена» В.Ю. Клейменовой; доцента кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых» О.Л. Косован; профессора кафедры романской филологии, и.о. заведующего кафедрой романской филологии Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», доктора филологических наук, доцента С.М. Кравцова; заведующей кафедрой иностранных языков профессиональной коммуникации ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых», кандидата педагогических наук, профессора Е.П. Марычевой; заведующего кафедрой английской филологии Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», доктора филологических наук, профессора С.Г. Николаева; кандидата филологических наук, доцента кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и

Николая Григорьевича Столетовых» Л.В. Новиковой; кандидата филологических наук, доцента кафедры английской филологии ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена» Ю.В. Сергаевой; кандидата филологических наук, доцента кафедры английской филологии ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» Е.С. Сысоевой; декана факультета иностранных языков ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», кандидата филологических наук, доцента А.Г. Удинской; доктора филологических наук, профессора кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых» Т.Н. Федуленковой; заведующей кафедрой английской филологии ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», доктора филологических наук, профессора И.А. Щировой провел большую организационную работу по подготовке конференции.

На пленарном заседании, которое прошло 16 мая в режиме видеоконференции, с приветственным словом к участникам обратились проректор по научной и инновационной работе ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых», доктор технических наук, профессор Александр Викторович Федин, директор Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», кандидат филологических наук, доцент Наталья Анатольевна Архипенко, проректор по научной и инновационной деятельности ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», доктор технических наук, профессор Валерий Иванович Сторожев, президент института иностранных языков, заведующий кафедрой английского языка и лингвострановедения ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», доктор филологических наук, профессор Татьяна Ивановна Воронцова.

Модераторами пленарного заседания выступили заведующий кафедрой английской филологии ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», доктор филологических наук, профессор Ольга Леонидовна Бессонова, доцент ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых» Ольга Леонидовна Косован, профессор кафедры романской филологии, и.о. заве-

дующего кафедрой романской филологии Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», доктор филологических наук, доцент Сергей Михайлович Кравцов, заведующий кафедрой английской филологии ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», доктор филологических наук, профессор Ирина Александровна Щирова.

Участники конференции заслушали доклады ведущих ученых вузов-организаторов данного мероприятия: доктора филологических наук, профессора кафедры английской филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена Каргаполовой Ирины Александровны («Гипотеза языкового дефицита в свете современной лингвистики»), доктора филологических наук, профессора кафедры теории и практики английского языка Южного федерального университета Редкозубовой Екатерины Анатольевны («Сленг и экология языка»), кандидата филологических наук, доцента кафедры «Иностранные языки профессиональной коммуникации» Владимирского государственного университета Селиверстовой Оксаны Александровны («Лингвокогнитивные и лингвокультурные аспекты сказочной аллюзии (на материале русского, английского и немецкого языков)»). От Донецкого национального университета выступила кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Сысоева Евгения Сергеевна с докладом на тему «Английский оценочный антропонимикон».

Далее работа конференции продолжилась по секциям, на которых ученые и преподаватели университетов-участников обсудили лингвокогнитивные и лингвокультурологические исследования языковых единиц и категорий; сопоставительные исследования в аспекте современных лингвистических парадигм; актуальные проблемы исследования структуры и семантики языковых единиц; дискурсивные и прагмалингвистические исследования коммуникации; актуальные проблемы переводоведения, теории и практики перевода; картину мира в зарубежной литературе и культуре; традиции и новаторство в современных концепциях обучения иностранным языкам.

17 мая были организованы секционные заседания для обсуждения актуальных проблем по следующим направлениям: вопросы лексической семантики и словообразования; вопросы ономастики и фразеологии; вопросы лингвокультурологии, сопоставительного изучения языков; дискурсивные

исследования различных аспектов коммуникации; вопросы теории и практики перевода; современные технологии обучения иностранным языкам.

Кроме того, студенты с энтузиазмом приняли участие в сессии стендовых докладов. Примечательно, что такая форма организации конференции была представлена впервые. Лучшие доклады были награждены грамотами.

Живой интерес к конференции объясняется, на наш взгляд, тем, что заявленная тема конференции необычайно актуальна для современной науки. Ученые и общество в целом озабочены в настоящее время поиском путей формирования профессиональной компетенции специалиста в сфере учебно-воспитательной деятельности на всех уровнях языкового образования.

Результатом этого кропотливого и напряженного труда является настоящий сборник научных докладов участников конференции. Хочется надеяться, что содержание материалов сборника будет по достоинству оценено читателями и послужит делу развития научной мысли в разрабатываемом аспекте.

Участники конференции выражают благодарность всем организаторам конфренции, которые сумели создать обстановку серьезных и интересных научных дискуссий, способствовали плодотворному диалогу представителей разных научных школ и направлений исследований.

Хочется выразить отдельную благодарность секретарю конференции от кафедры английской филологии ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» Ососковой Анне Сергеевне за неоценимую помощь в подготовке конференции, а также представителям технической поддержки: Гриневой Оксане Александровне, преподавателю, заведующей учебной компьютерной лабораторией кафедры английской филологии, ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», Михалеву Александру Ивановичу, ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых», Меркуловой Наталье Владимировне, Институт иностранных языков ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», Ивченко Максиму Владимировичу, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» за высокий профессиональный уровень предоставления технической поддержки при проведении пленарного заседания в режиме видеоконференции.

Лингвокогнитивные и лингвокультурологические исследования языковых единиц и категорий

О.Л. Бессонова
Донецкий национальный университет

КОНЦЕПТЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ЭМОЦИИ УДОВОЛЬСТВИЯ – НЕУДОВОЛЬСТВИЯ, В СТРУКТУРЕ ОЦЕНОЧНОГО ТЕЗАУРУСА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация

Статья посвящена вопросу моделирования семантики лексических единиц, входящих в оценочный тезаурус английского языка. Предлагаемый метод эффективен при описании оценочного значения в рамках идеографического подхода. Предложенная классификация основана на принципе дифференциации реакций говорящего на действия, их субъектов и объектов. В статье детально рассматривается группа концептов, обозначающих эмоции удовольствия – неудовольствия.

Ключевые слова: *оценочный тезаурус, концепт, эмоция, удовольствие, неудовольствие, фрейм, слот*

CONCEPTS OF EMOTIONS OF PLEASURE – DISPLEASURE IN THE ENGLISH EVALUATIVE THESAURUS

Abstract

The article deals with evaluative semantics modelling within the framework of thesaurus approach. This method is considered to be very effective in describing evaluative semantics of lexical units. The suggested classification is based on the principle of differentiation of the speakers reactions to actions, agents and objects. The article addresses the group of concepts denoting emotions of pleasure – displeasure.

Key words: *evaluative thesaurus, concept, emotion, pleasure, displeasure, frame, slot*

1. Понятие оценочного тезауруса

Как показывает современная лексикографическая практика, в рамках когнитивной парадигмы одним из наиболее перспективных подходов к

изучению языкового выражения категории оценки является тезаурусный подход. О перспективности этого направления высказывались многие лингвисты [3, 6]. Тезаурус понимается, вслед за Ю.Н. Карауловым, в двух значениях: как материально существующий словарь и как картина мира. По мнению Ю.Н. Караулова, тезаурус-мир постоянно изменяется, но, тем не менее, позволяет себя фиксировать в виде тезауруса-словаря. Если зафиксировать таким образом тезаурус в один и тот же момент у всех членов данной языковой общности, или наоборот, – в разные моменты у одного и того же индивида, то снимки не получатся идентичными. Несмотря на это, в индивидуальных тезаурусах обнаруживается общее ядро, инвариант, который и делает возможным взаимопонимание. Расхождения могут касаться словесного наполнения семантических полей, взаимоотношений самих концептов, распределенности знаков по отношению друг к другу внутри полей [3]. Оценочный тезаурус является составной частью словарного состава языка и представляет собой систематизированную информацию о предметных и отвлеченных понятиях, имеющих ценностную значимость для языковой личности.

Задачей исследования является описание оценочного тезауруса английского языка, выделение и анализ его основного ядра. Весьма значимым представляется открытие, сделанное М. Сводешом и заключающееся в том, что основная часть словарного состава (основное лексическое ядро) во всех языках изменяется или обновляется с постоянной скоростью [8]. Таким образом, выделение и описание составляющих оценочного тезауруса – базовых концептов – позволит в дальнейшем сопоставить и выявить универсальные и специфические признаки ценностной картины мира носителей разных языков.

Одной из проблем описания оценочного тезауруса является проблема ограничения лексического инвентаря оценочных концептов. Согласно Л. Талми, “для лексически выражаемых концептов не существует никакого сопоставимого с этим инвентаря, поскольку формы открытого класса могут, по большей части, относится к чему угодно из того, что может содержаться в сознании” [5, с.111].

Исходным положением данного исследования является признание того факта, что концепт включает лексемы, значения которых составляют содержание национального языкового сознания и формируют «наивную картину мира» носителей языка. Таким образом, в центре внимания –

способ концептуализации мира в лексической семантике, в частности того его фрагмента, который зафиксирован в оценочном тезаурусе языка, который, в свою очередь, составляет концептуальную область. Основным исследовательским средством является концептуальная модель, с помощью которой выделяются базовые компоненты семантики концепта и выявляются устойчивые связи между ними.

2. Характеристика концептов эмоций как фрагмента оценочного тезауруса английского языка

Анализ языкового материала свидетельствует о том, что оценочный тезаурус английского языка не однороден, а центрирован: его природа ярко проявляется в прототипических единицах и может почти нивелироваться в периферии. Методологически это выражается в необходимости иерархизации рассматриваемого материала и выделении основных особенностей оценочного тезауруса английского языка на основе анализа прототипических единиц. Иными словами, представляется необходимым определить набор концептов, составляющих базовый оценочный тезаурус.

Исследуемый материал, полученный методом сплошной выборки из идеографических словарей английского языка Longman Lexicon of Contemporary English [10] и Roget's II Electronic Thesaurus [9], может быть представлен в виде сетевой модели, в рамках которой концепты объединены в семантические узлы. В структуре каждого узла выделены базовые оценочные концепты. Узел концептов, обозначающих эмоции и являющихся компонентом структуры оценочного тезауруса английского языка, выглядит следующим образом:

УЗЕЛ 1. ***Концепты, обозначающие эмоции***

УЗЕЛ 1.1. – ***эмоции удовольствия – неудовольствия:*** *FEAR* 'страх', *UNEASINESS, ANXIETY, CONCERN* 'тревога, беспокойство', *GRIEF, SORROW, SADNESS* 'тоска, печаль, грусть', *DANGER, THREAT* 'опасность, угроза', *HAPPINESS* 'счастье', *DESIRE* 'желание', *LUCK* 'удача', *DESPAIR* 'отчаяние', *DISAPPOINTMENT* 'разочарование'. Базовые концепты узла 1.1. – *LUCK* 'удача', *HAPPINESS* 'счастье', *FEAR* 'страх', *DESIRE* 'желание'.

УЗЕЛ 1.2. – ***эмоции одобрения – неодобрения:*** *ADMIRATION* 'восхищение', *RESPECT* 'уважение', *DELIGHT* 'восхищение, восторг, удовольствие', *RAPTURE* 'восторг', *ANGER* 'гнев', *INTEREST, CURIOSITY*

‘интерес, любопытство’, *DISGRACE, SHAME* ‘позор, бесчестие’, *PRIDE, VANITY* ‘гордость, тщеславие’, *SURPRISE* ‘удивление’, *GRATITUDE* ‘благодарность’. Базовые концепты узла 1.2. **–** *ADMIRATION* ‘восхищение’, *ANGER* ‘гнев’, *INTEREST, CURIOSITY* ‘интерес, любопытство’.

УЗЕЛ 1.3. – ***эмоции любви – нелюбви:*** *LOVE* ‘любовь’, *HATRED* ‘ненависть’, *CONTEMPT* ‘презрение’. Базовые концепты узла 1.3. **–** *LOVE* ‘любовь’, *HATRED* ‘ненависть’.

В основе тезаурусного подхода к описанию эмоций лежит предположение о том, что эмоции определяются способом, каким лицо, их испытывающее, воспринимает ситуации, которые порождают эти эмоции. Следует также подчеркнуть, что структура словаря эмоций не изоморфна структуре самих эмоций. Таким образом, в задачи исследования не входит попытка охарактеризовать структуру самих эмоций. В структуре языковой личности эмоциональная сфера представлена эмоциональным уровнем, единицами которого являются эмоциональные концепты. В качестве основы для описания набора базовых эмоций может быть использована классификация, представленная в работе А. Ортони, Дж. Клоур, А. Коллинз. Согласно этой классификации эмоции подразделяются на реакции на события, на агентов и на объекты [4]. Анализ материала позволяет выделить три группы концептов, обозначающих эмоции: первая группа – эмоции удовольствия – неудовольствия, вторая группа – одобрения – неодобрения, третья группа – любовь – нелюбовь.

3. Концепты, обозначающие эмоции удовольствия – неудовольствия

Критерием выделения **группы концептов эмоций удовольствия – неудовольствия** являются реакции языковой личности на события. Данный узел сетевой модели представлен иерархической последовательностью более базовых и менее базовых концептов. Более базовыми являются концепты *LUCK* ‘удача’, *HAPPINESS* ‘счастье’, *FEAR* ‘страх’, *DESIRE* ‘желание’. Особенностью английского языка является тот факт, что имеется сравнительно большое число обозначений для некоторых категорий эмоций, таким образом, уменьшается необходимость использования метафорических описаний при характеристике качества эмоций. Например, концепт *FEAR* ‘страх’ имеет несколько лексических реализаций, означающих особые случаи, такие, как: очень сильный страх –

terrified ‘ужасающий’, очень слабый страх – *worried* ‘обеспокоенный, волнующийся’, типичное поведение, вызванное страхом – cowering ‘съеживаться’, *fright* ‘испуг’, *petrified* ‘ошеломленный’, *concern* ‘беспокойство’, *anxiety* ‘тревога’ и другие. Все эти слова обозначают страх, проявляющийся с различной степенью интенсивности. Поэтому, имеет смысл считать слово *fear* ‘страх’ относительно нейтральным словом в семантической структуре данного концепта. Дальнейшая дифференциация концепта *FEAR* ‘страх’ позволяет выделить так называемые менее базовые концепты: *UNEASINESS, ANXIETY, CONCERN* ‘тревога, беспокойство’. Другими менее базовыми концептами данной группы являются *GRIEF, SORROW, SADNESS* ‘тоска, печаль, грусть’, *DESPAIR* ‘отчаяние’, *DANGER, THREAT* ‘опасность, угроза’, *DISAPPOINTMENT* ‘разочарование’.

Семантическое содержание концептов **эмоций удовольствия – неудовольствия** может быть представлено в виде следующих фреймовых структур:

Концепт *FEAR* ‘страх’ – **SMB HAS a FEELING of great agitation and anxiety caused by the expectation or the realization of danger,** реализующийся в рамках 2 основных слотов:

СЛОТ 1. *SMB HAS an unpleasant feeling of being frightened or worried that smth. bad is going to happen* (*horror* ‘ужас’, *shock* ‘шок’).

СЛОТ 2. *SMB HAS a sudden strong feeling of fear or nervousness that makes him unable to think clearly or behave sensibly* (*panic* ‘паника’, *alarm* ‘смятение, тревога’).

Концепт *UNEASINESS, ANXIETY, CONCERN* ‘тревога, беспокойство’ – **SMB HAS a FEELING of being very worried about smth. that may happen or may have happened, so that smb. thinks about it all the time,** реализующийся в виде 3 слотов:

СЛОТ 1. *SMB HAS a feeling of or EXIBITS nervous tension* (*dismay* ‘смятение, тревога’, *agitated* ‘взволнованный, возбужденный’);

СЛОТ 2. *SMB HAS a feeling of anxious concern* (*mindful* ‘внимательный, заботливый ’, *alleviate* ‘облегчающий, смягчающий (боль)’).

СЛОТ 3. *SMB HAS a feeling of not being relaxed and comfortable with smb.* (*strain* ‘напряжение’, *twitchy* ‘нервный, раздражительный’, *to tighten* ‘напрягать’).

Концепт *GRIEF, SORROW, SADNESS* ‘тоска, печаль, грусть’ – **SMB HAS a FEELING or spell of dismally low spirits.**

Концепт *DANGER, THREAT* ‘опасность, угроза’ – **SMB HAS a FEELING of exposure to possible harm, loss or injury,** реализующийся в виде 5 слотов:

СЛОТ 1. *SMTH CONTAINING a possibility of danger* (*risk (esp. emot.)* ‘риск, опасность, угроза’, *ill-omened* ‘обреченный на неудачу, провал, зловещий’);

СЛОТ 2. AN UNPLEASANT EVENT that happens unexpectedly and causes damage (*cataclysm* ‘катаклизм’, *disastrous* ‘бедственный, гибельный’);

СЛОТ 3. A SITUATION THAT CAUSES difficulty, worry, danger (*jam* ‘амер. разг. тяжелое положение’);

СЛОТ 4. SMB EXPECTS the possible danger (*vigilance* ‘настороженность’, *warily* ‘осторожно, осмотрительно’);

СЛОТ 5. SMB OR SMTH IS EXPOSED TO DANGER (*to imperil (poet)* ‘(поэт.) подвергать опасности’, *to endanger* ‘подвергать опасности, ставить под угрозу’).

Концепт *HAPPINESS* ‘счастье’ – **SMB HAS a FEELING of pleasure, because smth. good has happened to smb., satisfied or not worried**, который также может реализоваться в СЛОТЕ **SMB NOT HAVING FEELINGS of pleasure** (*tragic* ‘трагический’, *dismal* ‘зловещий, гнетущий’).

Концепт *DESIRE* ‘желание’ – **SMB HAS a FEELING of wanting smth. or to do smth., or wanting smth. to happen**. Ключевым словом данного концепта является слово *to want* ‘хотеть’. Будучи семантическим примитивом глагол *хотеть* неоднократно становился предметом изучения, поэтому его значение достаточно подробно описано. Специфика этого значения такова, что “*хотеть* означает действенное желание, предполагающее волю к его осуществлению” [1, 2]. Семантика данного глагола в значительной мере определяется наличием компонента ‘намерение’.

Концепт *LUCK* ‘удача’ – **SMB HAS a FEELING of success attained as a result of chance,** реализующийся в виде 5 слотов:

СЛОТ 1. *SMB HAS a feeling of unexpected success, smth. to be grateful for* (*luck* ‘удача’, *mercy* ‘удача, счастье’);

СЛОТ 2. *FORCE THAT CAUSES good or bad to happen* (*fortune* ‘судьба, фортуна, жребий’, *chance* ‘шанс’);

СЛОТ 3. *POSSIBILITY of smth. happening, esp. smth. desirable* (*chance* ‘счастливый случай’, *auspicious* ‘благоприятный’);

СЛОТ 4. *Bad luck, unfortunate CONDITION, ACCIDENT or EVENT* (*misfortune* ‘неудача’, *eclipse (fig)* ‘перен. упадок, закат’);

СЛОТ 5. *HAVING, BRINGING OR RESULTING from good / bad luck* (*unlucky* ‘неудачный, неудачливый, несчастливый’, *unfortunate* ‘неудачник, неудачница’).

Концепт *DESPAIR* ‘отчаяние’ – **SMB HAS a FEELING of an utter lack of hope.**

Концепт *DISAPPOINTMENT* ‘разочарование’ – **SMB HAS a FEELING of unhappiness cused by the failure of one’s hopes, desires, or expectations.** Данный концепт можно также рассматривать как один из слотов концепта *HAPPINESS* ‘счастье’.

Более развернутое толкование лексических единиц, входящих в структуру данных концептов, можно представить с помощью так называемой модели сцены Ч. Филлмора [7, с. 316]. Например, прототипная характеристика слова *disappointment* ‘разочарование’ может выглядеть следующим образом: *disappointment* описывает чувство, которое испытывает тот, кто хотел, чтобы нечто произошло, у кого были основания полагать, что это произойдет, и кто обнаружил, что ожидаемого события не произошло. Значение слова *frustration* ‘разочарование, расстройство’ можно описать как чувство, которое испытывает тот, кто хотел добиться чего-то, неоднократно предпринимал попытки сделать это и только что осознал, что это сделать невозможно. Прототипная характеристика слова *suspense* ‘беспокойство, тревога’ выглядит следующим образом: чувство, называемое *suspense,* испытывает тот, кто хочет знать, произойдет ли определенное событие, кто осознает, что ему нужно еще долго ждать, прежде чем он это узнает. Как считает Ч. Филлмор, “во всех этих случаях дефиниции слов, обозначающих эмоции, требуют понимания конфликта между миром и моделью мира, которая имеется у какого-то человека. Либо мир, которого кто-либо желает, не таков, каким он его видти, либо мир, в который кто-либо верил, оказывается отличным от того, с которым он столкнулся в действительности” [7, с. 338].

Как показывает анализ, наибольшее количество оценочных лексических единиц зафиксировано в концепте *UNEASINESS, ANXIETY, CONCERN* ‘тревога, беспокойство’ (25% от общего количества лексических единиц узла концептов эмоций удовольствия – неудовольствия). Достаточно подробно представлены на аксиологической шкале и концепты *GRIEF, SORROW, SADNESS* ‘тоска, печаль, грусть’ (17,3%), *DANGER, THREAT* ‘опасность, угроза’ (14,5%), *FEAR* ‘страх’ (12%), *HAPPINESS* ‘счастье’ (11,2%). Очевиден тот факт, что явно превалируют лексические единицы, номинирующие эмоции неудовольствия. Исключение составляет лишь концепт *HAPPINESS* ‘счастье’. Частеречный анализ концептов показывает, что оценочные единицы, обозначающие эмоции данного узла сетевой модели, являются в основном именами прилагательными (41% от общего количества лексических единиц-компонентов концептов эмоций удовольствия – неудовольствия). На втором месте – имена существительные (30%). Глаголы насчитывают 18%, наречия – 12% соответственно. Следует отметить, что существительные значительно превалируют в концепте *DESIRE* ‘желание’и незначительно в концепте *DANGER, THREAT* ‘опасность, угроза’.

4. Выводы

Анализ материала показал, что в узле сетевой модели оценочного тезауруса английского языка, связанного с концептами эмоций, наиболее представительной является группа концептов эмоций удовольствия – неудовольствия, что свидетельствует о значительной степени распространенности и важности данной оппозиции в картине мира языковой личности. Отмеченный крен в сторону преобладания концептов отрицательной оценки объясняется особенностями человеческого восприятия, т.е. удовольствие воспринимается как норма. Базовые концепты данного узла – *LUCK* ‘удача’, *HAPPINESS* ‘счастье’, *FEAR* ‘страх’, *DESIRE* ‘желание’. Особенностью английского языка является тот факт, что имеется сравнительно большое число обозначений для некоторых категорий эмоций, таким образом, уменьшается необходимость использования метафорических описаний при характеристике качества эмоций.

В анализируемой группе узла сетевой модели оценочного тезауруса преобладают имена прилагательные. Имена существительные в целом

занимают второе место по значимости во фрагменте оценочного тезауруса английского языка, связанного с номинацией эмоций. Превалирование этих двух частей речи можно объяснить предметно-признаковым характером оценочной квалификации, что и отражено соответствующим образом в системе языка.

Литература

1. **Апресян, Ю.Д.** Новый объяснительный словарь синонимов: концепции и типы информации [Текст] / под общ. рук. ак. Ю.Д. Апресяна // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. – М.: Проспект, 1995.

2. **Вежбицкая, А.** Семантические универсалии и описание языков [Текст] / пер. с англ. А.Д. Шмелева под ред. Т.В. Булыгиной. – М.: "Языки русской культуры", 1999. – I-XII. – 780 с.

3. **Караулов, Ю.Н.** Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка [Текст] / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1981. – 367 с.

4. **Ортони, А., Клоур, Дж., Коллинз, А.** Когнитивная структура эмоций [Текст] / Пер. с англ. и нем. / Сост. и вступ. ст. В.В. Петрова // Язык и интеллект. Сб. – М.: Издательская группа "Прогресс", 1995. – С. 314-384.

5. **Талми, Л.** Отношение грамматики к познанию [Текст] // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 1999. – № 1. – С. 91-113.

6. **Уфимцева, А.А.** Лексическое значение: Принципы семиологического описания лексики [Текст] / А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1986. – 240 с.

7. **Филлмор, Ч.** Основные проблемы лексической семантики [Текст] / Общ. ред. В.Ю. Розенцвейга, В.А.Звегинцева, Б.Ю.Городецкого // Зарубежная лингвистика. III: пер. с англ., нем., фр. – М.: Издательская группа "Прогресс", 1999. – С. 303-351.

8. **Swadesh, M.** Toward Greater Accuracy in Lexicostatistic Dating [Текст] // International Journal of American Linguistics. – 21. – 1955. – P. 121-137.

9. Roget's II Electronic Thesaurus [Текст] / Microsoft Bookshelf CD-ROM reference library. – Wearnes, 1993.

10. Longman Lexicon of Contemporary English [Текст]. / Ed. by T. McArthur. – Longman Group Limited, 1998. – 913 p.

С.Г. Воркачев, Е.А. Воркачева
Кубанский государственный технологический университет

«ПОШЛОСТЬ» В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ

Аннотация

Исследуется семантическое представление пошлости в русской лексикографии. Устанавливается, что в атрибутивном синонимическом ряду пошлости частотно лидирует лексема «банальный», а семантическим множителем при лексикографическом описании пошлости в толковых словарях русского языка оказывается лексема «пошлый»; у прилагательного «пошлый» выделяется способность отправлять к своему субъекту через качественные характеристики предметов «личной сферы» последнего.

Ключевые слова: *пошлость, синонимический ряд, доминанта, семантический множитель, личная сфера говорящего*

‘POSHLOST’ IN LEXICOGRAPHICAL REPRESENTATION

Abstract

Semantic representation of *poshlost’* (vulgarity) is studied on the material of Russian lexicography. It is established that in attribute synonymic series of poshlost’ the lexical unit *banal’nyj* (banal) is leading in frequency, meanwhile the lexical unit *poshlyj* (vulgar) turns out to be the semantic factor of lexicographic description in Russian explanatory dictionaries; that the adjective “poshlyj” possesses ability of referring to its subject by quality features of its “personal sphere objects.

Key words: *poshlost’, synonymic series, dominant, semantic factor, speaker’s personal sphere.*

Семантическое образование, стоящее за именем «пошлость», не менее, а, может быть, и более специфично для русских культуры и языка, чем сакраментальные «тоска, душа и воля», и, конечно, представляется сугубо русским национальным достоянием (см.: [4, с. 250; 5, с. 68–69]).

В русском языке абстрактное имя существительное «пошлость» образовалось от прилагательного «пошлый» где-то в середине 19-го века (см.: [3]). Само же прилагательное, производное от причастия с суффиксом -л- глагола «пойти» (пошьлъ – «который пошел, прошел» – см.: [22, с. 323]), первоначально означало «старинный, исконный; прежний, исстари

принадлежащий» и «обычный» как связанный с обычаем (см.: [14, т. 2, с. 118; 20, т. 3, с. 349]) и в консервативную эпоху Московской Руси имело скорее положительные коннотации как нечто освященное традицией. В петровскую эпоху пошлое стало восприниматься как нечто отжившее и устаревшее и оцениваться, скорее, отрицательно. В это же время оно стало означать «обыкновенный, ходячий» (см.: [14, т. 2, с. 118]), доступный всем, в том числе и тем «кого мы не любим».

При всей этимологической исконности слова «пошлость», обозначаемое им ныне понятие – результат своего рода сложного и многоходового «импортозамещения»: где-то в пушкинское время это слово частично синонимизировалось с французскими заимствованиями «банальность», «вульгарность» и «тривиальность», а в 19 веке под влиянием немецкого романтизма, бунтующего против буржуазного филистерства, приобрело отрицательные коннотации (см.: [2, с. 63; 11, с. 241; 6, с. 242]). К началу 20-го века основным значением пошлости становится отсутствие духовности и высших интересов, в современной же русской разговорной речи пошлость все чаще отождествляется со скабрезностью, непристойностью, сальностью (см.: [15, с. 183; 6, с. 244]), а значение отсутствия высоких идеалов и романтизма в её семантике уходит на второй план или еще дальше.

Как можно видеть, в семантической истории пошлости оценочная часть постоянно «мутирует» от объективности к субъективности: от обозначения градуируемых объективных свойств исконности и распространенности к обозначению субъективности эстетического вкуса, поведенческих и этических норм.

Синонимический ряд прилагательного «пошлый», приводимый в лексикографии (*грубый, грубоватый, грязный, заурядный, низкий, низменный, плоский, площадный, безвкусный, бесцветный, балаганный, банальный, бульварный, вульгарный, тривиальный, шаблонный, неприличный; избитый, надокучивший, известный, общеизвестный* – [*1]), отнюдь не полон: в него еще можно включить, как минимум, прилагательные *ординарный, жеманный, слащавый, сентиментальный, обсценный, скабрезный, сальный, циничный, глумливый, профанный*. В этом ряду выделяются достаточно условно несколько семантических групп: обычности (*ординарный, заурядный, банальный, тривиальный, шаблонный, избитый, площадный, надокучивший, известный, общеизвестный*), низменности (*неприличный, вульгарный, грубый, грубоватый, грязный, обсценный, скабрезный,*

сальный), эстетического вкуса (*плоский, безвкусный, бесцветный, бульварный, жеманный, слащавый, сентиментальный*) и «нигилизма» (*циничный, глумливый, профанный*).

Ядерную область этого ряда образуют прилагательные *избитый, банальный, пошлый, тривиальный*, представленные в «узком» синонимическом ряду пошлости, где *банальный* выделяется своей литературно-книжной окраской, *тривиальный* – степенью своей обыденности, а *пошлый* – резкостью отрицательной оценки и «антиэстетичностью» (см.: [7, с. 177; 8, т 2, с. 418]). Наиболее исследована, естественно, синонимическая пара «пошлый-вульгарный» (см.: [21; 11]).

Если говорить о доминанте этого синонимического ряда, то частотно здесь лидирующей оказывается лексема «банальный», за которой в порядке убывания частотности идут *избитый, вульгарный, тривиальный* и *пошлый* (см.: [*23]), а семантическим множителем при лексикографическом описании пошлости в 6 толковых словарях русского языка [12; 13; 10; 19; 16; 17] оказывается, безусловно, лексема «пошлый», «вбирающая» в себя значения всех прочих единиц этого ряда:

	пошлый	банальный	вульгарный	тривиальный	
пошлый	+	4	2	1	7
банальный	4	+	0	1	5
вульгарный	9	0	+	0	9
тривиальный	5	2	0	+	7
	18	6	2	2	28

Наблюдения над лексикографическим представлением пошлости, прежде всего, подтверждают производность имени «пошлость» от соответствующего прилагательного и абстрактный характер этого имени (*отвлеченное существительное к пошлый* – [19, т. 3, с. 685]; *отвлеченное существительное по значению прилагательного: пошлый* – [9, т. 2, с. 262]). Также вполне определенно в русской лексикографии отражена семантическая бинарность, гибридность пошлости: «пошлый» – это *безвкусно-грубый* и *низкопробный в нравственном отношении* [19, т. 3, с. 685; 12, с. 523]; *безвкусно-грубый* и *низкий, ничтожный в духовном, нравственном отношении* [10, с. 950]. Помимо способности характеризовать субъекта-носителя эстетического вкуса и морального сознания у прилагательного «пошлый» в толковых словарях выделяется своего рода семиотическая

функция: способность отправлять к этому субъекту через качественные характеристики предметов его «личной сферы» (*выражающий, обнаруживающий пошлость* – [10, с. 950; 17, т. 10, с. 1755]).

В толковых словарях выделяется от двух [19, т. 3, с. 685; 12, с. 523; 13, с. 575] до пяти [17, т. 10, с. 1755] лексико-семантических вариантов лексемы «пошлый», из которых 3 (*избитый, безвкусный, банальный*; *низкий в духовном, нравственном отношении*; *вульгарный, содержащий что-либо неприличное, непристойное*) вполне современны, а два (*бывший издавна, стародавний* и *обычный, ничем не выделяющийся*) устарели. В большинстве из них на первом месте стоит этическое значение этой лексемы: *низкий в нравственном отношении* [19, т. 3, с. 685; 12, с. 523; 13, с. 575; СРЯ, т. 3, с. 348].

В то же самое время в «Словаре языка Пушкина» фиксируются значения *весьма распространенный, ставший привычным, всем известный, ходячий*; *обыкновенный, ничем не примечательный, заурядный* и *свидетельствующий о дурном вкусе, низкопробный* [18, т. 3, с. 625] при отсутствии этического и «скабрезного» значений этого прилагательного.

Итак, современное значение слова «пошлость» – результат своего рода сложного и многоходового «импортозамещения»: сначала это слово частично синонимизировалось с французскими заимствованиями «банальность», «вульгарность» и «тривиальность», затем приобрело отрицательные коннотации. В доминанте атрибутивного синонимического ряда пошлости частотно лидирует лексема «банальный», а семантическим множителем при лексикографическом описании пошлости в толковых словарях русского языка оказывается лексема «пошлый», «вбирающая» в себя значения всех прочих единиц этого ряда: Помимо способности характеризовать субъекта-носителя эстетического вкуса и морального сознания у прилагательного «пошлый» в толковых словарях выделяется своего рода семиотическая функция: способность отправлять к этому субъекту через качественные характеристики предметов его «личной сферы».

Литература

1. **Абрамов, Н.** Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений [Электронный ресурс] / Н. Абрамов. М., 1999. URL: http://www.gramota, 2003.

2. **Бойм, С.** Пошлость [Текст] / С. Бойм // Общие места: Мифология повседневной жизни. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – С. 62–92.

3. **Виноградов, В.В.** Пошлый [Текст] / В.В. Виноградов // История слов. – М.: Толк, 1994. – С. 531–533.

4. **Воркачев, С.Г.** «Госпожа Пошлость»: наброски к семантическому портрету [Текст] / С.Г. Воркачев // Вестник Пятигорского государственного университета. 2017. № 4. – С. 250–254.

5. **Воркачев, С.Г.** Imago verbi: опыт семантического портретирования имени: монография [Текст] / С. Г. Воркачев. – Краснодар: Изд. ФГБОУ ВО «КубГТУ», 2017. – 284 с. – ISBN 978-5-8333-0666-6.

6. . **Глебкин, В.В.** Пошлость [Текст] / В.В. Глебкин // Культурология. Энциклопедия: в 2-х т. Т. 2. – М.: РОССПЭН, 2007. – С. 242–244.

7. **Евгеньева, А.П.** Словарь синонимов русского языка [Текст] / А.П. Евгеньева. – М.: АСТ-АСТРЕЛЬ, 2001. – 648 с. – ISBN 5-17-010806-0

8. **Евгеньева, А.П.** Словарь синонимов русского языка: в 2 т. [Текст] / А.П. Евгеньева. – М.: АСТРЕЛЬ-АСТ, 2001.

9. **Ефремова, Т.Ф.** Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. [Текст] / Т.Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2001.

10. **Кузнецов, С.А.** Большой толковый словарь русского языка [Текст] / С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с. – ISBN 5-7711-0015-3.

11. **Левонтина, И.Б.** Осторожно, пошлость! [Текст] / И.Б. Левонтина // Логический анализ языка. Языки эстетики: концептуальные поля прекрасного и безобразного. – М.: Индрик, 2004. – С. 231–250.

12. **Ожегов, С.И.** Словарь русского языка. [Текст] / С.И. Ожегов. – М.: Госиздат иностранных и национальных словарей, 1953. – 848 с.

13. **Ожегов, С.И.** Толковый словарь русского языка. [Текст] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1998. – 944 с. – ISBN 5-89285-003-X.

14. **Преображенский, А.** Этимологический словарь русского языка: в 3 т. [Текст] / А. Преображенский. – М.: Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1910–1914.

15. **Савицкий, В.М.** Бог Апполон и серая обезьяна (концепт ‘пошлость’ в пространстве культуры) [Текст] / В.М. Савицкий // Аксиологическая лингвистика: игровое и комическое в общении. – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 173–190.

16. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. [Текст]. – М.: Русский язык, 1981–1984.

17. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / под ред. А. И. Чернышева. [Текст]. – М.-Л.: АН СССР, 1951–1965.

18. Словарь языка Пушкина: в 4-х т. [Текст]. – М.: Госиздат иностранных и национальных словарей, 1956–1961.

19. **Ушаков, Д.Н.** Толковый словарь русского языка: в 4 т. [Текст] / Д.Н. Ушаков. – М.: Астрель-АСТ, 2000.

20. **Фасмер, М.** Этимологический словарь русского языка: в 4 т. [Текст] / М. Фасмер. – М.: Астрель-АСТ, 2003.

21. **Фролова, О.Е.** Вульгарный или пошлый [Текст] / О.Е. Фролова // Русский язык в научном освещении. 2003. № 1(5). – С. 106–123.

22. **Цыганенко, Г.П.** Этимологический словарь русского языка. Более 5000 слов [Текст] / Г.П. Цыганенко. – Киев: Радянська школа, 1989. – 511 с.

23. **Шаров, С.А.** Частотный словарь русского языка [Электронный ресурс] / С.А. Шаров. URL: http://www.artint.ru/projects/frqlist.php.

Д.С. Елькина
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

ПРАВДОПОДОБНЫЕ И НЕПРАВДОПОДОБНЫЕ ОБЪЕКТЫ ТЕКСТОВОГО МИРА СКАЗКИ

Аннотация

Статья посвящена вопросу о высокой степени правдоподобия в текстовом мире сказки как об обязательной характеристике, реализующейся благодаря структурному изоморфизму и изофункциональности реальному миру. Для достижения эффекта правдоподобия в художественном тексте, объективирующем вымышленный мир сказки, важность представляют вещи или их различные комбинации как результат человеческого осмысления действительности и познания мира. Предметы наполняют сказочное пространство, задавая границы в пространстве и времени текста, и являются вымышленными аналогами реальных объектов. Знание о вымышленном

объекте связано со знанием о нормах действительности, и оценка правдоподобия основывается на личном опыте реципиента.

Ключевые слова: *правдоподобие, неправдоподобие, градуальность, вымышленный мир, вещь/предмет/объект, лингвистические средства репрезентации*

CREDIBLE AND IMPROBABLE OBJECTS IN THE TEXTUAL WORLD OF A FAIRY TALE

Abstract

The article is devoted to the question of a high degree of credibility in the textual world of a fairy tale as an obligatory characteristic realized through structural isomorphism and isofunctionality of the real world. Things or their various combinations which are important as a result of human understanding of reality and knowledge of the world provide the achievement of the effect of credibility in an artistic text that objectifies the fictional world of a fairy tale. Objects fill in the fairy-tale space, setting boundaries in the space and time of the text, and are fictional analogues of real objects. Knowledge of a fictional object is associated with knowledge of the norms of reality, and the credibility estimate is based on the personal experience of the recipient.

Key words: *credibility, improbability, graduation, fictional world, thing/object, linguistic means of representation*

Правдоподобие как категория теоретической поэтики осмысляется в работах Ж. Женетта [2], где под правдоподобным подразумевается не истинное или возможное, а должное по мнению большинства, причем данное мнение зависит от эпохи и строя государства, в котором проживает автор. Правдоподобие по В.И. Карасику [4.С.24] определяется как параметрическая модально-оценочная категория, используемая для классификации ментальных конструктов, репрезентированных в художественном тексте. Правдоподобие, по нашему мнению, является универсальной категорией, характеризующей фрагменты текстового мира, объективированные различными языковыми средствами.

Совокупность вымышленных ментальных конструктов репрезентирует текстовый мир как результат преображения реальности и, следовательно, не может быть абсолютно неправдоподобным, т.к. он основывается

на когнитивной базе. Большее или меньшее соблюдение логики в действиях, словах и эмоциях персонажей, а также естественном ходе событий приводит к разной степени правдоподобия художественного текста. Правдоподобие является градуируемой характеристикой, при этом степень правдоподобия зависит от жанра произведения.

В 1986 году группа психологов во главе с А.В. Запорожцем [3] провела эксперимент, выявляющий зависимость качества восприятия детьми литературной сказки от степени правдоподобия описываемых в ней событий. В результате было выяснено, что дети положительно относятся к тому что действующие лица, животные и предметы попадают в различные «несуществующие положения», сохраняя при этом характерные для них внешние свойства, однако, искажение типичных свойств предметов или нарушение характера производимых с ними действий вызывает недоверие ребенка к сказке. Таким образом, знание о вымышленном объекте связано со знанием нормах действительности, и оценка правдоподобия основывается на личном опыте реципиента. Следовательно, необходимо, чтобы вымышленный мир сказки в значительной мере соответствовал представлениям реальности, а высокая степень правдоподобия сказочного текста является его обязательной характеристикой.

Психолог Р.М.Ткач [6.С.7] придерживается мнения, что для успешного воздействия на психическое и интеллектуальное развитие ребенка в литературной сказке должны быть представлены: (1) проблемы идентичные проблеме ребенка, но не имеющие с ней прямого сходства, (2) замещающий опыт, настраивающий на правильный выбор в решении проблемы (3) сказочный сюжет, который разворачивается в определенной последовательности.

По мнению В.Ю.Клейменовой [5.С.87], высокой степени правдоподобия суб-мира сказки в реальной литературной коммуникации можно достичь благодаря его структурному изоморфизму и изофункциональности действительному миру. Необходимо, чтобы фикции [5], включенные в мир сказки, выполняли роль убеждения читателя в правдоподобности описываемого.

Для достижения эффекта правдоподобия особенно важны предметы или артефакты, представленные в виде вымышленных аналогов реальных объектов, заполняющие сказочное пространство, задавая границы в пространстве и времени текста. Объективная реальность представляется ис-

точником предметно-фактической информации, а реальность, описанная в тексте, – в виде продукта деятельности творческого сознания, основанного на представлениях о вещах, расположенных в их в ментальном аналоге физического пространства и в разной степени отстраненных от реальности. Лингвистические средства объективации этих фрагментов вымышленной реальности отражают семантическую структуру языка и позволяют адресату произведения познавать новый мир: читатель, с одной стороны, узнает знакомые из опыта характеристики эмпирических аналогов, с другой стороны, открывает различия между ментальным миром и реальностью.

Лексические единицы, называющие «артефакты», способны репрезентировать ментальное пространство определенной эпохи и выполнять функцию контекстуальных маркеров времени, что определяется общностью знаний и мировоззрений автора и читателя. Ментальный мир художественного текста наполнен бытовыми деталями пространства повседневной жизни персонажей. «Хорошая книга переносит читателя на период чтения в конкретное время и место. Задача писателя – создать вещественное наполнение, определяющее это окружение» [8.С.204].

На основании признака правдоподобия все вещи могут быть подразделены на 3 группы [5]: (1) абсолютно правдоподобные, характеризующиеся изоморфизмом и изофункциональностью, выраженные узуальными лексемами, (2) частично правдоподобные, обретающие, наряду реальными и дополнительные характеристики, обозначенные узуальными лексическими единицами, которые получают контекстуальное приращение смысла, и (3) фантастические или неправдоподобные, функционал которых не совпадает с реальным, а наименование сохраняется, но с изменениями в комбинаторике.

В тексте бытовой анималистической сказки М. Бонда бытовые детали позволяют достаточно точно определить время и место действия историй о медвежонке. Речь идет о Лондоне 40-х – начала 50-х годов, что характеризуется появлением в домах среднего класса бытовой техники (телевизоров, стиральных машин), возможностью покупать автомобили и отдыхать на Континенте. Такая обстановка становится реальной повседневностью для англичан на рубеже 40-50-х гг., после окончательной ликвидации последствий войны.

Стилистический эффект контраста создается при помощи использования в сказке состояний-антонимов. Подчеркнутое неряшество Паддинг-

тона противопоставляется чистоте в доме Браунов. Первый предмет, который встречается измазанному Паддингтону на пути к новому дому, это до блеска вычищенный почтовый ящик (the brightly polished letter box). Далее упоминаются вымытая посуда, вычищенный ковер, чистое полотенце (washed dishes, made up carpet, clean towel). Контраст между чистотой дома и неряшливым видом Паддингтона выражен в речи персонажа эксплицитно. “Mercy me,” exclaimed Mrs. Bird. “I wish you’d told me. I haven’t put clean sheets in the spare room or anything.” She looked down at Paddington. “Though judging by the state he’s in, perhaps that’s as well.”

Сам Паддингтон впервые появляется перед семьей Браунов в очень грязном и нелепом виде: It was brown in color, a rather dirty brown, and it was wearing a most odd-looking hat, with a wide brim. В описании медведя использованы слова противоположные по значению лексемам с семой «чистота»: brown, dirty.

Описание состояния медведя после посещения ванной имплицирует изофункциональность данного помещения в сказке и реальности. Контраст «до и после» выражен антонимическими повторами: brown in color, a rather dirty brown и really quite light in color and not dark brown as it had been, эффект чистоты усиливается с помощью перечисления: new brush, soft and silky.

Описательные элементы gleamed и had lost all traces of the jam and cream представлены в тексте через запятую, в качестве синонимов. Предложение «He was so much cleaner that everyone pretended not to recognize him» подчеркивает гипербализированность обоих состояний – ужасно грязного и блистающего чистотой. В результате создается комический эффект и раскрывается образ главного персонажа, который стремится соответствовать нормам поведения, принятым в семье.

Положительные изменения в облике медвежонка затрагивают и предметы его гардероба, каждый из которых представлен в тексте узуальной лексической единицей и наделен максимальной степенью правдоподобия: во время знакомства медвежонок учтиво приподнимает «страшно-смешную», «нелепую широкополую» шляпу. Seeing that something was expected of it, the bear stood up and politely raised its hat, revealing two black ears.

Именно нелепый и неопрятный вид шляпы, которой очень дорожит медвежонок, вызывает негативное отношение окружающих к головному

убору. Аксиологическое правдоподобие представлено эксплицитно. The man in the gentlemen's outfitting department at Barkridges held Paddington's hat at arm's length between thumb and forefinger. He looked at it distastefully; The salesman shuddered slightly and, averting his gaze, placed the offending article on the far end of the counter.

Использованные лексические единицы реализуют в тексте свои словарные значения, что подчёркивает правдоподобие характеристик данного объекта. С помощью миссис Браун на смену старой шляпе приходит шерстяной берет, ценность которого, по мнению персонажей, определяется тем, что он закрывает уши и позволяет проявлять учтивость.

He found the beret was a little difficult to raise, as his ears kept the bottom half firmly in place. But by pulling on the pom-pom he could make it stretch quite a long way, which was almost as good. It meant, too, that he could be polite without getting his ears cold.

Таким образом, лексема «beret» получает контекстуальное приращение смысла и функционально приравнивается к шляпе, снятие которой во время приветствия символизирует хорошее воспитание. Неправдоподобие данного объекта заключается в приписывании ему характеристик, противоречащих реальности. По правилам этикета берет не снимают, приветствуя собеседника.

Описание предметов обстановки в доме Браунов строится на контрасте с ростом медвежонка (большой-маленький), сравнение мебели – на противопоставлении (много-мало): big/large – small, tall – short, much – not much.

Среди вещей, принадлежащих Паддингтону, есть несколько южноамериканских монеток – сентаво. Paddington looked at the drawer and then at his suitcase. "I don't seem to have very much. <…> And some centavos—they're a sort of South American penny."

Правдоподобие данных объектов представлено не только использованием узуального имени существительного, но и текстовой дефиницией редкого слова. Учет фактора адресата (не всем детям известны названия экзотических денежных единиц) позволяет автору приблизить мир сказки к миру читателя. Однако функция монеток в мире Паддингтона является неправдоподобной – медвежонок их чистит, но не использует для покупок. "Oh, I keep them polished," said Paddington. "I don't spend them." [7]

Вещи Паддингтона, с точки зрения англичанина, проживающего в Лондоне, являются бесполезными, особенно на фоне реалистичного описания быта Браунов. Однако, принимая во внимание, что Паддингтон является иностранцем, принцип правдоподобия не нарушается.

В мире сказки продукты питания представлены как источник восторга, радости и главная мера удовольствия главного персонажа. «Хватило бы на целых 6 булочек!» – восклицает он, с горечью думая о потраченных деньгах [1]. На предложение директора магазина одежды, пожелавшего отблагодарить Паддингтона за успешную рекламу заведения и подарить любую вещь, какую медвежонок только пожелает, Паддингтон не задумываясь, просит большую банку варенья: “Please,” he said. “I’d like one of those jars of marmalade. One of the big ones.” [7].

В то же самое время еда является постоянным источником проблем и неловких ситуаций, вызванных неправильным обращением с продуктами. В тексте представлена устойчивая последовательность изображенных ситуаций «Еда-удовольствие» - «Еда-неловкость/проблема». Например, во время знакомства с Браунами медвежонок испытывает удовлетворение при виде вкусных пирожных, а затем «влипает в пирожную историю».

Радость по поводу вкусного угощения выражена лексемой glad, проблема описывается рядом глаголов с семой «падение»: He slipped on a patch of strawberry jam …and promptly stepped into Mr. Brown’s cup [7].

Таким образом, можно заключить, что описание еды в сказке является средством достижения правдоподобия сказочного мира: все, что ест Паддингтон и другие персонажи, может присутствовать в обычном рационе и вызывать приятные эмоции, однако при взаимодействии с главным персонажем еда приобретает несвойственные ей функции и ассоциируется с неправдоподобно яркой радостью и различного рода проблемами и неудобствами.

Сказочный сюжет сказки помещен в условия повседневности и объективирован привычными вещами реального быта; волшебство при этом органично сочетается с окружающей реальностью, становясь нормой ментального мира.

Литература

1. **Бонд, М.** Всё о медвежонке Паддингтоне. – СПб., 2008. – С. 160.

2. **Женетт, Жерар.** Фигуры: Работы по поэтике:[В 2 т.] : пер. с фр. / Жерар Женетт ; вступ. ст. С. Зенкин ; общ. ред. С. Зенкин . – М.: Изд-во им.Сабашниковых, 1972.

3. **Запорожец, А. В.** Том 1 : Психическое развитие ребенка / А.В. Запорожец. – Москва: Педагогика, 1986. – 318 с.

4. **Карасик, В. И.** Языковые ключи / В. И. Карасик. - Волгоград: Парадигма, 2007. – 520 с.

5. **Клейменова, В. Ю.** В гостях у Гарри Поттера: фикциональный мир английской литературной сказки. Псков: Изд-во ПсковГУ, 2014. – 178 с.

6. **Ткач, Р. М.** Сказкотерапия детских проблем. – СПб.: Речь; М.: Сфера, 2008. – 118 с.

7. **Bond, M.** A Bear Called Paddington / M. Bond. – London: HarperCollins, 2003. – P. 159.

8. **Rozelle, R.** Write Great Fiction: Description and Setting / Writer's Digest Books. Ohio, 2005. – 212 p.

В.Ю. Клейменова
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВЕРОЯТНОСТНОГО ЗНАНИЯ В МЕДИА ТЕКСТЕ

Аннотация

Средства хеджирования, т.е. языковые единицы, которые обеспечивают смягчение категоричности высказывания в ситуации недостатка информации, выполняют в медиа тексте суггестивную функцию: симультанного воздействия, убеждения, манипуляции. Автор не уверен в истинности пропозиции, так как полный объем данных ему недоступен, и сигнализирует читателю о вероятностном характере передаваемого знания. Такая коммуникативная стратегия позволяет автору дистанцироваться от «сомнительной» информации и избежать ликоущемляющих ситуаций, обеспечивает активное участие адресата в процессе коммуникации. Именно читатель, опираясь на использованные в тексте средства хеджирования, принимает решение о степени достоверности сообщаемого. Однако, выбор

фрагмента действительности, истинность которого ставится под сомнение, определяется не столько индивидуальными предпочтениями пишущего, сколько социальным заказом на формирование системы ценностей и поведенческих ориентиров современного социума.

Ключевые слова: *хеджирование, вероятностное знание, пропозиция, медиа текст*

PROBABILISTIC KNOWLEDGE REPRESENTATION IN MEDIA TEXT

Abstract

Hedges, i.e. linguistic units of content or illocutive power mitigation, have suggestive function in mediatexts. They influence, convince, and manipulate the reader simultaneously. Due to the lack of information the author isn't sure of the proposition truth value and signals the probabilistic nature of the transferred knowledge. This strategy enables the speaker to stay apart from the ambiguous information and to avoid facethreatening situations, it ensures the reader's active part in communication. It is the reader who uses the hedges to make the decision on the truth value and believability of the content. However, the choice of the likely believable object or situation doesn't only depend on the author's individual choice but on the current social evaluation and behavior patterns.

Key words: *hedging, probabilistic knowledge, proposition, media text*

Современный медиа текст существует в двух формах: бумажной и электронной, что обеспечивает ему широчайший охват читательской аудитории и предоставляет автору поистине безграничные возможности в распространении информации, которая, в силу разных причин, предоставляется ему заслуживающей внимания адресата. Исследование выполнено на материале статей, размещенных на сайтах британских изданий The Sun и The Daily Mail, популярность которых не вызывает сомнения: сайт The Daily Mail был признан в 2014 году самым посещаемым в мире, а сайт The Sun ежедневно читают примерно 7,7 млн. человек. Следовательно, информация, представленная на страницах этих газет, обладает значительными потенциальными возможностями в оказании завуалированного воздействия на массового читателя. В медиа тексте представлена информация различных типов, но в данной статье рассматриваются лексические сред-

ства смягчения категоричности высказываний, репрезентирующих содержательно-фактуальную информацию, которая «содержит сообщение о фактах, событиях, процессах, происходящих, происходивших, которые будут происходить в окружающем нас мире, действительном или воображаемом» [1, с. 27].

Знание человека об окружающей действительности принято разделять на достоверное и вероятностное (см. работы А.Ф. Лосева, Я. Хинтикка), эти разновидности, с одной стороны, представляют собой взаимодополняющие и взаимообусловленные области результатов когнитивной деятельности человеческого сознания, с другой – противопоставлены друг другу по признаку соответствия познаваемому объекту. Именно степень соответствия, а не просто вопрос о «да» или «нет», с точки зрения Р. Карнапа, является важнейшей проблемой при изучении формальных систем в проблемном поле семантики [2, с. 319]. Такой подход постулирует имманентную неполноту наших знаний об элементах/ситуациях действительности и позволяет рассматривать репрезентированную языковыми средствами модель действительности не как реплику объекта познания, а как вероятностную интерпретацию. Объективированная в медиатексте модель действительности характеризуется обобщенностью – из нее исключаются те фрагменты моделируемого объекта, которые не соответствуют авторской стратегии описания [3, с. 69]. Представленная на сайте трактовка событий характеризуется не абсолютной истинностью, а внутренней непротиворечивостью изложения в пределах системы координат, заданной принятой в социуме системой аксиом и доказательств.

Традиция рассматривать вероятностное знание как предположительное идет еще от Аристотеля, а Ч. Пирс, вводя в научный обиход понятие фаллибилизм, писал о гипотетическим характере всякого знания. «Мы никоим образом не способны достичь достоверности и точности. Мы никогда и ни в чем не можем быть уверены до конца, а равно относительно какой угодно вероятности удостоверить точную значимость какой-либо меры или общего отношения… Фаллибилизм не говорит, что люди не способны достичь верного знания того, что создано умом. Он этого не утверждает и не отрицает. Он говорит только, что для человека недостижимой является абсолютная достоверность во всем, что имеет отношение к фактам» [4, с. 120-121].

Вероятностное знание как репрезентация действительности воспроизводит ее с некоторой степенью достоверности, предполагает множественность вариантов интерпретации, может выступать в качестве достоверного знания, так как предлагает более или менее подробное описание действительности [5, с. 14-15].

В медиатексте вероятностный характер знаний является двойственным и определяется наличием двух антропоцентров: во-первых, автор, не обладающий всей полнотой информации, приписывает объекту/ситуации «условные», вероятностные свойства, во-вторых, читатель, исходя из собственных пресуппозиций в оценке данных, интерпретирует явленное. Причем ни один из участников процесса коммуникации не свободен от влияния существующих в социуме политических и аксиологических установок. В силу этого, прагматические цели репрезентации вероятностного знания в медиа текстах специфичны. Если в научном дискурсе роль вероятностного знания сводится к предъявлению гипотез, призванных объяснить окружающую действительность и сформулировать возможные теоретические основы ее преобразования, то в медийном речь идет о формировании общественного мнения, о навязывании определенной точки зрения, о манипуляции индивидуальным сознанием.

Лингвистическими средствами репрезентации вероятностного характера знания являются хеджи – маркеры выражения некатегоричности, то есть специфические термины, структуры или просодические формы которые «говорящий включает в свое высказывание <…> и, таким образом, сигнализирует либо о неполной уверенности в том, что выражение или термин полностью соответствует требованиям, предъявляемым к членам данной категории, либо о намеренном изменении иллокутивной силы высказывания» [6, с. 201]. Элементы хеджирования маркируют границу между достоверным и вероятностным знанием, они создают у читателя иллюзию свободы выбора одной из предлагаемых версий причинно-следственных связей, обусловивших то или иное событие.

Например, в статье, опубликованной в газете The Sun, автор рассматривает предлагаемые экспертами причины атаки дронов на аэропорт Гатвик и эксплицитно выражает вероятностный характер знания, используя (1) лексические единицы, в семантической структуре которых содержится элемент «probability» (*theory, possibility, likely*); (2) модальные глаголы со значением «возможность, сомнение» (*could, may*); (3) глаголы мен-

тальной деятельности, в семантической структуре которых есть элемент «*evaluation of variants*» (consider, suggest); (4) предикативные единицы, репрезентирующие незавершенность процесса познания (*what we know so far*) [7]. Читателю предлагается на выбор несколько вариантов портрета злоумышленника (обиженный из-за увольнения бывший сотрудник, активист экологического движения, любитель подразнить полицию, русский хакер и т.д.), но явное предпочтение отдается последней. Несмотря на то, что каждая версия изложена в отдельном графически оформленном разделе статьи, в сильной позиции (завершающие строчки) представлена точка зрения авторитетного политика, который, не обвиняя Россию в связи с террористами напрямую, возлагает именно на эту страну вину за произошедшее.

"Russia, of course, has engaged in the most horrendous activity in Salisbury but that didn't involve modern technology.

"But yes, I'm afraid to say that there is a risk that this could be in some way, if not state sponsored, certainly sponsored by a terrorist group." [7].

Более того, последовательное расположение категорического утверждения о вине России в отравлении Скрипалей и обильно хеджированного утверждения о связи пилотов дронов с террористами обеспечивает контекстуальное приращение смысла. Хулиганский поступок, о котором шла речь в статье, превращается в глазах читателя в террористический акт, а ответственность за его совершение возлагается на конкретную страну. Вероятностное знание в этой ситуации воспринимается как достоверное.

Аналогичные языковые средства были использованы и на сайте The Daily Mail, в статье, посвященной информационному противостоянию России и Великобритании в освещении печально известного инцидента в Солсбери, а также роли компании Russia Today (RT) в этом процессе. Многочисленные маркеры хеджирования (*the Kremlin's version of events, likely to store up trouble, want their viewers to believe, etc.* [8]) создают у читателя иллюзию того, что излагаемое автором знание носит вероятностный характер и возможны иные трактовки событий, иное отношение к информации, передаваемой RT. Однако, выбор места и времени изложения точки зрения (празднование по случаю Всемирного дня свободы прессы в Аддис-Абебе, Эфиопия), а также неоднократное использование категоричных утверждений о лживом характере сообщений некоторых, не называемых напрямую компаний (например, *weapons of disinformation, deliberately sow lies* [8]) придает тезису «RT доверять нельзя» аксиоматический характер.

В сильной позиции (завершающие строчки) отказывается от приема цитации, которым пользовался в статье и передает мнение выступающего в косвенной речи.

Mr Hunt declined to say whether RT should be closed down, saying it was a matter for regulator Ofcom. [8]

Категоричность высказывания смягчается словосочетанием *decline to say*, значение которого предполагает уклонение от однозначного ответа на поставленный вопрос. Такой выбор лексических единиц, казалось бы, оставляет за читателем право самостоятельно определить, какой ответ, положительный или отрицательный, мог бы быть дан на вопрос о запрете деятельности компании RT в ситуации, декларируемой в статье свободы прессы. Однако уклончивость говорящего приводит к обратному коммуникативному эффекту: читатель понимает, что RT должна быть закрыта и для достижения этой цели будет использован административный ресурс – Управление коммуникации и общественной информации (Ofcom – Office of Communications), которое с 2003 года контролирует содержание программ, транслируемых на территории Великобритании. В то же время хеджирование позволяет говорящему дистанцироваться от предлагаемого решения проблемы, оставляя знание читателя, почерпнутое из статьи, в области вероятностного.

В заключение следует сказать, что в медийном тексте языковые средства репрезентации вероятностного знания являются хеджами, которые смягчают категоричность высказывания и формируют его модальную и иллокутивную составляющие. У адресата возникает иллюзия самостоятельности в принятии решения о принадлежности представленной информации к области достоверного или вероятностного знания, что, в свою очередь, позволяет автору оказывать завуалированное воздействие на читателя.

Литература

1. **Гальперин, И.Р.** Текст как объект лингвистического исследования [Текст] / И.Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 139 с.

2. **Карнап, Р.** Значение и необходимость. Исследования по семантике и модальной логике [Текст] / Р. Карнап. – М.: Изд-во иностр. лит., 1959. - 384 с.

3. **Клейменова, В.Ю.** В гостях у Гарри Поттера: фикциональный мир английской литературной сказки [Текст] / В.Ю. Клейменова. – Псков: Изд-во ПсковГУ, 2014. – 176 с. – ISBN 978-5-91116-312-9.

4. **Пирс, Ч.** Принципы философии. Т.1. [Текст] / Ч. Пирс. – СПб: С.-Петерб. филос. о-во, 2001. – 224 с. – ISBN 5-93597-012-0.

5. **Тимофеев С.Л.** Вероятностное знание в системе научного постижения действительности [Текст]: автореф. дис. на соискание науч. степени канд. философ. наук: спец. 09.00.08 «Философия науки и техники» / Тимофеев Сергей Леонидович. – Красноярск, 2009. – 20 с.

6. **Fraser, B.** Hedging in Political Discourse. – http://www.bu.edu/wheelock /files/ 2010/10/2010-Hedging-in-Political-Disciourse-The-2007-Bush-Press-Conferences.pdf (дата обращения: 15.02.2019).

7. [Электронный ресурс]. URL: https://www.thesun.co.uk/news/ 8050433/ gatwick-airport-drone-theories/ (дата обращения: 28.04.2019).

8. [Электронный ресурс]. URL: https://www.dailymail.co.uk/ wires/pa/article-6984373/Hunt-condemns-Russian-weapons-disinformation-Salisbury-attack.html (дата обращения: 03.05.2019).

А.А. Спирина, Т.И. Койкова
Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ БРИТАНСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ

Аннотация

Целью данной работы является рассмотреть понятие дискурс в современной лингвистике, изучить когнитивно-дискурсивные подходы в британской публичной речи. Рассматриваются проблемы структурного разнообразия дискурса и использование когнитивных аспектов в публичной речи деятелей Великобритании. Повышенный интерес к проблеме разграничения текста и дискурса в рамках изучения современной лингвистики обуславливает актуальность данного исследования. В статье описываются когнитивные средства, которые используют публичные деятели Великобритании. Данная работа также посвящена когнитивному анализу англо-

язычного политического дискурса, актуального в современном информационном обществе. Необходимость изучения речей, произнесенных мандаринами государственной службы, обусловлена необходимостью знать механизмы, посредством которых значения формируются в таких текстах. Исследование также важно, чтобы выяснить некоторые скрытые значения и устройства, используемые авторами для убеждения их политической аудитории.

Ключевые слова: *дискурс, анализ, публичная речь, когнитивных подход, лингвистика*

COGNITIVE-DISCURSIVE APPROACH TO ANALYSIS OF BRITISH PUBLIC SPEECH

Abstract

The purpose of this paper is to examine the concept of discourse in modern linguistics, to study cognitive-discursive approaches in British public speech. The problems of the structural diversity of discourse and the use of cognitive aspects in the public speech of British leaders are considered. The increased interest in the problem of the distinction between text and discourse in the study of modern linguistics determines the relevance of this study. The article describes the cognitive tools that are used by British public figures. This work is also devoted to the cognitive analysis of the English-language political discourse relevant in a modern information society. The need to study the speeches delivered by the tangerines of the civil service is due to the need to know the mechanisms by which meanings are formed in such texts. The study is also important to find out some hidden meanings and devices used by the authors to convince their political audience.

Key words: *discourse, analysis, public speech, cognitive approach, linguistics*

Дискурс – речь, процесс языковой деятельности; способ говорения. Термин, имеющий множество значений в гуманитарных науках. Дискурс прямо или косвенно связан с подробным изучением функций языка [2, с. 137]. Термин дискурс используется в таких дисциплинах как лингвистика, литературоведение, социология, философия [3]. В данной статье особое внимание будет уделено использованию термина «дискурс» в лингвистике.

В современной лингвистике термин «дискурс», схож по смыслу к понятию «текст» [4, с. 308]. В то же самое время понятие «дискурс» подразумевает динамический, разворачивающийся во времени характер во время языкового общения; в то время как понятие «текст» рассматривается преимущественно как статический объект, результат языковой деятельности. Иногда в понятие «дискурс» включается одновременно две составляющие: и языковой процесс, вписанный в ее социальный контекст, и ее результат (т.е. текст); именно такому толкованию отдается предпочтение.

Когнитивно-речевые стратегии включают в себя обобщение, приведение примера, исправление, усиление, уступку, повторение, контраст, смягчение, сдвиг, уклонение, предположение, импликацию, предположение и речевую речь. В данной статье представлен анализ одного из выступления Терезы Мэй. Тереза Мэй стала премьер-министром Великобритании в конце 2016 года из-за отставки Дэвида Кэмерона.

1) Одна из наиболее заметных черт политической речи премьер-министра – ее высказывания от первого лица – «я» и «мы». Это стратегия самопрезентации. В то же время это свидетельствует о личном участии и участии оратора в судьбе ее страны. Использование этих местоимений показывает, что миссис Мэй принимает личную ответственность за процветание и благополучие своей страны. Например: «Я здесь сегодня, чтобы изложить свое видение будущего экономического партнерства между Соединенным Королевством и Европейским союзом».

2) Прибегая к тактике персонализации, политик представляет себя не только как личность, но и как представитель нации, которая принимает близко к сердцу сложную ситуацию в стране. Эта стратегия обязательно вызовет отклик у слушателей и увеличит эффект убеждения.

«Покинув Европейский Союз, мы наладим новую смелую позитивную роль для себя в мире и сделаем Великобританию страной, которая работает не для немногих привилегированных, а для каждого из нас».

3) Объясняя, почему ей нужна сделанная на заказ модель для Британии после Brexit, Мэй полагается на такие стратегии, как повторение и контраст (мы, то есть Великобритания против ЕС):

«Но эти варианты означают значительное сокращение нашего доступа к рынкам друг друга по сравнению с тем, что мы в настоящее время наслаждаемся. И это будет означать таможенные и нормативные проверки на границе, которые повредят интегрированные цепочки поставок, от ко-

торых зависят наши отрасли, и не будут соответствовать обязательствам, которые мы и ЕС взяли на себя в отношении Северной Ирландии».

Таким образом, у нас все основания утверждать, что лингвистическую личность Терезы Мэй можно охарактеризовать ораторскими навыками высокого профессионализма. Ее речь выразительна и эмоциональна, и она хороша во всех отношениях, чтобы убедить свою аудиторию.

Дискурсивный когнитивный анализ является одним из наиболее эффективных методов изучения речей политиков. Этот метод дает возможность исследовать лингвистические и психологические особенности межкультурного общения политиков.

Литература

1. **Арутюнова, Н.Д.** Дискурс. Речь // Лингвистический энциклопедический словарь / глав. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2002. – С. 136-137.

2. **Кожина, Н.М.** Дискурсивный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций // Текст – Дискурс – Стиль: Сборник научных статей / Отв. ред. В. Е. Чернявская. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2004. – С.9-33.

3. **Кибрик, А. А., Плунгян, В.А.** Функционализм // Фундаментальные направления современной американской лингвистики / Под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. А. Секериной. – М.: МГУ, 1997. – С. 276-339.

4. **Формановская, Н. И.** Речевое воздействие: коммуникация и прагматика. – М.: Изд-во «ИКАР», 2007. – 480 с.

Ю.В. Маркевич
Кубанский государственный технологический университет

ПОНЯТИЙНЫЕ ПРИЗНАКИ В СЕМАНТИЧЕСКОМ СОСТАВЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА «СОВЕСТЬ» (НА МАТЕРИАЛЕ НАУЧНОГО ДИСКУРСА)

Аннотация

Статья исследует понятийную составляющую лингвоконцепта совесть на материале дефиниций философских и энциклопедических слова-

рей, трудов философов и словарей афоризмов. Среди видовых признаков выделяются следующие: априорность, рефлексивность, судебная функция, способность контролировать, рациональность, эмоциональность, деонтологичность, личностный характер, относительность, независимость, эволютивность, перфекционизм, амбивалентность. Некоторые признаки являются взаимоисключающими, что обусловлено развитием представлений о совести в истории этики. В работе представлена семантическая модель совести в научном сознании.

Ключевые слова: *лингвоконцепт, совесть, понятийная составляющая, научный дискурс*

NOTIONAL COMPONENT IN SEMANTIC COMPOSITION OF LINGUISTIC CONCEPT *CONSCIENCE* (IN SCIENTIFIC DISCOURSE)

Abstract

The article studies notional component of *conscience* in the definitions of philosophical dictionaries, encyclopedias, dictionaries of quotations and in the works of philosophers. The analysis shows the following specific indicators of the concept: apriority, reflexivity, judicial function, ability to control, rationality, deontology, personal character, relativity, independence, evolution, perfectionism, ambivalence. Some indicators are conflicting which is due to the evolution of the concept *conscience* in the history of ethics. The paper compiles a semantic model of *conscience* in the scientific realization.

Key words: *concept, conscience, notional component, specific indicator, scientific discourse*

В течение многих столетий вопрос «Что такое совесть?» тревожит умы философов, теологов, социологов, психологов и всех тех людей, которым не безразличны вопросы морали и этики. Начиная с истории древнего мира и до наших времен, совесть остается объектом непрекращающихся дискуссий. Она занимает ключевое место в христианской этике, но впервые совесть проявляется еще в древнегреческой мифологии в образе эриний, богинь проклятья и мести, карающих преступников. Вопрос о личной совести индивида впервые поставил Сократ, а в новое время совесть приобрела большое значение в этике, когда она стала центральным вопросом в идеологии Реформации. Далее совесть стала объектом исследования фило-

софов разных направлений: о ней рассуждали Спиноза, Руссо, Локк, Гольбах, Кант, Фихте, Гегель, Фейербах, Ницше, Фрейд, Хайдеггер, Маркс и многие другие. В языкознании вопрос совести исследовался Ю.Д. Апресяном, Н.Д. Арутюновой, В.И. Карасиком, В.В. Колесовым, М.В. Пименовой, Ю.С. Степановым и др. Совесть является одним из ключевых лингвокультурных концептов в русской картине мире.

Задача данной работы выделить понятийные признаки лингвоконцепта совесть. Составными частями любого лингвокультурного концепта являются его понятийная, образная, ценностная и значимостная составляющие. В них отражается смысл соответствующих дисциплин. Понятийная составляющая отражает рациональность представления смысла, имеющая отношение к логике, образная составляющая указывает на метафоричность и эмотивность этого представления, имеющее отношение к психологии, ценностная составляющая отражает аксиологичность этого представления, восходящую к философии, значимостная составляющая показывает его вербализованность, которая определяется знаковой системой конкретного языка [2, с. 20].

Дефиниционный скелет лингвокультурного концепта образует его понятийная составляющая. Ее наполнение может быть осуществлено из словарных толкований членов лексического ряда, которые вербализуют концепт, а также при помощи дефиниций, содержащихся в научных текстах (статьях, монографиях, специализированных словарях, если исследуемый концепт уже попал в поле зрения специалистов в области этики, психологии, философии, культурологи и других дисциплин) [3, с. 10].

Совесть относится к концептам высшей степени абстрагированности, которые в большинстве своем являются аналогами базовых философских категорий. На основе словарных статей философско-этических и энциклопедических словарей возможно выделить понятийные признаки лингвоконцепта совесть. Подобные словари, разумеется, дают то представление о понятии, которое закрепилось в научном сознании на основе работ ученых и мыслителей, философов и публицистов вне зависимости от их национальной принадлежности и языковой картины мира. Эти признаки отражают общечеловеческое научное представлении о совести. Для анализа нами использовались философские и энциклопедические словари (Ивин 2004; Ильичев 1983; Константинов 1960-1970; Степин 2000; Кон 1981; БСЭ 1969-1978), а также онлайн сборники афоризмов.

Совесть, как известно, является категорией этики, и, тем самым, принадлежность к этическим категориям является родовым признаком концепта. Рассмотрим понятийные признаки совести в философских текстах, обращаясь к словарным статьям и цитатам известных философов.

Словарные статьи описывают совесть как категорию этики, характеризующую способность личности осуществлять моральный самоконтроль, самостоятельно формулировать для себя нравственные обязанности, требовать от себя их выполнения и производить самооценку совершаемых поступков. *Совесть выражает абсолютное право субъективного самосознания, а именно знать в себе и из себя самого, что есть право и долг, и признавать добром только то, что она таковым знает…* (Гегель) – признак рефлексивности и волевой признак.

Совесть проявляется в форме разумного осознания нравственного значения совершаемых действий: *Совесть ведет свое происхождение от знания или связана со знанием, но она обозначает не знание вообще, а особый отдел или род знания – то знание, которое относится к нашему моральному поведению и нашим добрым или злым настроениям и поступкам.* – признак рациональности (Фейербах).

Совесть проявляется в виде эмоциональных переживаний, например, в чувстве угрызений совести или в состоянии спокойной совести. *Чрезмерно чуткая совесть означает, что человек столь высоко оценивает свое нравственное «я», что уже ничего себе не прощает. Такая совесть делает людей ипохондриками, если, конечно, ее не уравновешивает энергичная деятельность*. (Гёте) *Так как воля не подчинена времени, то угрызения совести не проходят со временем, как проходят другие страдания. Злодейство угнетает совесть даже по прошествии многих лет так же мучительно, как непосредственно после совершения его* (Шопенгауэр) – признак эмоциональности.

Совесть – это субъективное осознание личностью своего долга и ответственность перед собой и обществом: *Самую сильную черту отличия человека от животных составляет нравственное чувство, или совесть. И господство его выражается в коротком, но могучем и крайне выразительном слове «должен»* – признак деонтологичности (Дарвин)

Руководствуясь личной совестью, человек судит свои поступки и выносит себе приговоры от своего личного имени: *Сознание внутреннего судилища в человеке («перед которым его мысли обвиняют и прощают*

друг друга») есть совесть (Кант) – признак судебности и признак личностного характера.

В истории этической мысли совесть истолковывалась и как голос «внутреннего Я», проявление прирожденного человеку чувства: *Совесть не есть что-либо приобретаемое, не существует обязанности приобрести ее, но каждый человек, как нравственное существо, имеет в себе совесть от рождения* (Кант) – признак априорности.

Однако благодаря внешнему влиянию совесть имеет возможность развиться или совсем заглохнуть: *Наши угрызения совести являются необходимыми следствиями нашего темперамента, вместе с теми изменениями, которые вносит в нас окружающее нас общество* (Гольбах) – признак эволютивности.

В отличие от страха (перед авторитетами) и стыда (в котором также отражается осознание человеком своего несоответствия неким принятым в обществе нормам), совесть представляется как нечто автономное, не ориентированное на самосохранение и благополучие индивида, на принятые групповые нормы, ожидания окружающих и мнение авторитета: *Нравственное чувство и нравственные идеи в настоящем смысле слова совершенно не зависят от идей и чувств… вытекающих из внешнего авторитета – религиозного, политического или социального. Истинное нравственное сознание, которое мы называем совестью, не сообразуется с внешними результатами поведения, принимающими форму похвалы или порицания, награды или наказания, налагаемых извне* (Спенсер) – признак независимости.

С другой стороны, философские словари фиксируют в совести обобщенный и интериоризированный голос значимых других и культуры, что делает содержание совести культурно и исторически изменчивым. Дж. Локк: *...если мы бросим взгляд на людей, каковы они есть, то увидим, что в одном месте одни испытывают угрызения совести из-за совершения или несовершения поступков, которые другие в другом месте считают достойными.* К. Маркс доказывал, что совесть имеет общественное происхождение, определяется условиями социального бытия и воспитания человека: *У республиканца иная совесть, чем у роялиста, у имущего – иная, чем у неимущего, у мыслящего – иная, чем у того, кто неспособен мыслить* – признак относительности/зависимости от общества.

В качестве нравственного регулятива совесть возвышается над разного рода благоразумными и конъюктурными предостережениями, ориентирует на достижение совершенства и выражает ответственность человека перед самим собой как субъектом высших и общезначимых ценностей и требований: *Совесть не дает человеку никаких обобщений; эти обобщения человек придумывает сам. Совесть указывает человеку прежде всего и больше всего на единый, нравственно лучший исход из данного жизненного положения: всеобщий рецепт совершенства извлекается из этого указания человеческим обобщающим рассудком* (Ильин) – признак перфекционизма.

Совесть трактуется негативно и позитивно. Как негативная совесть представляется предостерегающей, укоряющей, устрашающей, как позитивная совесть осознается как воля и призыв к совершенству, как проявление внутреннего освобождения личности: *Стремление к стаду древнее, чем притяжение собственного «Я»: и покуда добрая совесть означает волю стада, лишь дурная совесть скажет «Я»* (Ницше); *…Чистая совесть есть не что иное, как радость по поводу радости, причиненной другому человеку; нечистая совесть есть не что иное, как страдание и боль по поводу боли, причиненной другому человеку…* (Фейербах) – признак амбивалентности.

Следовательно, на основе философско-этических и энциклопедических словарей среди видовых признаков концепта совесть выделяются следующие: 1) априорность, 2) рефлексивность, 3) судебная функция, 4) волевой признак (способность контролировать), 5) рациональность (осознание), 6) эмоциональность, 7) деонтологичность, 8) личностный характер, 9) относительность/зависимость (от общества), 10) независимость (от принятых групповых норм, ожиданий окружающих и мнения авторитетов), 11) эволютивность, 12) перфекционизм, 13) амбивалентность.

Таким образом, семантическая модель совести, выстроенная на анализе представлений о ней в научном типе сознания выглядит следующим образом. Совесть – это способность человека осуществлять моральный самоконтроль, самостоятельно формировать для себя нравственные обязанности, требовать от себя их выполнение и производить самооценку совершаемых поступков. С одной стороны, совести приписывают врожденный характер, она автономна и независима от авторитетов, с другой стороны, совесть зависит от общественного воспитания, условий жизни и интересов

личности. Совесть – это внутренний диалог, в котором в человеке спорят вечный судья с вечным защитником. Совесть – это субъективное осознание личностью своего долга и ответственность перед собой и обществом. Негативная совесть предстает укоряющей, предостерегающей и устрашающей, позитивная совесть осознается как воля и призыв к совершенству, как проявление внутреннего освобождения личности. Совесть может проявляться не только в форме разумного осознания нравственного значения совершаемых действий, но и в форме эмоциональных переживаний, например, в чувстве угрызений совести.

Литература

1. Афоризмы // Афоризмы и цитаты про совесть [Электронный ресурс]. URL: https://time365.info/aforizmi/temi/sovest

2. **Воркачев, С.Г.** Ex pluribus unum: лингвокультурный концепт как синтезное образование [Текст] / С.Г. Воркачев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2016. – Т. 20. – Вып. 2. – С. 17-30. – ISSN 2312-9182.

3. **Воркачев, С.Г.** Благодарность в лексикографическом представлении [Текст] / С.Г. Воркачев // Русистика без граници: Муждународно научно списание. – София, 2018. – Вып.1. – С. 8-14. – ISSN 2535-0390.

4. Большая советская энциклопедия. Том 1-30, 3-е изд. / Глав. ред. А. М. Прохоров. — М.: Сов. энциклопедия, 1969-78.

5. **Кон, И.С.** Словарь по этике. М.: Политиздат, 1981. – 430 с.

6. Новая философская энциклопедия / Научно-ред. совет: В. С. Стёпин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, А. П. Огурцов. – М.: Мысль, 2000. – Т. 1-4. – 2659 с.

7. Философская энциклопедия. В пяти томах. Автор: Константинов Ф.В. (гл. ред.) Издательство: Советская энциклопедия Год: 1960-1970. – 2996 с.

8. Философский энциклопедический словарь. Гл. ред. Ильичев Л.Ф., Федосеев П.Н., Ковалев С.М., Панов В.Г. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – 840 с.

9. Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.

Е.П. Марычева
Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В СОСТАВЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА «ORDNUNG»

Аннотация

Концепт “Ordnung” является составной частью концептосферы германского менталитета. Основные стереотипные ситуации функционирования фразеологических единиц, манифестирующих концепт “Ordnung”, отражают систему ценностных установок и определяют его прагматический аспект. Эти мотивационно-образные стереотипные ситуации определяют критерии положительной оценки поведения человека в обществе. Многие фразеологические единства характеризуются использованием эмоционально-окрашенных образов, что является интенциальным проявлением прагматического характера функционирования фразеологических единиц в составе лингвокультурного концепта “Ordnung”. Фразеологические единства в составе концепт “Ordnung” обладают собственными внутрилингвистическими прагматическими значениями, входящими в план их содержания. В статье делается попытка выявить и продемонстрировать на примерах определенный ценностный компонент фразеологизмов в составе концепт “Ordnung” в плане прагматики. Автор прослеживает связь прагматики с коннотативным значением фразеологических единиц, а также рассматриваются коммуникативные интенции субъекта речи.

Ключевые слова: *прагматика, коммуникативно-прагматическая лингвистика, коммуникативные интенции, коннотация, экспрессивный эффект высказывания, ценностная картина мира*

PRAGMATIC ASPECTS OF FUNCTIONING OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE COMPOSITION OF THE LINGUOCULTURAL CONCEPT “ORDNUNG”

Abstract

The concept “Ordnung” is an integral part of the conceptosphere of the German mentality. The main stereotypical situations of functioning of phraseo-

logical units, manifesting the concept “Ordnung”, reflect the system of values and determine its pragmatic aspect. These motivational-figurative stereotypical situations determine the criteria for positive assessment of human behavior in the society. Many phraseological units are characterized by the use of emotionally coloured images, which are the intential manifestation of the pragmatic nature of phraseological units in the linguocultural concept “Ordnung”. Phraseological units within the concept “Ordnung” have their own intra-linguistic pragmatic meanings included in their content. The article attempts to identify and demonstrate by examples a certain value component of phraseological units in the concept “Ordnung” in terms of pragmatics. The author traces the connection of pragmatics with the connotative meaning of phraseological units and examines the communicative intentions of the subject of speech.

Key words: *pragmatics, communicative-pragmatic linguistics, communicative intentions, connotation, expressive effect of utterance, value picture of the world*

«Фразеологические единства играют немаловажную роль в формировании языковой картины мира. Они содержат как культурные реалии, так и выражают эстетические представления народа, стереотипы, ценностные приоритеты» [1, с. 146].

Лингвокультурный концепт “Ordnung” является составной частью концептосферы германского менталитета и широко представлен в составе фразеологических единиц. Фразеологические единства в составе этого концепта представлены уже в трудах средневековых писателей, теологов, летописцев, проповедников, далее в трудах немецкой классической литературы, в произведениях современных немецких писателей, в текстах газет и журналов.

Целью данной статьи является изучение прагматических аспектов фразеологизмов, вербализующих концепт “Ordnung”, как фрагмента национальной культуры. Языковые знаки, коими в нашем исследовании является фразеологизмы в составе концепта “Ordnung” обладают определённой прагматикой (отношением к реципиенту). «Они могут производить на людей определённое впечатление, оказывать на них какое-то воздействие, вызывать ту или иную реакцию» [3, с. 63].

Представляется, что фразеологизмы в составе концепта “Ordnung” обладали в различные исторические эпохи и в настоящее время прагмати-

ческим потенциалом, который способствовал и способствует формированию «эстетических представлений и ценностных приоритетов» [2, с. 72]. Используемый языковой материал даёт контекстуальные репрезентации фразеологических оборотов с концептом «Ordnung», «которые связаны с коммуникативно-прагматической ситуацией их употребления и в значительной степени определяются коммуникативной интенцией субъекта речи» [2, с. 73].

Представление культурного концепта в языковом сознании в качестве «многомерной сети значений» подчеркивает особую роль фразеологизмов и паремий. В них особо ярко происходит вербализация концепта. В процессе выявления периферии концепта огромную роль играют устойчивые словесные комплексы (УСК) и паремии. Следует отметить, что мы придерживаемся широко понимания фразеологии и анализируем УСК всех видов, как образные УСК (фразеологизмы, идиомы) и как УСК, в которых образность отсутствует. Имя концепта активно используется в УСК, лишённых образности. Это устойчивые словосочетания: in Ordnung sein, alles in Ordnung, wieder in Ordnung sein, ganz in Ordnung sein.

Анализ УСК обнаруживает большое количество глаголов с именем концепта: haben, anhalten, halten, machen, wiederherstellen, sorgen, gehen, stören. Данные УСК могут быть подразделены на несколько семантических групп и представлять собой в системе моделирование концепта – концепты-элементы: создание порядка (Ordnung bringen); поддержание порядка (in Ordnung haben, Ordnung halten); нарушение порядка (Ordnung stören); восстановление порядка (Ordnung wiederherstellen); стремление к порядку (zur Ordnung rufen).

Имя концепта «Ordnung» активно используется в составе устойчивых словосочетаний. Например, die Ordnung im Staat erhalten, (букв. поддерживать в государстве порядок); in der alten Ordnung finden, (букв. находить все в прежнем порядке); Ordnung und Zucht, (букв. порядок и дисциплина).

В составе словосочетаний “Ordnung” используется также со следующими лексемами. Например, Ordnung und Fleiss (порядок и прилежание); Ordnung und Gesetz (закон и порядок); Ordnung und Subordination (порядок и субординация); Ordnung und Frömmigkeit (порядок и набожность); Pflicht und Ordnung (долг и порядок); Polizei und Ordnung (полиция и порядок); Ordnung und Reinlichkeit (порядок и чистота); das Gefühl der Stille, der Ordnung und Zufriedenheit (чувство тишины, порядка и удовлетворённо-

сти); Ordnung und Bequemlichkeit (уют и порядок); Wohlständigkeit und Ordnung (добропорядочность и порядок).

Анализ микротекстуального окружения имени концепта в художественных текстах позволяет уточнить его когнитивные признаки, а именно: «чёткая структура» (Subordination, Rang, Einteilung, Zeihe), «система» (Zusammenhang, Vollständighat), «ясность и точность» (Genauigkeit, Klarheit), «условие социального взаимодействия» (Gesetz, Polizei), «эмоциональная потребность» (Schönheit, Harmonie, Ruhe), «внешняя чистота» (Sauberkeit). Абсолютное большинство признаков заключают в себе эмоциональное, позитивное отношение к концепту, а также обнаруживают определённый ценностный компонент в плане прагматики.

Прагматический аспект концепта «Порядок» находит яркое выражение в произведении Й.Л. Эвальда «Назидательная книга для женщин всех конфессий» конца XVIII века, где он указывает на важность любви к порядку и связывает его с такими понятиями, как “Anstand” – приличие, “Wohlstand” –благополучие, “Sittlichkeit” – нравственность, “Alltagstugend” – повседневная добродетель.

Появляется устойчивое словосочетание “Ordnung und Reinlichkeit” в контексте педантичности и пунктуальности, как образных сравнений. Например, выражение: «Lieben pedantisch – pünktlich in Ordnung und Reinlichkeit als zu frei» (букв. Лучше педантично и пунктуально в порядке и чистоте, чем слишком свободно). В этом примере мы также наблюдаем интенцию как основную характеристику прагматического аспекта функционирования концепта «Порядок».

Анализируя пословицу «Ordnung erhält die Welt» (букв. Мир держится на порядке) мы обнаруживаем связи этого концепта с такими понятиями как “Gesetze” – законы, “Anordnungen” – предписания, “Anstalt”, “Einrichtung” – учреждение, “Gehorsam” – послушание (как взаимоотношения между властью и подчинёнными). Такие изречения, безусловно, заставляют человека задуматься над тем, что “Ordnung” является предпосылкой определённых для него жизненных благ: здоровья (Gesundheit), пользы (Nutzen), благосостояния (Wohlstand) и счастья (Glüch).

Во многих фразеологизмах “Порядок” рассматривается наряду с другими «немецкими добродетелями» Fleiss (трудолюбие), Sparsamkeit (бережливость), Ducziplin (дисциплина). По мнению Мюнха (6, с.51), они прочно закрепились в немецком менталитете к середине XVIII века. Ре-

форматор М. Лютер считал “Ordnung” выражением воли Бога, который создал верховную власть и светские учреждения с целью его соблюдения [6, с. 127]. «Haushaltung hat auch ihre Ordnung gleich wie andere Dinge» (букв. Ведение домашнего хозяйства требует своего порядка так же, как и другие вещи). Эта фразеологическая единица «ihre Ordnung haben» имеет назидательный характер при воспитании настоящего немца.

Имя изучаемого компонента часто используется в сочетании с лексемой “Reinlichkeit” (чистоплотность), которая указывает на внешнюю и внутреннюю чистоту как на концептуальный признак порядка.

В выражении «Ordnung ist Mutter und Pflegerin der meisten anderen Tugenden» (порядок есть мать и защитница большинства других добродетелей) мы наблюдаем персонификацию порядка, использование эмоционально-окрашенных образов, что является интенцией прагматического характера выражения. Видимо, от таких воздействий на разум человека появилась поговорка «Ordnung ist ein halbes Leben» (букв. Порядок – это половина всей жизни).

Насчитывается немалое количество паремий, отражающих ценностное отношение к концепту “Ordnung”, например, «Ordnung ist in allen Dingen gut» (букв. Порядок хорош во всех делах); «Ordnung muss man nach den Leuten richten und nicht die Leute nach der Ordnung» (букв. Необходимо соотносить порядок с людьми, а не людей с порядком); «Wo verständige Ordnung ist, da geht es ordentlich zu» (букв. Там, где разумный правитель, всё в порядке); «Ordnung ziert alles» (букв. Порядок украшает всё).

Анализ паремий свидетельствует о формировании дальней и ближней периферии поля концепта, а также ярко выраженного прагматического аспекта данного концепта. Персонифицированный характер имеет выражение «Ordnung ist eine Tochter der Überlegung»… (букв. Порядок – дочь размышлений).

Ценностное отношение к концепту раскрывают также определения, характеризующие имя концепта. Например, irdisch (земной), göttlich (божественный), öffentlich (общественный), menschlich (человеческий), allgemein (общий), gültig (законный), geltend (действующий), ewig (вечный), unveränderlich (неизменный), absolut (абсолютный).

Как нейтральная, так и положительная коннотация этих прилагательных имеет свою определённую функцию воздействия на мысли и чувства человека. На примере паремий отчётливо прослеживается ценностная

составляющая концепта. В абсолютном большинстве паремий имя концепта ассоциируется с эффективностью и успешностью деятельности в социуме, законностью, поддержанием равновесия.

На современном этапе немцы ассоциируют «Ordnung» с демократией, гарантом которой он является.

В разные исторические периоды устойчивые единицы не просто номинируют денотаты, также как фразеологизмы и паремии, но выражают эстетическое представление народа о законопослушности, доверии к закону, который ассоциируется с именем «Ordnung», о порядочности, честности, добродетелях в соответствии с заповедями Господа, чистоплотности, надёжности, порядочности, верности данному слову, порядку в мыслях и чувствах, уравновешенности.

Можно с уверенностью констатировать, что прагматический потенциал фразеологизмов, вербализующих концепт “Ordnung”, широко задействован в формировании языковой картины мира германской лингвокультуры. С позиций прагматического подхода фразеологические единицы с лексемой “Ordnung” способны реализовывать разнообразные коммуникативно-прагматические ситуации.

Литература

1. **Алефиренко, Н.Ф.** Современные проблемы науки о языке: учебное пособие [Текст]/ Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта. Наука, 2005. / 416 с.

2. **Глушко, О.Б.** Прагматические аспекты исследований по лингвистике [Текст] // Филологические науки. Вопросы теории и практики / О.Б. Глушко. – №1 (1). – Тамбов: Грамота, 2008. – С. 71-73.

3. **Телия, В.Н.** Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности [Текст] / В.Н. Телия // Ин-т языкознания; отв. ред. И.Н. Телия. – М.: Наука, 1991. – 214 с.

4. **Эмирова, А.Н.** О языковых функциях фразеологических единиц (идиом) [Текст] / А.Н. Эмирова //Фразеология и контекст: сб. научн. тр. – Самарканд, 1987. – С.33-37.

5. **Münch, P.** Ordnung [Текст]/ P. Münch // Fleiss und Sparsamkeit, Texte und Dokumente zur Entstehung der bürgerlichen Tugeden. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1984. – 376 с.

6. **Craig, G.A.** Über die Deutschen [Текст] – München: Verlag C.H. Beck, 1982. – 392 с.

Е.А. Морозенко
Донецкий национальный университет

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ И МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ МОТИВАЦИИ ОЦЕНОЧНОГО ЗНАЧЕНИЯ В АНГЛИЙСКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Аннотация

В статье рассматривается проблема мотивации оценочных значений на примере оценочных прилагательных, обозначающих черты характера человека. В работе проанализирован характер отношений компонентов оценочных прилагательных сквозь призму морфологической и семантической мотивации. Представлена классификация лексических единиц по типу их мотивации и выявлен превалирующей способ мотивации оценки.

Ключевые слова*: оценочное значение, морфологическая мотивация семантическая мотивация.*

THE PECULIARITIES OF SEMANTIC AND MORPHOLOGICAL MOTIVATION OF EVALUATIVE MEANING IN ENGLISH ADJECTIVES

Abstract

The paper gives a survey of the peculiarities of semantic and morphological motivation of the evaluative adjectives in English. The different approaches to the studying of the main types of semantic and morphological processes are analyzed. The classification of the adjectives according to their motivation is presented.

Key words: *evaluative meaning, semantic motivation, morphological motivation.*

1. Вводные замечания

Современная лингвоаксиология тесно связана с практикой межкультурного общения, ориентирована на изучение тех языковых явлений, которые отображают особенности ценностного восприятия действительности представителями разных этносов. Отдельную сферу лингвоаксиологии составляет изучение оценочно-эмоциональных компонентов семантики разных языковых единиц. В этом направлении работают такие известные

современные лингвисты как О. Л. Бєссонова, С. А. Жаботинская, В. И. Карасик, О. С. Кубрякова, В. А. Маслова, В. М. Телия, З.А. Харитончик и много других. Оценочное смыслообразование как самостоятельное направление остается мощным источником пополнения лексического состава языков, особенно за счет словообразовательного потенциала. Значение слова может быть мотивировано его морфемными составляющими, а также способом его образования. Однако мотивация слова отражает не только соотношение его морфемных компонентов и их отношение к семантическим компонентам и значению, но и соотношение экстра- и интралингвистических факторов слова.

Данная статья посвящена изучению особенностей мотивации оценки в семантике прилагательных в английском языке. В работе проанализированы особенности морфологической и семантической мотивации оценочного значения.

Целью работы является выявление мотивационной основы образования оценочных прилагательных путем анализа их морфологической, лексической и фонетической структур. Главными задачами являются классификация лексических единиц по типу их мотивации и выявление превалирующего способа мотивации оценки.

Корпус языкового материала составили 1500 прилагательных, в значении которых содержится оценочный компонент. Источником языкового материала послужил авторитетный толковый словарь английского языка “Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principals” [SOED].

Методом компонентного анализа были выделены позитивные и негативные значения оценочных прилагательных, вербализующих концепт *CHARACTER.*

Для определения оценочного значения прилагательных английского языка в статье применяется методика их словарной идентификации по таким критериям: 1) словарная помета (англ. derog, as a term of contemt, offensive, derogatory, vulgar, humorous); 2) индикатор оценки в лексикографическом толковании слова (за основные индикаторы оценки приняты предикаты good/bad); 3) маркер эмотивности (индикаторы, которые обозначают эмотивно-оценочное отношение, эмоции и переживания: удовлетворение, восхищение, презрение, отвращение, гнев, ненависть и т.д.).

2. Типы мотивации оценочных значений в семантике прилагательных, вербализующих концепт *CHARACTER*.

Под мотивировкой слов понимается лингвистическая категория, которая отражает соотношение экстра- и интралингвистических факторов в структуре слова, соотношение его морфемных компонентов и их отношение к семантическим компонентам и значению данной языковой единицы [6, с.74]. Существуют и другие термины, отражающих связь морфемных компонентов со значением слова. Одним из таких терминов является внутренняя форма. Впервые идея внутренней формы слова была развита в учении А. А. Потебни. Так как человек воспринимает какой-либо предмет одновременно несколькими органами чувств, направленными на восприятие различных признаков предмета, то этот предмет образует в сознании постоянную величину, некий чувственный образ предмета, в котором преобладает один какой-нибудь признак. Как отмечает А. А. Потебня, один из таких признаков, преобладающий над остальными, и является формой слова [5]. Существуют разные подходы к выделению типов мотивации слов. Например, И. С. Улуханов выделял непосредственные и опосредованные, исходные и неисходные, единственные и неединственные, регулярные и нерегулярные виды мотивации [6] В. В. Лопатин один из первых предпринял попытку в определении типов словообразовательной мотивации, выделяя следующие типы: нормальная (толкование ЛЕ не вызывает трудностей) и метафорическая (переносный смысл возникает в мотивирующем, а не в мотивированном слове) [4]. В основе всех этих классификаций лежат разные принципы группировки, такие как выбор признака при наименовании объекта действительности, отбор языкового материала при образовании нового слова и способ создания нового слова.

Для исследуемых единиц характерна оценка, мотивированная: 1) семантической структурой значения слова; 2) морфологическими компонентами; 3) особенностями фонетического образования слова. Поэтому для настоящего исследования наиболее актуальной является классификация, предложенная С. Ульманом, где исследователь выделяет морфологическую, семантическую и фонетическую мотивации [8].

Под морфологической мотивацией принято понимать зависимость между морфологической структурой слова, значением его компонентов и значением самого слова. Иными словами, главным критерием морфологической мотивации является отношение между морфемами.

Семантическая мотивация касается взаимообусловленности прямого и переносного значения слов. Метафорическое расширение может являться обобщением денотативного значения слова, позволяя ему включать в себя новые объекты, похожие на первичные [6].

3. Семантическая мотивация оценочного значения прилагательных в английском языке.

Среди оценочных прилагательных наряду с морфологической можно отметить высокую продуктивность семантической мотивации. В основном семантическая мотивация характерна для прилагательных – композитов. Возьмем к рассмотрению несколько оценочных прилагательных, вербализующих концепт *CHARACTER*. К примеру, слово *pig-headed* ‘упрямый’ – *unwilling to change your opinion about sth, in a way that other people think is annoying and unreasonable* ‘человек, не желающий менять свое мнение, что кажется другим досадным и глупым’ обладает и семантической мотивацией, своим значением указывая на поведение индивида, сравнивая его поведение с повадками животного [13].

Семантическая мотивация характерна для единиц, производное оценочное значение которых возникает за счет метафорического переноса. Например: *cold* ‘холодный’ – *having a temperature lower than the living human body* ‘имеющий температуру ниже температуры человеческого тела’; (fig.) *Void of warmth or intensity of feelings; indifferent, apathetic, unfriendly* (перен.) ‘безэмоциональный, равнодушный человек’ [12]. Данный пример свидетельствует о том, что ассоциативный характер человеческого мышления способствует переосмыслению прямых значений и актуализации тех признаков, которые в результате этого переосмысления становятся доминирующими во вновь создаваемых значениях.

На основании семантической мативированности компонентов оценочных прилагательных были выделены единицы, дающие информацию о наглядно-чувственных и ассоциативных образах:

1) соматизмы: *face, head, liver, heart, hand, chest, stomach*. Например, *two-faced* ‘двуличный’, *cool-headed* ‘уравновешенный’, *white-livered* ‘малодушный’, *kind-hearted* ‘добродушный’, *heavy-handed* ‘неуклюжий’, *chest-thumping* ‘высокомерный’, *proud-stomach* ‘высокомерный’.

2) зоосемизмы: *chicken, pig, rat*. Например: *chicken-hearted* ‘трусливый’, *pig-headed* ‘упрямый’, *rat-faced* ‘хитрый’.

3) колоративы: *black, white, yellow*. Например: *black-hearted* ‘злобный’, *white-livered* ‘трусливый’, *yellow* ‘трусливый’.

4. Морфологическая мотивация оценочных прилагательных.

Анализ деривационного процесса показывает, что оценочные значения могут формироваться за счет семантики производящей основы, словообразовательных средств, в частности суффиксов и префиксов, носящих оценочный характер, а также одновременно за счет семантики производящей основы и словообразовательных средств. Исследование словообразовательной структуры данных единиц показало, что оценочное значение мотивируется следующими элементами: 1) суффикс / префикс + основа; 2) суффикс / префикс; 3) основа + основа.

Как свидетельствуют полученные данные, большинство единиц образованы суффиксальным способом, где производящими являются субстантивные, глагольные и адъективные основы.

Анализ морфологической структуры исследуемых единиц показывает, что в основном позитивно окрашенные оценочные значения прилагательных, обозначающих черты характера человека формируются за счет суфиксов *ful* и *less*. По модели N (субстантивная основа) + -ful → A образованы 22 прилагательных со значением “обладающий (в полной мере) качеством, выраженным основой”: *boastful* ‘хвастливый’, *faithful* ‘верный’. 17 прилагательных образованы при помощи суффикса *-less*, который присоединяется к основам существительных, образуя прилагательные со значением “не имеющий того, что обозначено основой”: *careless* ‘беззаботный’, *fearless* ‘бесстрашный’.

Следует отметить высокую продуктивность сложных оценочных прилагательных с первым компонентом *self-* (45 ед.), например: *self-contained* ‘замкнутый’, *self-reserved* ‘спокойный’, *self-interested* ‘эгоистичный’, *self-possessed* ‘сдержанный’.

77 единиц образованы при помощи префиксов, в семантике которых содержится негативное оценочное значение: *in, un, dis, ir*: *unkind* ‘злой’, *disagreeable* ‘сварливый’, *irritated* ‘раздражительный’, *inhospitable* ‘недружелюбный’.

5. Вывод

Результаты исследования особенностей мотивации оценочных значений прилагательных показывают, что на формирование оценочного зна-

чения могут влиять такие факторы как семантическая структура значения слова и мофологические компоненты в структуре слова.

Анализ оценочных прилагательных, вербализующих концепт *CHARACTER* показал, что большая часть единиц является морфологически и семантически мотивированными. Рассматривая морфологическую мотивацию, можно сделать вывод, что значительная часть оценочных значений мотивируются производящей основой, а негативно окрашенные значения возникают при помощи ряда префиксов, содержащих отрицательную семантику. Семантическая мотивация отображает возникновение оценочных значений путем метафоризации и представлена довольно обширной группой исследуемых единиц.

Литература

1. **Арутюнова, Н.Д.** Язык и мышление человека. – М.: Язык русской культуры, 1999. – 337 с.

2. **Бессонова, О.Л.** Ценностная картина мира и ее отражение в оценочном тезаурусе английского языка // Человек. Язык. Культура. К юбилею В.И. Карасика.– К.: Издательский дом Д. Бураго, 2013. – Ч. 1. – С. 5–11.

3. **Бессонова, О.Л.** Структурные особенности оценочных наименований лица в английском, французском и украинском языках. Записки з романо-германської філології. – 2010. – № 25. – С. 7-14.

4. **Вольф, Е.М.** Функциональная семантика оценки. – М.: Эдиториал УРССР, 2002. – 280

5. **Лопатин, В.В.** Русская словообразовательная морфемика. – М.: Наука, 1977.

6. **Потебня, А.А.** Слово и миф / А. А. Потебня. – М.: Правда, 1989.

7. **Улуханов, И.С.** Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания / И.С. Улуханов. – М., 2007.

8. **Arnold, I.V.** The English word / I. V. Arnold. – М.: Высшая школа,1986.

9. **Ullman, S.** The principles of semantics / S. Ullman – Glasgow,1969

10. The New Shorter Oxford English Dictionary On Historical Principles / Oxford University Press, 2002., Vol. 1, 2. – 3809 p. [NSOED]

С.М. Пашков
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ «БЛАГОГОВЕНИЕ» В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Аннотация

В статье анализируется культурный концепт «благоговение» в русской и английской лингвокультурах, обозначающий диффундирующие переживания страха, почтения, удивления, восхищения и чувства ничтожности. Исследуются его понятийные, образно-перцептивные и ценностные характеристики. Установлено различие в понимании рассматриваемого концепта в русском и английском языковом сознании на понятийном уровне. Доказано, что диахронически концепт «благоговение» более ограничен рамками религиозного дискурса в русской лингвокультуре, чем в английской. Анализ дискурсивной реализации концепта выявил в основном совпадение образно-перцептивных признаков в сравниваемых культурах. Низкая фиксация концепта в паремиологическом фонде обеих лингвокультур свидетельствует не о девальвации его ценностного аспекта, а о сложности и эмоциональной гетерогенности, препятствующие формулированию однозначных моделей поведения. Отмечается динамика рассматриваемого концепта, а именно его переход из институционального общения в личностно-ориентированное.

Ключевые слова: *лингвокультурный концепт, эмоционально-смешанный концепт, религиозный дискурс, благоговение, эмоция*

LINGUISTIC CULTURAL CONCEPT «AWE» IN RUSSIAN AND ENGLISH LINGUACULTURES

Abstract

The article deals with the cultural concept of «awe» in Russian and English linguacultures, that means diffused emotions of fear, veneration, wonder, admiration and sense of nonentity. Definition, exemplification and evaluation of this concept are studied. The research reveals the definitional difference in understanding of the concept in Russian and English linguistic consciousness. It is

proved that diachronically the concept «awe» is more restricted by religious discourse in Russian linguaculture. The analysis of discourse realization of the concept shows its identical features in compared cultures. The poor verbalization of the concept in precedent texts indicates not devaluation of the concept but its complexity and emotional heterogeneity that prevent from working out definite models of behaviour. The study presents the dynamics of the concept, i.e. its transition from institutional discourse to personally oriented one.

Key words: *linguistic cultural concept, emotionally mixed concept, religious discourse, awe, emotion*

На протяжении последних нескольких десятилетий проблема лингвистического описания эмоций не теряет своей актуальности. Одним из векторов исследований в этой предметной области является лингвокультурологический подход. Его суть видится в изучении специфики эмоциональных языковых личностей, принадлежащих к различным этносам. В связи с расширением и интенсификацией межкультурных связей данный подход представляет значительный научный интерес.

Культурный концепт, являющийся основной единицей в лингвокультурологических исследованиях, определяется как многомерное смысловое образование, в котором выделяются понятийный, образно-перцептивный и ценностный аспекты. Одним из подходов к пониманию культурных концептов является их соотнесение с тематикой. Так, среди прочего, в рамках данного подхода выделяются эмоциональные концепты [2, с. 25, 28]. Одним из этноспецифичных эмоциональных концептов в русской и английской лингвокультурах является концепт «благоговение» / «awe».

Проанализируем понятийные характеристики данного концепта, фиксируемые в словарях:

1) Благоговеть – *страшиться* и *покоряться*; *смиряться* в *ничтожестве* своем перед *высшим*; оказывать кому безусловное *уважение* и *повиновение*; раболепствовать; признавать и безмерно ценить чьи достоинства»; Благоговение – *смесь страха* и *уважения*, *смирения* и *покорности*; Благоговейный – «полный страха, уважения, смирения, покорности; высшая степень почтительности [6, с. 92] (здесь и далее курсив в дефинициях мой. – *С.П.*).

Понятийные признаки ‘страх’, ‘смирение’, ‘ничтожество’, ‘высшее’ сигнализируют о религиозной маркированности концепта, а также его

эмоциональной смешанности. Этимологический анализ показывает, что имя концепта заимствовано из старославянского языка и является словообразовательной калькой греческого eulabeisthai: eu – хорошо, благо, labeisthai – уважать, бояться [11, с. 47]. В данном контексте под благом, видимо, понимается Бог (ср. библейское «Учитель благий! что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную? Он же (Иисус Христос - *С.П.*) сказал ему: что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог»). По наблюдению В.И. Карасика, в современном толковом словаре имеется 70 лексем с компонентом «благо», причем многие из них устаревшие и относятся к религиозному дискурсу [3, с. 35].

Дефиниционный анализ имени концепта в современных толковых словарях позволяет говорить о динамике концепта «благоговение» в русской лингвокультуре. Ср.:

1) Благоговение – (высок.) Глубочайшее *почтение* [9, с. 55].

2) Благоговение – Глубокое *уважение*, *почтение* к кому-л., чему-л., преклонение перед кем-л., чем-л. [7, с. 103].

3) Благоговеть – относиться с глубочайшим *почтением* к кому-чему-н [8, с. 40].

4) Благоговение – Книж. Особенно глубокое *почтение*, *уважение* к кому-, чему-л. [10, с. 93].

Во всех приведенных определениях фиксируется только признак ‘почтение’, что свидетельствует о внедрении концепта «благоговение» в иную (секулярную) сферу общения. Эта динамика понятийной составляющей концепта объясняется сложившейся исторической реальностью в России XX века, когда атеистическая пропаганда была повсеместной. В связи с этим можно, видимо, говорить о стихийной и контролируемой динамике концепта.

В толковых словарях английского языка концепт «awe» объяснятся следующим образом:

1) An emotion variously combining *dread*, *veneration*, and *wonder* that is inspired by authority or by the *sacred* or *sublime* [Merriam-Webster].

2) A feeling of great *respect* and liking for someone or something; if you are awed by someone or something, you feel great respect and liking for them, and are often slightly *afraid* of them [Longman Dictionary of Contemporary English].

3) A feeling of great *respect* and *admiration* often combined with *fear* [Macmillan Dictionary].

4) An overwhelming feeling of *wonder* or *admiration*; a feeling of profound *respect* for someone or something [WordWeb].

Понятийные признаки концепта «awe» сводятся к следующим: ‘dread’, ‘veneration’, ‘wonder’, ‘sacred’, ‘admiration’. Этимологически концепт «awe» в разных языках восходит к идеям страха, боли и печали [12, с. 135].

Компонентный анализ понятийной составляющей исследуемого концепта в русской и английской лингвокультурах позволяет утверждать, что она обедняется в первой и обогащается во второй. Кроме того, русские и английские дефиниции характеризуются наличием общих и отличительных признаков: 1) *общие*: ‘страх’, ‘почтение’, ‘высшее’; 2) *отличительные*: ‘ничтожество’ и ‘смирение’ (для русской лингвокультуры) и ‘удивление’, ‘восхищение’ (для английской лингвокультуры). Думается, что отсутствие признаков ‘ничтожество’ и ‘смирение’ в понятийной компоненте рассматриваемого концепта объясняется высокой значимостью социокультурного концепта ‘dignity’ для английской лингвокультуры [1, с. 99]. Здесь уместно привести мнение Н.О. Лосского, который рассматривает религиозность в качестве основного свойства русского народа [4, с. 86], а религиозность в православии не мыслима без смирения и уничижения.

Следует отметить, что понятийные признаки концепта «благоговение» не являются противоположными по своей оценочной направленности. Обозначаемые ими переживания диффундируют и характеризуются положительной оценкой в религиозном дискурсе. В терминологии Р. Отто это так называемые нуминозные переживания, т.е. переживания, вызванные присутствием Бога (от лат. nomen – божество). Причем чувство собственного ничтожества, или тварности (по Р. Отто) является первичным, обусловливающим все остальные [5, с. 15-20]. Это позволяет утверждать о бóльшей связанности данного концепта с религиозным дискурсом в русскоязычном языковом сознании, чем в англоязычном.

Проанализируем образно-перцептивную составляющую концепта «благоговение» посредством анализа его дискурсивной реализации. Этот анализ предполагает, в частности, описание опыта, который связан с данным концептом, характеристику его ассоциативных признаков [2, с. 47]. Для этого обратимся к национальным корпусам русского и английского

языков. Русскоязычные микроконтексты позволяют диагностировать следующие ассоциативные признаки:

- Внешнее проявление

Они сидят на обломках собора, а я стою в своём новом несгибаемом пальто, в валенках и шапке, и на лице моём написано благоговение (Б. Окуджава).

- Агентивность

Благоговение на сей раз не посетило его (В. Аксенов).

- Причина

Возвышенность души измеряется отчасти и тем, насколько и перед чем она способна оказать уважение и благоговение (умиление) (Ф.М. Достоевский).

- Градуальность

Теперь мое благоговение растет с каждым днем (А.П. Чехов).

- Эмоциональная смешанность

Я начинаю чувствовать изумление и благоговение к Турции (П.В. Анненков).

- Симуляция

Идет длинная верноподданная, подделанная под благоговение чепуха (Г.И. Успенский).

Приведем англоязычные микроконтексты из Британского национального корпуса:

- Внешнее проявление

He could see the surprise, the awe, as they stopped, looking at something he could not see.

- Агентивность

Lexandro's heart lurched, and a certain awe invaded him.

- Причина

You know, Jen, she's rather in awe of you.

- Градуальность

Lady Julie observes, as Darcy has been observing with increasing awe, the extraordinarily civilised behaviour of the Eritreans.

- Эмоциональная смешанность

Frankie watched her now with a mixture of awe and delight as she pranced in little pirouettes around the kitchen.

- Симуляция

Better never enter a church, he wrote, than enter in a spirit of false awe.

Сравнительный анализ приведенных микроконтекстов показывает отсутствие значительных расхождений в понимании концепта «благоговение» в русской и английской лингвокультурах. Следует отметить, что в сравниваемых культурах в рамках личностно-ориентированного дискурса благоговение может быть сопряжено как с положительными переживаниями, так и с отрицательными, в то время как в сфере религиозного дискурса только с положительными. Так, по данным Британского корпуса английского языка имя концепта «awe» может быть сопряжено с именами *joy*, *wonder*, *surprise*, *astonishment*, *excitement*, *delight*, *admiration*, *affection*, *contempt*, *scorn*, *rage*, *exultation* и *horror*. Данные Национального корпуса русского языка свидетельствуют о связи имени рассматриваемого концепта с именами *восторга*, *страха*, *трепета*, *восхищения*, *любови*, *жалости*, *изумления*, *ненависти* и *отчаяния*.

Ценностная составляющая культурного концепта регистрируется в поговорках, пословицах, афоризмах, которые аккумулируют коллективный опыт и регулируют поведение членов общества [2]. Анализ русских и английских прецедентных текстов (пословиц и поговорок) не выявил фиксацию имени концепта «благоговение». Думается, что это объясняется сложностью и эмоциональной неоднородностью рассматриваемого концепта, которые не позволяют сформулировать однозначные модели поведения.

Резюмируем. Лингвокультурная специфика концепта «благоговение» / «awe» в русском и английском языковом сознании обнаруживается в его понятийной составляющей, которая свидетельствует о большей связанности рассматриваемого концепта с религиозным дискурсом. Образно-перцептивная компонента концепта в целом совпадает в сравниваемых культурах. Регистрация ценностного аспекта в паремиологических высказываниях не отмечена.

Литература

1. **Карасик, В.И.** Языковой круг: личность. Концепты, дискурс [Текст] / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с. – ISBN 5-88234-552-2.

2. **Карасик, В.И.** Языковые ключи [Текст] / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с. – ISBN 978-5-94244-030-5.

3. **Карасик, В.И.** Эмблематический концепт «БЛАГОПОЛУЧИЕ» [Текст] / В.И. Карасик // Политическая лингвистика. – 3 (33). – 2010. – С. 34-40. – ISSN 1999-2629.

4. **Лосский, Н.О.** Характер русского народа. Книга вторая [Текст] / Н.О. Лосский. – М.: Изд-во «Ключ», 1990. – 95 с. – ISBN 5-7082-0002-4.

5. **Отто, Р.** Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным [Текст] / Р. Отто СПб. : Изд-во Санкт.-Петерб. ун-та. 2008. – 272 с. – ISBN 978-5-288-04560-8.

Словари

6. **Даль, В.И.** Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. [Текст] / В.И. Даль. – М.: Рус. яз., 1999. – Т. 1: А-З. – 1999. – 699 с.

7. **Ефремова, Т.Ф.** Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Текст] / Т.Ф. Ефремова. – 2-е изд. – М.: Рус. яз., 2001. – Т. 1: А-О. – 1232 с.

8. **Лопатин, В.В., Лопатина, Л.Е.** Русский толковый словарь [Текст] / В.В. Лопатин, Л.Е. Лопатина. – М.: Эксмо, 2007. – 928 с.

9. **Ожегов, С.И.** Словарь русского языка: 70000 слов [Текст] / С.И. Ожегов. – Под ред. Н.Ю. Шведовой. – 23-е изд. – М.: Рус. яз. 1991. – 917 с.

10. **Словарь русского языка**: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд. – М.: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. А-Й. – 1999. – 702 с.

11. **Шанский, Н.М., Иванов, В.В., Шанская, Т.В.** Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителя. [Текст] / Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская. – М.: Просвещение, 1971. – 542 с.

12. **Klein, E.** A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language [Текст] / E. Klein. – VOLUME I: A-K. – Amsterdam, London, Newyork: Elsevier publishing company, 1966.

Электронные ресурсы

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruscorpora.ru/

British National Corpus [Электронный ресурс]. URL: http://bncweb.lancs.ac.uk

Longman Dictionary of Contemporary English [Электронный ресурс]. URL: https://www.ldoceonline.com/

Macmillan Dictionary [Электронный ресурс]. URL: https://www.macmillandictionary.com/

Merriam-Webster [Электронный ресурс]. URL: https://www.merriam-webster.com/

WordWeb [Электронный ресурс]. URL: http://wordnetweb.princeton.edu/perl/webwn

Г.Д. Росторгуева
Южный федеральный университет

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭВФЕМИЗМОВ И ИХ РОЛЬ В ЯЗЫКЕ

Аннотация

Данная статья посвящена вопросу использования эвфемизмов в языке. Рассматриваются понятия эвфемизмов, данные различными исследователями, а также их структурная характеристика. Эвфемия играет важную роль в политической сфере, так как позволяет скрыть истинные цели и намерения официальных лиц.

В статье рассматривается термин «политический эвфемизм», поскольку данный вид эвфемизма позволяет апеллировать к массовой аудитории в политическом дискурсе и смягчать, маскировать негативные явления в обществе.

Проведя анализ употребления эвфемизмов в современном английском языке на материале публицистических статей американских СМИ, можно отметить, что главный мотив использования эвфемии в данном виде дискурса – маскировка неприятной правды для читателя или слушателя.

Ключевые слова: *эвфемизмы, эвфемия, публицистический стиль, политкорректность, табу, политический эвфемизм*

FEATURES OF THE USE OF EUPHEMISMS AND THEIR ROLE IN THE LANGUAGE

Abstract

This article focuses on the use of euphemisms in the language. The concepts of euphemisms given by various researchers, as well as their structural

characteristics are considered. Euphemia plays an important role in the political sphere, as it allows to hide the true goals and intentions of officials.

The article deals with the term “political euphemism”, since this type of euphemism makes it possible to appeal to a mass audience in political discourse and to soften and mask negative phenomena in society.

After analyzing the use of euphemisms in modern English based on the material of journalistic articles of the American media, it can be noted that the main motive for using euphemism in this type of discourse is masking the unpleasant truth for the reader or listener.

Key words: *euphemisms, euphemia, journalistic style, political correctness, taboo, political euphemism*

До того, как понятие эвфемизма укоренилось в науке, как лингвистическое явление, оно, безусловно, существовало в сознании людей еще далеко до оформления в научное явление. Так, например, процесс эвфемизации, можно сказать, появился еще в тот момент, когда человек осознавал свою слабость перед силами природы. Боясь называть какие-то явления, являющиеся суеверными, человек уже косвенно использовал эвфемизацию, посредством которой создавались новые наименования взамен тех, что нельзя было произносить.

Происхождение термина «эвфемизм» уходит корнями в греческий язык, в котором впервые встречается в работах Гомера, у которого эвфемизм выступает в качестве древнего обычая. Этот обычай предполагал, что жертвоприношения и молитвы должны происходить только в сопровождении «хороших слов».

Начиная с конца 17 века впервые упоминается термин «эвфемизм». Английский лексикограф Томас Блаунт формулирует такое определение как «a good or favourable interpretation of a bad word», подразумевая «хорошую или выгодную интерпретацию плохого слова» (Никитина, 2009, 157). В настоящее время все больше появляется стремление избегать коммуникативных конфликтов и неудач, не создавать у собеседника ощущения коммуникативного дискомфорта [1, с. 223]. Теперь принято говорить «слабослышащий» вместо «глухой», «незрячий» вместо «слепой».

Лингвистический энциклопедический словарь предлагает следующее определение эвфемизма. «эвфемизм – это эмоционально нейтральное слово или выражение, употребляемое вместо синонимичного ему слова или

выражения, представляющегося говорящему неприличным, грубым или нетактичным» [5]. Например, можно сказать «пожилой» вместо «старый», «уклониться от истины» вместо «соврать».

Шмелев Д.Н. использует похожее определение, характеризуя эвфемизм как «воздержание от неподобающих слов, смягченное выражение, служащее в определенных условиях для замены таких обозначений, которые представляются говорящему нежелательными, не вполне вежливыми, слишком резкими» [6, с. 345].

Москвин В.П. также считает эвфемизм средством смягчения и очистки речи [3, с. 30]. Исследователь Крысин Л.П., определяет эвфемизм как «способ непрямого, перифрастического и при этом смягчающего обозначения предмета, свойства или действия...» [2, с. 290].

В данной статье мы рассмотрим эвфемизмы в политическом дискурсе на материале американских СМИ. Мы исследовали ряд англоязычных статей американских СМИ, посвященных событиям, связанным с политической жизнью этой страны.

Проанализировав классификации Крысина Л.П., Сеничкиной Е.П. и Мухамедьяновой Г.Н., мы выделили следующие сферы употребления эвфемизмов. Как было упомянуто ранее, мы разделили все случаи на социальные и личные**.** Первая группа, которую мы рассмотрим, – эвфемизмы социальной жизни.

1. Недостатки и пороки людей

a) Обман: *U of G Study on **Fibbing** in Job Interviews Makes National Headlines***.** [7]

b) Глупость: *Taylor Mays fends off '**meathead** tendencies' in recovery*. [8]

2. Преступление, наказание, провинность:

Heitkamp staffer resigns following ad mistakenly naming sexual assault victims. [7]

3. Нежелательные наименования из сферы экономических и финансовых отношений: *Economic ties were entangled in a dense network of '**unofficial relations**'* [7]

4. Степень обладания материальными и социальными благами: *The other part of him couldn't understand why a nurse in a nursing home should be so grief-stricken over the death... of an obvious **basket case***. [7]

Что касается категории «бедность», то в каждой стране существует подобное неприятное и нежелательное явление. Казалось бы, в такой

богатой стране, как США, уровень бедности также может достигать высоких уровней. В обществе существуют такие важные проблемы, как безработица, которая выражается в статьях следующими эвфемизмами: *to live from head to mouth, not to have a shirt to one's back, not a penny to bless oneself with, to keep body and soul together*.

В статьях редко можно найти прилагательное, указывающее на бедственное положение человека – poor. Вместо него используются такие эвфемизмы, как the needy, penniless, (socially) deprived, low-income family.

При этом важно отметить, что при таком уровне безработицы и бедности, примерно у 90% зарегистрированных бедных и нищих американцев имеется свое имущество – дом или квартира. Такие «бедняки» имеют машину, обычно подержанную.

В это же время, каждый третий россиянин имеет все шансы скатиться в бедность и нищету, каждый восьмой – должник, имеющий просрочку по одному или нескольким кредитам. Поэтому нельзя сравнивать бедность в США и в России.

5. Политика: *Freedom of speech is still guaranteed by the Constitution, but it can be exercised only so long as it is '**appropriate**'* [9]

Эвфемизмы **личной жизни** также подразделяются на несколько подгрупп:

1. Названия определенных частей тела и связанных с ними процессов: *"Stay busy. Help others," she said. "Don't sit on your **fanny** and think about what you can do or want to do. Get up and go do it."* [7]

2. Нагота: *All the alarms in your brain say: This is wrong! You're not supposed to be **in the altogether** in front of people!* [10]

3. Физиологические процессы: *Age of first **menses** has decreased substantially since the early 20th century, and studies have shown that younger age of menarche is associated with increased risk of breast and endometrial cancer in later life* [9]

В данной группе можно отметить гендерно-маркированные эвфемизмы, так как, в основном, они касаются женской половины населения. Например, вместо «беременной женщины» можно сказать «anticipating», «expecting» (ожидающая) и т.д.

Также в эту группу относится такой эвфемизм, как «попудрить носик» – «to powder one's nose» или «поправить макияж» – «to fix one's face»

*Sheridan Smith and Jaime Winstone spill the beans on all the fun they had working with a predominantly female cast in new film "**Powder Room**" (a lavatory for the exclusive use of females)* [10].

Сравнивая частоту употребления эвфемизмов в американских СМИ, мы определили, что наибольшей популярностью обладает категория «Недостатки и пороки людей». Большое поле функционирования эвфемизмов составляет сфера внутренней и внешней политики страны, поскольку США играет существенную роль на мировой арене, а потому в СМИ важно использовать такие выражения, которые бы маскировали неприятную правду и не вызывали осуждений со стороны других стран.

Литература

1. **Грайс, Г.** Логика и речевое общение / Г. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1985.

2. **Крысин, Л.П.** Русское слово, свое и чужое. / Л.П. Крысин. – М.: Языки славянской культуры, 2004.

3. **Москвин, В.П.** Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования / В.П. Москвин // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 2001.

4. **Никитина, И.Н.** Эвфемизмы как объект исследования в британской и американской лингвистике / И.Н. Никитина // Вопросы филологии. – М., 2008.

5. **Ушаков, Д.Н.** Большой толковый словарь современного русского языка // под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 2009.

6. **Шмелев, Д.Н.** Эвфемизм / Д.Н. Шмелев // Русский язык. Энциклопедия. – М., 1979.

7. New York Daily News [Электронный ресурс]. – URL.: http://www.nydailynews.com (дата обращения: 01.02.19) – Daily News

8. New York Times [Электронный ресурс]. – URL.: https://www.nytimes.com (дата обращения: 01.02.19) – NY Times

9. The Wall Street Journal [Электронный ресурс]. – URL.: https://www.wsj.com (дата обращения: 01.02.19) – The Wall Street Journal

10. USA Today [Электронный ресурс]. – URL.: https://www.usatoday.com (дата обращения: 01.02.19) – USA Today

Э.Э. Саркисов
Донской государственный университет

СПЕЦИФИКА ИНТЕРФЕРЕНЦИОННОЙ КАРТИНЫ «КЛАССИЧЕСКОГО» ЛИНГВА ФРАНКА (НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Аннотация

Статья посвящена исследованию интерференциональных характеристик «классического» лингва франка в современных условиях глобализации. Автор приходит к выводу, что на сегодняшний день данную роль выполняет английский язык. Существенные изменения на различных уровнях системы английского как лингва франка происходят вследствие интенсификации языковых контактов и формирования в сознании говорящего на речевом уровне устойчивой интерференционной картины, что в свою очередь приводит к системной трансформации языка.

Ключевые слова: *английский язык, интерференционная картина, испанский язык, лингва франка, языковые контакты*

SPECIFICITY OF THE INTERFERENTIAL PICTURE OF “CLASSIC” LINGUA FRANCA (ON THE MATERIAL OF THE MODERN ENGLISH LANGUAGE)

Abstract

The paper deals with the interferential characteristics of the “classic” lingua franca in the context of globalization. The author comes to the conclusion that currently the English language performs this function. Significant modifications on different levels of the language system occur because of the intensification of the language contacts and the creation of the interferential picture in the speaker’s mind on the speech level. That in turn leads to the systematic transformation of the language.

Key words: *English, interferential picture, Spanish, lingua franca, language contact*

В современном языкознании под межъязыковой интерференцией принято понимать переход норм одного языка в другой, следствием чего являются отклонения от нормы на различных уровнях системы языка-

объекта интерференции (Bussmann 2006; Михальченко 2006 и др.). При этом данное положение можно дополнить тем, что если отклонения есть всегда, то их динамика варьируется в зависимости от степени интенсивности и условий протекания языковых контактов. На речевом уровне источником интерференции чаще всего выступает язык, которому отдается предпочтение в процессе коммуникации. Таким образом, можно предположить, что подобное наложение норм в интерференциальной динамике отражается чередованием минимумов и максимумов, что ведет к формированию данной интерференционной картины (термин физики). Устойчивая интерференционная картина наблюдается в том случае, если повторяемость наложения нормы одной языковой системы на другую по своему характеру достаточно часта и продолжительна, что сегодня можно наблюдать, например, в случае «классического» лингва франка.

В действительности, любой язык при определенных экстралингвистических условиях может функционировать как полноценный лингва франка, и в настоящее время существует множество примеров, подтверждающих данное положение: английский, арабский, испанский, немецкий, русский, французский и др. (Мустайоки 2011; Павленко 2016 и др.). Однако «классический» лингва франка обладает несколько иной спецификой, и предполагает более масштабное, глубокое и расширенное проникновение в коммуникативную систему общества. В сложившихся условиях из всех языков, которые по праву могут именоваться лингва франка, данной специфике и ширине распространения соответствует английский язык.

Итак, допуская, что в условиях двуязычия устойчивая интерференционная картина индивида на речевом уровне формируется по единым для двуязычного общества принципам, можно предположить, что в отдаленной перспективе данный процесс может привести к перестройке языковой системы в целом. Подобное взаимодействие систем является одним из двух основных источников интерференции, ведь без контакта не будет и воздействия одной языковой системы на другую.

Другим основным фактором возникновения интерференции является расхождение норм языка-источника и языка-объекта интерференции.

Принятое в современной лингвистике толкование термина «лингва франка» основывается на понятии смешанного языка, возникшего вследствие интенсификации языковых контактов, процесса, который продолжается и в наши дни. Развитие цифровых технологий, ставшее предпосылкой

для позитивных изменений в остальных сферах деятельности человека, позволяет говорить о геометрической прогрессии в том, что касается интенсификации межъязыковых контактов в XXI веке. В системном отношении современные примеры лингва франка не отличаются от своего предшественника эпохи средневековья, так как речь уже идет об идиоме, значительно отличающемся от «торгового» лингва франка единицами графофонетического, лексико-семантического и грамматического уровней системы. Что же касается социолингвистической стороны, то здесь, безусловно, есть существенная разница, поскольку прежний лингва франка был исключительно языком торговли, а настоящий проник или проникает практически во все сферы деятельности человека.

Лингва франка – это, несомненно, функциональная языковая разновидность, а подход к исследованию проблемы лингва франка должен соответствовать ее специфике. Поэтому целесообразно будет описывать любую разновидность лингва франка с двух точек зрения: функциональной и дескриптивной. Если касаться функционального аспекта, то здесь на первый план выходит коммуникативная ситуация, рассматриваемая не только с точки зрения лингвистики, но социологии, в то время как дескриптивный аспект раскрывает изменения, которым подвергся стандартизованный язык под воздействием межъязыковой интерференции (Камшилова 2011: с. 62-63). Следовательно, при лингвистическом анализе дискурса с использованием лингва франка вполне применимы те же параметры, что и при анализе дискурса с использованием любого другого языка, а учет дескриптивного аспекта позволит определить, выполняет ли используемый язык функцию посредника или же является первым для говорящих (Камшилова 2011: с. 62-63).

Итак, общими интерференциальными характеристиками «классического» лингва франка является устойчивая интерференционная картина, формирующаяся вследствие конвергенции языков и интенсификации языковых контактов. Данные процессы ведут к появлению новых норм, присущих исключительно лингва франка и контрастирующих с нормой стандартизированного языка. В этой связи следует обратиться к понятию языковой нормы. Н.Н. Семенюк рассматривает языковую норму как «совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закрепленных в процессе общественной коммуникации» (Семенюк 1998: с. 337-338). В.Ю. Михальченко видит в языковой норме «совокупность правил выбора и употребления элементов языка,

действующих на различных уровнях языка», добавляя, что только «нормированный, стабильный язык может обслуживать такие сферы деятельности, как наука, техника, литература, образование, культура и т.д.» (Михальченко 2006: с. 263). Однако последнее утверждение небесспорно, ведь «классический» лингва франка нашего времени говорит об обратном.

Как отмечалось выше, интерференция распространяется на все уровни языковой системы, но эксплицитно проявляется на графо-фонологическом уровне речи.

Графо-фонологическая интерференция – это процесс и результат взаимодействия фонетических систем в условиях двуязычия, выражающаяся в произносительном акценте. Исследователи выделяют четыре разновидности подобной интерференции: 1) недодифференциация фонем; 2) сверхдифференциация фонем; 3) реинтерпретация фонемных различий; г) субституция звуков (Михальченко 2006: с. 82-83).

Рассмотрим подобную интерференцию на примере английского как лингва франка (АЛФ, ср. с принятой аббревиатурой ELF – *English as lingua franca*), который употребляют говорящие – носители различных вариантов испанского языка. Например, английская речь носителя испанского языка характеризуется отсутствием оппозиции «долгий-краткий гласный» ([fɑ.ðəʳ] вместо [fɑ:.ðəʳ]).

Лексико-семантическая интерференция – это процесс и результат взаимодействия лексико-семантических систем в условиях двуязычия. Предпосылкой лексико-семантической интерференции является различие семантических структур слов, что приводит к переносу норм языка источника-интерференции на язык-объект интерференции. В речи лексико-семантическая интерференция проявляется в нарушении сочетаемости лексем, их субституции, буквальном переводе, парафразии. Как на системном, так и на речевом уровне данный тип интерференции проявляется в заимствованиях и различного рода калькировании (Михальченко 2006: с. 82-83).

Н.С. Арапова предлагает различать следующие разновидности калькирования:

- **словообразовательные кальки**: поморфемный перевод лексико-семантической единицы языка источника-интерференции, например, англ. *goalkeeper* > исп. *guardameta* ‘вратарь’;

- **семантические кальки**: заимствование перенесенного значения лексико-семантической единицы языка-источника интерференции, например, англ. *carpet* ‘ковер’ > исп. *carpeta* (изначально ‘папка’);
- **фразеологические кальки**: пословный перевод лексико-семантических единиц языка-источника интерференции, например, англ. англ. *round trip* > исп. *viaje redondo*;
- **ложные кальки** возникают как следствие ошибочного понимания лексико-семантических единиц структуры языка-источника интерференции, например: англ. *actually* ‘в действительности’ > исп. *actualmente* ‘в настоящее время’ (Арапова 1998: с. 211).

Рассмотрим следующие примеры лексико-фразеологической интерференции, взятые из устной речи носителей испанского языка, вторым языком которых является английский: В данном примере можно наблюдать буквальный пословный перевод: *he had a cardiac stop* вместо нормативного варианта *he had a cardiac arrest*.

Для иллюстрации интерференциального влияния на испанский язык на данном уровне снова обратимся к контактам с английским и сделаем краткий анализ отрывка художественного текста Хорхе Рамоса *La otra cara de América*, так как при диатопическом, диастратическом, диафазном и диахроническом рассмотрении в нем обнаруживается сочетание всего многообразия вариантов идиома «спанглиш» (Саркисов 2016).

*El otro día llamé al **rufero** (‘плотник’, от англ. roofer) para que revisara el techo de mi casa porque había un liqueo (‘течь’, от англ. . Toda la **carpeta** (‘ковер’, от англ. carpet) estaba empapada. Vino en su troca a **wachear** (‘посмотреть’, от англ. watch) el problema y quería saber si yo iba a pagar yo la aseguranza. Después de contar cuántos **tiles** (‘счета’, от англ. till) tenía que cambiar me dio un estimado. Yo le dije que me dejara el número de su **celfon** (‘сотовый телефон’, от англ. **cellphone**) o de su **biper** (‘бипер’, от англ. beeper) . Si nadie contesta, me advirtió, deja un mensaje después del **bip** (‘бип’, от англ. beep) y yo te hablo p’atrás.*

Приведенный текст изобилует английской лексикой, «подогнанной» под морфологические нормы испанского языка, то есть данные отклонения также можно рассматривать как грамматические. Отметим также, что наш анализ затрагивает случаи интерференции в речи, так как рассмотренная

лексика уже является частью общей интерференционной картины носителей испанского языка в США.

Грамматическая интерференция – это процесс и результат взаимодействия грамматических систем в условиях двуязычия, выражающаяся в отклонении от нормы в языке-объкте интерференции вследствие отсутствия в нем данных грамматических категорий (косвенная интерференция) или непосредственного переноса норм родного языка (прямая интерференция). Кроме того, к грамматической интерференции мы также относим нарушения синтаксической нормы под воздействием синтаксиса родного языка. Грамматическая интерференция проявляется в смешении значений падежей, функций предлогов; нарушении порядка слов, отсутствии согласования в роде, числе и падеже и т.п. (Михальченко 2006: с. 83). Например, для носителя испанского языка необязательна инверсии при переводе предложения из прямойв косвенную речь, и, как следствие, происходит отклонение от нормы в следующем высказывании: *He asked where was the post office?*

Рассматривая обратную интерференцию, можно обнаружить перенос грамматических норм в таких категориях, как артикль, род, число и т.д. Например, в английском существительное и прилагательное-атрибут не согласуются в роде и числе, в то время как в испанском форма женского рода требует употребление артикля мужского рода, так как начинается с ударного [a], что также способствует интерференции: el habla *español* вместо *el habla española*.

Таким образом, рассмотрев понятия лингва франка и межъязыковой интерференции, а также специфику интерференциальных уровней и влияния родного языка на язык, выполняющий функцию лингва франка, приходим к следующим заключениям. Источником интерференции, с одной стороны, является сближение взаимодействующих языков, а с другой – расхождение норм этих языков. Лингва франка, будучи смешанным языком, характеризуется устойчивой интерференционной картиной вследствие нахождения говорящих на нем индивидов в постоянном контакте с языками, которые его образуют. В настоящее время характеристикам «классического» лингва франка соответствует английский язык. Все языковые уровни лингва франка подвержены влиянию межъязыковой интерференции, при этом наиболее проницаемым в этом плане является графофонологический уровень. При массовом двуязычии устойчивая интерференционная картина индивида воздействует на языковую систему в целом,

а ее признаки могут стать частью языковой подсистемы. Одним из результатов подобного процесса может стать появление нового идиома.

Лингва франка – малоизученное языковое образование, однако современная межкультурная коммуникация требует более тщательного его изучения, поскольку речь идет о языке науки, экономики и политики, сферах, в значительной мере определяющих благосостояние общества в глобализирующемся мире. Интерференциальные характеристики лингва франка указывают на то, что его система нестабильна, и более глубокие исследования «классического» варианта данного идиома позволят определить перспективы возникновения отдельного универсального языка межнационального и межкультурного общения и разработать эффективные методологические стратегии, в частности, в педагогических целях.

Литература

1. **Арапова, Н.С.** Калька / Н.С. Арапова // Большой энциклопедический словарь: языкознание. Под. ред. В.Н. Ярцевой. 1998. – 211 с.

2. **Крутобережская, А.С.** Интерференция как объект исследования психолингвистики [Текст] / А.С. Крутобережская // Филологические науки. 2015, № 7. – С. 53-56.

3. **Михальченко, В.Ю.** Словарь социолингвистических терминов [Текст] / В.Ю. Михальченко, В.А. Кожемякина, Н.Г. Колесник и др. – М.: Российская академия наук. Институт языкознания. Российская академия лингвистических наук, 2006. – 312 с.

4. **Мустайоки, А.** Почему общение на лингва франка удается так хорошо? [Текст] / А. Мустайоки // Языки соседей: мосты или барьеры? Проблемы двуязычной коммуникации. 2011. – С. 10–31.

5. **Павленко, А.** Русский язык как лингва франка в зарубежной сфере обслуживания [Текст] / А. Павленко// Мир русского слова. 2016, №. 1 . – С. 23–32.

6. **Саркисов Э.Э.** Отражение испанской метафорической картины мира в романе К. Руиса Сафона *La sombra del viento*: переводческий аспект. Дис. магистра филологии. Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, 2016.

7. **Семенюк, Н.Н.** Языковая норма / Н.Н. Семенюк // Большой энциклопедический словарь: языкознание. Под. ред. В.Н. Ярцевой 1998. – С. 237-238.

8. **Bussmann, H.** Routledge Dictionary of Language and Linguistics [Text] / H. Bussman. – London and New York: Taylor & Francis e-Library, 2006. – 1303 p.

И.В. Фатьянова
Донецкий национальный университет

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА 21 ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ ДОНАЛЬДА ТРАМПА)

Аннотация

В статье рассматривается языковая личность в контексте англо-американского политического дискурса 21 века, выделяются ее универсальные и индивидуальные признаки. Для выявления признаков языковой личности политика исследуется речевое поведение Дональда Трампа, яркого представителя политических институтов США. На основе когнитивно-дискурсивного подхода выявлена специфика политической риторики 45-го президента США, проанализированы коммуникативные стратегии и тактики, которые наиболее часто использует Д. Трамп, описаны и систематизированы лексические, синтаксические и стилистические способы, типичные для выделения стратегий и тактик, определены индивидуальные вербальные характеристики языковой личности Д. Трампа в контексте англо-американского политического дискурса 21 века.

Ключевые слова: *политический дискурс, языковая личность, речевое поведение, речевой портрет, коммуникативные стратегии и тактики*

LINGUISTIC PERSONALITY IN THE CONTEXT OF ANGLO-AMERICAN POLITICAL DISCOURSE OF THE 21st CENTURY (BASED ON DONALD TRUMP'S PUBLIC SPEECHES)

Abstract

The article addresses linguistic personality in the context of the Anglo-American political discourse of the 21st century, highlights its universal and individual characteristics. The speech behavior of Donald Trump, a prominent representative of US political institutions, is examined to identify the signs of a politician’s linguistic personality. On the basis of the cognitive-discursive ap-

proach, the specifics of the political rhetoric of the 45th President of the United States are identified, communicative strategies and tactics that D. Trump most often uses are analyzed, lexical, syntactic and stylistic methods typical for identifying strategies and tactics are described and systematized, individual verbal characteristics of D. Trump's linguistic personality in the context of the 21st century Anglo-American political discourse are identified.

Key words: *political discourse, linguistic personality, speech behavior, speech portrait, communicative strategies and tactics*

Междисциплинарный подход к интерпретации сущности языка как специфического феномена, с помощью которого можно понять природу личности, ее интеллектуальный и творческий потенциал, место в социуме [9, с.108], обуславливают актуальность данного исследования.

Одним из направлений в политической лингвистике выступает исследование политических лидеров. Анализируя политические высказывания русских и американских политиков, В. В. Демецкая акцентирует тесную связь коммуникативных интенций и речевых форм их выражения. Например, опыт лингвистического анализа текстов в кросс-культурном аспекте позволяет, по мнению автора, определить модели политического дискурса и реализацию языковой личности в нем [4]. Для А.Д. Беловой важным является тезис о том, что в процессе порождения дискурса, так же, как и в процессе контроля за ним, особенно важную роль играет язык. Язык, сам по себе власти не имеет, приобретает ее только тогда, когда регулярно употребляется в соответствующем направлении людьми, наделенными властью [3]. По мнению Л.М. Селивестровой, феномен речевого поведения состоит в изучении реального использования языка (речи) реальными людьми, а именно – конкретной личностью политического деятеля в разнообразных речевых ситуациях [10]. Принимая во внимание многогранность понятие «языковая личность» логичным будет выделение в содержании языковой личности таких компонентов как ценностный, культурологический и личностный, то есть индивидуальное, глубинное, которое есть в каждом человеке [7].

Речевое поведение вырабатывается на протяжении всей жизни человека, оно связано с особенностями воспитания, местом рождения и обучения, окружением, в котором человек привык развиваться, с его собственными данными ему как личности и представителю определенной социаль-

ной группы качествами [11, с. 29]. В большинстве работ понятие речевого поведения расширяется за счет прибавления к нему другого – «языковая личность» [7, 8]. Авторы сходятся на том, что языковая личность реализуется в коммуникативных стратегиях и тактиках (далее КС и КТ) и, выбирая при этом определенные языковые способы. Таким образом, в политической коммуникации важным является тот факт, что наряду с общими характеристиками для политической коммуникации определенной страны существуют и отличительные черты, которые отображают индивидуальные вербальные и невербальные предпочтения в речевом поведении определенного политика.

В нашем исследовании языковая личность рассматривается с позиции ее реализации в КС и КТ англоязычного политического дискурса и языковых средств ее выражения. Общий стратегический и тактический комплекс для политиков США обусловлен их статусом в политической системе страны, а также единой концепцией ее развития. В свою очередь, отличия обоснованы фактами собственной биографии, жизненным опытом и личностными характеристиками политиков и, как следствие, их индивидуальными вербальными и невербальными характеристиками.

КС – вид коммуникативного поведения или коммуникативного воздействия, во время которого говорящим используются различные вербальные и невербальные средства для достижения определенной коммуникативной цели. Конечной коммуникативной целью КС адресанта является коррекция картины мира адресата. КТ представляет собой совокупность практических речевых ходов в конкретном процессе коммуникативного взаимодействия. КС соотносится прежде всего с реализацией отдельных коммуникативных намерений, направленных на достижение стратегической цели [1]. Очевидным является то, что КС и КТ, при соблюдении конвенций, принципов, правил коммуникации служат для достижения поставленных целей. Стратегии связаны с общей идеей конечной цели общения, тактики состоят из конкретных речевых ходов, соответствующих общей стратегии. Владение КС и КТ входит в прагматическую компетенцию адресанта: чем выше его компетентность в языке и речи, в использовании постулатов и правил общения, тем многообразнее КС и КТ, и тем успешнее он добивается поставленных целей. Считается, что чем более официальная обстановка общения и социальные роли говорящих, тем более жесткий план, более стереотипные рамки и строже контроль за КС и КТ

[5]. С точки зрения функциональности О.С. Иссерс выделяет основные (семантические, когнитивные) и вспомогательные (прагматические, диалогические и риторические) стратегии. Основной называется стратегия, которая на этапе коммуникативного взаимодействия является наиболее значимой с точки зрения иерархии мотивов и целей. В большинстве случаев к основным стратегиям относят те, которые непосредственно имеют компонент воздействия на адресата, его модель мира, систему ценностей, его поведение. Вспомогательные стратегии способствуют эффективному диалогическому взаимодействию, оптимальному воздействию на адресата. Так, стратегически значимыми являются все компоненты коммуникативной ситуации: автор, адресат, канал связи, коммуникативный контекст (сообщение является предметом семантической стратегии). В связи с этим выделяют стратегию самопрезентации, статусные и ролевые стратегии, эмоциональные компоненты стратегии и др. Коммуникативная ситуация диктует выбор речевого акта, оптимального с точки зрения интенции адресанта [6].

Для выявления типа и признаков языковой личности политика в англо-американском политическом дискурсе 21 века мы исследовали речевое поведение 45-го президента США, Д. Трампа, его публичные выступления за 2017-2019 гг., посвященные проблемам внутренней и внешней политики, терроризму, военным действиям на территориях других государств, экономическим и миграционным проблемам. Анализ этих выступлений позволил выделить основные и вспомогательные КС. Фактором, позволяющим отнести ту или иную КС к основному или вспомогательному типу, послужил не только функциональный критерий (значимость с точки зрения иерархии мотивов и целей), но и количество текстов, реализующих стратегию, т.к. основные стратегии имеют значительное количественное превосходство [1, с. 11].

Основные коммуникативные стратегии:

1. **КС героизации** возвеличивает в глазах слушателей граждан США, находящихся на военной и государственной службах. Мотив, лежащий в основе стратегии, – восстановить и увеличить доверие избирателей к государственным службам страны.

Эта КС реализуется при помощи ряда КТ, таких как: 1) КТ подчеркивания высоких морально-этических качеств, строящаяся на перечислении положительных качеств личности, которые герой проявляет в кризисной ситуации (Президент намеренно подчеркивает те моральные качества,

которые высоко оцениваются народом); 2) КТ «Я/Он – профессионал» подчеркивает в герое качества, которые свидетельствуют о его профессиональной компетентности (ссылка на опыт, демонстрация уверенности в правильности шагов, гиперболизация в оценке действий) – все это помогает создать образ национального героя; 3) КТ создания «образа защитника» убеждает слушателей в том, что перед ними настоящий защитник народа и всего человечества, который в силу своего профессионального выбора и назначения, ежедневно делает все возможное, чтобы защитить население своей страны от внешних и внутренних угроз : *"My administration is doing everything in our power to help those impacted by the situation, but the only solution is for Democrats to pass a spending bill that defends our borders and reopens the government"* (The New York Times, Jan. 8, 2019); 4) КТ похвалы – положительная оценка достижений внутри страны и на мировой арене. Стратегия героизации относится к типу семантических (когнитивных) стратегий, т.к. она связана с воздействием на систему ценностей адресата. Ведущая роль в реализации стратегии героизации отводится эмоциональной аргументации.

2. **КС создания психологического напряжения** оказывает существенное влияние как на систему ценностей, так и на поведение адресата. Целью данной стратегии является желание запугать адресата, мотивом – побуждение к сознательному настороженному отношению к окружающей действительности. Каждая из тактик, реализующая данную стратегию, направлена на нагнетание ситуации, и потому главную роль в системе аргументации играют эмоциональные доводы: *"Every day, Customs and Border Protection agents encounter thousands of illegal immigrants trying to enter our country. We are out of space to hold them, and we have no way to promptly return them back home to their country. America proudly welcomes millions of lawful immigrants who enrich our society and contribute to our nation, but all Americans are hurt by uncontrolled illegal migration"* (The New York Times, Jan. 8, 2019), велико значение натуралистических деталей, описываемых с помощью метафор и эпитетов, прилагательных в превосходной степени сравнения, синтаксического параллелизма: *"This is a humanitarian crisis. A crisis of the heart, and a crisis of the soul. Last month, 20,000 migrant children were illegally brought into the United States, a dramatic increase. These children are used as human pawns by vicious coyotes and ruthless gangs. One in three women are sexually assaulted on the dangerous*

trek up through Mexico. Women and children are the biggest victims, by far, of our broken system" (The New York Times, Jan. 8, 2019), которые дают возможность увидеть своими глазами ужас трагедии. Для большей убедительности президент надевает маску сочувственного комментатора, и тогда боль участников событий предстает перед слушателем в гиперболизированном виде. Способы реализации этой тактики достаточно разнообразные: введение в речь эпитетов, метафор, гипербол, антитезы, анафоры, сравнения, модальных глаголов и фраз, авторских олицетворений, параллельных конструкций и т.п. Результатом воздействия КС создания психологического напряжения является конструирование в сознании адресата образа врага всей нации, образа террориста, образа прошлого, образа будущего, образа президента. Итогом проецирования данных образов является ощущение соучастия в событиях.

3. **КС дискредитации** используется для изменения мнения адресата о происходящих событиях и действиях как политических лидеров, так и простых людей, занятых в той или иной политической, социальной или культурной сферах. Мотив – разобраться в ситуации и найти виновных.

Стратегия дискредитации является одной из самых востребованных в текстах политического дискурса. «Стратегия дискредитации может быть рассмотрена в рамках глобальной стратегии в области речевого воздействия, которую можно обозначить как «игру на понижение» [6, с.160]. Основу стратегии дискредитации составляет оппозиция «Свои – Чужие». Данная стратегия реализуется с помощью таких тактик как: 1) КТ «передачи слова» жертвам, ведущую роль для реализации представляют негативно оценочные существительные и глаголы, фразеологические единицы с негативной коннотацией, сленгизмы и жаргонизмы: *"Collectively known as — as an example, catch-and-release"*.; 2) КТ совместного рассуждения: *Over the last several years I have met with dozens of families whose loved ones were stolen by illegal immigration. I have held the hands of the weeping mothers and embraced the grief stricken fathers. So sad, so terrible. I will never forget the pain in their eyes, the tremble in their voices, and the sadness gripping their souls. How much more American blood must we shed before Congress does its job?"* (The New York Times, Jan. 8, 2019); 3) КТ оскорбления («использование инвективов в современном политическом дискурсе – один из самых распространенных приемов полемики» [12], реализуемая с помощью негативно оценочной лексики, фразеологических единиц с негативной конно-

тацией и сленгизмов: *"The human traffickers, the lowest scum on Earth. The lowest scum on Earth."* (The New York Times, Jan. 8, 2019); 4) КТ выражения антипатии: *"We go through years and years of litigation because of the Democrats and the incompetent, very, very stupid laws that we have."* (The New York Times, June 26, 2018).

Вспомогательные коммуникативные стратегии:

1. КС пробуждения сочувствия, реализуемая с помощью тактик: 1) нагнетания отрицательных эмоций (ведущую роль играют метафоры и эпитеты): *"America's heart broke the day after Christmas when a young police officer in California was savagely murdered in cold blood by an illegal alien, just came across the border. The life of an American hero was stolen by someone who had no right to be in our country. Day after day, precious lives are cut short by those who have violated our borders."* (The New York Times, Jan. 8, 2019); 2) детального портрета: *"In California, an air force veteran was raped, murdered, and beaten to death with a hammer by an illegal alien with a long criminal history. In Georgia, an illegal alien was recently charged with murder for killing, beheading, and dismembering his neighbor. In Maryland, MS-13 gang members who arrived in the United States as unaccompanied minors were arrested and charged last year after viciously stabbing and beating a 16-year-old girl."* (The New York Times, Jan. 8, 2019)

2. КС формирования национального духа. Ведущими тактиками для реализации данной стратегии являются: 1) КТ «все под контролем»: *"My administration has presented Congress with a detailed proposal to secure the border and stop the criminal gangs, drug smugglers, and human traffickers. It's a tremendous problem."* (The New York Times, Jan. 8, 2019); 2) КТ «лучше чем у других»; 3) КТ «все будет хорошо»: *"Our proposal was developed by law enforcement professionals and border agents at the Department of Homeland Security. These are the resources they have requested to properly perform their mission and keep America safe."* (The New York Times, Jan. 8, 2019)

3. КС стимулирования рассуждения реализуется с помощью таких тактик как: 1) КТ совместного рассуждения: *"We have been disrespected, mocked and ripped off for many, many years by people that were smarter, shrewder, tougher. We were the big bully, but we were not smartly led."* (The New York Times, Jan. 20, 2017), в большинстве случаев реализуется с помощью глаголов, имеющих негативную оценку и выражающих агрессию; 2) КТ создания образа будущего: *"These are the resources they have request-*

ed to properly perform their mission and keep America safe. In fact, safer than ever before." (The New York Times, Jan. 8, 2019).

4. КС воодушевления слушателей. Основными тактиками реализации данной стратегии являются: 1) КТ диалогичности: формы обращения Д. Трампа к народу отображают стремление показать единство правительства США и народа в достижении целей, особенно сложных как в ситуациях жизнедеятельности нации внутри страны, так и за рубежом: "*My fellow Americans, tonight I'm speaking to you because there is a growing humanitarian and security crisis at our southern border."* (The New York Times, Jan. 8, 2019).; 2) КТ эмоционального воздействия: лексические единицы, используемые президентом достаточно просты, однако его речь изобилует образными сравнениями, живыми, яркими примерами, в которых часто присутствует эмоционально-экспрессивная лексика, как с положительной, так и негативной коннотацией; 3) КТ привлечения внимания: для аргументации своих политических воззрений Д. Трамп отдает предпочтение простым предложениям, осложненным причастными конструкциями.

Таким образом, особые параметры институционального, а именно политического дискурса, позволяют исследовать языковую личность политика с присущим ему речевым поведением, коммуникативными стратегиями и тактиками, нацеленными на реализацию функции воздействия, направленную на достижение основной цели политической коммуникации – борьбы за власть. Политик в англо-американском политическом дискурсе 21 века выступает одновременно в двух ипостасях, как когнитивно-речевой субъект собственного дискурса и как субъект политического дискурса. В результате, политический деятель как языковая личность проявляет себя в дискурсивных действиях, трансформируясь в дискурсивную личность со свойственными для нее гендерными, возрастными, этническими, психологическими, эмоциональными и профессиональными признаками. Дискурсивная личность политика обладает определенным, свойственным именно ему речевым портретом, т.е. системой индивидуальных коммуникативных стратегий и тактик, когнитивных предпочтений, сформированных в процессах интеракции.

Языковая личность политика реализуется в определенном стратегическом и тактическом комплексе, который предусматривает наличие набора разноуровневых языковых средств, которые необходимы для создания текстов, где понятия стратегии и тактики приобретают особое значения

для языковой личности политического деятеля, представляют собой оптимальную реализацию интенций того, кто говорит, направленную на достижение конкретно поставленной цели общения, согласованной со статусно-ролевыми и психологическими характеристиками субъектов политического дискурса и обусловленную коммуникативным опытом, который предусматривает подчинение законам и нормам в соответствующей сфере коммуникации и конкретно смоделированной ситуации общения.

Анализ публичных выступлений Д. Трампа позволил охарактеризовать его как языковую личность, способную аргументировано и эмоционально убедительно призывать народ к действиям, определяющим дальнейшие изменения в жизни страны и за рубежом. Когнитивная система данного политика ориентирована преимущественно на универсальные ценности, его коммуникативное поведение способствует их культивированию в США и за их пределами, что достигается посредством выработанной системы коммуникативных стратегий и тактик, где среди основных президент использует стратегии героизации, создания психологического напряжения и дискредитации, реализуемые с помощью таких тактик как тактика подчеркивания высоких морально-этических качеств, «Я/Он – Профи», тактика создания «образа защитника», похвалы, «навешивания ярлыков», обвинения, «передачи слова» анонимному информатору, совместного рассуждения, оскорбления, выражения антипатии и вспомогательных, таких как стратегия пробуждения сочувствия, формирования национального духа, стимулирования рассуждения, воодушевления слушателей, которые в свою очередь реализуются с помощью тактики нагнетания отрицательных эмоций, детального портрета, таких тактик как «все под контролем», «лучше чем у других». «все будет хорошо», совместного рассуждения, создания образа будущего, столкновения мнений, диалогичности, эмоционального воздействия, привлечения внимания и др.

Подводя итоги, можем утверждать, что изучение речевой деятельности современного политика с учетом политических, экономических, социальных и культурных процессов в обществе, посредством когнитивно-прагматического анализа личностных дискурсов можно рассматривать создание «речевых портретов» современных политических деятелей, равно как и функционирование различных типов языковой личности ведущих политиков нашего времени.

Литература

1. **Антонова, Ю.А.** Коммуникативные стратегии и тактики в современном газетном дискурсе (отклики на террористический акт) [Текст]: автореф. дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык» / Антонова Юлия Анатольевна. – Екатеринбург, 2007. – 25 с.

2. **Арутюнова, Н.Д.** Стратегия и тактика речевого поведения [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Прагматические аспекты изучения предложения и текста. – Киев: Высшая школа. – 1983. – С. 11-13.

3. **Белова, А.Д.** Лингвистические аспекты аргументации. [Текст] / А.Д. Белова. – К.: Логос, 2003. – 304 с. – ISBN 5-7763-4559-6.

4. **Демецкая, В.В.** Динамика функционирования концепта «политика» в политической речи: интралингвистическая адаптациям [Текст] / В.В. Демецкая // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – Т. 19 (58). – 2006. – №2.

5. **Демьянков, В.З.** Конвенции, правила и стратегии общения (интерпретирующий подход к аргументации) [Текст] / В. З. Демьянков. – М.: Наука. – 1989. – Т.41. – №4. – 1982. – С.327-337.

6. **Иссерс, О.П.** «Паша «Мерседес», или речевая стратегия дискредитации [Текст] / О.П. Иссерс // Вестник Омского университета. – 1997. – №2. – С.51-54.

7. **Карасик, В.И.** Язык социального статуса [Текст] / В.И. Карасик. – М.: Институт языкознания РАН; Волгоградский пед. ин-т, 1992. – 310 с. – ISBN 5-94244-008-5.

8. **Караулов, Ю.Н.** Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 262 с.

9. **Караулов, Ю.Н.** Типы коммуникативного поведения носителя языка в ситуации лингвистического эксперимента [Текст] / Ю.Н. Караулов // Этнокультурная специфика языкового сознания / Под ред. Н.В. Уфимцевой. – М., 1996. – С. 67-96.

10. **Селивестрова, Л.Н.** Речевое поведение политических деятелей Германии XX века: на материале их публичных выступлений и мемуаров [Текст]: Дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 «Германские языки» / Селиверстова Л.Н. – Ростов-на-Дону, 2004. – 168 с.

11. **Формановская, Н.И.** Речевой этикет и культура общения. [Текст] / Н.И. Формановская – М., 1989. – 156 с.

12. **Чудинов, А.П.** Политическая лингвистика [Текст] / А.П. Чудинов // Учебное пособие для студентов, аспирантов, преподавателей-филологов. – М.: Изд-во «Флинта», 2006. – С. 40-80. – ISBN 5 89349 897 6. 9785893 498974.

К.А. Шостак
Донецкий национальный университет

СЕМАНТИКА И СТРУКТУРА АНТРОПОНИМОВ ГЕРМАНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Аннотация

Настоящая статья посвящена анализу лингвокультурологических особенностей английских имен, фамилий и прозвищ, восходящих к германским апеллятивным основам с компонентами “война и военное обмундирование”, “личностные качества человека”, “внешние черты”, “государственное управление”, “мифология и анимализм”, “доблесть и слава”, “мир, защита”, “межличностные отношения и родственные связи”, “окружающая среда”, “род деятельности, ремесло” и другие. Актуальность представленной статьи обусловлена новым подходом к изучению семантических и структурных особенностей английских антропонимов германского происхождения (далее АГП) как единиц системы языковой номинации на уровне язык-мышление, а также возрастающим научным интересом к социолингвистическим исследованиям антропонимических единиц. Цель статьи заключается в описании особенностей семантики и структуры английских имен, фамилий и прозвищ германского происхождения как особых языковых единиц, которые отражают систему культурных ценностей и этноспецифических доминант английского языкового сообщества.

Ключевые слова: *английский антропоним германского происхождения, имена, фамилии, прозвища, антропонимическая система, апеллятивная основа, дифференциальная сема, лингвокультурология, картина мира, языковая личность*

SEMANTICS AND STRUCTURE OF THE ANTHROPONYMS OF THE GERMANIC ORIGIN IN THE ENGLISH LINGUOCULTURE

Abstract

The present article deals with the analysis of the peculiarities of the English proper names, surnames and nicknames of the Germanic origin with the components “war and military uniform clothing”, “personal qualities”, “appear-

ance", "government control", "mythology and animalism", "courage and glory", "peace and defense", "interpersonal relationships and family ties", "environment", "forms of activity and occupation" and others. As for the topicality of the given article, it is conditioned by a new approach to studying the semantic structure of the English anthroponyms as language units reflecting the peculiar way of thinking of the English-speaking community, as well as increasing scientific interest in sociolinguistic studies of anthroponymic units. The article aims at describing the semantic features of the English names, surnames and nicknames of Germanic origin as special language units, which reflect the system of cultural values and ethnospecific dominants of the English language community.

Key words: *English anthroponym of the Germanic origin, personal names, surnames, nicknames, anthroponymic system, appellative stem, distinctive seme, linguo-cultural studies, linguistic picture of the world, linguistic personality*

Невозможно представить повседневную жизнь без употребления имен собственных или антропонимов, что в переводе с греческого обозначает *«anthropos»* – человек и *«onyma»* – имя, название [2, с. 120]. Представляя собой важную составляющую жизни любого человека, антропонимы, являясь частью языковой системы, всегда привлекали внимание ученых. Обзор английского антропонимикона проводился в работах следующих зарубежных и отечественных лингвистов. Особенности семантики ономастической лексики рассматриваются в трудах A.H. Gardiner, А.В. Суперанской и др., структурные особенности имен собственных (далее ИС) освещены в работах Л.Б. Бойко, А.В. Суперанской. Большой интерес для нас представляют работы, посвященные лингвокультурологическому аспекту антропонимов, это работы таких исследователей как: В.А. Никонов, по мнению которого, в антропонимах прослеживается социальное начало, В.А. Маслова, которая полагает, что личность должна рассматриваться в аспекте культурной традиции народа, А.А. Леонтьев, который считает, что личность — это социальное существо по своей природе, так как она постоянно вступает в диалог с миром, сама с собой и себе подобными.

Фокусом настоящей статьи являются английские антропонимы, восходящие к германским апеллятивным основам с компонентами "война и военное обмундирование", "личностные качества человека", "внешние

черты", "государственное управление", "мифология и анимализм", "доблесть и слава", "мир, защита", "межличностные отношения и родственные связи", "окружающая среда", "род деятельности, ремесло" и другие. *Объектом* исследования в данной статье выступают английские имена, фамилии и прозвища, этимологически восходящие к германским апеллятивным основам. *Предметом* исследования являются семантические и структурные особенности английских антропонимов как элементов английской лингвокультуры. *Материалом* исследования послужили 1071 АГП: из них 491 имя, 505 фамилий и 75 прозвищ, отобранных из современных лексикографических источников.

В результате семантического анализа представляется возможным произвести классификацию языкового материала по семантическим признакам. Так, двумя наиболее продуктивными классами выступают группа антропонимов с компонентом «война и военное обмундирование» (121, 21%), а также «личностные качества человека» (113, 20%). Периферийный класс – прозвища с дифференциальной семой «род деятельности, ремесло» (12, 2%).

Такой набор апеллятивных основ АГП является свидетельством авантюрно-героического восприятия действительности средневековым англосаксонским обществом и выступает выразителем существующей модели мировосприятия данного народа, что нашло свое отражение в компонентах имен и фамилий рассматриваемого класса. Тема войны и связанные с этим понятием другие явления и объекты окружающей действительности, в контексте рассматриваемого периода – эпохи средневековья, занимали одну из центральных позиций в национально-культурной картине мира на островных территориях англосаксов [6, с. 132]. В отношении класса антропонимов – «личностные качества человека», является возможным отметить, что ИС, будучи «пожелательными» [4] антропонимическими единицами, создавались имядателями с целью уберечь носителя имени от опасности и для формирования тех качеств характера, которые бы хотели видеть родители в нарекаемом этим именем ребенке, что связано с мифологическим восприятием существующей картины мира англосаксами. В свою очередь, дифференциальные семы фамильных онимов этого класса являются выразителем главной функции этих антропонимических единиц в период средневековья, когда они создавались с целью идентификации человека в обществе, чему предшествовало огромное количество имен, ко-

торые неоднократно повторялись и не могли выделить того или иного представителя коллектива.

Класс английских прозвищ является наименее представленной категорией данного исследования. Несмотря на это, является возможным выделение класса прозвищных онимов – «род деятельности, ремесло», в котором их апеллятивные основы демонстрируют идею зарождения и развития социально-экономических и рыночных отношений в формирующемся англосаксонском обществе.

Исследования антропонимов в лингвокультурологическом ракурсе не могут считаться полными без изучения их структурных особенностей, так как они позволяют выделить нужную историческую информацию о народе, а также сведения о социальных процессах на определенном этапе развития этой народности [5, с. 159]. Тщательный анализ структурных особенностей АГП свидетельствует о преобладании двухтемных антропонимов над однотемными.

Словообразовательные модели двухтемных антропонимов (419, 85% имен собственных; 406, 80% фамилий; 13, 17% прозвищ) сохранились лучше, чем компоненты однотемных ИС (72, 15% личных имен; 99, 20% фамилий; 62, 83% прозвищ), о чем свидетельствуют количественные данные. Это связано с более поздним возникновением двухтемных антропонимов и фактом их фиксирования в официальных документах и летописях, на основе которых позже создавались словари личных имен [1, с. 74]. Из этого утверждения можно заключить, что сложные антропонимы ассоциировались с определенным слоем общества, а именно – служили для обозначения представителей верхушки общества.

Несмотря на то, что группа однотемных антропонимов немногочисленна, она позволяет раскрыть нужную информацию о представителях низших слоев населения средневекового англосаксонского общества, передавая свернутый национально-культурный текст также отчетливо, как и двухтемные имена, фамилии и прозвища.

Таким образом, структурная композиция АГП как простого или сложного лексического образования сигнализирует о своей социальной направленности – выделении представителей высших слоев общества – двухтемные антропонимы, или выходцев из низших слоев населения – однотемные антропонимы. Иными словами, данные ИС передают сложные

процессы социальной стратификации, происходившие в период средневековья в англосаксонском обществе.

Совершив попытку исследовать лингвокультурологический потенциал двухтемных и однотемных антропонимов с семантическим объемом вышеуказанных компонентов, мы можем заключить, что имена, фамилии и прозвища как элементы ономастического пространства функционируют в качестве своеобразных культурных индексов в англосаксонской модели мира. Но, несмотря на их широкую употребительность вплоть до средневековья и значение в истории как языковых памятников, отражающих самосознание англосаксов, и зафиксированные подвиги этого народа, в наше время едва ли найдется сотня действующих антропонимов, что связано с потерей данных антропонимических единиц их первоначального самобытного значения.

Литература

1. **Гнаповская, Л.В.** Имя-текст: Структура, семантика, культурологические импликации [Текст] / Л.В. Гнаповская // StudiaPhilologica (Филологические студии). – К., 2012. – С. 73-79.

2. **Кисель, О.В.** Коннотативные аспекты семантики личных имен [Текст] : дис. на кадидата филол. наук : 10.02.19 / О.В. Кисель. – Челябинск, 2009. – 183 с.

3. **Суперанская, А.В.** Общая теория имени собственного [Текст] / А.В. Суперанская. – М. : ЛКИ, 2009. – 370 с.

4. **Сысоева, Е.С.** Лингвистический статус оценочного антропонима в английской лингвокультуре [Текст] / Е.С. Сысоева // Ономастика Поволжья: материалы XVI Международной научной конференции, посвященной 50-летнему юбилею первой Поволжской ономастической конференции и памяти ее организатора В.А. Никонова (Ульяновск, 20–23 сентября 2017 г.) / под ред. С.В. Рябушкиной, В.И. Супруна, Е.В. Захаровой, Е.Ф. Галушко. – Ульяновск: ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И.Н. Ульянова», 2017. – В 2 т., Т. 2. – С. 157-164.

5. **Шостак, К.А.** «Мир» и «война» глазами англосаксов в английских антропонимах германского происхождения [Текст] / К.А. Шостак // Язык и языковое образование в современном мире: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции 13 апреля 2016 года / под ред. Е.Е. Беловой. Н. Новгород: Мининский университет, 2016. – С. 131-132.

И.А. Щирова
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

ИНТЕРПРЕТАТОР ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА: ТВОРЕЦ ИЛИ СОТВОРЕЦ?

Аннотация

В статье рассматриваются актуальные аспекты фундаментальной проблемы интерпретации и тот сотворческий вклад, который вносит интерпретатор в освоение текстового смысла. Описываются разные подходы к соотношению литературного творчества и литературной критики, анализирующей, интерпретирующей и оценивающей оригинальный продукт творческого воображения. Эти подходы обсуждаются в широком контексте идей конструирования и реконструкции текстового смысла. Попытка понять смысл художественного текста трактуется как попытка проникнуть в работу сознания Другого и понять особенности его/её картины мира через язык.

Ключевые слова: *литературное творчество, художественный текст, автор, соавтор, литературная критика, понимание, интерпретация, картина мира*

THE INTERPRETER OF A FICTIONAL TEXT: CREATOR OR CO-CREATOR?

Abstract

The paper dwells on the current issues of the basic problem of interpretation and that co-creative contribution that the interpreter makes to the development of textual meaning. Various approaches to the relationship between creative writing and criticism, which is expected to understand, interpret and evaluate the original work of creative imagination, are characterized. These approaches form part of a wide discussion of the ideas of textual meaning from the viewpoint of its construction and reconstruction. An attempt to understand the meaning of a fictional text is interpreted as an attempt to penetrate into the work of the Other’s consciousness and to grasp the peculiarities of his\her worldview by means of language.

Key words: *creative writing, fictional text, author, co-author, literary criticism, understanding, interpretation, worldview*

Проблемы понимания и интерпретации как реализации понимания занимают важное место в научных дискуссиях. Интерпретативный характер современной научной парадигмы подчеркивает значимость интерпретатора, обнаруживает в нем когнитивного субъекта, активно познающего мир, себя как часть мира и Другого, без диалога с которым невозможна самоидентификация. Способность к истолкованию порожденного Другим текста оценивается как интеллектуальная и жизненная необходимость. Интерпретация обеспечивает передачу культурного наследия человечества, сохраняет сконденсированную в тексте память цивилизаций. Понимание и интерпретация формируют условия существования человека, а изучение их природы, с учетом важности и фундаментального характера этих феноменов, не просто ограничивается поиском концептуально-методологических ориентиров, но и даёт им этическую оценку.

Взгляды на природу и механизмы интерпретации традиционно формулировались в концептуальном поле понятий «автор», «читатель» и «смысл» (интерпретация – это толкование смысла), меняясь в ходе развития социума, культуры и науки. Когнитивная направленность современной лингвистики предопределяет акцентуацию работы сознания в описании процессов порождения и восприятия текста. Интерпретативная деятельность читателя, коррелирующая с авторскими целевыми установками, оценивается как целенаправленная и когнитивная [2, с. 30]. Текст, объективирующий адресованный читателю смысл, трактуется как частный (индивидуально авторский) вариант концептуализации мира. Через сложную совокупность языковых средств, охватывающих все планы иерархически организованного текстового целого и обретающих, в конечном итоге, важную для лингвиста вербальную форму, автор транслирует оценку моделируемого в тексте мира, заявляет себя как языковая личность и когнитивный творческий субъект. Созданный им текст, однако, неизбежно нуждается в читателе, без которого текстовый смысл остается мертвым продуктом работы авторского сознания.

Расстановка концептуальных акцентов в дискуссии о роли автора и читателя зависит не только от личных исследовательских преференций, но

и от того, к какому научному (интерпретативному) сообществу исследователь принадлежит, установками какой парадигмы это сообщество руководствуется, и какими особенностями научного и общекультурного развития эти установки задаются. Так, если в ранней герменевтике, восходящей к толкованию священных текстов, интерпретатор «прислушивался» к «мнениям текста» и стремился передать смысл, заложенный в него Автором-творцом (Ф. Шлейермахер), то современные рецепционистские и постмодернистские концепции радикально ориентируются на читателя. Подтверждением служат идеи о полном потенциале текста, который читатель не способен исчерпать (В. Изер), об ингерентной незавершенности текста и наличии в его структуре пробелов и неопределенностей, заполняемых читателем в процессе интерпретации (В. Изер, Р. Ингарден), о множественности и конфликте интерпретаций текста (П. Рикер), об использовании текста интерпретатором и подчинением им интерпретации своим целям (Р. Рорти), о вкладывании смысла в текст (Дж. Хиллес Миллер) и пр. Все эти идеи заставляют оценивать роль читателя как творца, а не как сотворца.

Хотя подобная концептуальная акцентуация осуществляется на фоне доминирования субъектных стилей научного мышления, она едва ли убеждает в правомерности, поскольку вступает в противоречие с рядом факторов, скорее подтверждающих *заданность* текста, чем его неопределенность.

Так, *реальность ограничивает* наше познание. Поскольку читатель интерпретирует художественно-трансформированную модель мира, именно факты, как справедливо напоминает У. Эко, выступают точкой отсчета наших интерпретаций, а не наоборот [4, с. 538]. Более того, и моделируемый в тексте мир, и сам текст представляют собой *совокупность элементов, структурированных* определенным образом. Их толкование, следовательно, требует от интерпретатора знания *определенных языковых и общественных конвенций*. Существуют *традиционные прочтения текста*, доказательством чему служат сформированные в сознании читателя и связанные с текстом устойчивые ассоциации (ср. Отелло, символизирующий ревность, или Иуда, символизирующий предательство). По сути, такие смыслы содержатся во всех прецедентных феноменах (именах, ситуациях, высказываниях и пр.), хранящихся в нашей памяти как «сжатые образы», концепты, максимально уплотнённые представления о сюжете, персона-

жах, основные событиях и т.д. [1]. Традиционные прочтения позволяют говорить о *гибком содержательном инварианте* предлагаемых толкований, что не исключает их множественности как его вариативных реализаций. При таком допущении, «оригинальным ядром» (Д. Хирш), т.е. центром, организующим единую систему значения в парадигме различных интерпретаций, становится авторское намерение. Множественность интерпретаций, таким образом, не равносильна её произвольности.

В выработке традиционных прочтений текста важную роль играет литературная критика, нередко претендующая на научный статус. Без инструментов критики и традиционной филологии, признает Ж. Деррида, интерпретация могла бы развиваться в любом направлении и чувствовала бы себя вправе говорить что угодно (цит. по [4, с. 525]). Впрочем, взаимоотношения литературного творчества и литературной критики оцениваются неоднозначно. Так, по мнению Д. Лоджа, они могут трактоваться следующим образом:

1. Литературная критика дополняет (complementary to) литературное творчество.

2. Литературная критика противостоит (opposed to) литературному творчеству.

3. Литературная критика является разновидностью (a kind of) литературного творчества.

4. Литературная критика является частью (a part of) литературного творчества.

Первая (классическая) точка зрения исходит из того, что оба упомянутые вида деятельности имеют собственные задачи, приоритеты и привилегии. Писатели, наделенные творческим воображением, создают оригинальные произведения, а литературные критики их классифицируют, анализируют, интерпретируют и оценивают. Первичность создания художественного произведения становится основанием для рассмотрения литературной критики в качестве дополнения к этому процессу [6, p. 93].

Второе понимание анализируемой взаимосвязи акцентирует своеобразие литературной критики, наличие у неё специальных профессиональных навыков, методологического инструментария, необходимого для создания научного знания о литературе и предопределяющего её право на

оценку и суждение о литературном произведении. В интерпретации критика, заявляющего свой особый статус, автор не всегда узнает собственное произведение, что может вызвать его возражение [6, p. 98-99]. Так, Д.Г. Лоуренс называет критику скучным профессиональным жаргоном, псевдонаукой, апеллирующей к разуму там, где необходимы эмоции: Criticism can never be a science…The touchstone is emotion, not reason… All the critical twiddle-twaddle about style and form, all this pseudo-scientific classifying and analyzing of books in imitation-botanical fashion, is mere impertinence and usually dull jargon [5, p. 118].

Третья точка зрения приравнивает литературную критику к литературному творчеству, т.е. вступает в полемику с традиционными представлениями о необходимости стремления критика к объективности и поиску заложенного в произведении истинного (скрытого) смысла (ср. п. 1) [6, p. 97-98]. Как и авторы-творцы, критики в таком понимании, утверждают свою субъективность, предлагают субъективный отклик (subjective response) на литературное произведение, т.е. реализуют право на самовыражение. Росту популярности этого подхода способствовали идеи постструктурализма и деконструкции, стирающие границы между объективным и субъективным [6, p. 103]. Последний взгляд на соотношение литературного творчества и литературной критики обнаруживает в ней неотъемлемую часть творчества [6, p.106]. Так, Айвор Ричардс, с чьей деятельностью связывают становление школы новой критики в США, пишет о достоинствах литературного анализа, который не только обогащает литературное творчество, но и превращается в него, если этот анализ осуществляет поэт, стремящийся к оценке собственных произведений [3, с. 313].

Различие сформулированных точек зрения позволяет говорить не только о синкретизме литературной критики и её пограничном положении между искусством (художественным текстом) и наукой, но и о сложности вовлекаемых в дискуссию феноменов «художественный текст», «(литературное) творчество» и «интерпретация». Богатство и неоднозначность содержательного наполнения соответствующих терминов прогнозирует гибкость любых характеризующих их границ. Диалогичность мышления человека определяет обсуждение автора и читателя (интерпретатора / исследователя / профессионального критика) как взаимодействующих инстанций, однако, взгляды на данное взаимодействие закономерно изменяются в

ходе развития науки (см. выше). Представляется неоправданным преуменьшать роль автора, создающего оригинальный творческий продукт, без которого была бы невозможна интерпретация текста. Вместе с тем, уникальность личности интерпретатора apriori придает уникальность актуализируемому в сознании текстовому смыслу. Вне зависимости от того, каким целеориентиром руководствуется интерпретатор, желающий заявить свою субъективность или обнаружить глубинный (объективный) текстовый смысл, он неизбежно становится соавтором (сотворцем, в терминологии Д.С. Лихачева). Это предъявляет особые требования к конструктивному созданию каждой новой интерпретации и компетентности интерпретатора. Не утрачивает актуальности мысль У. Эко: «Я придерживался поппоровской идеи, согласно которой даже если нельзя распознать хорошие интерпретации, всегда можно установить плохие <…> тексты являются фактами, представляют собой нечто, предшествующее интерпретациям, то, чьи *преимущественные права* не ставятся под сомнение [4, с. 54] (Курсив мой – И.Щ.)

Литература

1. **Красных, В.В.** Структура коммуникации в свете лингвокогнитивного подхода (коммуникативный акт, дискурс, текст) [Текст] / автореф. дис. на соискание науч. степени докт. филол. наук: спец. 10.02.19: «Теория языка» / Красных Виктория Владимировна. – М., 1999. – 72 с.

2. **Кубрякова, Е.С., Демьянков, В.З., Панкрац, Ю.Г., Лузина, Л.Г.** Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] /. Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. – 245 с.- ISBN 5-89042-018

3. **Ричардс, А.А.** Поэтическое творчество и литературный анализ [Текст] // А.А. Ричардс Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX. М.: Прогресс, 1980. – с. 313-333.

4. **Эко, У.** От древа к лабиринту. Исторические исследования знака и интерпретации [Текст] / У. Эко. - М.: Академический проект, 2016. – 560 с. – ISBN 978-5-8291-1716-0.

5. **Laurence, D.H.** John Galsworthy [Текст] // D.H. Laurence. Selected Literary Criticism. - L: Mercury Books, 1961. – 297 p.

6. **Lodge, D.** Consciousness and the novel. Connected essays [Текст] // D. Lodge. – L: Vintage. – 322 p.

Н.А. Ярошенко
Донецкий национальный университет

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ СЛОЖНЫХ НОМИНАЦИЙ ЛИЦА С КОЛОРАТИВНЫМ КОМПОНЕНТОМ В ДИАЛЕКТАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация

В статье на материале словаря «Человек в производных именах русской народной речи» определяются и анализируются структурные и ономасиологические типы сложных номинаций лица с колоративным компонентом в диалектах русского языка. Выделяются ономасиологические базисы, ономасиологические признаки и ономасиологические модели рассматриваемых дериватов. Устанавливаются специфические особенности сложных номинаций лица с колоративным компонентом, характерные для диалектной языковой картины мира.

Ключевые слова: *номинация лица, композит, ономасиологическая модель, ономасиологический базис, ономасиологический признак, колоратив*

THE ONOMASIOLOGICAL TYPES OF COMPOUND NOMINATIONS OF PERSON WITH COLORATIVE COMPONENT IN RUSSIAN LANGUAGE DIALECTS

Abstract

The article deals with the structural and onomasiological types of compound nominations of person with colorative component in Russian language dialects. The structural and onomasiological types of mentioned compound nominations of person had been put up and analyzed on the material of the dictionary «A man in the derivative names of Russian popular speech». The onomasiological bases, onomasiological attributes as well as onomasiological models of derivative words under analysis had been established. The specific peculiarities of compound nominations of person with colorative component in dialect language picture of the world had been put up.

Key words: *nomination of person, composite, onomasiological model, onomasiological base, onomasiological attribute, colorative*

Проблема цветообозначений активно изучается в разных сферах научного знания, что в первую очередь объясняется таким фактом, как «значимость цветового зрения для разных наук о человеке» [2, с. 3]. Цвет, являясь одной из наиболее существенных категорий культуры, способен обозначать широкий круг материальных и идеальных признаков и явлений. В связи с этим колоративная лексика, как известно, занимает особое место в словарном составе любого языка. Неслучайно «данному фрагменту лексики был придан особый статус, сопоставимый, пожалуй, лишь со статусом терминов родства» [13, с. 4]. В последнее время вполне оправданно говорят о лингвистике цвета и цветообозначения как активно разрабатываемом направлении лингвистических исследований. При этом в рамках языкознания цветонаименования изучаются в лексико-семантическом, структурном, словообразовательном, грамматическом, функциональном, стилистическом, гендерном, когнитивном, лингвокультурологическом, психолингвистическом, этнолингвистическом, эволютивном, сопоставительном и др. аспектах.

Традиционно колоративная лексика определяется как группа слов, выражающих значение цвета. В работе под цветообозначением, следом за В. В. Сальниковой, понимаем «языковую или речевую единицу, в состав которой входит корневой морф, семантически или этимологически связанный с цветонаименованием» [8]. В исследованиях, посвящённых изучению цветонаименований на материале различных языков, отмечается, что в индоевропейских языках значительно преобладают производные цветообозначения (см. [4, с. 15]). При этом сложные слова с колороосновами (сложные монолексемные цветообозначения) рассматриваются главным образом на материале прилагательных-композитов (см. [3; 4; 6; 10; 12 и др.]). Вместе с тем **актуальным** является изучение сложных цветообозначений антропоцентрической сферы, т. е. исследование композитных номинаций человека, в структуре которых один из корней структурно и семантически соотносится с наименованием цвета.

Цель статьи заключается в том, чтобы определить типовые ономасиологические модели сложных номинаций лица с колоративным компонентом, функционирующих в диалектах русского языка.

Материал исследования извлекался путём сплошной выборки из такого лексикографического источника, как словарь «Человек в производных именах русской народной речи» [1]. Поскольку в работе термин *ком-*

позит используем в широком значении, то в поле нашего внимания попадают все номинации лица, в состав которых входит более одного корня (независимо от того, в каком виде – полном или сокращённом – этот корень представлен в сложном слове). **Картотека фактического материала** включает 838 сложных номинаций лица, извлечённых из указанного словаря, среди которых 37 единиц представляют собой номинации лица композитного типа с колоративным компонентом.

Методологической базой исследования в первую очередь выступают работы М. Докулила, Е.С. Кубряковой, Е.А. Селивановой, В.И. Теркулова [5; 7; 9; 11], посвящённые проблематике описания производных единиц в аспекте понятия ономасиологической структуры и её компонентов. В работе используем предложенную В.И. Теркуловым трёхчленную типологию композитов с точки зрения их ономасиологического статуса [11, с. 232].

Сложные номинации лица с колоративным компонентом, извлечённые из названного лексикографического источника, реализуют в своей структуре такие колорооснoвы, как *бел-* (18 производных) и *красн-* (19 дериватов). Прежде всего среди анализируемых композитных номинаций лица можно выделить следующие лексико-семантические группы: **1.** Номинации лица, в которых колоратив даёт характеристику какого-то аспекта внешности (в целом можно обозначить их как номинации-соматизмы): *белоголовик* ‘белокурый человек’, *белокоска* ‘русоволосая девочка или девушка’, *краснощёк* ‘обладатель красных щёк’ и др. Также в эту группу можно отнести номинации типа *красноноска* ‘пьяница’. **2.** Номинации лица, в которых колоратив реализует сему ‘ленивый’ (семантически соотносятся с номинациями-соматизмами): *белоличка* ‘молодой человек или девушка, занятые только собой, не приобщённые ни к какой работе’, *белоножка* ‘ленивая женщина’, *белохвостка* ‘белоручка, бездельница’ и др. **3.** Номинации лица, в которых колоратив репрезентирует сему ‘чистый’: *беломой* ‘чистоплотный человек’, *беломоя* ‘прачка’; ‘чистоплотный человек’, *беломойница* ‘женщина, стирающая бельё’ и др. **4.** Номинации лица, в которых колоратив реализует семы ‘хороший’ и ‘красивый’ (при этом эти семы могут реализоваться как одновременно, так и параллельно): *краснопевец* ‘человек, хорошо поющий и знающий много песен’, *краснослов* ‘красиво, хорошо говорящий человек’, *краснобай* ‘оратор’; ‘человек, говорящий ласково, льстиво, с тайным умыслом’, *красно-*

рядка ‘торговка красным товаром’, *краснотоварец* ‘коробейник’ и др. **5.** Номинации лица, в которых колоратив даёт характеристику одежды: *краснорубашечник* ‘тот, кто одет в красную рубашку’, *красносарафанки* ‘летние работницы из ряда уездов Новгородской губернии, носившие красные сарафаны’. **6.** Номинации лица, в которых колоратив даёт характеристику какого-то предмета, используемого человеком: *красноподушник* ‘тот, кто душил умирающего «красной подушкой», благодаря чему умерший как мученик якобы попадал в рай’, *краснорыбец* ‘торговец красной (осетровой) рыбой’ и др.

Систематизация фактического материала свидетельствует о том, что 9 единиц являются отглагольными дериватами (названия лиц мужского пола), 4 номинатемы – отсубстантивные модификационные производные (названия лиц женского пола, соотносимые с соответствующими номинациями мужского пола: *беломойка*, *краснопевка* и др.), остальные 24 деривата представляют собой композиты, образованные на базе колорооснovы и основы того или иного существительного (в том числе и сложно-суффиксальные дериваты).

Что касается отглагольных производных, то они входят в состав ЛСГ одноструктурных единиц (далее – ЛСГОЕ) с ономасиологическим базисом **«агент»/«субъект действия»**, т. е. «производитель действия». Названный ономасиологический базис конкретизируется в рамках следующих ономасиологических моделей: **1) «агент + квалитатив»**, где ономасиологический признак указывает на качество действия, способ его совершения (*краснопевец* ‘человек, хорошо поющий и знающий много песен’, *краснобай* ‘оратор’; ‘человек, говорящий ласково, льстиво, с тайным умыслом’, *краснозыря* ‘зевака’ и др.); 2) **«агент + трансгрессив»**, где ономасиологический признак определяет объект, на который направлено действие и который приобретает в результате воздействия на него новое качество (*беломойница/беломоюшка/беломоя* ‘женщина, стирающая бельё’).

Композиты, образованные на базе колорооснovы и основы того или иного существительного (в том числе и сложно-суффиксальные дериваты), входят в состав ЛСГОЕ с ономасиологическим базисом **«статус»** («положение субъекта в системе межличностных отношений, определяющее его права, обязанности и привилегии»). Данный ономасиологический базис уточняется в рамках таких ономасиологических моделей: **1) «статус + атрибутив»,** где ономасиологический признак указывает на качественный

признак лица, предмета, явления (*белобрыска* ‘блондинка’, *белокон* ‘белоглазый человек, с очень светлыми, почти белыми глазами’, *белоножка* ‘ленивая женщина’, *белоличка* ‘молодой человек или девушка, занятые только собой, не приобщённые ни к какой работе’ и др.); **2) «статус + локатив»**, где ономасиологический признак указывает на местонахождение в пространстве (*краснорядец* ‘мелкий торговец, прасол’, *краснорядка* ‘торговка красным товаром’ и др.); **3) «статус + дестинатив»**, где ономасиологический признак указывает на назначение лица, предмета, явления (*краснорыбец* ‘торговец красной (осетровой) рыбой’, *краснотоварец* ‘коробейник’ и др.); **4) «статус + посессив»**, где ономасиологический признак указывает на объект владения (*краснорубашечник* ‘тот, кто одет в красную рубашку’, *красносарафанки* ‘летние работницы из ряда уездов Новгородской губернии, носившие красные сарафаны’); **5) «статус + медиатив»**, где ономасиологический признак указывает на способ, средство действия лица, предмета, явления или воздействия на лицо, предмет, явление (*красноподушник* ‘тот, кто душил умирающего «красной подушкой», благодаря чему умерший как мученик якобы попадал в рай’).

Среди анализируемых диалектных сложных номинаций лица с колоративным компонентом представлены варианты: *беломойница — беломоюшка*; *беломой — беломоя* в значении ‘чистоплотный человек’.

Осуществить сопоставительный анализ ономасиологических и других параметров сложных номинаций лица с колоративным компонентом в общеязыковой и диалектной картине мира – следующая задача нашего исследования.

Литература

1. **Алексеенко, М. А.** Человек в производных именах русской народной речи. Словарь [Текст] / М. А. Алексеенко, О. И. Литвинникова. — М. : ООО «Изд-во ЭЛПИС», 2007. — 517 с.

2. **Василевич, А. П.** Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте: На материале цветообозначения в языках разных систем / А. П. Василевич. — М. : Наука, 1987. — 140 с.

3. **Герасименко, И. А.** Сложные слова с колорооснованами в русской лингвокультуре / И. А. Герасименко // Вісник Дніпропетровського національного університету імені О. Гончара. Сер. Мовознавство. — 2013. — Вип. 19. — Т. 1. — С. 79–88.

4. **Джалилова, М. Т.** Структурно-семантический анализ цветообозначения в таджикском, английском и русском языках [Текст] : автореф. дисс. … канд. филол. наук / Масъуда Тоджидиновна Джалилова. — Душанбе, 2016. — 26 с.

5. **Докулил, М.** Словообразование в чешском языке [Текст] / М. Докулил // Теория словопроизводства: резюме (на русском языке). — Прага, 1962. — 114 с.

6. **Краснянский, В. В.** Сложные цветообозначения русской речи / В. В. Краснянский // Традиционное и новое в русской грамматике : сб. ст. памяти В. А. Белошапковой / [сост. Т. В. Белошапкова, Т. В. Шмелёва]. — М. : Индрик, 2001. — С. 119–130.

7. **Кубрякова, Е. С.** Номинативный аспект речевой деятельности [Текст] / Е. С. Кубрякова. — М. : Изд-во ЛКИ, 2008. — 160 с.

8. **Сальникова, В. В.** Колоративная лексика в языковой картине мира героев произведений С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука» и А. Н. Толстого «Детство Никиты» // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 2 [Электронный ресурс] / В. В. Сальникова. – Режим доступа: https://www.science-education.ru/116-12828 (дата обращения: 18.03.2019).

9. **Селиванова, Е. А.** Когнитивная ономасиология [Текст] / Е. А. Селиванова. — К. : Фитосоциоцентр, 2000. — 248 с.

10. **Соснина, Л. В.** Структурные разновидности композитных цветообозначений / Л. В. Соснина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. — 2015. — № 2. — С. 58–66.

11. **Теркулов, В. И.** Композиты русского языка в ономасиологическом аспекте [Текст] : дисс. … д-ра филол. наук / Вячеслав Исаевич Теркулов. — Горловка, 2008. — 472 с.

12. **Фадеева, Т. М.** Структурно-семантическое своеобразие колоративных сложных эпитетов / Т. М. Фадеева // Вестник Московского государственного областного лингвистического университета. Сер. «Русская филология». — 2011. — № 5. — С. 40–45.

13. **Фрумкина, Р.М.** Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа / Р. М. Фрумкина. — М. : Наука. 1984. — 176 с.

Сопоставительные исследования
в аспекте современных лингвистических парадигм

Ш.Р. Басыров, Е.С. Кочиер
Донецкий национальный университет

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ПРЕДЕЛЬНОСТЬ» В АНГЛИЙСКОМ, ИСПАНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация

Статья посвящена сопоставительному исследованию фразеологических единиц (ФЕ) со значением «предельность» в английском, испанском и русском языках. Сопоставительный анализ ФЕ с семантикой предельности позволил вывить в английском, испанском и русском языках восемь семантических групп (предельность пространства, предельность количества, предельность времени, предельность движения/перемещения, предельность качества/оценки, предельность действия, предельность состояния человека и предельность размера), которые реализуются в исследуемых языках с различной степенью продуктивности. Наибольшую продуктивность в английском языке обнаруживают ФЕ с семантикой состояния человека, а в испанском и русском языках – ФЕ, обозначающие предельность действия. В каждом исследуемом языке выявлены ФЕ с лингвокультурологическим содержанием.

Ключевые слова: *предельность, семантика, функционирование, фразеологическая единица, продуктивность*

PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE MEANING OF «LIMIT» IN THE ENGLISH, SPANISH AND RUSSIAN LANGUAGES

Abstract

The paper addresses the comparative study of the phraseological units (PU) with the meaning of «limit» in the English, Spanish and Russian languages. Comparative analysis of units with limiting semantics allowed to single out eight semantic groups in English, Spanish and Russian (space limit, quantity limit, time limit, motion / movement limit, quality / assessment limit, action limit, limit of human state and size limit), which implemented in the studied languages with different degrees of productivity. The highest productivity in English is found in phraseological units with the semantics of the human state, and

in Spanish and Russian languages – phraseological units, indicating the limit of action. In each studied language, phraseological units with linguistic and culturological content were identified

Key words: *limit, semantics, functioning, phraseological unit, productivity*

1. Вступление

Настоящая статья посвящена ФЕ со значением «предельность» в английском, испанском и русском языках, ср.:

(1) англ. *against the clock* ‹to do smth. as fast as possible and try to finish it before a certain time› ‘очень быстро, в предельный срок’ (букв. против часов);

исп. *al alcance de la mano* ‹expresión que indica que una cosa material o inmaterial está muy cerca o es fácilmente asequible para una persona› ‘под рукой, близко, рукой подать; под боком, под (самым) носом’;

рус. *до последнего дыхания* ‹до самой смерти, до конца жизни›.

Под фразеологической предельностью понимается определенная степень проявления свойств действия, состояния, процесса, количественное изменение которых стремится к достижению предела определенного качества с отклонением от нормы как точки отсчета в сторону их увеличения либо уменьшения.

Материалом для настоящего сопоставительного исследования послужили названные ФЕ общим объемом 533 единиц (англ. – 190 ед., исп. – 146 ед., рус. – 197 ед.).

На сегодняшний день категория предельности исследована в работах многих отечественных и зарубежных ученых (В.П. Мусиенко [2], С.Л. Попов [3], С.Г. Ткаченко [4], И.И. Туранский [5], Б. Штефан [6]). Тем не менее, закрепившись в этих и других научных исследованиях, категория предельности до настоящего времени не нашла должного освещения. Тот факт, что многие лингвисты не пришли к общему пониманию «предельности», усложняет ее фактическое использование в лингвистике и обуславливает обращение к дальнейшему изучению данной категории.

Итак, актуальность настоящей работы заключается в необходимости установления научно обоснованной упорядоченной системы ФЕ, представляющей особенности функционирования категории предельности в структуре их значения в разноструктурных языках, а также обусловлена

лингвокультурологическим подходом к исследованию ФЕ с семантикой предельности как выражения структуры человеческого сознания.

Целью настоящей статьи является изучение семантики предельности на материале ФЕ английского, испанского и русского языков.

2. ФЕ с семантикой предельности в английском, испанском и русском языках.

Анализ семантики ФЕ, обозначающих предельность действия, процесса, состояния, позволил выявить в английском, испанском и русском языках следующие восемь семантических групп:

1) предельность пространства;

2) предельность количества;

3) предельность времени;

4) предельность движения/перемещения;

5) предельность качества/оценки;

6) предельность действия;

7) предельность состояния человека;

8) предельность размера.

Продуктивность данных семантических групп в сопоставляемых языках в целом неодинаковая. Наивысшую продуктивность проявляют:

– в **английском языке** – ФЕ, обозначающие предельность состояния человека (28%), ср.:

(2) англ. *to be in an agony of despair* ‹cause to lose hope› ‘быть в полном, безысходном отчаянии, сильно горевать’ (букв. быть в муках отчаянья);

исп. *dejar/e a uno como para de arrastre* ‹matar a alguien› ‘измучить, извести, уморить кого-л.’;

рус. *разодрать на себе ризы* ‹впадать в крайнее отчаяние, выражать глубокое огорчение›.

– в **испанском и русском языках** – ФЕ, обозначающие предельность действия (исп. – 19 %, рус. – 29 %), ср.:

(3) англ. *to go out of one’s way* ‹to make a special effort to do something› ‘приложить все усилия, из кожи вон лезть’;

исп. *darse uno de calabazas* ‹tratar muy duro› ‘расшибаться в лепешку, лезть из кожи вон, надрываться’;

рус. *пускать в ход все пружины* ‹прилагать все усилия, энергично действовать для осуществления чего-либо›.

Для выражения предельного эмоционально-психического состояния человека в сопоставляемых языках часто используются компоненты «сердце» и «душа», ср.:

(4) англ. *with all my heart* ‹to feel or to believe very strongly› ‘всей душой’ (букв. со всем сердцем);

исп. *odiar de todo corazon* ‹enormemente odiar› ‘ненавидеть всеми фибрами души, смертельно ненавидеть’;

рус. *до глубины души* ‹очень сильно волновать, поражать и т.д›; *сердце дрожит как овечий хвост* ‹кто-либо испытывает сильный страх.

Исследование показало частое использование в структуре предельных ФЕ соматизмов (глаза, ноги, руки, нос и др.). Добавим, что соматизмы чаще появляются в структуре русских ФЕ, в меньшей мере они характерны для английских и испанских ФЕ, ср.:

(5) рус. *в глазах темнеет* ‹от слабости, предельной усталости кому-либо становится плохо›;

англ. *until you are blue in the face* ‹for a great or unending length of time; until one has done it to exhaustion› ‘обессилеть, изнемогать, до посинения’ (букв. пока лицо не посинеет);

исп. *ir de apure una cosa* ‹agotamiento› ‘иссякать, истощаться, быть на исходе’.

«Предельность состояния человека» актуализируется в сопоставляемых языках также посредством зоонимных компонентов, входящих в структуру компаративных ФЕ, ср.:

(6) англ. *tired as a dog* ‹extremely tired; worn out› ‘сильно устать, устать как собака’;

исп. *estar de un humor de perros* ‹ser malo› ‘быть в ярости, быть злым как собака’;

рус. *хоть волком вой* ‹состояние отчаяния, бессилия, невозможности что-л. предпринять›.

Среди ФЕ, обозначающих предельность состояния человека, во всех сопоставляемых языках количественно преобладают фразеологизмы, обозначающие предельность негативного состояния. Преобладание ФЕ с негативным состоянием человека над ФЕ с положительным состоянием объясняется универсальной способностью человека более активно реагировать на отрицательные явления в жизни, что приводит к закреплению данных явлений в языке, в том числе и во фразеологии, ср.:

(7) англ. *to go off (at) the deep end* ‹go mad; behave extremely strangely› ‘потерять самообладание, выйти из себя’;

исп. *estar uno que bota* ‹estar muy enojado› ‘быть вне себя (от ярости, негодования), рвать и метать’;

рус. *доводить до крайности* ‹приводить кого-либо в состояние крайнего раздражения, выводить из себя›.

В английском языке предельная интенсивность состояния человека преимущественно охватывает такие негативные эмоции как злость, ненависть, в русском – душевные страдания (горе, печаль), а в испанском – раздраженность, нервозность.

Лингвокультороведческие особенности ФЕ в бóльшей мере находят свое отражение в семантических подгруппах ФЕ, обозначающих: 1) предельность действия; 2) предельность состояния человека; 3) предельность количества. Рассмотрим данное явление на примере английского фразеологизма, обозначающего крайнюю степень эмоционального и психического состояния человека: (8) *as jolly as a sandboy* ‹to be in very good spirits› ‘очень радостный, в нем жизнь бьет ключом’.

С точки зрения этимологии данный фразеологизм уходит корнями еще в 18-19 вв. При употреблении слова *sandboy*, представляется ребенок, беззаботно играющий в песочнице. Однако, данным словом называли людей, которые поставляли песок в качестве строительного материала в общественные дома и другие учреждения. Следует отметить, что люди данной профессии, из-за сильных физических нагрузок, часто пребывали в состоянии алкогольного опьянения и, несмотря на низкое социальное положение в обществе, торговцы песком производили впечатление счастливых и радостных людей. Рассматриваемая ФЕ имеет эквивалент в австралийском варианте английского языка, который звучит следующим образом: (9) *happy as a Larry* ‹completely happy› ‘без ума от счастья’ (букв. счастливый как Ларри). Данный фразеологизм, включающий в себя имя собственное, несет в себе культурно-национальную специфику. Добавим, что среди лингвистов нет единой точки зрения на происхождение и значение данной ФЕ. Наиболее распространенной является точка зрения, согласно которой Ларри – это австралийский боксер (Ларри Фоли), который был абсолютным чемпионом и не проиграл ни одного боя. С данным фактом ассоциируется состояние предельно счастливого человека.

Состояние радости, восторга ассоциируется также с идеей движения вверх, к небу, т.е. положительные эмоции как бы окрыляют и поднимают человека над земной поверхностью, ср.:

(10) англ. *to walk / flood on air* ‹to feel elated› ‘чувствовать себя окрыленным’ (букв. ходить/плавать в воздухе);

исп. *estar en el séptimo cielo* ‹estar en la gloria› ‘быть в восторге’ (букв. быть на седьмом небе);

рус. *летать на крыльях* ‹быть в приподнятом настроении›, *быть на верху блаженства* ‹быть безгранично счастливым, глубоко удовлетворенным›.

Количественное преобладание русских ФЕ над английскими и испанскими фразеологизмами объясняется экстралингвистическими факторами. Согласно исследованиям психологов и лингвистов, русскоговорящие люди сконцентрированы в бóльшей мере на отрицательных эмоциях, нежели на положительных. Напротив, англичане и испанцы отличаются доброжелательностью и позитивным восприятием окружающего мира и событий [1].

В анализируемом фразеологическом материале выявлены также ФЕ со значением «предельность/интенсивность действия»; ср.:

(11) англ. *all one knows* ‹emphasize the importance or significance of the following fact or facts› ‘максимально, до предела возможностей’;

исп. *agarrarse uno la barriga de risa* ‹morirse de risa› ‘надрываться от смеха, помирать со смеху’;

рус. *надрывать животики* ‹хохотать до изнеможения›.

Несмотря на то, что смех является положительной эмоцией, в английском и русском языках, данное состояние связывается с деструкцией человеческого тела. Добавим, что аналогичное явление характерно также для некоторых ФЕ, обозначающих сверхнапряженную умственную деятельность человека. Ср.:

(12) исп. *quebrarse uno la cabeza* / *romperse la cabeza* ‹pensar en algo› ‘ломать голову над чем-л., мучительно биться над чем-л.’;

рус. *лишаться ума* ‹утрачивать возможность соображать, понимать, здраво рассуждать и т.д.

3. Выводы

3.1. Семантическая категория «предельность ФЕ» находит свое яркое отражение во всех трех сопоставляемых языках (англ. – 190 ед., исп. – 146 ед., рус. – 197 ед.). Количественное преобладание английских и русских

ФЕ над испанскими фразеологизмами объясняется более высокой степенью вариативности их компонентного состава.

3.2. Основной корпус устойчивых единиц составили ФЕ, передающие предельную интенсификацию, т.е. отклонение от нормы в сторону увеличения привычного значения (90,43% или 482 ед.). Подобные отклонения часто фиксируются с помощью чувственного восприятия человека, его способностью улавливать всяческое отклонение от нормы. Напротив, ФЕ, обозначающие деинтенсификацию (= ослабление интенсивности), являются менее продуктивными (9,57% или 51 ед.).

3.3. В результате семантического анализа ФЕ в разноструктурных языках, выявлено 8 семантических групп, среди которых наиболее продуктивными являются фразеологизмы, обозначающие предельность состояния человека, предельность действия и предельность времени.

3.4. В структуре ФЕ с данной семантикой часто употребляются соматизмы (см. (4), (5)) и зоокомпоненты (см. (6)), мифологические существа (*у черта на куличиках, черт знает где*), хрононимы (*a king's ransom*) и антропонимы (см. (9)).

3.5. Для выражения предельности действия, состояния человека часто используется сравнение с животными, что наблюдается почти во всех семантических группах ФЕ. Использование соматизмов является средством зашифровки информации, понимание которой происходит на ассоциативном уровне.

Литература

1. **Вежбицкая, А**. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. [Текст] / А. Вежбицкая. – М. : Языки славянской культуры. – 2001. – 272 с.

2. **Мусиенко, В.П**. Функционально-семантическая категория меры в русском языке. [Текст] : дис...д-ра филол. наук: 10.02.01 / Мусиенко Валентина Павловна ; АН Украины, Ин-т языковедения им. А. А. Потебни. – К., 1992. – 447 с.

3. **Попов, С.Л.** Семантика предела и способы ее выражения в русском языке: предельные показатели «совсем» и «совершенно». [Текст] / Р.Н. Попов. – Харьков. – 1995. – 112 с.

4. **Ткаченко, С.Г.** Английские фразеологические единицы с градуальной семантикой: лингвокультуровогический аспект. [Текст] : дис. …канд. филол. наук. – Донецк. – 2018. – 197 с.

5. **Туранский, И.И.** Семантическая категория интенсивности в английском языке. [Текст] / И.И. Туранский. – М., 1990. – 172 с

6. **Штефан, Б.** Фразеологические единицы со значением «предельность» в современном русском языке [Текст]: дис. .... канд. филологические науки: 10.02.01. – Ростов-на-Дону. – 1984. – 217 с.

Э.С. Ветрова
Донецкий национальный университет

ЭТИКЕТНЫЕ ФОРМУЛЫ ПРИВЕТСТВИЯ КАК ЭЛЕМЕНТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ)

Аннотация

Статья посвящена сопоставительному исследованию особенностей этикетных формул приветствия в различных лингвокультурах. На материале русского, украинского, английского и лезгинского языков изучаются способы выражения приветствий, определяется роль данных этикетных высказываний в достижении эффективности коммуникативного процесса. Приветствия рассматриваются автором не как элементы фатической коммуникации, выполняющие исключительно функцию установления и поддержания контакта с собеседником, а как речевые единицы, обладающие глубокой семантикой и транслирующие различные коммуникативные и этнокультурные смыслы. Особое внимание в работе уделяется изучению роли приветствий в реконструкции национальной языковой картины мира. В результате сопоставительного анализа установлено, что приветствия представляют собой универсальную языковую категорию. Вместе с тем в каждом языке сформировалась своя система приветствий, которая отражает особый способ восприятия и концептуализации мира представителями различных лингвокультур.

Ключевые слова: *приветствие, этикетные формулы, языковая картина мира, ситуация общения, тип культуры*

ETIQUETTE FORMULAS OF GREETING AS ELEMENTS OF NATIONAL LINGUISTIC WORLD IMAGE (IN LANGUAGES WITH DIFFERENT STRUCTURE)

Abstract

The article considers the comparative study of etiquette greeting formulas in various linguistic cultures. On the material of the Russian, Ukrainian, English and Lezghin the ways of expressing greetings are studied, the role of these eti-

quette statements in achieving the efficiency of the communicative process is determined. The author considers greetings not as elements of phatic communication, performing exclusively the function of establishing and maintaining contact with interlocutor, but as speech units with deep semantics and translating various communicative and ethno-cultural meanings. Particular attention is paid to the study of the role of greetings in the reconstruction of national language picture of the world. In the result of comparative analysis it was established that greetings are universal language category. At the same time, each language has its own system of greetings, which reflects a special way of perception and conceptualization of the world by representatives of different linguocultures.

Key words: *greeting, etiquette formulas, linguistic world image, communication situation, type of culture*

В статье осуществляется сопоставительный анализ этикетных формул (ЭФ) приветствия русского, украинского, английского и лезгинского языков, напр., русск. *Здравствуйте!*, укр. Доброго здоров'я!, англ. *Good afternoon!*, лезг. *Нисин хийирар хьуй!* и др.

Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом лингвистов к антропоцентрической проблематике, ориентированной на изучение языка в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, духовной и практической деятельностью; недостаточной изученностью роли различных языковых единиц и категорий в реконструкции национальной языковой картины мира; необходимостью активизации сопоставительных исследований, направленных на выявление сходств и различий в вербальной категоризации объективной действительности в различных лингвокультурах.

Материалом исследования послужили ЭФ приветствия английского, русского, украинского и лезгинского языков, извлеченные методом сплошной выборки из толковых словарей.

Специфический способ восприятия окружающего мира фиксируется и аккумулируется в различных языковых единицах и категориях – в семантике лексем и фразеологических оборотов, в реализации тех или иных грамматических категорий и значений, в способах оформления синтаксических структур и др. Неотъемлемым компонентом языковой картины мира любого этноса является приветствие – обращение к собеседнику при встрече с выражением добрых пожеланий, расположения. Приветствие выступает коммуникативным зачином, который определяет не только исход

текущей коммуникации, но и перспективы дальнейшего общения, являясь транслятором важной для коммуникантов информации – «я тебя замечаю, хочу с тобой общаться, отношусь к тебе доброжелательно».

Описывая коммуникативную природу приветствий, большинство ученых отмечают их стереотипность, семантическую неполноценность, неинформативность. Данные ЭФ, как правило, относят к речевым штампам, элементам фатической коммуникации, которые используются «не для обмена информацией, а для установления контакта между собеседниками либо для обозначения того, что между ними имеются определенные социальные отношения» [1; 3]. Вместе с тем приветствия нельзя рассматривать как рудиментарные образования, т. к. помимо реализации ряда коммуникативных функций, данные ЭФ выступают эффективным средством познания объективной реальности и позволяют реконструировать некоторые фрагменты национальной языковой картины мира.

Согласно исследованиям в области межкультурной коммуникации (работы Р. Льюиса [2], Э. Холла [4], Г. Хофстеде [5] и др.) современное коммуникативное пространство представляет собой сложную систему, в которой взаимодействуют различные виды общения. Это обусловлено тем, что в стандартных ситуациях представители различных культур ведут себя по-разному, воспринимая те или иные коммуникативные обстоятельства сквозь призму собственного мировосприятия и используя специфические средства и способы передачи информации. Несмотря на то, что ситуация приветствия является универсальной, обслуживающие ее ЭФ в разных лингвокультурах оформляются и используются по-разному, что обусловлено в первую очередь принадлежностью этноса к тому или иному типу культуры.

Специфику коммуникативного поведения различных этносов в ситуации «Приветствие» определяют в первую очередь различия в восприятии времени, которые лежат в основе классификации культур на *монохронные* и *полихронные* [4]. По мнению Э. Холла, в монохронных культурах время воспринимается как явление линейное, конкретно ощущаемое, представляющее собой вещественную ценность – его можно приобрести, потратить или потерять. Исходя из того, что «монохронный» человек способен заниматься только одним видом деятельности в определенный отрезок времени и ориентирован на результат, он вынужден замыкаться в себе и надежно охранять свое личное пространство. В полихронном восприятии время циклично, трудноуловимо и не имеет вещественной ценности. Большую роль

играют межличностные отношения, общение с близкими людьми. Представители полихронных культур более динамичны в обращении со временем, эмоциональны, словоохотливы и коммуникабельны. Приветствия сопоставляемых языков демонстрируют преобладание монохронных характеристик в англоязычной коммуникативной культуре и полихронных черт в коммуникативном поведении лезгин, русских и украинцев. При этом следует отметить, что даже в рамках одного культурного типа время воспринимается этносами по-разному.

Отношение ко времени в сопоставляемых языках отражают темпоральные приветствия – ЭФ, в семантике которых содержится указание на определенный временной отрезок. Ср. русск. *Доброе утро!*, *Добрый день!*, *Добрый вечер!*, *Доброй ночи!*; укр. *Добрий ранок!*, *Доброго ранку!*, *З добрим ранком!*, *Добридосвіток!*, *Добрий день!*, *Добридень!*, *Доброго дня!*, *Добрий вечір!*, *Добривечір!*, *Доброго вечора!*, *Доброї ночі!*, *Добраніч!*; англ. *Good morning!, Good afternoon!, Good evening!, Good night!; лезг. Сабагь (пакаман) хийирар хьуй!* ‘Доброе утро!’, *Нисин хийирар хьуй!* ‘Добрый день!’, *Няни хийирар хьуй!* ‘Добрый вечер!’, *Йифен хийирар хьуй!* ‘Доброй ночи!’. Как свидетельствуют приведенные выше примеры, темпоральные приветствия – категория универсальная. Однако более детальное изучение особенностей использования данных ЭФ в различных этнокультурных контекстах позволяет сделать вывод о том, что концептуализация времени в различных лингвокультурах осуществляется по-разному. Так, например, в русском и украинском речевом этикете приветствия *Доброе утро!, Доброго ранку!* используются в неофициальной обстановке, как правило, непосредственно после пробуждения, пока участники коммуникации еще не приступили к своей дневной деятельности: *Еще не было восьми, когда он повернулся и увидел тревожный и внимательный взгляд супруги: –* ***Доброе утро,*** *– тихо произнесла она* [6]; ***– Добрий ранок,*** *– захрипло, після сну вітається господар* [7, т. 2, с. 321]. При обращении к коллегам по работе до обеденного перерыва данные ЭФ считаются неуместными, так как дневная деятельность людей уже давно началась. В лезгинском речевом этикете описанные выше ограничения в использовании темпоральных приветствий отсутствуют. Следует отметить, что лезгины, как и русские, «полихронны», тем не менее, со временем они обращаются более динамично. В восприятии жителей Кавказа время движется по кругу, в соответствии с естественными природными циклами: восходом и заходом солнца, сменой времен

года. Поэтому для лезгин время течет медленнее, чем для русских или украинцев. Используя приветствия: *Сабагь (пакаман) хийирар хьуй!*, *Экуьнин хийирар!* ‘Доброе утро!’; *Нисин хийирар хьуй!* ‘Добрый день!’; *Няни хийирар хьуй!* ‘Добрый вечер!’; *Йифен хийирар хьуй!* ‘Доброй ночи!’ лезгины акцентируют внимание не столько на времени суток, сколько на установлении благоприятных межличностных отношений. Лезгинские ЭФ лишены легкого официального оттенка, присущего аналогичным русским приветствиям, и могут адресоваться любому собеседнику, независимо от его пола, возраста, социального статуса.

Несмотря на то, что членение суток у лезгин практически такое же, как и в русской культуре, о полной тождественности семантики лезгинских и русских приветствий речь не идет. В лезгинском языке компонент *хийир* (*хийирар* – форма множественного числа), входящий в состав анализируемых ЭФ, имеет несколько толкований: 1) выгода, польза, прок; 2) прибыль; 3) добро, благо [8], т. е. по сематическому объему не совпадает с русским понятием «добро». Более того, в лезгинских словарях и учебниках при переводе данных приветствий на русский язык отдается предпочтение варианту ‘польза’: *Сабагь (пакаман) хийирар хьуй!* ‘Утренние пользы пусть будут!’, *Няни хийирар хьуй!* ‘Вечерние пользы пусть будут!’ и т. д., что свидетельствует о приоритетности данного понятия в сознании лезгин [8].

Об ином восприятии времени свидетельствуют английские приветствия. Английское утро, в отличие от русского или украинского, начинается в двенадцать ночи и заканчивается в полдень, т. е. составляет двенадцать часов. Именно поэтому английское приветствие *Good morning!* не содержит в своей семантике ограничения, связанного с началом деятельности и может использоваться в любое время с утра до обеденного перерыва. Таким образом, е*сли* для русской и украинской временных моделей суток структурно значимыми являются моменты пробуждения, начала и конца дневной деятельности, то для англичан и американцев членение суток зависит от объективного времени и структурируется в первую очередь полуднем, поскольку именно эта часть суток предназначена для работы, а значит является наиболее важной. Английские темпоральные приветствия отличаются и в стилистическом плане. Они более формализованы и в большей степени характерны для официального стиля общения, тогда как

аналогичные русские и украинские ЭФ могут употребляться и в неформальных контекстах.

В приветствиях сопоставляемых языков зафиксированы также различия в отношении к контексту, которые лежат в основе классификации культур на *высоконтекстные* и *низкоконтекстные* (по Э. Холлу). При этом английские ЭФ обнаруживают тенденцию к низкоконтекстному типу коммуникации, который характеризуется прямым стилем общения, беглостью речи, точностью в использовании слов и строгой логикой в построении высказываний. Приветствия в англоязычной лингвокультуре используются намного чаще, чем, например, в русском речевом этикете. При этом они имеют более формализованный и менее информативный характер. Отличительная особенность английского речевого этикета – приветствия в форме вопроса, ориентированные на демонстрацию повышенного интереса к адресату, даже если в реальности подобный интерес отсутствует. Широко распространенное в английском речевом этикете приветствие *How do you do?* (букв. ‘Как ты делаешь?’) предполагает аналогичный ответ – *How do you do?* Подобный бессодержательный мини-диалог, типичный для повседневного общения англичан и американцев, свидетельствует об их прагматизме, ориентированности на действие и результат, а не на межличностные отношения, которые в низкоконтекстных культурах часто имеют временный и поверхностный характер. Особое место в речевом этикете представителей англоязычной культуры занимают приветствия, относящиеся к категории *small talk* ‘короткий разговор’ (или ‘разговор ни о чем’) – лаконичные бессодержательные фразы типа *How are you doing?, What’s up?, How’re you?, How are you doing?, How is everything?, How’s everything going?, Lovely day, isn’t it!, Good to see you!, Nice party! [9], употребляемые* исключительно с целью поддержания разговора.

Подобные ЭФ зафиксированы и в других лингвокультурах. При этом наблюдаются следующие особенности. Так, например, в русском и украинском речевом этикете приветственные вопросы типа русск. *Как дела?, Как здоровье?, Как семья?*; укр. *Як справи?, Як ся маєте?* никогда не используются в качестве самостоятельного приветствия, они менее стандартизированы, по сравнению с их английскими коррелятами, и предполагают получить от собеседника краткую информацию о жизни, делах, семье, здоровье и т.д. В некоторых неформальных ситуациях подобные вопросы пони-

маются буквально и сопровождаются подробными сведениями адресата о себе, что в англоязычной культуре неприемлемо.

В лезгинском речевом этикете вопросы типа: *Вуч гьалар я?* ‘Как дела?’, *Вуч (цIийи) хабарар ава?* ‘Какие (свежие) новости?’, *Вуч хабарар ава?* ‘Что нового?’, *Хизанар гьикI я? Ви хизанар гьикI ава?* ‘Как семья?’, *Аялар гьикI я?* ‘Как дети?’, *Ви диде-буба гьикI ава?* ‘Как родители?’ и др. не функционируют как самостоятельные этикетные фразы и выполняют аналогичные русским вопросам функции, выступая эффективным средством поддержания разговора и проявления внимания к собеседнику. У лезгин, как и у русских, подобные ЭФ не всегда содержательно пусты. Лезгины вкладывают в них искреннюю заботу о том, как живет адресат, как у него обстоят дела дома, как он себя чувствует и т. д. Вопросы-осведомления иногда настолько поглощают внимание коммуникантов, что фатическое общение незаметно переходит в информативную беседу.

В русском, украинском и лезгинском речевом этикете отмечается активное использование приветствий-пожеланий. При этом следует отметить, что русские и украинские ЭФ ориентированы на пожелание здоровья, тогда как в лезгинской лингвокультуре более высокую ступень на шкале духовных ценностей занимает мир. Ср.: русск. *Здравствуйте!, Доброго здоровьица!, Здорово!* (разг.); укр. *Доброго здоров’я!, Здорові будьте!*, *Дай, Боже, здоров’я!,* лезг. *Салам алейкум!* ‘Мир Вам!’. Русские, украинские и лезгинские приветствия более информативны, по сравнению с английскими ЭФ, они ориентированы на межличностные отношения и формирование широкого информационного пространства, что соответствует принципам коммуникативного поведения представителей высоконтекстных культур. Примечательно, что степень «высоконтекстности» лезгинских приветствий значительно выше по сравнению с русскими и украинскими ЭФ. Для лезгинского речевого этикета в целом характерны метафоричность, идиоматичность, двусмысленность. При передаче информации жители Кавказа отдают предпочтение описательному, а не фактическому изложению информации, в результате чего большое внимание уделяется форме сообщения. Ярким примером лезгинского красноречия является традиционное приветствие приехавшего издалека гостя – *Вун атуй, рагъ атуй!* (русский эквивалент – ‘Добро пожаловать!’), что буквально означает ‘Ты пришел – солнце взошло!’.

Результаты исследования позволяют сделать следующие **выводы.**

В сопоставляемых лингвокультурах приветствиях – обязательный элемент повседневного общения. В общекультурном плане приветствия имеют много общего, т. к. в них отражаются стремления собеседников к взаимопониманию и установлению контакта. Вместе с тем структура приветствий, частота и особенности их использования в коммуникативной практике этносов, мировоззренческие установки, заложенные в семантике ЭФ, существенно различаются. В англоязычном узусе приветствия характеризуются частотностью, семантической опустошенностью, лаконичностью, высокой степенью стереотипизации и направлены на проявление вежливости и внимания к адресату. В русской, украинской и лезгинской лингвокультурах приветствия менее частотны, они имеют более весомую семантическую нагрузку и ориентированы на адресата, установление добрых взаимоотношений. В приветствиях сопоставляемых лингвокультур отражаются различные ценностные приоритеты: для русских и украинцев – это добро, здоровье; для лезгин – польза, мир; для англичан и американцев – движение, динамика. Выявленные различия обусловлены принадлежностью этносов к различным культурным типам – полихронному, высоконтекстному (русская, украинская, лезгинская лингвокультуры), монохронному, низкоконтекстному – англоязычная лингвокультура.

Литература

1. **Гак, В.Г.** Теоретическая грамматика французского языка [Текст] / В. Г. Гак. – М.: Добросвет, 2000. – 832 с.

2. **Льюис, Р.Д.** Деловые культуры в международном бизнесе: от столкновения к взаимопониманию [Текст] / Р. Д. Льюис. – Москва: «Дело», 2001. – 448 с.

3. **Шанский, Н.М.** Фразеология современного русского языка [Электронный ресурс] / Н. М. Шанский. – URL.: https://www.rulit.me/books/frazeologiya-sovremennogo-russkogo-yazyka-read-391809-25.html

4. **Hall, E.** The silent language [Text] / E. Hall. – New York: Doubleday, 1959. – 240p.

5. **Hofstede, G.** Culture’s consequences: International differences in workrelated values [Text] / G. Hofstede. – Beverly Hills, CA: Sage, 1980.

Список источников иллюстративного материала

6. **Абдуллаев, Ч.** Разорванный август / Ч. Абдуллаев [Электронный ресурс]. – URL.: http://loveread.ec/read_book.php?id =14011&p=3.

7. Академічний тлумачний словник української мови: в 11 т. – Т. 2. [Электронный ресурс]. – URL.: http://sum.in.ua/

8. **Гюльмагомедов, А.Г**. Словарь лезгинского языка [Текст] / А. Г. Гюльмагомедов. – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2004. – 1083 с.

9. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. – URL.: http://dictionary.cambridge.org/

Е. Ю. Войтенко
Донецкий национальный университет

ОЦЕНОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ СЕМАНТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С ЛЕКСЕМАМИ, ОБОЗНАЧАЮЩИМИ НАЗВАНИЯ СТИХИЙ, В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

Аннотация

В данной статье рассматривается оценочный компонент в семантике фразеологических единиц (ФЕ) с лексемами, обозначающими названия стихий, в английском и русском языках. В ходе анализа было установлено преобладание негативно-оценочных ФЕ, проанализировано влияние лексических компонентов на оценочный характер ФЕ, выявлены сходства и отличия в репрезентации оценки фразеологическими средствами английского и русского языков.

Ключевые слова: *фразеологическая единица, семантика, оценочный компонент, стихия*

EVALUATIVE COMPONENT OF MEANING OF THE ENGLISH AND RUSSIAN PHRASEOLOGICAL UNITS WITH LEXEMES, DENOTING THE FOUR ELEMENTS

Abstract

The article deals with the evaluation of the phraseological units with the lexemes, which denote the names of the four elements in the English and Russian languages. The prevalence of the phraseological units with the negative connotation has been revealed, the influence of the meanings of the lexemes under the study on the evaluation of the phraseological units has been analyzed, the

universal and distinctive features of the evaluation by the phraseological means of the English and Russian languages have been described.

Key words: *phraseological unit, semantics, evaluation, the four elements*

Данная статья посвящена анализу оценочного компонента в семантике английских и русских ФЕ с лексемами, обозначающими названия стихий. Актуальность исследования определяется общей направленностью современных лингвистических исследований на рассмотрение ФЕ с учетом культурных установок носителей языка. Как отмечает О.Л. Бессонова, «универсальность категории оценки неотъемлема от национальной специфики восприятия мира, при этом оценка характеризуется рядом критериев, которые отражают особенности национальной культуры и приобретают особенную ценностную значимость, что выражается в языке» [1]. Фразеология представляет собой такую область языка, которая особенно тесно связано с национально-культурными особенностями картины мира носителей языка. Как отмечает В. А. Маслова, значение ФЕ связано с фоновыми знаниями, традициями, нормами поведения и особенностями национального мироощущения [3]. Понятия стихий, вербализованные в языке, не только отражают отношение к окружающему миру и природе, но и являются культурно значимыми понятиями, частью картины мира носителей языка.

Материалом исследования являются 350 английских и 320 русских ФЕ с компонентами, обозначающими названия стихий, отобранных из английских и русских фразеологических и толковых словарей. В первую очередь, стоит отметить количественное соотношение ФЕ с компонентами, обозначающими названия стихий, в английском и русском языках (см. табл.1).

Таблица 1. *Количественное соотношение ФЕ с компонентами, обозначающими названия стихий, в английском и русском языках*

Английский язык		Русский язык	
Фраземообразующая лексема	Кол-во ФЕ, ед. (%)	Фраземообразующая лексема	Кол-во ФЕ, ед. (%)
Water	127 (36)	Вода	110 (34)
Fire	120 (35)	Огонь	60 (19)
Air	55 (16)	Воздух	36 (11)
Earth	43 (12)	Земля	102 (32)
Более одного компонента	5 (1)	Более одного компонента	12 (4)
Всего	***350 (100)***		***320 (100)***

Как видно из таблицы 1, в исследуемых языках доминантными фраземообразующими лексемами являются *water* и *вода* (127 и 110 ФЕ соответственно). Очевидно, что из всех рассматриваемых стихий, стихия воды имела для человека первостепенное значение. В. М. Мокиенко отмечает, что «комплекс мифологических представлений о «воде» у европейских народов почти необъятен, о чем свидетельствуют данные многих мифологических, символьных и этнолингвистических словарей» [4]. Вода имеет ярко выраженную символьную оппозицию – в народных представлениях это не только одна из стихий мироздания и источник всего живого, но и граница между мирами – путь в загробную, потустороннюю жизнь.

Следующей доминантной фраземообразующей лексемой в английском языке является *fire* – 35%. Фразеологизмов с лексемой *огонь* в русском языке в два раза меньше, чем в английском с лексемой *fire* – 60 (19%) и 120 (35%) соответственно. Данное соотношение обусловлено в первую очередь тем, что в английском языке лексема *fire* функционирует и как существительное, и как глагол. В частности, значительное количество ФЕ с компонентом *fire* возникает в связи с появлением в английском языке нового лексического значения глагола *to fire – 'to shoot bullets or bombs'*, обусловленного изобретением огнестрельного оружия.

Вышесказанное справедливо и относительно ФЕ с компонентами *воздух* и *air*, то есть лексема *air* в английском языке, в отличие от русского, является и существительным и глаголом.

Следует отметить различное соотношение ФЕ с лексемами *earth* и *земля* в исследуемых языках – 102 ФЕ (32%) в русском языке и 43 ФЕ (12%) в английском языке. Данное отличие обусловлено в первую очередь тем, что в русском языке присутствует значительное количество пословиц и поговорок с лексемой *земля*, являющихся обобщением жизненного опыта народа, например, *без хозяина земля – круглая сирота*, *своя земля и в горсти мила, земля кормит детей, как мать детей* и т. д. В составе английских ФЕ лексема *earth* практически не представлена в группе пословиц и поговорок, кроме тех, которые существовали в языках коренных народов Америки, например, пословицы *to touch the earth is to have harmony with nature* 'букв. прикоснуться к земле значит быть в гармонии с природой',

walk lightly in the spring; Mother Earth is pregnant ‘букв. легко, осторожно ступай весной; Мать Земля беременна’.

Особого внимания заслуживают те ФЕ, в составе которых присутствует более одного компонента, обозначающего названия стихий. В них более всего проявляются архаичные представления людей о силах природы и стихий, например, *fire and water are good servants, but bad masters* ‘посл. огонь и вода – верные друзья, но воли им давать нельзя’, в русском языке – *огонь не вода: охватит – не выплывешь, огня бойся, воды берегись*.

В данной работе в основе исследования оценочного компонента семантики ФЕ с компонентами, обозначающими названия стихий, лежит концепция А. В. Кунина, который выделил три аспекта фразеологического значения: сигнификативный, денотативный и коннотативный. Согласно А. В. Кунину, коннотация включает в себя эмотивный, экспрессивный, функционально-стилистический и оценочный компоненты, которые могут выступать вместе в разных комбинациях [2].

Анализ оценочного компонента показал, что среди ФЕ с компонентами, обозначающими названия стихий, в исследуемых языках превалируют негативно-оценочные: 55% в английском и 43% – в русском языке. Преобладание негативно-оценочных ФЕ связано в целом с психологическими особенностями человеческого мышления, с тенденцией вербализовать отрицательный опыт, негативное отношение к кому-либо или чему-либо. При этом стоит отметить, что в исследуемом материале отрицательная коннотация чаще всего отмечается у ФЕ с лексемой *water* в английском языке и *вода* – в русском. Например, максимальная опасность воды для человека отражена в английской ФЕ *to make a hole in the water* ‘утопиться’, русская ФЕ – *хоть в воду (омут, прорубь) с головой*. Древние представления о воде, как о пространстве, принадлежащему сверхъестественным силам, отражены в английской ФЕ, заимствованной из древнегреческих мифов: *waters of forgetfulness* ‘забвение, смерть’ и в русской ФЕ *мертвая вода*, источником которой является фольклор. Представления о чудотворных способностях воды прослеживаются во внутренней форме русских ФЕ – *выводить на чистую воду*, *как в воду глядел*, *вилами на (по) воде писано.* Кроме того, большая часть ФЕ с компонентом *water* выража-

ют отношение человека к воде как к неизведанному и опасному пространству, например, английские *deep waters* ‘горе, тяжелое, затруднительное или опасное положение’, *uncharted (troubled, murky) waters* ‘сложная, опасная, незнакомая ситуация’, русские – *подводный камень (течение), тихие воды глубоки*. По мнению А. Ланглоц, значительная часть ФЕ, описывающих водное пространство как угрозу, берут свое начало от представлений человека о путешествиях по морю или океану, которые всегда были связаны с трудностями и опасностями, такими как рифы, мели, подводные течения и т.д. [6, с. 160]

Анализ группы ФЕ, содержащих компоненты *fire* и *огонь*, показал, что в английском языке содержится значительное количество ФЕ с компонентом *fire* с положительной коннотацией, чего не наблюдается в русском языке. В исследуемом материале присутствует ряд английских ФЕ с положительной оценкой, в которых лексема *fire* функционирует со значением ‘страстность, воодушевление, эмоциональный подъем’, например, ФЕ *a fire in the blood* ‘огонь в крови, страсть, пылкость’, *be firing on all cylinders* ‘использовать умственные способности и энергию максимально’.

В отличие от английского, в русском языке большее количество ФЕ с положительной коннотацией наблюдается в составе ФЕ с лексемой *земля*. Как отмечает Ю. С. Степанов, понятие русской земли, ее особенности, необъятные просторы получили в культуре и литературе философское осмысление [5, с. 173]. То есть в картине мире носителей русского языка отражено отношение к земле как к кормилице, например, *плодовита как земля, родная земля и в горести мила.* Ряд русских ФЕ выражают любовь человека к земле, необходимость бережного к ней отношения, например, *родная земля, дедовская земля.*

В английском языке, в отличии от русского, среди ФЕ с компонентом *earth* наблюдается самый высокий процент нейтрально-оценочных единиц, например, *the ends of the earth* ‘отдаленные уголки’, *the four corners of the earth* ‘четыре страны света, весь мир’ и т. д.

Стоит также отметить, что во фразеологических фондах исследуемых языков отражена оппозиция стихий воздуха и земли. Воздух рассматривается как нечто легкое, ветреное и легкомысленное, в то время как земля рассматривается как нечто надежное и прочное, например, в русском

языке ФЕ *терять почву (землю)* означает забывать о действительности, утрачивать способность разбираться в происходящем, а ФЕ *висеть (повиснуть) в воздухе* – быть в неопределенном положении, без поддержки. Английская ФЕ *head-in-air* означает быть человеком мечтательным и непрактичным, а ФЕ *down-to-earth* – разумным и рациональным.

Таким образом, анализ оценочного компонента в семантике ФЕ с компонентами, обозначающими названия стихий, показал преобладание негативно-оценочных ФЕ, при этом отрицательная коннотация чаще всего отмечается у ФЕ с лексемами *water* и *вода*, положительная – в английском языке с лексемой *fire*, в русском – с лексемой *земля*, то есть, несмотря на то, что понятия стихий являются универсальными для разных народов, ФЕ, содержащие лексемы – названия стихий, отражают национально-культурные особенности миропонимания носителей языков.

Литература

1. **Бессонова, О. Л.** Эмотивные концепты в ценностной картине мира [Текст] / О. Л. Бессонова. // Наука и культура России. – 2011. – С. 146-148.

2. **Кунин**, А. В. Курс фразеологии современного английского языка [Текст] / А. В. Кунин. – М.: Высш. шк., Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996. 381 с.

3. **Маслова, В. А.** Лингвокультурология. [Текст] / В. А. Маслова. – М.: Издательский дом «Академия», 2001. 208 с.

4. **Мокиенко, В. М.** Вода как фразеологическая субстанция [Текст] / Н. Ф. Алефиренко // «Вода» в славянской фразеологии и паремиологии: коллективная монография: в 2-х томах. – Будапешт: Изд-во «Тинта», 2013. – Т. 1. – С. 110-116.

5. **Степанов, Ю. С.** Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. [Текст] – М.: Академический Проект, 2004. – 992 с.

6. **Langlotz, Andreas.** Idiomatic Creativity: A cognitive-linguistic model of idiom-representation and idiom-variation in English. [Текст] / Andreas Langlotz – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2005. – 326 p.

Д.А. Гармаш
Донецкий национальный университет

СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ И ПАРЕМИЙ, ВЕРБАЛИЗУЮЩИХ КОНЦЕПТ «ЛЮБОВЬ», В АНГЛИЙСКОМ, ИСПАНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация

Статья посвящена сопоставительному исследованию фразеологических единиц и пословиц, вербализующих концепт *любовь* в английском, испанском и русском языках. Актуальность данного исследования обуславливается необходимостью детального рассмотрения фразеологизмов и паремий, выражающих такое базовое чувство, как любовь. Сопоставительный анализ особенностей фразеологизмов и паремий в предложенных языках позволяет проследить универсальные и национально-культурные особенности эмоциональных картин мира разных лингвосообществ. В ходе анализа структурных особенностей фразеологизмов, вербализующих концепт «любовь» в английском, испанском и русском языках, было выявлено, что что для английского и испанского языков свойственно доминирование номинативно-коммуникативных (глагольных) фразеологизмов, а в русском языке наблюдается количественное преобладание субстантивных фразеологизмов. Согласно данным сравнительного анализа структурных типов английских, испанских и русских пословиц, вербализующих концепт любовь, среди пословиц всех трех исследуемых языков доминируют простые предложения.

Ключевые слова: *фразеологическая единица, паремия, структура, концепт, концепт любви*

STRUCTURAL-GRAMMATICAL PECULIARITIES OF THE PHRASEOLOGICAL UNITS AND PROVERBS VERBILIZING THE CONCEPT OF LOVE IN THE ENGLISH, SPANISH AND RUSSIAN LANGUAGES

Abstract

The paper addresses the comparative research of the phraseological units and proverbs, denoting the concept of love in the English, Spanish and Russian

languages. The topicality of this research is determined by necessity of detailed consideration of the phraseological units and paremias expressing such basic feeling as love. The comparative analysis of the peculiarities of phraseological units and proverbs in the languages under investigation allows observing universal and national-cultural features of the emotional worldview of different linguistic communities. Throughout the analysis of structural features of the phraseological units, verbalizing the concept of love in the English, Spanish and Russian languages, it was revealed that in the English and Spanish languages nominative-communicative (verbal) type of phraseological units prevails, while in Russian the quantitative dominance of substantive phraseological units is observed. According to the results of comparative analysis of structural types of the English, Spanish and Russian proverbs, representing the concept of love, among proverbs of all three languages under the study the simple sentences dominate.

Key words: *phraseological unit, proverb, structure, concept, concept of love*

1. Данная статья посвящена изучению структурных особенностей фразеологических единиц (ФЕ) и пословиц, вербализующих концепт «любовь» в английском, испанском и русском языках.

Актуальность данного исследования обуславливается необходимостью детального рассмотрения ФЕ и паремий, выражающих такое базовое чувство, как любовь. Сопоставительный анализ особенностей фразеологизмов и пословиц в предложенных языках позволяет проследить универсальные и национально-культурные особенности эмоциональных картин мира разных лингвосообществ.

Целью предлагаемого исследования является структурная классификация фразеологических единиц и пословиц, вербализующих концепт «любовь», в английском, испанском и русском языках, а также выявление общего и отличительного в структуре данных языковых единиц.

Материал исследования составляют фразеологизмы и пословицы, репрезентующие сферу любви, отобранные методом сплошной выборки из фразеологических словарей, словарей пословиц и поговорок английского, испанского и русского языков.

Вопросу изучения эмоциональных концептов посвящено немало исследований современных лингвистов, причем речь идет как о работах, в

которых исследуется концепт, связанный с эмоциями в целом (А. Вежбицкая (Вежбицкая 1996), Н.Д. Арутюнова (Арутюнова 1999), С.Г. Ворчкачев (Воркачев 2003), О.Л. Бессонова (Бессонова 2013), Е.В. Трофимова (Трофимова 2011)), так и о тех, в которых исследуются именно особенности концепта любви (Э.Р. Хутова (Хутова 2008), Л.Н. Лепихина (Лепихина 2009), Л.Э. Кузнецова (Кузнецова 2005)).

О.Л. Бессонова подчеркивает: «Сопоставительный подход к исследованию этого значительного пласта лексических единиц позволяет выявить универсальные характеристики эмотивности, отражающиеся в концептуальной картине мира, а также определить специфические черты эмотивной лексики в национальных картинах мира сопоставляемых языков» (Бессонова 2013: 81).

Как утверждает С.Г. Воркачев, «Любовь – это чувство, вызываемое у субъекта переживанием центрального места ценности объекта в системе его личностных ценностей при условии рациональной немотивированности выбора этого объекта и его индивидуализированности-уникальности» (Воркачев 2003: 64-70).

Л.Э. Кузнецова, характеризуя лингвистические особенности концепта любви, приходит к следующим выводам: «Концепт «любовь» является лингвокультурным эмоциональным концептом, представляющим собой сложное ментальное образование высокой степени абстракции, имеющее языковое выражение и отмеченное этнокультурной спецификой (Кузнецова 2005: 24).

2. В ходе анализа структурных особенностей ФЕ за основу была взята концепция А. В. Кунина (Кунин 1996: 144), в результате чего были выделены такие типы ФЕ: 1) Номинативные ФЕ (субстантивные, адъективные, адвербиальные); 2) Номинативно-коммуникативные ФЕ (глагольные).

Номинативно-коммуникативные ФЕ (глагольные) в отобранном материале представлены наибольшим количеством единиц, то есть 48 ФЕ (62%): *be besotted* ‘быть опьяненным’, *be on fire* ‘загораться любовью’, *take a favour for somebody* ‘полюбить кого-либо’, *be high in somebody's favour* ‘очень нравиться кому-либо’. Доминанта номинативно-коммуникативных ФЕ говорит о стремлении носителей языка к более точной передаче тех впечатлений, которые вызывает у них любовь. Без наличия глагола такая передача впечатлений не была бы полной.

Преобладание номинативно-коммуникативных единиц (82 ФЕ по сравнению с 23 номинативными ФЕ) в испанском языке свидетельствует о том, что, как и в английском языке, носители стремятся передать особенности любви как можно детальнее, дают оценку рассматриваемым чувствам и подробно раскрывают их особенности (78%): *robarle a uno el corazón* ‘завладеть чьим-либо сердцем’, *enamorarse hasta los tuétanos* ‘влюбиться не на шутку’.

В русском языке данный тип фразеологизмов насчитывает 19 единиц (29%): *разбивать сердце, любить до безумия, вешаться на шею.*

К субстантивным ФЕ традиционно относятся ФЕ, которые обозначают какой-либо предмет, объект или субстантивированное действие. Количество субстантивных единиц в английском языке составило 18 единиц (23%) из общего количества отобранных для анализа: *cupboard love* ‘корыстная любовь’, *fire and fury* ‘неистовая страсть’. В испанском языке данный тип представлен меньшим количеством единиц – 11 (11%): *mal de amores* ‘любовный недуг’, *amores de verano* ‘мимолетная любовь’. В русском языке субстантивные ФЕ доминируют и составляют 37 единиц (55%): *несчастная любовь, безответная любовь, телячьи нежности*, что позволяет сделать вывод о стремлении носителей русского языка к кратким, емким характеристикам, выраженным существительными или прилагательными с зависимыми словами.

Адвербиальные ФЕ описываются как функционирующие в качестве обстоятельств и в английском языке в отобранном материале насчитывают 9 единиц (12%): *after one`s own soul* ‘по душе’, *from the bottom of my heart* ‘с искренней любовью’. В испанском языке данный тип репрезентован 2 единацми: *como el alcetán a las palomas* ‘любит как кошка мышку’. В русском языке среди анализируемого материала насчитывается 9 адвербиальных фразеологизмов (13%): *с любовью, с сердцем, с глаз долой.* Таким образом, в рассматриваемых языках адвербиальные ФЕ практически одинаково представлены в количественном отношении.

Адъективные ФЕ английского языка представлены 2 единицами (3%): *dead gone on somebody* ‘безумно влюбленный’, *far gone in love* ‘по уши влюбленный’. В испанском языке было выявлено 10 единиц (9%): *más enamorado que un turco* ‘слепо влюбленный’, *picado del alacrán* ‘раненный стрелой амура’. В русском языке данная группа также репрезентована

двумя единицами: *влюбленный по уши, безответно влюбленный,* что составляет 3%.

3. Пословицы, репрезентующие концепт *любовь*, отобранные в исследуемых языках, согласно их структуре, также можно классифицировать по следующим критериям: простые, сложные (сложносочиненные и сложноподчиненные).

В ходе исследования было выявлено, что среди пословиц английского языка доминируют простые предложения – 75 единиц (72%) от общего количества отобранных для анализа: *Love laughs at locksmiths.* 'Любовь на замок не закроешь', *Love is, above all, the gift of oneself* '. Любовь – это дар небес'. Количественные данные позволяют констатировать, что носители данного языка предпочитают раскрыть особенности чувства при помощи предложений (которые, напомним, доминируют над ФЕ), но при этом носители обращаются именно к простым предложениям, то есть не склонны к излишним описаниям и оборотам, когда речь идет о любви.

Что касается пословиц испанского языка, стоит отметить доминирование простых предложений над сложными с небольшим преимуществом – 47 единиц (59%): *Amor con amor se paga.* 'Платить любовью за любовь.'*Amor y dinero nunca fueron compañeros.* 'Любовь не милостыня: ее каждому не подашь'. Это может свидетельствовать, как и в английском языке, о стремлении его носителей к более лаконичным описаниям всего, что связано с любовью.

В русских пословицах среди отобранного материала преобладают те, которые по структуре напоминают простое предложение – 84 (71%): *Нет ценности супротив любви. Любовь не пожар, а загорится – не потушишь;* а среди тех, которые представляют сложное предложение, выделяются три типа: бессоюзное сложное предложение (*Любовь – стекло: разобьёшь – не склеишь. Не дорог подарок, дорога любовь.),* сложносочиненное предложение (*Он с нею и себя не помнит, и нас не поминает. Бояться себя заставишь, а любить не принудишь.*), сложноподчиненное предложение (*Кто выдержал жажду любви, тот заснёт и на колючках. Кто любит, тот дважды живёт).*

Таким образом, анализ структурных особенностей ФЕ, вербализующих концепт «любовь» в сопоставляемых языках, позволяет сделать вывод о том, что для английского и испанского языков свойственно доминирова-

ние номинативно-коммуникативных (глагольных) ФЕ, а в русском языке наблюдается количественное преобладание субстантивных ФЕ.

Как показывают данные сравнительного анализа структурных типов английских, испанских и русских пословиц, вербализующих концепт любовь, среди пословиц всех трех исследуемых языков доминируют простые предложения, что говорит о стремлении носителей всех языков передать чувства, связанные с любовью.

Литература

1. **Арутюнова, Н. Д.** Язык и мир человек [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.

2. **Бессонова, О.Л.** Негативные эмотивные наименования лица в английской и украинской национальных картинах мира. STUDIA LINGUISTICA [Текст] / О. Л. Бессонова. – СПб.: Политехника принт, 2013. – С. 78-87.

3. **Вежбицкая, А**. Язык. Культура. Познание [Текст] / А. Вежбицкая. –М.: Русские словари, 1996. – 416 с.

4. **Воркачев, С.Г.** Концепт «любовь» в русской паремиологии // Эколингвистика: Теория, проблемы, методы. Межвузовский сборник научных трудов [Текст] / Под ред. А.М. Молодкина / С. Г. Воркачев. – Саратов: Научная книга, 2003. – С. 64-70.

5. **Кузнецова, Л.Э.** Любовь как лингвокультурный эмоциональный концепт: ассоциативный и гендерный аспекты: Автореф. дис… канд. филол. наук. [Текст] / Л.Э. Кузнецова. – Волгоград, 2005. – 24 с.

6. **Кунин, А.В.** Курс фразеологии современного английского языка [Учебник] / А. В. Кунин. – М.: Высш. шк., Дубна: Изд. центр "Феникс", 1996 - 381 с.

7. **Лепихина, Л.Н**. Фразеологизмы со значением любви в русском и английском языках: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.20 [Текст] / Л. Н. Лепихина [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. – Москва, 2009. – 211 с.: ил. РГБ ОД, 61 09-10/884.

8. **Трофімова, О.В.** Фразеологічна репрезентація негативних емоцій в англійській та українській національних картинах світу: автореф. дис ... канд. філол. наук [Текст] / О. В. Трофімова. – Донецьк.: ДонНу, 2011. – 20 с.

9. **Хутова, Э.Р**. Концепты любовь и ненависть в русском и английском языках // Вестник Адыгейского государственного университета [Текст] / Э. Р. Хутова. – Нальчик, 2008. – Вып. 1. – С. 151-155.

В.А. Дроздов
Донецкий национальный университет

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ЯМАЙСКОМ, БЕЛИЗСКОМ, ТРИНИДАДО-ТОБАГСКОМ И БАГАМСКОМ КРЕОЛЯХ НА АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ОСНОВЕ

Аннотация

Статья посвящена сопоставительному исследованию лексических заимствований в багамском, белизском, тринидадо-тобагском и ямайском креолях, в которых получают семантическое развитие новые значения без изменений в плане выражения. Предметом исследования являются семантические особенности развития лексических заимствований в исследуемых креолях, представленных существительными тематических групп «Предметы домашнего обихода» и «Рептилии». Материал данного исследования составили 4075 лексических единиц в четырех исследуемых креольских языках, отобранных методом сплошной выборки по словарям карибских креолей. В результате исследования выявлены изоморфные и алломорфные признаки лексических единиц в исследуемых креолях.

Ключевые слова: *креоль, заимствование, семантика, алломорфизм, семантическая деривация*

THE NOUN SEMANTIC FEATURES IN THE ENGLISH-BASED JAMAICAN, BELIZIAN, TRINIDADO-TOBAGONIAN AND BAHAMIAN, CREOLES

Abstract

The article is a contrastive study of Bahamian, Jamaican, Belizian, Trinidado-Tobagonian creoles' lexical borrowings in which new meanings obtain semantic development with no changes in the expression plane. The subject of the investigation is the semantic development features of lexical borrowings in the creoles under examination, represented by the nouns of two thematic groups

"Home utensils" and "Reptiles". The material of the given paper includes 4075 lexemes of the four creoles under analysis selected by general sampling from Caribbean Creole dictionaries. As a result of the investigation isomorphic and allomorphic lexical features in Bahamian, Jamaican, Belizian, Trinidado-Tobagonian creoles have been singled out.

Key words: *creole, borrowing, semantics, allomorphism, semantic derivation*

Цель статьи – выявить типологически релевантные дифференциальные признаки исследуемых креолей на лексико-семантическом уровне. **Предметом** исследования являются семантические особенности развития лексических заимствований в ямайском, белизском, тринидадо-тобагском и багамском креольских языках, представленных существительными тематических групп «Предметы домашнего обихода» и «Рептилии». **Материал** данного исследования составили 1220 лексических единиц в тринидадо-тобагском креоле, 1015 единиц в ямайском креоле, 945 единиц в багамском креоле и 895 единиц в белизском креоле, отобранных методом сплошной выборки по словарям карибских креольских языков [2; 3; 4; 5; 6].

В данном исследовании рассматривается две тематические группы (далее ТГ) имен существительных со значением «Рептилии» и «Предметы домашнего обихода» поскольку лексические единицы данных групп связаны друг с другом семантическими переходами. В ТГ «Предметы домашнего обихода» исследуется вариантный ряд наименований приспособления для выжимания ядовитого сока кассавы, используемого в быту, и представляющего собой корзину. У него различные наименования в карибских креолях на англоязычной основе (*wowla, sebucan, matepi, mapepi, cutacoo* и др.).

В белизский креоль (далее БелКр) из языка мискито была заимствована лексема *wowla* 'змея боа констриктор'. Например: *Wahn big wowla mi kwail op anda di faiyawud* [5, с. 375]. 'Большая змея боа констриктор лежала, свернувшись в кольцо, под дровами'. На основании сходства плетеного узора корзины соковыжималки и узора на коже змеи произошел метафорический перенос и развилось новое значение 'соковыжималка для плода кассавы'. Краткую запись рассмотренного семантического процесса можно представить следующим образом: язык мискито *wowla* 'змея боа констриктор' → метафора → БелКр *wowla* [5, с. 375] 'плетеное кухонное змееоб-

разное приспособление, используемое для выжимания ядовитого сока из протертой кассавы’ (перевод наш).

В ямайский креоль из западноафриканского языка тви была заимствована лексическая единица *cutacoo* ‘сумка, мешок’. На основе семантического процесса сужения значения в данном креоле развивается производная лексическая единица – семантическая инновация *cutacoo* ‘сумка для выжимания ядовитого сока из протертой кассавы’. Для семантического процесса сужения значения характерно наличие добавочных дифференциальных признаков (далее ДП) в дефиниции производной инновации. Краткая запись рассмотренного семантического процесса имеет следующий вид: зап-афр. язык тви *cutacoo* ‘сумка, мешок’ → специализация → ЯмКр *cutacoo* [3, с. 138]; ‘сумка для выжимания ядовитого сока из протертой кассавы’. Например: 1826 Williams, 278, A *cutacoo (a small basket) which contained an old snuff-box, several phials, teeth, beads, hair: in short, the whole farrago of an Obeah man* [3, с. 138]; 1943 *GL Clar, Cutacoo, a thatch bag or basket in which grated cassava root is pressed to expel the juice and produce the meal for making bammy* [3, с. 138].

В багамском креоле из исходной лексической единицы *catacoo* ‘сумка, мешочек’, заимствованеной из западно-африканского языка тви на основании сужения значения развивается производное новое значение ‘сумка для с/х растений’. Например: *He take one flask of Key gin, take one swallow, cork it back and put it in the catacoo* [6, с. 37].

Данный семантический процесс можно представить в виде следующей записи: зап-афр язык тви *catacoo* ‘сумка, мешочек’ → специализация → БКр *catacoo* [6, с. 37] ‘сумка для с/х растений’.

В тринидадо-тобагском креоле (далее ТрТКр) производное значение *matepi* ЛСВ ‘длинная цилиндрическая корзина для просушки измельченной кассавы’ развивается на основе метафоризации из исходного значения – наименования ядовитой змеи *mapepi* (Bothrops atrox ‘кайсака, лабария’, Lachesis atrox ‘бушмейстер сурукуку’) [1, с. 341], заимствованного из французско-креольского языка, в который оно было заимствовано из французского языка. Основание для метафорического переосмысления наименования – сходство формы удлиненнной корзины и ее плетеного узора с длинным телом змеи и узором на ее коже.

Данный семантический процесс развития нового значения у заимствованного слова в тринидадо-тобагском креоле можно представить в ви-

де следующей записи: Fr > FrCr *mapepi* Bothrops atrox ‘кайсака, лабария; бушмейстер сурукуку’ [1, с. 341] → метафора → ТрТКр *matepi* ‘длинная цилиндрическая корзина для просушки измельченной кассавы’ ‘A long cylindrical basket used to drain grated cassava’ **[**4, с.587].

Семантические процессы характерны также для заимствований ТГ «Рептилии и амфибии». В тринидадо-тобагском креоле один из подвидов змей называется *mapepire zanana, mapepire ananas, z'ananas, z’ananna, zannania, z'nanna* n Lachesis muta muta ‘бушмейстер сурукуку’; ‘ромбический гремучник’ **[**1, с. 341**].** В «Словаре **карибско-английского** словоупотребления» [2, с. 370] приведена этимология наименования змеи ФрКр *mapepire* [? FrCr <Fr *mal + pis + pire*] [2, с. 370], которое представляет собой контаминированную парадигму степеней сравнения прилагательного и наречия французского языка. Во французском языке степени сравнения наречия *mal* ‘плохо’: *mal + pis + le pis;* прилагательного *mauvais* ‘плохой’: *mauvais – pire – le pire* ‘плохой – худший – наихудший’]. Наименование данной змеи создано на основании метафоры. В нем скрыто присутствуют последствия укуса этой ядовитой змеи (*mapepire* досл.: ‘плохо, хуже, еще хуже’).

В наименовании змеи *mapepire zanana* (FrCr *zanana* < Фр *des ananas* ‘ананасы’) скрыт различитель этой змеи: ‘темно-коричневые ромбовидные метки (напоминающие по форме ананасы) вдоль ее спины. При этом у меток имеются смещенные треугольные центры. Чешуйки на спине змеи закруглены и отчетливо выражены’ (перевод наш); [brown diamond-shaped saddles or markings along the back, these markings having irregular triangular centers] [4, с. 603]. Например: *The scales of the mapepire are oval, and carinated as those of the others, but they are not so flat, and there is besides on each a prominence, giving it the appearance of a pine-apple eye; hence its local name of “Mapepire Z’ananas;” head triangular and thick* (de Verteuil 1884:385) [4, с. 603]. Семантическое развитие данного заимствования в тринидадо-тобагском креоле базируется на метонимии, на смежности предметов и явлений объективной действительности – одно является частью другого (змея + ромбовидные метки на ее спине).

Другими наименованиями рептилий в тринидадо-тобагском креоле являются *mapepir valsan, mapepir corde violin, mapepir di fe/ de fay.* Их семантическое развитие можно представить в виде следующих кратких записей.

ФрКр /*mapipi balsen*/ (< *mapepire* + ФрКр *balsan ~valsan* < Фр *valsant* [4, с. 603]; ‘вальсирующий бушмейстер’→ метафора →ТрТКр *mapepire*

balsain, mapepire barcin, mapipire balsin, mapipi valsain [Bothrops Lachesis atrox ‘‘кайсака, лабария; бушмейстер сурукуку’ [1,с.341]. Французско-креольские варианты *balsain, barcin, balsin, valsain* восходят к французскому *valsant* ‘вальсирующий’.

Метафорическая связь между исходным французско-креольским и производным тринидадо-тобагским значением основывается на типовых ассоциативных связях по сходству. В данном случае перенос наименования осуществляется по субъективно воспринимаемому признаку: the typical repeated defensive coiling and circling motion in self-defence [4, с. 603]; ‘извивающееся движение змеи с перемещением по кругу при самозащите, т.е. вальсирующее движение’.

FrCr *mapepire corde violin* < Фр *corde violon* ‘струна скрипки’ → метафора (from thin flexible body) →ТрТКр *mapepire corde violin* (Imantodes cenchoa cenchoa) ‘обыкновенная (тупоголовая) ремневидная змея’ Linnaeus) [1, с.306]

Метафорическая связь между исходным французско-креольским и производным тринидадо-тобагским значением основывается на типовых ассоциативных связях по сходству. Перенос наименования осуществляется по форме, по сходству внешнего вида: ’тонкое гибкое тело змеи = струна скрипки’.

Выводы.

1. Основную часть исследуемой терминологической лексики данной статьи составляют унаследованные слова, т.е. лексические единицы из языка-источника с определенными фонетическими и морфологическими изменениями (*mapepir zanana, wowla* и др.).

2. В ямайском, багамском, белизском и тринидадо-тобагском креольских языках Карибского бассейна имеется вариантный ряд имен существительных-заимствований со значением ‘соковыжималка для кассавы’: *matepi* (от *mapepi*), *coulev, sebucan, wowla*. У всех перечисленных наименований развились переносные значения в результате семантической деривации в соответствии с семантической моделью: «название животного (рептилии) → наименование предмета домашнего быта». Это изоморфная черта наименований рассматриваемых креолей.

3. Семантическое развитие лексических заимствований- существительных ТГ «Предметы домашнего обихода» и ТГ «Рептилии» в рассмот-

ренных креолях происходит на основе использования следующих приемов семантической деривации: метафора, метонимия, специализация.

4. К зоне алломорфизма относятся лексические единицы тринидадо-тобагского креоля с преформативом [z] в инициальной позиции (*mapepir-zanana*). Слова с такой инициалью во мн. числе были заимствованы из французского языка (при явлении liaison) во французско-креольский патуа, а затем в тринидадо-тобагский креоль. Во французском языке в силу особенностей французской ритмомелодики звук [z] в качестве показателя плюралиса примыкает к последующему слову. Это знак множественного числа, возникающий в именной группе в целом. В тринидадо-тобагском креоле существительные в единственном числе имеют заимствованную инициаль [z] множественного числа французского языка, при этом они являются словами в единственном числе.

Литература

1. Пятиязычный словарь названий животных. Амфибии и рептилии. Латинский – русский – английский – немецкий – французский [Текст] / под общ. ред. В. Е. Соколова. – М.: Рус яз., 1988. – 560 с. ISBN 5 –200 – 00232 – X.

2. **Allsopp, R.** Dictionary of Caribbean English usage [Текст] / ed. by R. Allsopp. With a French and Spanish Supplement ed. by Jeanette Allsopp / OUP, 1966. – 697 c. ISBN 0-19-866152-5.

3. **Cassidy, F.G.** Dictionary of Jamaican English [Текст] / ed. by F.G. Cassidy, R.B. Le Page. – Cambridge: At the University Press, 1967. – 489 c.

4. Dictionary of the English / Creole of Trinidad and Tobago on historical principles [Текст].–Ed. by Lise Winer.–McGill-Queen's University Press, Montreal & Kingston. London. Ithaca, 2009.–1041 c. ISBN 978-0-7735-3406-3.

5. Dictionary of Bahamian English [Текст] / John A. Holm, Allison W. Shilling. – Lexik House Publishers. – Cold Spring, New York, 1982. – 228 c.

6. **Herrera, Y.** Kriol-English dikshineri, English-Kriol Dictionary [Текст] / Y. Herrera, M. Manzanares, S. Woods, C. Crosbie, K. Decker. – Belize Kriol Project. – Belmopan, Belize, 2009. – 465 c. ISBN 978-976-95165-1-9.

Список сокращений

БКр – багамский креоль; БелКр – белизский креоль; ДП – дифференциальный признак; зап-афр – западно-африканский; ТГ – тематическая группа; ТрТКр – тринидадо-тобагский креоль; Фр – французский язык; ФрКр – французско-креольский патуа; ЯмКр – ямайский креоль.

И.Н. Никулина
Донецкий национальный университет

МОТИВАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНОВ ИНФОРМАТИКИ И ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО, РУССКОГО И УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОВ)

Аннотация

В статье рассматриваются производные термины как результат вторичной номинации, а также мотивационные признаки производных слов. На основе мотивационно-сопоставительного анализа терминов было выделено шесть мотивирующих баз терминологического потенциала. Морфологическая мотивация предполагает наличие мотиваторов значения термина: информационный потенциал корневого сегмента; информационный потенциал аффиксального сегмента; информационный потенциал понятийного пространства исследуемой терминосистемы.

Ключевые слова: *термин, мотивация, мотиватор, мотивирующая база, сегмент*

MOTIVATIONAL FEATURES OF INFORMATICS TERMS AND COMPUTERING TECHNIQUES (ON THE MATERIAL OF FRENCH, RUSSIAN AND UKRAINIAN LANGUAGES)

Abstract

The article discusses derivative terms as a result of secondary nomination, as well as motivational features of derived words. Based on the motivational and comparative analysis of terms, six motivating bases of terminological potential were identified. Morphological motivation implies the existence of motivators of

the term: information potential of the root segment; information potential of the affixed segment; information potential of the conceptual space of the term system under study.

Key words: *term, motivation, motivator, motivating base, segment*

Цель статьи – изучить мотивационные особенности терминов информатики и вычислительной техники в рамках исследования термина как результат вторичной номинации.

Известно, что номинация воспринимается как неотъемлемый атрибут познания, а изучение результатов процесса номинации является компетенцией лингвистики. При этом возникает множество неизученных проблем. В области терминоведения можно выделить такие: условия формирования нового понятия и его наименования; мотивационные факторы формирования терминов в наименовании определенных понятий, которые обретают типологические черты или в рамках тематических групп или в соответствии с их отнесенностью определенной терминосистеме; обобщение специфики языка научной литературы; нормализация правил образования и оформления аббревиатур инициального характера; недостаточность стандартизации и формализации правил написания терминов-композитов [2, с. 152].

Следует подчеркнуть, что новые лексемы, как правило, появляются на основе уже существующего лексического материала: новое слово может расцениваться как новая интерпретация, новое отношение. Отличительным признаком производного слова является именно его связь с другим и его семантическая обусловленность этим другим словом. Следовательно, значения, которые повторяются в семантических дефинициях однотипных в структурном отношении производных словах, квалифицируются как основные мотивационные признаки.

Таким образом, производное слово рассматривается как дважды мотивированное, поскольку оно повторяет определенные значения исходной единицы, а его морфологическая структура максимально приближена к «внутренней форме».

Так, при формировании новых слов мотивированность является ключевым критерием, который предполагает возникновение нового наименования. В лингвистике выделяют четыре типа мотивации: фонети-

ческая; морфологическая (словообразование); семантическая; смешанная [4, 81].

Отметим, что специальная лексема отличается специфичностью и должна соответствовать таким требованиям: краткость, однозначность, системность, простота и мотивированность. Таким образом, чтобы правильно сформировать новый термин, необходимо определить его обоснование. Необходимо четко понимать содержание самого понятия, научную идею, для которой он необходим, и осознавать его место среди прочих понятий в классификационной схеме, исследуемой терминосистемы.

Именно понимание классификационных особенностей позволяют отличить необходимые и существенные признаки от случайных. Позволяют установить общие признаки, связывающие эти понятия с другими понятиями этого же класса и выделить особенные, отличительные признаки.

В этой связи необходимо отметить, что мотивированность термина непосредственно связана с одним из его основных признаков – системностью. Мотивированность термина – это соотнесенность термина с другими терминами в рамках определенной терминосистемы или со словами общего языка. При этом «внутренняя форма» термина определяется путем сопоставления его с морфемами, наиболее продуктивными в этой терминосистеме, а также с лексическими единицами в целом. Это связано с тем, что значительная часть терминологической лексики появляется вследствие вторичной номинации

Таким образом, термин – это результат осмысления логико-понятийного пространства, и является единицей информационного потенциала значения. Информационный потенциал значения – это, в свою очередь, иерархично организованная целостность существенных и ассоциативных семантических признаков [1, с. 5].

На основе мотивационно-сопоставительного анализа терминов информатики и вычислительной техники было установлено, что мотивирующие базы в изучаемых языках (МБ) общие, поскольку они обусловлены единым информационным пространством исследуемой терминосистемы.

Анализ терминологического потенциала французского, украинского и русского языков позволил выделить шесть мотивирущих баз.

1. ДЕЙСТВИЕ+абстрактное действие. Названия действий в терминосистеме информатики и вычислительной техники достаточно активны, они

образуются на основе отглагольных моделей: французский язык 122 ТО (20%); русский язык 112 ТО (16%); украинский язык 112 ТО (16%).

2. ПРОЦЕСС+результат. Названия процессов наиболее активны во французском языке 116 ТО (19%); в русском – 28 ТО (4%); в украинском – 10 ТО (0,4%).

3. ПРОЦЕСС+длительный процесс. Во французском языке: 68 ТО (11%); в русском – 298 ТО (41%); в украинском – 316 ТО (44%).

4. СУБЪЕКТ ДЕЙСТВИЯ+ действие. Необходимо подчеркнуть некоторые расхождения, которые наблюдаются в наименовании субъекта действия. В исследуемой терминосистеме субъект действия – это наименование устройств: французский язык 153 ТО (26,4%); русский язык 143 ТО (20%); украинский язык 136 ТО (20%).

5. СУБЪЕКТ ДЕЙСТВИЯ+размер+мощность. Отметим, что термины такой МБ были отмечены только во французском языке. Это наименования для обозначения устройств меньшей величины и мощности. Такие термины, как правило, женского рода: 34 ТО (5,6%). В украинском и русском языках подобное явление не наблюдалось.

Например, французский термин *calculatrice f*, датированный 1970 годом, обозначает машину, которая выполняет арифметические и некоторые алгебраические операции, однако меньшей мощности и размера, а терминологическая единица *calculette f* (1970) появляется для наименования карманного компьютера, который отличается еще меньшей мощностью и размером.

6. СВОЙСТВО+способность к действию. Французский язык 89 ТО (15%); русский язык140 ТО (19%); украинский язык 140 ТО (19%).

Словообразующие средства играют значительную роль в формировании внутренней формы термина, что, безусловно, указывает на его место в определенной терминологической терминосистеме.

Морфологическая мотивация характеризуется наличием в ее терминообразующем потенциале эксплицитных компонентов, выступающих мотиваторами значения термина: 1) информационный потенциал корневого сегмента, 2) информационный потенциал аффиксального сегмента, 3) информационный потенциал понятийного пространства исследуемой терминосистемы.

Характеристика мотивационных особенностей терминологической системы информатики и вычислительной техники будет неполной без ана-

лиза структурной мотивации, которую можно проследить при изучении информационного потенциала аффиксальных сегментов.

Так, во французском языке для обозначения действия используется один аффиксальный левосторонний сегмент и три аффиксальных правосторонних сегмента.

Мотивирующая база ДЕЙСТВИЕ+абстрактное действие выделяется на основе корневого сегмента: *AUGMENTation, NUMEROTation, inADAPTation, déCAPSULation, non-EXÉCUTion, interMODULation, reCONFIGURation.*

При исследовании морфологической мотивации на первый план выступают аффиксальные сегменты: *INadaptaTION, DÉcapsulaTION, INTERmodulaTION, REconfiguraTION.*

В русском и украинском языках такие термины квалифицируются как заимствования, однако они хорошо раскладываются на составляющие элементы и для специалистов в области терминоведения мотивирующей базой может считаться сегмент -(а)ција/-(а)ција, который используется в терминах, обозначающих абстрактное действие. Некоторые сегменты в процессе заимствования калькируются (для обозначения повторяющего действия, или восстановления действия), а некоторые термины переводятся последовательно сегментами. В таких случаях в украинском и русском языках появляются термины-словосочетания:

рус.: *ПЕРЕадресАЦИЯ, ДЕлинеаризАЦИЯ, идентификАЦИЯ, каталогизАЦИЯ, генерАЦИЯ, ДЕцентрализАЦИЯ, детализАЦИЯ;*

укр.: *ПЕРЕадресАЦІЯ, буферизАЦІЯ, векторизАЦІЯ, ідентифікАЦІЯ, ІНТЕРполяЦІЯ, ДЕцентралізАЦІЯ, деталізАЦІЯ, маршрутизАЦІЯ.*

Однако: франц.: *REcomplémentaTION*; рус.: *повторное* ***образование*** *результата;* укр.: *повторне* ***утворення*** *результату*.

Из примера видно, что французский термин обозначает действие+повторное действие и опирается на МБ ДЕЙСТВИЕ корневого сегмента *complément-*.

Названия процессов в морфологической мотивации проявляется при помощи правосторонних сегментов. При этом сегмент -ment передает значение: самостоятельный процесс; абстрактный процесс, процесс несовершенного действия, в украинском языке в таких случаях используют сегмент -нн-; в русском языке: -ниj-. Сегменты франц.: -age, рус.: -к- , укр.: -к-, -тт- мотивируют название конкретного процесса, предполагающий конкретный результат. Например:

франц.: *numérotAGE, ajustAGE, embrouillAGE, emmagasinAGE, facettAGE*;

рус.: *блокировКа, кодировКа, корректировКа;*

укр.: *обробКа, згортКа, розробКа*.

Итак, можно констатировать, что названия процессов имеют двойную мотивацию: лексическую и морфологическую.

Морфологическая мотивация названий субъекта действия имеет широкий сегментный потенциал. В терминологической системе информатики и вычислительной техники для обозначения субъекта действия используют следующие сегменты: франц.: -eur; рус.: (ат)ор, -чик, -щик, -тель, -ер; укр.: -(ат)ор, -ник, -ач, -ер. При этом необходимо уточнить, что интернациональные сегменты -(ат)ор и -ер отмечены в заимствованных терминах, с иноязычными корневыми сегментами, но они свободно раскладываются на мотивирующие сегменты, поэтому их можно считать мотивированными терминами. Исконные сегменты: рус.: -чик, -щик, -тель; укр.: -ник, -ач встречаются в соединении с исконными корневыми сегментами:

франц.: *dechiffratEUR, indicatEUR, optimisEUR, demandEUR, calculatEUR, triEUR, délimitEUR;*

рус.: *программатОР, иммитатОР, дешифратОР, ассемблЕР, ограничиТЕЛЬ, выпрямИТЕЛЬ трассировЩИК, сортировЩИК, запросЧИК*;

укр.: *асемблЕР, акумулятОР, індексатОР, ідентифікатОР, запитувАЧ, обчислювАЧ, сортувальНИК, шукАЧ*.

Морфологическая мотивация названий свойство+способность к действию реализуется при помощи следующих сегментов: во французском языке -ité, в украинском -ість, в русском -ость. В таких терминах корневой сегмент мотивирует определенное действие, а аффиксальный сегмент передает значение: способность выполнять определенное действие.

Таким образом, мотивированность терминов информатики и вычислительной техники заключается в закономерности функционирования терминов определенной деривационной структуры, которая закреплена за терминообразующими формантами специального, узкого значения как «классификатора», позволяющего систематизировать понятия одного порядка.

Формула мотивации и использование этой формулы для образования новых терминов предполагает наличие не только мотивирующей базы и мотивирующих сегментов, но и исполнения этими терминами определенной роли в терминологической системе.

Литература

1. **Апресян, Ю.Д.** Идеи и методы современной структурной лингвистики (Краткий очерк) [Текст] / Ю.Д. Апресян. – М.: Просвещение, 1966. – 300 с.

2. **Буянова, Л.Ю.** Терминологическая деривация в современном русском языке (метаязыковой аспект) [Текст] / Л.Ю. Буянова. – Краснодар: Краснодарское книжн. изд-во, 1996. – 252 с.

3. **Кубрякова, Е.С.** Типы языковых значений. Семантика производного слова [Текст] / Е. С. Кубрякова. – М.: Наука, 1981. – 200 с.

4. **Ulmann, S.** – Semantics. An introduction to the science of meaning [Текст] / S. Ulmann. – Oxford: Blackwell, 1972. – 357 p.

А.Р. Резникова

Донецкий национальный университет

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С ТОПОНИМИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

Аннотация

Статья посвящена сопоставительному исследованию семантических особенностей фразеологических единиц (ФЕ) с топонимическим компонентом в английском, французском и русском языках. Представлена классификация ФЕ по компонентному составу, рассмотрены национально-культурные особенности фразеологизмов с топонимическим компонентом. Анализ компонентного состава фразеологических единиц дал возможность восстановить особенности социальной и культурной жизни, мировоззрения и ценностной картины мира данных лингвокультур. Такие разновидности топонимов, как агороним, гидроним, топоним-прозвище, обладают наибольшей частотностью использования в составе фразеологических единиц сопоставляемых языков. Результаты изучения в разноструктурных языках такого антропоцентрически важного пласта фразеологических единиц, как идиомы, компонентом которых является топоним, позволяют интерпретировать языковое воплощение особенностей менталитета данных народов, сходства и отличия как фразеологических, так и культурных, национальных картин мира разных лингвокультур.

Ключевые слова: *фразеологическая единица, имя собственное, топоним, семантика, национально-культурная специфика.*

PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE TOPONYMIC COMPONENT BASED ON THE MATERIAL OF THE MULTI-STRUCTURAL LANGUAGES

Abstract

The paper addresses semantic peculiarities of phraseological units (PU) with the toponymic component based on the material of the English, French and Russian languages. The compositional analysis of the toponymic component has been determined, the national and cultural characteristics of the PU with the toponymic component have been examined. The compositional analysis of phraseological units made it possible to restore the features of social and cultural life, worldview and system of values of these linguocultures. Such varieties of toponyms as agoronim, hydronym, toponym-nickname, have the highest frequency of use in the composition of phraseological units of the compared languages. The results of the study of such an anthropocentrically important layer of phraseological units, such as idioms, with the toponym being a component, in multi-structural languages, allow interpreting the linguistic embodiment of the mentalities of these peoples, the similarities and differences of phraseological, cultural, national pictures of the world of different linguocultures.

Key words: *phraseological unit, proper name, toponym, semantics, national and cultural specificity.*

1. Вводные сведения

Данная статья посвящена исследованию семантических особенностей фразеологических единиц (ФЕ) с топонимическим компонентом в английском, французском и русском языках.

Примерами фразеологических единиц данного типа могут служить: англ. *(all) ship-shape and Bristol fashion* ‘в полном порядке’; фр. *aller à Rome sans voir le pape* ‘быть близким к победе’; рус. *Иерихонская труба* ‘очень громкий, трубный голос’.

Корпус материала исследования составили фразеологизмы английского, французского и русского языков, включающие в свой состав топо-

нимы (71 ФЕ, 55 ФЕ и 48 ФЕ для английского, французского и русского языков соответственно).

Вопрос структурно-семантических особенностей ФЕ привлекал внимание многих лингвистов. К примеру, исследование Н.Н. Амосовой посвящено целостному значению идиомы [1], А.В. Суперанская рассматривает теоретические проблемы ономастики, историю данной науки, определяет место ономастики среди других дисциплин и связь имен собственных с жизнью человека [8]. Е.Ф. Арсентьева осуществляет сопоставительный анализ фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека в английском и русском языках [2]. В работах В. Г. Гака [4] и А. Г. Назаряна [7] рассматривается история развития и особенности французской фразеологии. Для современной лингвистики характерна новая научная антропоцентрическая парадигма, продуктом которой является лингвокультурология, именно это актуальное явление рассматривает И. В. Зыкова [5], а также Т.В. Лиховидова в своих исследованиях [6].

ФЕ с компонентом ИС в английском, французском и русском языках раскрывают культурологические аспекты фразеологической номинации. Анализ компонентного состава ФЕ дал возможность восстановить особенности социальной и культурной жизни, мировоззрения и ценностной картины мира данных лингвокультур, установить основные группы компонентов в составе исследуемых ФЕ, а именно: антропонимический, наименования географических объектов, реалий социально-бытовой жизни.

ФЕ с ИС могут иметь в своем составе различные компоненты – библеизмы, антропонимы, топонимы – именно поэтому фразеологизмы с такими семантическими центрами являются наиболее культурологически нагруженными, т.к. отражают культурные, исторические особенности жизни народа, говорящим на определенном языке.

2. Классификация ФЕ с топонимическим компонентом

Критериями отбора послужило наличие в ФЕ такого ключевого компонента, как **топоним** – имя собственное, являющееся названием отдельного географического объекта. **В английском языке больше ФЕ с топонимическим компонентом, чем во французском и русском (71 ФЕ / 35%, 55 ФЕ / 27%, 48 ФЕ / 24% соответственно).**

Следующие разновидности топонимов обладают наибольшей частотностью использования в составе фразеологических единиц сопоставляемых языков:

- «астионим» – названия городов (англ. *the apple of Sodom/ Sodom apple* ‘«красивый, но гнилой плод»’); (фр. *avoir l’air de revenir de Pontoise* ‘иметь растерянный вид’); (рус. *ехать в Тулу со своим самоваром* ‘делать что-либо бесполезное’);
- «хороним» – название территории, области, района (англ. *California blankets* ‘газеты, которыми укрываются ночующие в парке безработные’); (фр. *l’oncle d’Amérique* ‘американский дядюшка’ – дальний родственник, неожиданно оставляющий большое наследство или оказывающий материальную помощь); (рус. *открыть Америку* ‘высказывать банальные сведения о чем-либо, говорить о том, что всем давно известно’);
- «топоним-прозвище» – иносказательное название географического объекта (англ. *the Ancient Dominion* ‘старый доминион’ – прозвище штата Виргиния); фр. *Le Nouveau Monde* ‘Новый Свет, Америка’); (рус. *дядя Сэм* ‘Соединенные Штаты Америки’);
- «агороним» – название городских площадей и рынков (англ. *talk Billingsgate* разг. ‘ругаться как базарная торговка’ – Billingsgate – название большого рыбного рынка в Лондоне); (рус. *во всю Ивановскую* ‘громко кричать, говорить’ – от названия Ивановской площади в Кремле, где в старину оглашались царские указы);
- «годоним» – название улиц (англ. *Madison Avenue* ‘Американская реклама’ – многие рекламные агентства расположены на Мэдисон-авеню в Нью-Йорке); (рус. *катись колбаской по улице Спасской* ‘отстань, отвяжись, выражение пренебрежения к кому-либо’);
- «гидроним» – название водного объекта (англ. *set the Thames on fire* ‘сделать что-л.необычное, из ряда вон выходящее’); (фр. ***coup de Trafalgar*** **1) ‘тревога, волнение’; 2) ‘неожиданная катастрофа’. Выражение содержит намек на знаменитое в истории Трафальгарское морское сражение 1805 г., явившееся для французов «неожиданной катастрофой» и вызвавшее у них «тревогу и волнение»; (рус. *кануть в Лету* ‘быть забытым, бесследно исчезнуть’);**

• «ойконим» – название сельского объекта (англ. *Colney Hatch* 1) ‘психиатрическая больница, сумасшедший дом’ [по названию деревни в графстве Мидлсекс, где в 1851 г. была психиатрическая больница]); (фр. ***ahuri de Chaillot*** **‘неотесанный болван’, Шайо – название бывшей деревни, которая была расположена на правом берегу Сены); (рус. *верста Коломенская* ‘человек очень высокого роста’);**

• «ороним» – название элементов земной поверхности (англ. *cross the Great Divide* ‘перейти в мир иной, умереть’ – «Великий Перевал», название Скалистых гор); (фр. *Monter au Golgotha* ‘взойти на Голгофу’ – подвергаться тяжелым физическим или нравственным испытаниям); (рус. *взлететь на Геликон* ‘стать поэтом’).

Результат классификации топонимического компонента по типу именуемого объекта в составе ФЕ с ИС в английском, французском и русском языках показывает, что в английском и русском языках количество типов именуемых объектов больше (8 типов), чем во французском языке (6 типов; не нашли своего отражения в составе ФЕ годоним и агороним). Такое относительное лексическое несоответствие может объясняться культурными особенностями, а также географическим расположением стран анализируемых языков.

3. Выводы

Предпринятое исследование семантических особенностей ФЕ с ИС разноструктурных языков, а именно классификации топонимов, позволяет сделать вывод о том среди типов топонимов наиболее многочисленным является топонимический компонент «астионим» (30%, 37% и 49% в английской, французской и русской выборке соответственно). Такая количественная частотность может объясняться общими представлениями народов стран сопоставляемых языков о роли городов в жизни общества, об их значимости для успешной самореализации человека и развития страны в целом. ФЕ с топонимическим компонентом «хороним» являются вторыми по продуктивности (23 % – английский, 31 % – французский, 25 % – русский языки). Данный тип топонима обозначает определенную территорию, область или район, и именно эти географические объекты испокон веков являются определяющими в историческом, экономическом и социальном развитии любого государства.

В остальных фразео-семантических объединениях количественные показатели примерно одинаковы в сопоставляемых языках, следовательно, наблюдается тенденция сходства английского, французского и русского языков по данным типам топонимических компонентов.

В отличие от русского и французского языков (по 2% для каждого языка), в английском наблюдается несколько большее число ФЕ с компонентном «топоним-прозвище» (12%). Это может объясняться тем фактом, что для британского/американского общества характерной культурно-языковой особенностью является присвоение иносказательных названий графствам и штатам собственных стран. Территории России и Франции также разделены по областям и регионам, но для русского и французского лингвосоциума не свойственно вкладывать в названия определенных территорий образное или же фигуральное значение.

Вода жизненно важна в деятельности человека, поэтому ФЕ с компонентом «гидроним» занимает четвертое место по количественным показателям в трех сопоставляемых языках (8%, 6%, 6% для английского, французского и русского языков соответственно).

ФЕ с компонентом «ойконим» (обозначающие объект сельского типа) в английском языке менее представлены (2%), чем во французском (7%) и русском (4%). Это довольно очевидно, учитывая значение земли, деревень и сел в менталитете русского и французского народов.

Литература

1. **Амосова, Н. Н.** О целостном значении идиомы [Текст] // Исследования по английской филологии, сб. науч. статей №2. – Л., 1961. – С. 71-73.

2. **Арсентьева, Е. Ф.** Сопоставительный анализ фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека в английском и русском языках [Текст] / Е. Ф. Арсентьева. – Казань: Издательство Казанского университета, 1989. – 126 с.

3. **Бессонова О.Л., Резникова А.Р.** Отражение культурных кодов во фразеологических единицах с именем собственным в английском, французском и русском языках [Текст] // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica. – Донецк, 2018. – С. 85-95.

4. **Гак, В. Г.** Национально-культурная специфика меронимических фразеологизмов [Текст] / В. Г. Гак // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 260-265.

5. **Зыкова, И. В.** Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков [Текст] / Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности теория языка. – М., 2014. – 506 с.

6. **Лиховидова, Т. В.** Фразеологические единицы с именем собственным в современном английском языке [Текст] / Т. В. Лиховидова // ИЯШ, №6. – 1971. – С. 41-42.

7. **Назарян, А. Г.** История развития французской фразеологии [Текст] / А.Г. Назарян. – М.: Высшая школа, 1981. – 189 с.

8. **Суперанская, А. В.** Общая теория имени собственного [Текст] / Отв. ред. д-р филол. наук А. А. Реформатский; Институт языкознания АН СССР. – М.: Наука, 1973. – 368 с.

Актуальные проблемы исследования структуры и семантики языковых единиц

Е.А. Арсеньева
Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых

ФРАЗЕОЛОГИЯ И ДИАЛЕКТОЛОГИЯ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ЯЗЫКА

Аннотация

В статье делается попытка обоснования изучения ЛЕ с привлечением знаний фразеологии и диалектологии. Исходя из гипотезы о конвергентном и дивергентном развитии языка (Л.В. Щерба) следует рассматривать лексическую единицу как составляющую различных значений, что совместно с фонемой, морфемами и семемами являет собой концепт-конгломерат всех существующих и зафиксированных в языке на определённый момент времени проявлений данной ЛЕ. Любое проявление ЛЕ в речевом акте зыбко и временно, поэтому фиксация такого проявления важна с точки зрения целостности языка. Понять значение слова, этимологию, осуществить структурный анализ ЛЕ становится возможным в большинстве случаев лишь, опираясь не только на примеры в литературном языке, но и, используя многообразие местных наречий и вариантов языка, обращая внимание на значение ЛЕ в устойчивых словосочетаниях и фразеологических единицах.

Ключевые слова: *фразеология, диалектология, конвергентное и дивергентное развитие языков, лексическая единица, фонема, морфема, семема, концепт*

PHRASEOLOGY AND DIALECTOLOGY: CONCEPTUAL ANALYSIS OF THE LEXICAL UNITS

Abstract

The article attempts to justify the study of LU with the involvement of knowledge of phraseology and dialectology. Based on the hypothesis of convergent and divergent language development (L.V. Shcherba), the lexical unit

should be considered as a component of different meanings, which together with the phoneme, morphemes and sememe is a concept-conglomerate of all the manifestations of this LU. Any manifestation of an LU in a speech act is fragile and temporary, therefore fixing such a manifestation is important from the point of view of the integrity of the language. Understanding the meaning of the word, etymology, structural analysis of LU becomes possible in most cases only, relying not only on examples in the literary language, but also using the variety of local dialects and language variants, paying attention to the meaning of LU in stable phrases and phraseological units.

Key words: *phraseology, dialectology, convergent and divergent language development, lexical unit, phoneme, morpheme, sememe, concept.*

„Kein Wort steht still, sondern es rückt sich durch den Gebrauch von seinem anfänglichen Platz, eher hinab als hinauf, eher ins Schlechtere als ins Bessere, ins Engere als Weitere, und in der Wandelbarkeit des Wortes lässt sich die Wandelbarkeit der Begriffe erkennen“. J. W. von Goethe.

Исходя из гипотезы о конвергентном и дивергентном развитии языка (Л.В. Щерба) следует рассматривать лексическую единицу как составляющую различных значений, что совместно с фонемой, морфемами и семемами (теория о трихотомичности слова П.А. Флоренский, А.Ф. Лосев) являет собой концепт-конгломерат-совокупность всех существующих и зафиксированных в языке на определённый момент времени проявлений данной ЛЕ. Любое проявление ЛЕ в речевом акте зыбко и временно, поэтому фиксация каждого проявления важна с точки зрения целостности языка. Язык как ценность, как код нации, слово как закодированная информация – важнейший пласт культуры и основная её составляющая. Нет языка – нет народа, нации и наоборот нет носителей языка – нет самого языка.

Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств была открыта для подписания 5 ноября 1992 г. и вступила в силу 1марта 1998 г. Россия подписала документ 10 мая 2001 г. и обязуется как страна-участник соблюдать изложенные положения. Насколько важны для наук о языке языки меньшинств, региональные языки, местные говоры и диалекты? Понять значение слова, этимологию, осуществить структурный анализ ЛЕ становится возможным в большинстве случаев лишь, опираясь не только на примеры в литературном языке, но и используя многообразие

местных наречий и вариантов языка, обращая внимание на значение ЛЕ в устойчивых словосочетаниях и фразеологических единицах.

Диалектологические комиссии создавались и работали как в России, так и в Германии ещё в 19-20 вв. В Германии, в наши дни, для сохранения местного колорита и привлечения внимания молодёжи к языку практикуют написание объявлений на диалекте и на Hochdeutsch. На фото (2016 г.) видим варианты франконских говоров: *Häusle, Weckla,* общеупотребительный суффикс *-lein* заменён на диалектные *–le; -la*.

Коллектив учёных-диалектологов и звукорежиссёров в 30-гг. 20 века в течение нескольких месяцев, посетив отдалённые деревушки и маленькие городки, расположенные вдоль побережья Северного моря до Альп, записали на пластинки разговор простых крестьян, ремесленников и рабочих. Информантам предлагалось в течение 3-х с половиной минут порассуждать на повседневные темы, рассказать о местных традициях и обычаях. Спустя год были записаны ещё 90 разговоров на диалектах в Австрии и Судетах. Перезапись была сделана в 60-гг. на современнейшем тогда техническом оборудовании, качество очень хорошее, что позволяет рассматривать работу как уникальный языковой памятник определенной исторической эпохи. Часть, записанных на пластинки диалектов, например, из Судетов, Силезии и Восточной Пруссии ныне не существует, либо сохранились в остаточном состоянии. Записи уникальны ещё и тем, что велись они в годы становления радио и телевидения средствами массовой информации, что способствовало распространению и укреплению литературного немецкого языка, накладывало отпечаток на диалекты и местные говоры и изменяло их. За прошедшие десятилетия лишь некоторые учёные использовали материал для научных исследований.

Диалектизмы и фразеологизмы отражают многообразие языка, сохраняют и фиксируют воспоминания о значимых событиях в истории народа. В них можно увидеть остатки старых верований, вероисповеданий, традиций и обычаев.

Актуальными для научных исследований являются вопросы:

- вопросы этимологии;

- проблемы, связанные со своевременной фиксацией в словарях;
- исследование языковых структур и проблемы в употреблении фразеологизмов, диалектизмов;
- типичные ошибки в употреблении устойчивых выражений.

Словотворчество – процесс, человеческая речь – уникальный инструмент, созидающий всё новые и новые языковые структуры. В качестве иллюстративного материала могут быть приведены несколько выражений из гороскопов (выборка из журналов Bravo, Brigitte, Elle, Bella).

Выражение в тексте	**Оригинал выражения**	**Значение**
Es liegen Steine im Weg	*Steine in den Weg legen*	Быть помехой, тормозить
Ihm gehört das süße Sahnehäubchen auf dem Kaffee	*Die Sahne abschöpfen, den Rahm abschöpfen*	Снимать пенки, брать для себя лучшее
Die Früchte beschwerlicher Arbeit sind reif.	*Die Früchte einer langjähriger Arbeit*	Корень учения горек, а плоды его сладки (Аристотель)
Am Montag kann Sie ein beruflicher Auftrag aus der Fassung bringen	*j-n aus der Fassung bringen*	Вывести кого-либо из равновесия, из терпения, из себя
Am Arbeitsplatz müssen Sie etwas mehr die Ellenbogen einsetzen.	*Seine Ellenbogen gebrauchen*	Работать локтями, проталкиваться, распихивая других
Sie haben eine sehr dünne Haut.	*Dünnhäutig = empfindlich*	Быть очень чувствительным, уязвимым
Da kann man wirklich vor Neid platzen	*Vor Neid vergehen, platzen*	Умереть, лопнуть от зависти

Писатели, поэты, ученые философы вводят в обиход новые слова, выражения. Названия литературных произведений, фильмов, научных трудов становятся «крылатыми», «уходят в народ», становятся в определённый промежуток времени и в определённых кругах общеупотребительными. Литература и искусство не суть самостоятельные явления, существующие вне социума и вне восприятия человеческого я.

Литература и искусство, искусственно созданное, материализованное отражение действительности через призму собственного я. Каждый индивидуум обогащает своим видением, концепцией культурный слой бытия того или иного времени.

Данное человеку имя, фамилия могут стать нарицательными понятиями и вмещать в себя совокупность различных, близких по значению понятий. Либо человек получает прозвище, фамилию по делам своим: Иван Сусанин, Александр Невский, Пётр Великий, Потёмкин-Таврический, Орлов-Чесменский, Румянцев-Задунайский …

«Волкового не то что зэки и не то что надзиратели – сам начальник лагеря, говорят, боится. Вот Бог шельму метит, фамильицу дал! – иначе, как волк, Волковой не смотрит» [3, 35].

– Отчего у вас прозвание столь смешное?

– Не смешное, ваше величество, а страшное. Предку моему Демьяну татары крымские в злой сече на саблях отсекли подбородок. Оттого потомки и стали писаться Безбородками… [2, 48].

« ‹…› Kommt Zeit, kommt Rat, kommt Attentat.

Wo hast du das denn her?

Steht da drüben irgendwo an der Hauswand, geh ich oft vorbei”. [4, 278].

«Как возникло, как созрело написанное?”

Кто-то жил, любил и наслаждался; наблюдал, думал, желал, надеялся и отчаивался. И захотелось ему поведать нам о чём-то таком, что для всех нас важно, что нам необходимо духовно увидеть, прочувствовать, продумать и усвоить. Значит – что-то значительное о чём-то важном и драгоценном» [1, 4].

По меткому замечанию Н. О. Лосского, литературный язык выработан художниками слова, но в основе его лежит творчество всего народа.

Литература

1. **Ильин, И.А.** Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. – Изд 5-е. – М.: ДАРЪ. – 320 с. ISBN 978-5-485-00246-6.

2. **Пикуль, В.С.** Фаворит. Книга вторая. Его Таврида. – М.: АСТ, 2008 – 576 с. ISBN 978-5-9533-3168-5.

3. **Солженицын, А.И.** Один день Ивана Денисовича. – М.: АСТ:. Астрель, 2009 – 318 с. ISBN 978-5-17-052570-6.

4. **Regener, Sven.** Herr Lehmann. – München: Wilhelm Goldmann Verlag, 2003. – 320 с. ISBN -13: 978-3-442-45330-6.

5. Duden Redewendungen Wörterbuch der deutschen Idiomatik. [Электронный ресурс]. URL: https://www.duden.de

6. Фото из личного архива автора.

В.П. Важенина
Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых

О НЕКОТОРЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ КОДАХ ВЫРАЖЕНИЯ АНГЛИЙСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Аннотация

Статья посвящена разговорным лингвистическим кодам как средствам выражения английского менталитета. Рассматриваются такие лингвистические коды, как: погода, правила английского юмора, правила общения в клубах, появляющиеся правила общения по мобильному телефону и т.д. Кроме того, в изучении английских лингвистических разговорных кодов, рассматриваются такие подходы, как лингвокультурный и антропологический в аспекте изучения ментальности. Приводятся также примеры фразеологизмов, отражающих английскую ментальность.

Ключевые слова: *лингвистические коды, английский менталитет, средства выражения, фразеологизмы, английская ментальность, лингвокультурный, антропологический подходы*

ON SOME LINGUISTIC CONVERSIONAL CODES OF ENGLISHNESS

Abstract

The article is devoted to the issues of linguistic conversational codes as the means of expressing English mentality. These codes are being considered from linguistic, linguo-cultural and anthropological points of view. The rules of the weather-speak, grooming talk, humorous rules, emerging talk rules of the mobile phone talks, home rules etc. are being evaluated in the aspect of English mentality. Some examples of phraseologisms are also being considered as reflecting the English mind-set.

Key words: *English mentality, linguistic means of expression, idioms, colloquial codes, linguo-cultural, anthropological approaches*

Since the Middle Ages the English have been reputed to be great lovers of themselves and of everything belonging to them. They were characterized as arrogant, proud, extremely overbearing and very suspicious of foreigners whom they despised.

Kate Fox gives a list of characteristics of the English mind-set mentioning such features as their lack of ease in social interactions, their social inhitions and perverse obliqueness and fear of intimacy [1, 26]. The English are either overpolite, "buttoned up", awkwardly restraint, or (extremes meet!) loud, crude, violent and notoriously known for their hooliganism at the stadiums.

These aspects of Englishness find their reflection in a number of linguistic conversational and behaviour codes. It is not always the non-native accent (which may be perfect) that enables people to recognize an outsider, but the odd mistakes that no native speaker would make. It's the breach in the use of the above-mentioned conversational codes.

The first and foremost is the weather-speak. As George Mikes put it: "If you do not repeat the phrase 'Lovely day isn't it?' at least two hundred times a day, you are considered a bit dull [2, 20]. All you are expected to say in ritual response is: "Mm, yes, isn't it?" This phrase is a linguistic code to say: "Yes, I'll talk to you/greet you". In English society the rules of privacy, reserve and inhibition override those of sociability: talking to strangers is never compulsory [Ibid, 26]. As to the 'How do you do?' greeting and repeating in back 'How do you do?', it is now no longer universal. The exchanges in the English conversation from anthropological point of view are conducted strictly according to unwritten but tacitly accepted rules as rituals. From linguistic point of view the English weather-speak questions are no real questions about the weather.

They look like questions and are pronounced with a rising intonation, because they require a response but are aimed at initiating the act of communication.

"Weather-speak is the social facilitator rather than the evidence of general obsession", writes Kate Fox [1, 36]. It is a form of social bonding, an icebreaker leading conversation on other matters.

What are the other ways of achieving social bonding in the way of compliments? There are certain differences between men and women. The compli-

ments are not exchanged at random, but in a distinctive pattern. For women there exists the counter-compliment rule; the opening line may be a straight compliment or a compliment plus a self-critical remark. And the counter-compliment remark is a self-deprecating denial and a counter-compliment. The compliment should be offered in return by all men's.

As for men, they have different ways of achieving social bonding. There exists a competitive ritual which presupposes an intensive use of comparative degrees of adjectives. The ritual is called "Mine is better than yours".

(My grass is greener. My car is newer, etc.), i.e. boasting. The rules of the game are as follows: the opening line is a statement of praise (of a football team, a razor, whatever). Then the statement is criticized or challenged. Men bonding talk is more competitive and female bonding is full of hidden boasting but it is also more cooperative.

Gossip is another feature of the English mind-set. This is a universal human trait, a kind of "social grooming" of human beings. The English are obsessed with privacy, but as well know, the hidden fruit is sweat, and it leads to the breach of privacy. What's gossip? It's the talk of the people's private lives, and those who enjoy gossiping deal with some risk of doing something naughty or forbidden. George Orwell observed: "The most hateful of all names in an English ear is Nosy Parker" [4, 48].

The English are concerned with the main codes of privacy and reserve and it is reflected in a number of social rules and maxims. For example: "Mind your own business!" "Don't poke your nose into other people's affairs!" "Keep yourself to yourself!", "Never wash your dirty linen in public", etc. The rules of mail and female bonding talk reinforce the proverb:" What is the sauce for the goose, is not always sauce for the gander". But they have some common features: a lot of humour, polite hypocrisy and the assumption that the rules of etiquette are over reason.

As for English humour, it is known for its dominance pervasiveness in every aspect of English life. High classes of society are reputed for their wit and irony. Humor is of the central importance in English culture and social interactions [5, 61].

There some varieties of humour: some banter, teasing, irony, understatement, humorous deprecation, mockery. The conversional codes of humour for the English are just the sames as the laws of nature, and they obey them the way they obey the law of gravity, as Kate Fox put it [1, 62].

What there maybe the object of English humour in general and understatement in particular? As a rule, it is such behavior as boasting, excessive patriotism and enthusiasm, solemnity, sentimentalism, earnestness, vexcessive zeal, etc. Understatement is a very English kind of irony or to be more exact, it is a way of English life. The English have to use understatement because of the stict prohibitions on the use of the above-mentioned rules of behavior and the linguistic conversional codes accordingly. The understatement rules dictate to call a debilitating and painful chronic illness as a "bit of nuance", a sight of breathtaking beauty as "not bad". The word 'nice' is widely used in understatements.

George Mikes gives a brilliant example of English reserve and the use of understatement in his short humorous story "How to Die" about an English gentleman who was thrown overboard by a fearful gust of wind at sea. His head emerged just once from the water below George. He looked at him calmly and remarked somewhat casually:" Rather windy, isn't it? [2, 168]. Then the hapless gentleman drowned in the stormy sea. Kate Fox compares the rules of English humour to the cultural equivalent of natural laws in the way of obeying them as well as obeying the law of gravity [1, 26].

Humour is of the greatest importance in English culture and social interactions. The English don't take themselves too seriously, they prefer to laugh at themselves and their favourite phrase is:" Oh! Come off it; or' "I know my rights'. They also refer to a piece of irony: "Yeah, right" when they hear something in the way of boasting patriotism, excessive zeal or enthusiasm. The English have a superior sense of irony that is an important ingredient of humour.

Being English is a state of mind and the English mentality is reflected in English phraseology. It is nearly impossible for a foreigner to understand the question "When is a pretty **kettle** of fish a red herring? A pretty **kiddle** of fish used to be a basket placed in a river for catching fish in medieval times. The Word **kiddle** was corrupted in spelling und pronunciation as the result of phonetic and spelling changed in handing down. Such **kiddles of fish** were destroyed by citizens who made periodical raides on the baskets and stole the fish out of them. **"A pretty kiddle of fish!"** was their exclamation on seeing the damage done. In the same way to day one might say: **"Here′s a pretty state of affairs!"** The word **'pretty'** is used ironically.

As for **'a red herring'** that was drawn along the path, it was used to divert the dogs and hounds from original scent and to destroy it. Why **'a red herring**'? That was the one that had been dried, salted and smoked.

To put it plainly, the meaning of this question is: “When does the state of confusion in some awkward and surprisingly unpleasant situations serve as a means of diverting people′s attention from some important issues?” It is common knowledge that the criteria of lexical stability and lack of motivation or idiomaticity of the grammatical structure make it possible to classify phraseological units into phraseological fusions, phraseological units and phraseological collocations. Besides, there some commonly used words and expressions, proverbs and sayings that reflect Britishness, British mentality and mind-set.

As for the emerging mobile phone talk rules, they are still to the making to become traditional. The mobile phones may be used as a status signal, a display of ‘mine is better as yours’ conversational code. The mobile-phones today are very often used instead of newspapers or magazines to mark ‘personal territory’, i.e. they protect against unwanted social contacts especially by women and used as a kind of support showing people that you are not alone and you are not vulnerable [1, 86]. Today mobile phones serve as an important way pf communication. Here is a typical phone talk: “Hi, how’re you doing? Fine, just off to the shops, – oh, how’s your Mum?, ‘Oh, good, give her my look, see you later?” It is a of a typical SMS texting, a friendly, but it is very important psychologically and socially.

There are a lot of conversional and behavior codes reflecting Englishness such as: grooming talk, home rules, rules of the road, dress code, the rules of using mobile phone, the rules of modesty and hypocrisy etc. These conversional codes are of great interest from lingua-cultural, sociological, linguistic and anthropological points of view.

References

1. **Fox, Kate.** Watching the English // The hidden rules of English Behaviour. – London, 1988.

2. **Mikes, George.** How to be a Brit. A Georges Mikes Minibus. – Penguin, 1984.

3. **Paxman, Jeremy.** The English: A Portrait of a People, London, Michael Joseph, 1998.

4. **Orwell, George**. Collected Essays, Journalism and Letters. – Penguin, 1970.

5. **Priestley, S.B**. English Humour. – London: William Heinemann, 1976.

Л.К. Гордеева
Тверской государственный университет

МЕДИЦИНСКИЙ ТЕРМИН И ЕГО АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ

Аннотация

Статья посвящена ассоциативному полю медицинского термина, а также общеупотребительному и узкоспециальному значению понятия «медицинский термин». В поле зрения нашего исследования попадают вопросы, связанные с ассоциативным полем медицинских терминов. Рассматривается использование терминов, относящихся к медицине, границы медицинской лексики и медицинской терминологии. Обсуждаются вопросы, связанные с проблематикой изучения медицинских терминов как единиц профессионального дискурса. Предпринята попытка определить, что входит в ассоциативное поле носителей профессионального и обыденного сознания. Отмечается продуктивность дальнейшего изучения медицинской терминологии с точки зрения психолингвистики, которая позволяет рассматривать функционирование термина с точки зрения носителей как профессионального, так и обыденного сознания, а также моделирования ассоциативного поля медицинского термина, каковы критерии его отбора у носителей профессионального и непрофессионального/обыденного сознания.

Ключевые слова: *медицинский термин, медицинская терминология, термин, ассоциативное поле, обыденное сознание, профессиональное сознание*

MEDICAL TERM AND ITS ASSOCIATIVE FIELD

Abstract

The paper is dedicated to the associative field of a medical term as well as general and specialized meaning of the notion «medical term». In the field of our research the questions about the associative field of terms are being discussed. The usage of terms related to medicine, medical lexis and terminology's boundaries are being reviewed. An attempt to determine what is included in the associative field of a professional and an ordinary person was made. The issues connected to the problematics of medical terms' study as a unit of professional discourse are discussed. The productivity of further medical terminology's ex-

ploration in the field of psycholinguistics is remarked which makes it possible to review the terms' functioning from the point of view of a professional user and an ordinary person and to model the associative field of a medical term, what are the criteria of its selection among the professional users and ordinary people.

Key words: *medical term, medical terminology, term, associative field, common consciousness, professional consciousness*

- Многообразие словарей и научных работ в области медицинской терминологии указывает на популяризацию медицинской терминологии, вместе с чем происходит размытие представления о том, что такое «медицинский термин» и что входит в это понятие.
- В лингвистических исследованиях основное внимание уделяется свойствам медицинского термина, основным способам терминообразования и путям развития, однако в большинстве случаев вопрос «что входит в понятие медицинский термин?» учеными не рассматривается.
- С позиции «семантического треугольника» К. Огдена и И. Ричардсона, в термине выделяют два аспекта: денотативный и сигнификативный, в зависимости от того, какой компонент преобладает в структуре термина, ученые разграничивают специальную лексику на предметные термины и термины, выражающие научные понятия. Применяя данные критерии к медицинскому термину, получается, что к предметным медицинским терминам относятся названия методов лечения и процессов состояния, а к терминам, выражающим научные понятия в медицинской терминологии, могут быть отнесены названия болезней, лекарственных препаратов, инструментов и др.
- Понятие «медицинский термин» по-разному понимается людьми, которых условно можно разделить на следующие группы: 1) профессиональные лингвисты; 2) профессионалы в области медицины; 3) носители обыденного сознания. Различие в понимании приводит к различным критериям для отнесения определенного слова к «медицинскому термину» и моделированию его ассоциативного поля.
- Характер ассоциативного поля у носителей профессионального и обыденного сознания различен, однако существуют некие точки соприкосновения. Представляется продуктивным продолжить исследование в данной сфере с позиции психолингвистики, которая дает возможность описать

профессиональное языковое сознание медиков и непрофессиональное сознание носителей той же культуры на материале, полученном от испытуемых живых людей.

Литература

1. **Абрамова, Г.А.** Медицинская лексика: основные свойства и тенденции развития [Текст]: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.02.01 «Русский язык» / Абрамова Галина Алексеевна. – Краснодар, 2003. – 312 с.

2. **Балобанова, А.Г.** Обыденная и профессиональная семантизация медицинских терминов (на материале эксперимента) [Текст]: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.01 «Русский язык» / Балабанова Анжелика Германовна. – Кемерово, 2017. – 260 с.

3. **Ельцова, Л.Ф.** Концепты пространства в медицинской терминологии [Текст]: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.19 «История языка» / Ельцова Любовь Федоровна. – Рязань, 2000. – 198 с.

4. **Мотченко, И.В.** Основные тенденции в формировании английской медицинской терминологии [Текст]: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.04 «Германские языки» / Мотченко Ирина Владимировна. – М., 2001. – 215 с.

А.Г. Жилнин
Южный федеральный университет

ИГРА СЛОВ КАК СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ ВО ФРАНЦУЗСКОМ РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ

Аннотация

Текст посвящен исследованию употребления такого стилистического приема как игра слов, или каламбур, в современном французском рекламном дискурсе. Работа включает в себя теоретическую и практическую части. В первой части рассмотрена интерпретация понятия игры слов в современной лингвистике, цели и сферы его употребления и выявлены основные механизмы, использующиеся при создании данного стилистического приема: полисемия, омонимия, паронимия, парономазия; а также

описаны причины популярности каламбура во французском языке. В практической части данной работы производится анализ омонимии, паронимии и парономазии как стилистических приемов в дискурсе современной французской рекламы. Каждый механизм сопровождается примерами игры слов, употребляющимися в современном французском рекламном тексте, что подтверждает популярность данного стилистического приема в языке современной рекламы.

Ключевые слова: *игра слов, каламбур, стилистический прием, французский язык, реклама*

PLAY ON WORDS AS A STYLISTIC DEVICE IN THE FRENCH ADVERTISING DISCOURSE

Abstract

The text is devoted to the study of the use of such stylistic reception as a play on words, or pun, in modern French advertising discourse. The study includes theoretical and practical parts. The first one considers the interpretation of the concept of play on words in modern linguistics, the purpose and areas of its use and the main mechanisms used in the creation of this stylistic device are identified: polysemy, homonymy, paronymy, paronomasia; the causes of the popularity of pun in French are also described. Polysemy, homonymy, paronymy and paronomasia as stylistic devices in the discourse of modern French advertising are analyzed in the practical part of the study. Each mechanism accompanies examples of play on words used in modern French advertising text that confirms the popularity of this stylistic device in the language of modern advertising.

Key words: *play on words, pun, stylistic device, French language, advertising*

Современный интерес к проблеме игры связан с характерным для нашего времени желанием выяснить глубинные поведенческие основы сознания человека, связанные с присущим только ему способом переживания реальности.

Во французском словаре «Le Petit Larusse» игра слов определяется как «Jeu des mots fonde sur la difference de sens entre des mots qui se prononcent de la meme facon» (Игра слов, основанная на различии смысла одинаково произносящихся слов) [6, с. 174]. Другой известный словарь

«Le Robert pour tous» дает следующую дефиницию понятия «игра слов»: «Jeu des mots fonde sur des ressemblances de sons et des differences de sens» (Игра слов, основанная на схожести звучания и на различии смысла) [7, с. 155].

В XXI веке термин «языковая игра» приобретает немного новый оттенок, теперь он рассматривается как намеренное отклонение от языковой нормы. Именно этим реализуется его основная современная функция привлечения внимания, достижения комического или иного эффекта экспрессивного характера [1, с. 447].

Феномен языковой игры заставляет обратить на себя внимание такой науки как психолингвистика, исследующей языковые и речевые особенности в их соотнесенности с психологическими процессами и механизмами. Одним из подобного рода механизмов является языковая игра. Данный механизм активно используется в текстах СМИ и рекламных постерах, применяется в политическом дискурсе, также он крайне популярен среди пользователей Интернет-сообществ с целью придания высказыванию экспрессивного характера [3].

Несмотря на то, что игра слов существует во многих языках, французский язык особенно богат каламбурами. Это объясняется фонетическими особенностями данного языка, такими как преобладание открытых слогов, обилие омонимов. Помимо этого, важной чертой французского является то, что поток речи зачастую не позволяет различать границы между словами, что ставит непростую проблему перед новичками в изучении французского языка, но способствуют созданию и активно употреблению игры слов. Непрерывность речевого потока создается за счет таких фонетических явлений как элизия *(напр.: l'héro),* сцепление *(напр.: elle est belle),* связывание *(напр.: les étudiants),* голосовое связывание (*напр.: il parle à Antoin).* Данные явления позволяют создавать каламбуры, связанные со слитностью произношения слов во французской фразе *(напр.: un signalement – un signe allemand, c'est un neuf – c'est un oeuf, il est tout vert – il est ouvert, il parle du nôtre – il parle d'une autre).*

С точки зрения языкознания игра слов является довольно сложным механизмом, объединяющим языковую двойственность значений слов. Игра слов происходит за счет несоответствия основного смысла фразы (плана содержания) и словесного образа (плана выражения). Обязательны-

ми элементами данного механизма являются такие языковые явления как полисемия, омонимия, паронимия, парономазия.

Для начала рассмотрим примеры полисемии, на основе которой создается игра слов, так как многозначность слов является богатейшим материалом для данного феномена. Раскрытию разных значений одного слова способствует контекст. Он же придает комичность ситуации, построенной вокруг полисемичного слова, значения которого зачастую далеки друг от друга. Благодаря семантическим возможностям многозначных слов, используемых в каламбуре, автор достигает главной цели – привлечения внимания посредством комической ситуации. Данный прием крайне популярен в рекламных постерах, напр.: *«La nuit tombe, les garçons aussi!» («Belle de minuit», Parfum).*

Также крайне популярным механизмом создания игры слов является омонимия. Существуют различные виды омонимов, каждый из которых употребляется в игре слов. Омофоны – слова различные по значению и по написанию, но одинаковые по звучанию *(напр.: le pin – сосна, le pain – хлеб, peins (от глагола peindre) – я рисую; il l'accorde – он это разрешает, la corde– веревка).* Именно омофоны являются самым популярным способом создания игры слов во французском языке. Это объясняется тем, что омофония является одной из характерных черт французского языка, возникающая благодаря вышеописанным фонетическим явлениям.

Омографы – слова, имеющие одинаковое звучание и написание *(напр.: le mousse - юнга, la mousse - мох; le vase - ваза, la vase – тина, ил; Il n'y a que maille qui m'aille – мне идет только трикотаж).*

Полные омонимы – это слова, принадлежащие одной и той же части речи, вся система форм которых является идентичной, у них нет различий ни в звучании, ни в написании. В данном случае комический эффект наиболее сильный, так как он создается не только аудиально, но и визуально.

Примером омофонии во французской рекламе может послужить слоган сыроваренной фирмы *«Holland Master»: «L'edam d'abord»* [5], что дословно переводится как *«Сначала эдам (название сыра)»*. В данном примере обыгрывается идентичность звучания названия сыра «l'edam» и слова «les dames». С фонетической точки зрения данная фраза может быть переведена как «Дамы вперед».

Следующий пример омофонии во французской рекламы взят у глобальной гуманитарной организации, направленной на прекращение голода во всем мире *«Action contre la faim»* [4]. Их слоган *«La faim justifie les moyens»* звучит аналогично известному устойчивому выражению *«La fin justifie les moyens».* В первом случае фразу можно перевести как «*Голод оправдывает средства»,* во втором случае выражение переводится как *«Цель оправдывает средства».* Здесь происходит игра слов в результате того, что слова «faim» (голод) и «fin» (цель) являются омофонами. Таким способом организация подчеркивает свою цель, то есть победить голод во всем мире, не обращая внимания на средства, которые ею будут истрачены ради данной миссии.

Еще одним механизмом игры слов является парономазия. Данный процесс характеризуется обыгрыванием частичного сходства слов при их семантическом различии *(напр.: Qui se ressemble s'assemble – подобное привлекает подобное; Qui vole un oeuf vole un boeuf – кто украл яйцо – тот украдет и быка).* Парономазия особенно часто встречается в устном народном творчестве – пословицах и поговорках. Также стоит отметить, что в современном дискурсе пословицы и поговорки часто обыгрываются для получения комического эффекта: *Qui trop embrasse manque le train – кто слишком долго целуется опаздывает на поезд (Qui trop embrasse mal étreint – поговорка, по значению похожая на русскую «За двумя зайцами погонишься– ни одного не поймаешь»).* Каламбур *«Entre deux mots il faut choisir le moindre»* основывается на использовании двух разных языковых единиц с одинаковым звучанием (entre deux mots – из двух слов и entre deux maux – из двух зол), где слово mots выражено эксплицитно, а слово maux лишь предполагается. Таким образом, данное выражение является аллюзией на известную пословицу [2].

Ярким примером парономазии является рекламный постер, сопровождаемый следующим текстом *«Uber au bois dormant»* [8]. В данном примере есть аллюзия на название известной сказки *«La Belle au bois dormant»*, которая переводится как *«Спящая красавица».* Данная фраза подкреплена текстом, раскрывающим замысел авторов данного рекламного постера: «Detendez-vous, le paiement est autaumatique», что означает «Не волнуйтесь, оплата снимается автоматически». Таким образом, в данном постере, вероятно, подчеркивается возможность не беспокоится об оплате за проезд.

Другой рекламный постер *«Uber&mere*» [8] также содержит в себе игру слов, основанную на парономазии. Фраза *«Uber&mère»* имеет аллюзию на фразу *«Père&mère»,* имеющая перевод *«Отец и мать»*, что также подверждается текстом, сопровождаемым данную фразу: «Depuis l'appli, commendez et payez pour vos proches», что можно перевести следующим образом: «Скачав приложение, вызывайте и оплачивайте такси за ваших близких». Таким образом, в данном постере, вероятно, подчеркивается безопасность использования данного приложения вне зависимости от возрастной категории пассажиров.

В заключение следует отметить, что игра слов является крайне популярным стилистическим приемом, используемым в современной французской рекламе. Каламбур, реализуемый в рекламе, является важным явлением, так как он способствует максимальному воздействию на потребителя, поскольку тот, благодаря ее приемам и функциям, обращает на данную рекламу внимание. Помимо этого, реклама, содержащая в себе игру слов, является показателем высокого уровня владения языковой компетентностью потребителя.

Литература

1. **Булыгина, Т.В., Шмелев А.Д.** Языковая концептуализация мира [Текст] / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 576 с.

2. **Витгенштейн, Л.** Философские исследования [Текст] / Л. Витгенштейн // Философские работы в двух частях. – М.: Гнозис, 1994. – Ч.1 – С. 75 – 319.

3. **Ильясова, С.В., Амири, Л.П.** Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы [Текст] / С.В. Ильясова, Л.П. Амири. – М.: Флинта, Наука, 2013. – 296 с.

4. Action contre la faim [Электронный ресурс]. URL: www.actioncontrelafaim.org (дата обращения: 12.03.2019).

5. Holland Master [Электронный ресурс]. URL: www.hollandmaster.de (дата обращения: 15.03.2019).

6. Le Petit Larousse [Текст]. – Paris, 2001. – 1776 с.

7. Le Robert pour tous [Текст]. – Paris, 2001. – 1250 с

8. Uber fait sa pub a coup de jeux de mots [Электронный ресурс]. URL: http://blog.shanegraphique.com (дата обращения: 15.03.2019).

Е.М. Заковоротная
Южный федеральный университет

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПОДПОЛЕ ОДУШЕВЛЕННЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация

Статья посвящена исследованию словообразовательного подполя одушевленных существительных в современном французском языке. Использование концепции языкового поля для исследования системы производных одушевленных существительных позволяет проанализировать взаимосвязь между элементами ядра и периферии, выявить разного типа и объема лексические кластеры, на основе чего можно сделать вывод об актуальности применения различных способов словообразования в современном французском языке. Было исследовано 400 одушевленных существительных из французского словаря Le Petit Larousse, образованных с помощью разных словообразовательных подходов: аффиксация (суффиксация и префиксация), словосложение и лексикализация, конверсия, аббревиация, заимствование, деривация (парасинтетическая и регрессивная). На основе полученных данных было составлено словообразовательное подполе с несколькими микрополями. В результате, ядерные и периферийные микрополя показали эффективность различных способов словообразования одушевленных существительных в современном французском языке.

Ключевые слова: *словообразование, теория поля, существительные, словообразовательное поле.*

WORD-FORMATION SUBFIELD ANIMATE NOUNS IN MODERN FRENCH LANGUAGE

Abstract

The article addresses the study of the word-formation subfield of animate nouns in modern French language. Using the concept of a language field to study the system of derived animated nouns allows analyzing the relationships between the elements of the core and the periphery, to identify different types and volume of lexical clusters, which indicate the relevance of using different word-formation methods in the modern French. There is an analysis of 400 ani-

mated nouns from the French dictionary Le Petit Larousse formed with different word-building approaches: affixation (suffixation and prefixation), composition and lexicalization, conversion, abbreviation, loanwords, derivation (parasynthetic and regressive). Based on the results, a word-formation subfield is compiled, which core and peripheral microfields show the effectiveness of various word-formation methods of animate nouns in modern French language.

Key words: *word-formation, word-formation field, linguistic field, nouns.*

В современной лингвистике в исследованиях большую значимость приобрела концепция языкового поля. Данный термин определяет уровневую лексико-семантическую структуру, которая основана на связи языка с действительностью, соотнесенности его с внеязыковой реальностью [3, с. 11]. Любое языковое поле обладает определенным количеством языковых средств, связанных системными отношениями. На основе элементов поля система делится на ядро (сердцевину) и периферию, которые отличаются наличием характеристик. Если в ядре расположены те элементы, в которых сосредоточен полный набор признаков, определяющих данную семантическую группу, то остальные части, которые обладают лишь некоторыми из необходимых признаков, составляют периферию данного поля. При этом периферийные составляющие зачастую обладают критериями, которые формируют другие языковые поля [3, с. 8; 2, с.69].

Применение полевого подхода для исследования производных одушевленных существительных в современном французском языке обусловлено необходимостью системного изучения словообразовательного аспекта французских существительных, выявления разного объема группировок, а также необходимостью определения наиболее эффективных подходов в актуальной словообразовательной системе [4, с. 110].

На сегодняшний день, роль словообразования во французской лингвистике определяется как метод языковой эволюции, а также является одним из трех основных способов расширения словарного запаса языка [1, с. 51]. В системе данного языка деривация традиционно является частью морфологии или лексикологии, что отражено в работах лингвистов К. Нюропа и Ж. Пикоша [8].

Словообразование занимает важное место в лингвистической парадигме. Благодаря совокупности различных словообразовательных средств производные слова или дериваты приобретают новые значения и коннота-

ции и, таким образом, становятся новыми полноценными лексическими единицами. Важно отметить, что дериваты следует отличать от других мотивированных форм, для появления которых служат методы словоизменения или формообразования. В отличие от них, дериваты обладают следующими критериями:

1. Словообразовательная мотивация, которую также именуют критерием Г. О. Винокура. Ученый полагал, что производное слово может считаться новой лексической единицей благодаря наличию соответствующей ей непроизводной формы.

2. Бинарный или двухкомпонентный состав производного слова, в котором выделяются производящая база и словообразовательный формант или дериватор.

3. Свободная членимость производного слова [5, с. 10].

Следовательно, словоизменения не могут считаться производными словами, так как, несмотря на измененную грамматическую форму, не приобретают новые или дополнительные значения, а поэтому не заносятся в словари.

Итак, в соответствии с теорией языкового поля, словообразовательная система французских конкретных существительных делится на два подполя: одушевленные и неодушевленные. Далее, словообразовательное подполе одушевленных существительных разбивается на микрополя в соответствии со способами словообразования: аффиксация (суффиксация и префиксация), словосложение и лексикализация, конверсия, аббревиация, заимствование, деривация (парасинтетическая и регрессивная) [2]. Ядерным считается то микрополе, по моделям которого образуется наибольшее количество производных.

Следовательно, на основе 400 проанализированных слов из словаря Le Petit Larousse [7] словообразовательное поле одушевленных существительных будет выглядеть следующим образом:

- микрополе суффиксации: *une abbaye – un abbé, une abbesse, (аббатство – настоятель, настоятельница аббатства), un maître – une maîtresse (учитель – учительница), actif – un activiste (активный – активист); danser – un danseur, une danseuse (танцевать – танцор, танцовщица); chanter – un chanteur, une chanteuse (петь – певец, певица); réaliser – un réalisateur, une réalisatrice (воплощать – режиссер, режиссер-женщина), un acteur – une actrice (актер – актриса); une traduire – un tra-*

ducteur, une traductrice (переводить – переводчик, переводчица); admirer – un admirateur, une admiratrice (почитать – почитатель, почитательница); raser(разг.) – un raseur (разг. надоедать – зануда); abattre – un abatteur (обрушивать – лесоруб, забойщик); l'anabaptisme – un anabaptiste (анабаптизм – анабаптист); une anarchie – un anarchiste (анархия – анархист); l'analyse – un analyste (анализ – аналитик); l'anatomie – un anatomiste (анатомия – анатом), l'anesthésie – un anesthésiste (анастезия – анастезилог), l'angiologie – un angiologue (ангилогия – ангиолог);

- микрополе префиксации: *un découvreur – un co-découvreur (открыватель – сооткрыватель); une épouse – une coépouse (жена – одна из жен в полигамном браке); un équipier – un coéquipier (член рабочей группы – напарник, товарищ по группе, команде); un fasciste – un antifasciste (фашист – антифашист); un américain – un antiaméricain (американец – антиамериканец)*;
- микрополе аббревиации: *un adolescent – un ado (подросток); un parachutiste – un para (парашютист); un proviseur – un provo (директор лицея); un professeur – un prof (преподаватель);*
- микрополе конверсии: *absent – un absent (отсутствующий – отсутствующий человек); détaché – un détaché (отдельный – лицо, временно исполняющее иные обязанности); désoeuvré – un désoeuvré (праздный – бездельник); un déséquillibré (неуравновешенный – неуравновешенный человек); malade – un malade (больной – пациент); alpin – un alpin (альпийский – стрелок горных войск); amnistié – un amnistié (амнистировать, прощать – прощенный); amoureux – un amoureux (любовь – влюбленный); ancien – un un ancien (старый, бывший – старейшина, ветеран);*
- микрополе словосложения: *un adjudant + un chef – adjudant-chef ((воен.) аджюдан-шеф); l'aide + un éducateur – un aide-éducateur (помощник воспитателя); l'aide + un soignant – un aide-soignant (сиделка); l'anesthésiste + un réanimateur – un anesthésiste-réanimateur ((мед.) анестезиолог-реаниматолог); avant + un coureur – un avant-coureur (гонец, предвестник);*
- микрополе парасинтетической деривации: *un sujet – un assujetti (субъект – налогоплательщик); habiter – un cohabitateur, une cohabitatrice (жить – сожитель, сожительница);*
- микрополе регрессивной деривации*: la folie – un fol (безумие– безумец); la jalousie – un jaloux (ревность – ревнивец); la démocratie – un démocrate (демократия – демократ); l'aristocratie – un aristocrate (аристо-*

кратия – аристократ); propedeutique – une propédeute (подготовительный курс – учащийся на подготовительном курсе); l'autonomie – un autonome (автономия – человек, обеспеченный всем необходимым);

- микрополе заимствования: *un Anglican (англ.) (англиканин); addictologue – addictologue (аддиктолог); un anglomane (англоман); un Anglophobe (англофоб); l'aquaculture – un aquaculteur (разводить морских животных); l'aquaforte (итал.) – aquafortiste (гравер-офортист); aperitif – un apériteur ((средневек. лат. aperitivus «qui ouvre») – лидер, головной страховщик); un abeille – un apiculteur ((лат. apis) пчела – пчеловод); un aquanaute (итал.) (акванавт, исследователь-подводник);*

Анализ данных показал, что ядро подполя занимает микрополе суффиксации, в то время как к периферии будут относиться микрополя парасинтетической деривации и аббревиации. Таким образом, на основе полученных результатов можно сделать вывод, что наиболее продуктивным подходом в словообразовании одушевленных существительных в современном французском языке являются суффиксация и конверсия.

В заключение можно отметить, что исследования словообразовательных полей являются перспективными и актуальными для современной французской лингвистики, поскольку они позволяют структурировать элементы поля от ядра до периферии и определить у них наличие тех или иных отличительных признаков. Кроме того, словообразовательное поле способно продемонстрировать, какие способы словообразования являются наиболее актуальными для каждой части речи. Подобная информация может пригодиться для лингвокультурологических, филологических исследований, а также для составления текстовых корпусов, карт семантических векторов и систем машинного перевода.

Литература

1. **Аврамов, Г.Г**. Lexicologie du français modern [Текст]: учебное пособие по лексикологии современного французского языка для самостоятельной работы студентов 3 курса факультета иностранных языков. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Г.Г. Аврамов. – Ростов-на-Дону: ИПО ПИ ЮФУ, 2012. – С. 50-63.

2. **Ахметшина, К.А.** Функционально-семантическое поле частей речи во французском языке [Текст] / К.А. Ахметшина, Л.А. Латыпова, Д.Р. Фатхулова // Молодежный научный форум: Гуманитарные науки: электр.

сб. ст. по мат. XXV междунар. студ. науч.-практ. конф. – 2015. – № 6(24). – С. 69-75.

3. **Власова, Ю.Н., Дашко, Ю.В.** Функционально-семантические и словообразовательные поля в лингвистике [Монография] / Ю.Н. Власова, Ю.В. Дашко – Ростов-на-Дону: Изд-во РГПУ, 1998. – С. 7-15.

4. **Дьячкова, Е.С.** Формирование словообразовательного поля полусуффиксов в современном английском языке [Текст] / Е.С. Дьячкова // Известия РГПУ им. А.И. Герцена, сб. науч. работ и статей. – 2008. – С. 110-116. – ISSN 1992-6464

5. **Филиппова, Л.С.** Современный русский язык. Морфемика Словообразование [Текст] / Л.С. Филиппова. – М.: Изд-во «Флинта», Изд-во «Наука», 2009. – С. 10-25.

6. Centre National des Resources Textualles et Lexicales [Электронный ресурс]. URL: http://www.cnrtl.fr (дата обращения: 29.02. 2019).

7. Le Petit Larousse illustré 2015 [Электронный ресурс]. URL: https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/Web (дата обращения: 22.03.19).

8. StudFiles [Электронный ресурс]: файловый архив научных ресурсов. URL: https://studfiles.net (дата обращения: 27.04.19).

М.А. Зубкова
Тверской государственный университет

РОЛЬ ВАРИАТИВНОСТИ В РАЗВИТИИ ТЕРМИНОСИСТЕМ

Аннотация

В статье подробно рассматривается содержание понятий «терминологическая вариативность» и «развитие терминологии». Анализ научной литературы позволяет сделать вывод, что взаимосвязь вариативности и развития терминосистем может быть описана следующим образом: 1) как причинно-следственные отношения; 2) как механизм и результат действия этого механизма; 3) вариативность как показатель и неотъемлемое свойство развития терминосистем.

Ключевые слова: *вариативность, термин, банковский термин, терминосистема, развитие терминологии*

THE ROLE OF VARIABILITY IN TERMINOLOGY DEVELOPMENT

Abstract

The paper analyses the meanings of terminology variability and development of terminology systems. The relationships between them can be described as: 1) cause-effect relationships; 2) variability as the unique mechanism of terminology development; 3) variability as the indicator of development.

Key words: *variability, banking terminology, factors of terminology development*

Идея о том, что вариативность (в некоторых источниках «вариантность») и развитие языка взаимосвязаны, возникла в трудах отечественных ученых более 40 лет назад. Так, в 1978 году К.С. Горбачевич писал: «Варьирование формы – это объективное и неизбежное следствие языковой эволюции. Язык развивается и совершенствуется медленно, постепенно… Варианты как бы помогают нам привыкнуть к новой форме, делают сдвиг нормы менее ощутимым и болезненным» [1, с.29]. Другими словами, К.С. Горбачевич выделяет причинно-следственную связь между вариативностью и развитием языка, а также подчеркивает, что вариативность является не просто результатом (следствием) развития языка, но и естественным механизмом постепенного введения новых языковых норм.

В 1984 году В.М. Солнцев в своей статье подвел итоги сложившихся на тот период двух противоположных точек зрения о сущности явления вариативности в языке: «В лингвистике понятие вариативности (вариантности) используется двояко. Во-первых, как характеристика всякой языковой изменчивости, модификации, которая может быть результатом эволюции, использования разных языковых средств для обозначения сходных или одних и тех же явлений или результатом иных причин… Во-вторых, понятие вариативности используется как характеристика способа существования и функционирования единиц языка в синхронии» [5, с. 31]. Таким образом, В.М. Солнцев выделяет синхронический и диахронический аспекты изучения явления вариативности, при этом о взаимосвязи между вариативностью и развитием («эволюцией») языка говорится только в аспекте диахронии.

В научных работах, опубликованных в течение последних десяти лет, вариативность всё чаще рассматривается в диахроническом аспекте.

Так, например, Ю.В. Сложеникина в своей диссертации пишет: «Способ существования, функционирования и эволюции языковых единиц, связанный с возможностью их модификаций, в лингвистике называется вариантностью» [4, с.3]. Т.Н. Хомутова в своей статье отмечает следующее: «В современной лингвистике вариативность определяется как фундаментальное свойство языковой системы и функционирования всех единиц языка… Вариативность рассматривается как один из факторов развития языка и проявляется на всех его уровнях» [8, с.28].

Понятие «терминологическая вариативность», также как и понятие «языковая вариативность», является неоднозначным и до конца неизученным. Сам факт существования этого явления в терминологии признан в настоящее время большинством ученых. Однако суть понятия «терминологическая вариативность», ее виды и оценка с точки зрения оказываемого влияния на терминосистемы - спорные вопросы, требующие дальнейшего изучения.

Несмотря на большое количество научных работ, посвященных терминологической вариативности, нам удалось найти только одно четко сформулированное определение этого понятия в статье С.Д. Шелова: «Вариативность (вариантность) терминов (терминологическая вариативность (вариантность)) – соотношение ряда терминов, при котором все они имеют общность понятийного содержания, обусловленную определением (толкованием или объяснением) одного из них, а понятийное содержание остальных терминов может быть объяснено преобразованиями (трансформациями) языковой структуры этих терминов как производных от того, который имеет определение (толкование или объяснение), причем соответствующие преобразования имеют место и в общем языке». [9, с.12] В своей работе С.Д. Шелов рассматривает явление вариативности в терминологии с точки зрения его отличия от таких схожих понятий как «дублетность», «синонимия» и «эквивалентность». С.Д. Шеллов приходит к выводу, что понятия «дублетность» и «эквивалентность» являются частными случаями «синонимии», а понятие «вариативность» следует рассматривать как отдельное явление. В качестве примеров вариативности терминов при отсутствии их синонимии С.Д. Шелов приводит следующие ряды словосочетаний: «параллельные прямые – прямая, параллельная прямой – параллельность прямых; агглютинативные суффиксы – агглютинативность суффиксов – агглютинирующие суффиксы – агглютинация суффиксов» [9, с.15]. В ка-

честве примеров, когда можно говорить о синонимии (амбисемии) терминов и невозможно указывать на их вариативность, С.Д. Шелов приводит ряды словосочетаний типа «морфемный альтернант (американская лингвистика) – вариант морфемы (Г.О. Винокур) – морфа (Ч.Ф. Хоккет); пустой морф (Ч.Ф. Хоккет) - соединительная морфема (Н.С. Трубецкой); нулевая суффиксация (В.В. Лопатин, И.С. Улуханов) – бессуфиксальный способ словопроизводства (Н.М. Шанский)» [9, с.9] – то есть примеры многозначности, когда одно и то же явление наделяется различной степенью семантической нагрузки разными научными школами. С.Д. Шелов указывает также на то, что в отличие от языковой вариативности, «вариативность терминологических единиц существует только на уровне слов и словосочетаний; не существует вариативности “терминологических фонем” и “терминологических морфем”». [9, с.4]

По вопросу о видах терминологической вариативности существует несколько точек зрения. Одни ученые считают, что вариативность возможна только в структурном оформлении терминов, и описывают в своих работах только варьирование формы (О.И. Москальская, К.С. Горбачевич и др.). Именно формальный вид терминологической вариативности в настоящее время считается наиболее изученным. Другие авторы (И.М. Жилин, С.Д. Шелов, В.В. Виноградов, Н.Н. Семенюк, М.Д. Степанова и др.) различают вариативность терминов как в плане выражения (формальная вариативность), так и в плане содержания (семантическая вариативность), а также особые виды вариативности – «категориальную вариативность терминов» (термин С.Д. Шелова) «функциональный вид варьирования» (термин Т.Н. Хомутовой, означающий варьирование при изменении интонации или синтаксической функции термина).

В зависимости от оценки влияния вариативности на терминологию, мнения ученых можно также разделить на две противоположные точки зрения. Согласно первой - вариативность в терминологии либо полностью отрицается, либо рассматривается учеными как крайне негативное явление, с которым нужно бороться и исключать (например, работы Е.Н. Толикиной, М.В. Кургановой, Д.С. Лотте, И.С. Квитко, П.С. Дацюк, С.С. Вильчинского, К.Я. Авербуха и др.). Другая группа ученых рассматривает вариативность как данность, как естественное характерное свойство термина, проявляющееся независимо от специфики сферы деятельности и

области знаний (работы В.М. Солнцева, С.Д. Шелова, Е.Б. Жавкиной, Г.В. Козловой, Ю.В. Сложеникиной и др.).

Идея о том, что «терминологическая вариативность» и «развитие терминологии» взаимосвязаны, также как идея о взаимосвязи языкового развития и языковой вариативности, не является чем-то новым в научной литературе. Так, например, В.А. Татаринов считает, что «изменение границ семантики термина, возникновение новых значений - закономерное явление в развивающейся терминосистеме, отражающей процесс познания постоянно развивающейся объективной действительности» [6, с.18]. Авторы другой научной работы пишут: «Синонимия – это явление, свидетельствующее о развитии и совершенствовании языка, в том числе и в сфере терминологии… В сфере специальной номинации многозначность является не только проявлением рациональной ограниченности ресурсов терминологического потенциала, но и объективным следствием процессов познания человеком окружающего мира» [3, с.46].

В процессе изучения научной литературы, нам не удалось найти четко сформулированного определения понятия «развитие терминологии». Логично предположить, что суть этого понятия невозможно раскрыть без изучения понятия «развитие языка». Знаменитый швейцарский ученый Фердинанд де Соссюр писал: «Язык не есть организм, он не умирает сам по себе, он не растет и не стареет, то есть у него нет ни детства, ни зрелого возраста, ни старости, и, наконец, язык не рождается» (цит. по [7]). Таким образом, Соссюр признавал непрерывное естественно-историческое изменение языка, но при этом отрицал его эволюционное (векторное) развитие. В отличие от идей Соссюра, в настоящее время признаются две точки зрения по поводу того, что есть «развитие языка» [2, с.177]:

1) развитие языка – это любые изменения, происходящие в языке;

2) развитие языка – это те изменения, которые ведут к совершенствованию выразительных способностей языка, являясь следствием процесса приспособления языка к растущим потребностям общения.

Принципиальная разница двух существующих в настоящее время подходов к сущности понятия «развитие языка» заключается в следующем: первый подход согласуется с идеей Соссюра и полностью исключает необходимость оценки происходящих изменений в языке; второй подход говорит о том, что развитие языка возможно только векторным способом и должно непременно приводить к положительным результатам с точки

зрения выразительных качеств языка. Следует отметить, что в научной литературе оценка степени выразительности тех или иных языковых средств, как правило, носит субъективный, а значит достаточно спорный, характер.

Во многих научных работах теоретические выводы по вопросам терминоведения основываются на предположении о том, что термины являются составной частью языка, и общая теория лингвистики может объяснить явления и процессы, характерные для терминосистем. Если руководствоваться той же логики, то понятие «развитие терминологии» может означать: 1) любые изменения терминологии; 2) только те изменения, которые улучшают параметры терминосистемы, с точки зрения предъявляемых к ней требований. Нам представляется более правильной вторая точка зрения, поскольку хаотичные изменения терминов могут привести к потере ими своих основных свойств, выводу из употребления в профессиональной среде, а также к потере системных связей внутри отдельных терминосистем.

Оценка всех изменений терминологии проводится в рамках ее стандартизации. Основными целями стандартизации являются: приведение терминологии в систему, гармонизация терминологии и закрепление результата в виде специального словаря. С одной стороны, стандартизация необходима для развития терминологии, т.к. она означает «признание» терминологии в научном и профессиональном кругах, приобретение статуса системы терминов. С другой стороны, стандартизация фиксирует только текущее состояние терминосистем, а не развивает их. Кроме того, в процессе стандартизации, как правило, ведется работа по минимизации многозначности терминов и синонимии, что априори означает субъективный подход к их оценке, а значит, всегда существует вероятность, что стандартизированные термины не будут полностью отвечать объективным потребностям профессионального общения.

Процессы развития языка и развития терминологии являются двумя взаимосвязанными процессами, и существующая вероятность ошибки при оценке результатов изменений делает их похожими. Однако, сравнивая их между собой, можно сделать ряд предположений об их отличительных чертах. Во-первых, количество носителей общего языка всегда меньше количества носителей языка для специальных целей, а это означает, что степень вероятности ошибки в оценке развития терминологии будет значительно ниже. Во-вторых, оценку результатов развития терминологии

можно проводить по истечении более короткого промежутка времени или непрерывно в рамках терминологического управления; общее развитие языка происходит гораздо медленнее и оценивать его результаты следует с отсрочкой в десятилетия. В-третьих, терминологическую политику гораздо проще осуществлять, чем языковую политику, а значит, и возможность повлиять искусственно на развитие терминологии значительно выше, чем на развитие языка.

Развитие терминологии тесно связано с терминообразованием. Такие способы появления новых терминов как морфологический и лексико-синтаксический основаны на вариативности. В лингвистике существуют даже такие понятия, как «словообразовательные варианты» и «вариативное терминообразование».

Проведенный анализ научной литературы позволяет сделать вывод о том, что ученые, описывающие связь между вариативностью языка и общим его развитием, прежде всего, пытаются установить, какое из этих двух явлений происходит раньше по времени возникновения, то есть установить причинно-следственные отношения. Во-вторых, о вариативности пишут как о «способе эволюции языка», то есть как о механизме развития языка. В-третьих, вариативность описывается как показатель развития языка, который может использоваться как подтверждение процесса развития (свидетельство), либо являться численно измеримой сравнимой количественной характеристикой. На наш взгляд все три найденных подхода к описанию взаимосвязи развития языка и вариативности могут быть успешно использованы и на терминологическом уровне.

Литература

1. **Горбачевич, К.С.** Нормы современного русского литературного языка. [Текст] / К.С. Горбачевич. – М.: Просвещение, 1978. – 208 с.

2. **Кожемякина, В.А., Колесник, Н.Г.** Словарь социолингвистических терминов [Текст] / В.А. Кожемякина, Н.Г. Колесник и др; гл. ред. В.Ю. Михальченко. – М.: РАН. Институт языкознания. Российская академия лингвистических наук, 2006. – 312с.

3. **Пристайко, Т.С., Конопелькина, Е.А., Неженец, Э.В.** Очерки по русской терминологии экономики и права: монография [Текст] / Т.С. Пристайко, Е.А. Конопелькина, Э.В. Неженец; под общ. ред. проф. Т.С.

Пристайко. - Днепропетровск: Нова ідеологія, 2011. – 304 с. – ISBN 978-966-8050-75-6.

4. **Сложеникина, Ю.В.** Терминология в лексической системе: функциональное варьирование [Текст]: автореф. дис. на соискание научной степени доктора филол. наук/ Ю.В. Сложеникина. - ГОУ ВПО «Государственный институт русского языка им.А.С.Пушкина». – Москва, 2006г. – 35с.

5. **Солнцев, В.М.** Вариативность как общее свойство языковой системы [Текст] / В.М. Солнцев. // Вопросы языкознания. – №2. – 1984. – С. 31-42.

6. **Татаринов, В. А.** Теория терминоведения. Т.1: Теория термина: История и современное состояние. [Текст] / В.А. Татаринов. – М.: Московский лицей, 1996. – 311 с. – ISBN 5-88564-125-0.

7. **Фефилов, А.И.** Феномен языка в философии и лингвистике. [Текст] Учеб. пособие. / А.И. Фефелов. – М.: Флинта, 2014. – 360 с. – ISBN 978-5-9765-2030-1.

8. **Хомутова, Т.Н.** Теория языковой вариативности: социолингвистический аспект [Текст] / Т.Н. Хомутова. // Вестник ЮУрГУ, серия «Лингвистика». – №11. – 2005. – с.28-34.

9. **Шелов, С.Д.** О вариативности и синонимии в терминологии [Текст] / С.Д. Шелов. // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2014. – Т. 73. – №5. – с. 3-17.

С. Е. Кремзикова
Донецкий национальный университет

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ ОСМЫСЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТНОЙ СИТУАЦИИ В ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ)

Аннотация

В статье рассматривается актантно-предикатная организация семантики глагола как мотивирующая основа лингвокогнитивного моделирования онтологической ситуации. Анализируется роль участников деятельностной ситуации посредством реализации комплексных словообразовательных единиц – словообразовательных типов и продуктивных словообразовательных рядов с учетом структурно-семантических и концептуаль-

ных связей их элементов в историческом контексте и на материале разноструктурных языков.

Ключевые слова: *лингвокогнитивная модель, деятельностная ситуация, комплексные словообразовательные единицы, многозвенный словообразовательный ряд, дискурс*

COGNITIVE ASPECT OF LINGUO-COGNITIVE MODELING THE ACTIVITY SITUATION IN DISCOURSE (ON THE MATERIAL OF MULTI-STRUCTURAL LANGUAGES)

Abstract

The article deals with the actant-predicate organization of verb semantics as a motivating basis for the linguo-cognitive modeling of the ontological situation. The role of the participants in the activity situation is analyzed through the implementation of complex word-formation units - word-formation types and productive word-formation series taking into account the structural-semantic and conceptual connections of their elements in the historical context and on the material of languages with different structure.

Key words: *linguistic-cognitive model, activity situation, complex word-formation units, multi-link word-formation series, discourse*

Одним из центральних принципов современного лингвистического исследования является системно-деятельностный поход к единицам языка, что предполагает привнесение когнитивного компонента, акцентирующего внимание на субъекте как инициаторе действия. Сочетание системного и антропоцентрического подходов в лингвистических исследованиях, делает возможным описание функционирования механизмов вербализации внеязыковой действительности, учитывая и непосредственную роль человека в ее организации, в частности, систематизацию полученных знаний в виде понятий, концептов, картин мира, фреймов и их репрезентацию в виде вербального кода.

Когнитивная лингвистика, которая исходит из активной, сознательно-креативной деятельности человека, пытается ответить на вопрос "какая информация вербализируется в ситуации определенного типа»,"какие структуры знаний стоят за ней", "для наименования каких сущностей порождаются слова", "каким образом происходит связь между ментальным опытом в виде смыслов, или концептов, и речью» [1, с.175;8, с. 13-14; 9, с. 9; 10].

Известно, что когнитивная лингвистика определяет свой предмет соотнесенностью знаний с языковыми формами и функциями. Так, к задачам когнитивной лингвистики относятся: изучение видов и типов знаний, представленных в языковых знаках, механизм их извлечения из знаков (т.е. правила интерпретации), условия возникновения и развития знаков и законы, регулирующие их функционирование, соотношение языковых знаков и культурных реалий [12, с. 24–25]. Когнитивный подход объясняет форму и функции языка формированием различных концептов в сознании человека, формированием отражения не только конкретной ситуации, но и внесением индивидуальных модусных составляющих. Он включает в сферу изучения языка концептуальный уровень с организацией концептов в виде компонентов целого, увязанных между собой не по принципу простой суммарности, а путем сложного взаимодействия [3, с. 24; 6, с. 66]. В коммуникативном плане когнитивный подход направлен на языковые категории, которые актуализируют проявления человеческого фактора: эвиденциональность, объяснительность, оценочность, коментаторность, приблизительность [5, с. 174].

Когнитивные структуры как вид структурной организации знания в памяти по-разному именуются в лингвистической литературе: сцена, сценарий, прототип, фрейм, когнитивная модель, ситуационная модель, ситуатема. Наибольшее распространение и разнообразное толкование получил термин "фрейм". Фреймы – это особые унифицированные конструкции знания, или схематизации человеческого опыта, структура данных, представляющих стереотипную ситуацию [13, с.54; 2, с. 49; 11, с. 153]. Фрейм понимается как мыслительный субстрат вторичного лингвосемиозиса согласно с двумя своими основными свойствами:1) как целостное и объемное видение, на базе которого благодаря ассоциативным связям порождается вторичное представление; 2) как многокомпонентная структура, которая соотносится с определенной стереотипной ситуацией. Разновидностями фреймовой структуры, вербализующеся знаками, есть сценарии или скрипты - стереотипные эпизоды, которые разворачиваются во времени. Ситуации же рассматриваются как схемы, модели, отражающие знания, убеждения, взгляды, опыт носителей языка, которые находятся в основе порождения и понимания текста. Модели ситуаций носят структурный характер и являются многоуровневыми категориальными. Т.А. ван Дейк определяет такие категориальные элементы ситуации, как условия,

обстоятельства, Участники, События, Действия[2, с. 185]. В большинстве определений ситуации выделяются ее основные структурные компоненты: 1) участники ситуации; 2) событие, действие, процесс, факт; 3) время; 4) пространство и место; 5) оценка.

Высказывается мнение, что понимание дискурса происходит на уровне макроструктур, которые нельзя заменить фреймами или сценариям, поскольку последние представляют структуры знаний, а макроструктуры являются структурами самого дискурса и часто особыми в своем роде[2, с. 48–49]. Что же касается ситуации, то она определяет совокупности социальных репрезентаций, свойства формальных объектов (физического, социального и субъективного), которые способны влиять на продуцирование дискурса. Дискурс, как известно, отражает знания о действиях, событиях, определенном фрагменте мира, который и именуется ситуацией[15, с. 93;16, с. 25].

В данной работе представлена концепция деятельностной ситуации как комплексной дискурсивной единицы, которая объединяет, по нашему мнению, аспекты языковой ситуации (используются единицы системы языка соответствующего исторического периода), коммуникативной ситуации (элементы конкретных подъязыков и их стилистических средств), текстовой ситуации (контекстуальные парадигмы различной структуры), категориальной ситуации (актуализация грамматических и словообразовательных категорий: времени, вида, аспектуальности, способа действия, имени действия и его результата, агента/инструмента действия), когнитивной ситуации (стереотипы, которые отражают знания, убеждения, взгляды, опыт носителей языка; оценки определенных явлений, действий, событий) [7,с.87]. Предметом рассмотрения являются когнитивные процессы концептуальной интеграции, которые определяют механизм появления в системе языка вторичных номинативных единиц, формирующих словообразовательные единства: словообразовательные типы, многозвенные словообразовательные ряды, словообразовательные категории, и каким образом обеспечивают реализацию их творческого потенциала в дискурсивной деятельности как вербализаторов ситуации.

Все процессы познания связаны с определенными структурами деятельности, поэтому описание различных типов деятельности подчинено описанию их отдельных компонентов - участников деятельности (лиц и предметов), операций, инструментов или средств деятельности, времени и

места, ее целей и результатов, а также отношений между ними. Считается, что ономасиологические структуры производных слов дают основание рассматривать их как особые когнитивные структуры, которые отражают знания об отношениях между объектом и процессом, объектом и признаком, объектом и другим объектом. Изучение деятельностной ситуации предполагает концептуализацию действительности в динамическом аспекте, то есть сегментацию происходящего на действия и события с акцентом на пространственные и временные параметры, наличие связей и отношений. Деятельностная ситуация как динамическая составляющая развертывания дискурса отражает действия и процессы, которые в каждый отдельный момент существуют в определенной фазе их развития: каждая следующая фаза переходит в другую и таким образом действие или процесс получают целостность. Исходя из того, что вербализованная денотативная ситуация отражает определенную сферу действия, ее можно представить как состоящую из нескольких сегментов (эпизодов). Схематически ее можно представить следующим образом:

$$ДС = П^1 / Ф^1 (А^1, А^2 ...) > П^2 / Ф^2 (А^1, А^2 ...) > П^* / Ф^* (А^1, А^2 ...)$$

Вербализованная деятельностная ситуация (ДС) реализуется в синтаксическом плане, формируя сферу действия, выразителем каждого акта (сегмента) которой является предикат (П). Предикат определяет функцию (Ф) центра отношений, а также, обусловленные им, актанты ($А^1$, $А^2$), которые называют участников ситуации. Поскольку сегментированность деятельностной ситуации обусловливается действиями и процессами динамического характера, денотатами которых являются отдельные фазы, актуализирующие иное значение, чем значения предыдущих, то такие сегменты могут рассматриваться как отдельные ситуации. Признавая слово центральной единицей номинации, ученые указывают на его свойство выступать в качестве оператора, вызывая в сознании целую цепочку сложных ассоциаций [14, с. 9-10]. В наибольшей степени такое свойство присуще глаголу. Глагол, как одна из основных единиц системы языка и как центральный элемент реализации ситуации, сосредоточивает смысловые разновидности процессуального признака - действие, процесс, состояние и характеризуется наиболее полным инвентарем грамматических категорий. Он постоянно участвует в формообразовательной и словообразовательной деятельности, а семантическая структура глагола обеспечивает функциональный аспект форм, их динамический характер. При анализе деятельностных си-

туаций с когнитивной точки зрения различают: 1) определение отдельных компонентов деятельности по принципам падежной грамматики, разграничивая при этом сугубо участников деятельности и обстоятельства; 2) определение операций и действий, неотделимых от их участников, функционирующих в форме словообразовательных моделей, формально и семантически связанных; 3) разного рода метонимические определения и другие тропные определения (метафоры, переносы), которые реализуются в процессе семантической деривации. Лингвокогнитивная модель деятельностной ситуации представляет узел отношений, который организует языковые единицы в синтагматическом и парадигматическом планах:

S A= P/F¹=V¹---(A¹, A²…)	P/F² = V²--- (A¹, A ²…)	›P/F*=V*--(A¹, A²…)
-NAc¹ /	-NAc² /	-NAc*
-NAg¹ /	-NAg²	-NAg*
-NP¹ /	-NP²/	-NP*/
-NRes.¹/	-NRes.²/	-NRes.*
-P.pas.¹ /	-P.pas.² /	-P.pas*
-P.pr.¹ /	-P.pr.² /	-P.pr.*
-Adj.¹ /	-Adj.² /	-Adj.*

Модель ситуации деятельности, которую отражает валентность глагола ***V-***, включает основные компоненты:*-NAc* /имя действия, называющее «деятельность, процесс», *-NAg* /имя деятеля или того, кто выполняет действие, *-NInstr.* / название инструмента или средства действия, *-NP* /«пациенс» - объект, на который направлено действие/который испытывает действие, *-NRes.*«результат действия», а также другие компоненты, среди которых «сирконстанты», определяющие признаки признака. Она делает возможным существование широкой глубинной сети взаимодействия, которая на поверхностном уровне дискурса отражает эти отношения в виде семантически и формально связанных рядов слов.

Вербализованная ситуация включает не только ментальный, смысловой компонент, но и формальный, структурный, ее устройство рассматривается в двух планах – синтагматических предложений и парадигматических проекций – не только как элементов внутренней структуры, но и как конструктивных составляющих в организации определенного типа дискурса. Так, в старофранцузский период ситуация сельскохозяйственной деятельности «возделывание земли» вербализуется многозвенным словообразовательным рядом, мотивированным глаголом *coltiver* ‘обрабатывать зем-

лю’, где наиболее представленным является ключевой термин «земледелие» *coltivage, coltivement, cotivance*, а наиболее заполненным – звено имени действия **-N Ac.**

V *Coltiver*----

-N Ac.*: coltivage, coltivement, cotivance(culture de terre)*

-N Ag./Instr.: *coutiveor, coutivier (cultivateur,laboureur)*

-N Res.*coltivëure, coltivoison (labourage, terre cultivée, redevance*)

-Adj.:*cultif / cultible (labourable, cultivable).*

В современном французском более регулярной является реализация имени деятеля и инструмента: *cultivateur/cultivatrice (agriculteur/machine).*

Среди критериев выбора ключевого слова как вербализатора значимого действия для определенного социума, наряду с его частотностью и центральностью, следует отметить деривационные отношения, в которые этот термин вступает, реализуя таким образом различные типы связей. Семантическое содержание модели ситуации, прежде всего ее семантико-синтаксическая валентность, зависит от двух факторов: 1) от числа и характера актантов ситуации, которые определяет базовое слово; 2) от числа и характера глубинно-синтаксических актантов. Актанты ситуации определяются семантическим описанием ситуации и лексикографическим толкованием соответствующего слова. Например, сравним реализацию двух онтологических ситуаций, представленных разными когнитивными моделями в старофранцузском языке:

1) V *Garn(**ir**)* **¹/-** ‘garnir, munir’/‘украшать, оснащать’(XIs.)
+Suf.-***iss-ement*** -***NAc*** *garniss**ement/*** ‘action de garnir’; -***N Res***. *garniss**ement***/ vêtements ‘одежда’ (XIs.);
+ Suf.-***iss-ure*** -***N Res***. *garniss**ure*** ‘ce qui garnit’(XIIs.) - то, что украшает;
+Suf.-***iss-eor*** -***NAg*** *garniss**eor*** n.m.‘ouvrier qui garnit’(XIIs.); garn**iss***eresse* n.f. ‘ouvrière qui garnit’ (XIIs.)- тот/ та, кто выполняет работу по оснащению, украшает. Актантно-предикатная структура глагола отражает процесс вербализации деятельностной ситуации в дискурсе ремесленного производства (словообразовательный ряд 1).

2) V *Garn(**ir**)***²** ‘équiper, munir’/ ‘снабжать, укреплять, вооружать’
+Suf.-***ement*** -***NAc*** *garn**ement*** / action d’équiper, de munir /-***N Res*** son résultat ‘équipement, armure’/‘доспехи, снаряжение’;
+Suf.-***ison*** -- ***NRes*** *garn**ison***/action de munir, défense ‘защита’/son résultat ‘provision, forteresse’ – ‘провизия, гарнизон, фортеция’ ;

+ Suf.***-ure*** ***-N Res*** *garne**ture*** ce qui garnit ‘то, что служит для оснащения, укрепления’. Словообразовательный ряд, вербализует деятельностную ситуацию, характеризующую военный дискурс.

Когнитивная лингвистика через базовую категорию знания дает возможность исследователю оперировать как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. Когнитивный коррелят ситуации (когнитивная модель) включает знания, которые имеет участник ситуации относительно ее развертывания, основанные на его предыдущем опыте относительно подобных ситуаций. На формирование когнитивной модели ситуации влияют убеждения, взгляды или установки, которые относятся к подобным событиям, а кроме того, мотивации, цели или особые задачи, связанные с обработкой соответствующей информации.

Деятельностные ситуации совершаются в определенной социально-культурной сфере, вербализуются в соответствующем дискурсе путем актуализации ключевых концептов (концептуального ядра значения) с помощью внутренней формы слова (глаголы), деривационных связей, парадигматических связей (синонимии, антонимии, омонимии, паронимии), ассоциативных связей, стереотипов - регулярно воспроизводимых характеристик объектов, действий, событий, процессов; прототипов – как наиболее регулярных категорий и их наиболее регулярных значений.

Семантической базой ситуации деятельности является такой атрибут любого субстанционального участника, как персональность / одушевленность. Одним из главных компонентов деятельностной ситуациияв является категория деятеля, которая коррелирует с категорией деятельности, выраженной именем действия. Обращение к категории имени деятеля в историческом и дискурсивном аспектах актуально также в связи с дискуссионностью вопрос об определении параметров данной категории. Имя агента действия чаще всего определяется как одушевленное существительное, обозначающее того, кто выполняет целенаправленное действие, называемое исходным глаголом. Что же касается имени инструмента, то, как считают исследователи, оно обозначает прототипический артефакт, используемый для того, чтобы реализовать действие, представленное глаголом**[**17].

Анализ суждений для имени деятеля обусловливает вывод о том, что категоризаторы "лицо, которое...", "тот, кто ..." представляют собой базовый концепт членения концептуальной и языковой картин мира и позволяютвыделять людей из их социального окружения. По правилам

когнитивной модели деятельности Агенс является очевидным источником энергии, которая направлена на пациенса и которая каузирует изменения состояния пациенса, или его перемещение в пространстве. В разноструктурных языках, например, романских (французском, итальянском), германских (английском, немецком)на разных этапах их развития отмечается образование продуктивных агентивных существительных по прототипическим моделям. В работе суффиксальные производные имена деятеля рассматриваются не как отдельные словообразовательные формы «ино-структурных языков» (Н.А. Катагощина), а как модели, реализующие один и тот же тип концептуальной структуры.

Так, на раннем этапе развития французского и немецкого языков (в старофранцузский и средневерхненемецкий периоды) одними из наиболее продуктивных словообразовательных типов были:

N^1 (существо / предмет)+Suf.-ier ---N^2-ier (лицо) в старофранцузском (СФ)

N^1(существо/предмет)+Suf.-er---N^2-er(лицо) в средневерхненемецком (СВН)

*N^1 (существо/ предмет) +Suf.-ier ---N^2-ier (лицо) в старопровансальском (*СП*)*

Эти модели реализуют общее словообразовательное значение - "носитель предметного/процессуального признака", который конкретизируется в толковании "лицо, имеющее отношение к субстанции или действию":

СФ *cheval* ‘конь’---*chevalier* ‘всадник, рыцарь*’, mouton* ‘овца’---*moutonier*‘овчар’, *drap*‘сукно’ ---*drapier* ‘суконщик’, *chauce* ‘обувь’---*chaucier* ‘обувщик*’, oisel’*птица’---*oiselier* ‘птичник’.

СВН *huobe* 'земельный надел’---*huob**er*** ‘владелец земельного надела*’*; *spiegel* ‘зеркало’---*spiegelæ**er*** ‘зеркальщик’; *karre*‘повозка’---*karrer* ‘возничий’; *orgel* ‘орган’---*orgel**er*** ‘органист’.

СП *caval*‘конь’---*caval**ier*** ‘всадник, рыцарь*’; guerra* ‘война’--- *guerrier*‘воин’

Поскольку задачей данного этапа исследования словообразовательного моделирования становится поиск и нахождение определенных корреляций между когнитивными и языковыми структурами, то важно определить, какая информация передается через семантические связи исходного слова и производного имени деятеля, какие значения актуализируются словообразовательными компонентами производного слова. Потенциальные компоненты значения отражают отнесенность значения слова к дено-

тату (указывают на принадлежность к определенным предметам, явлениям объективной действительности и устанавливаются с помощью словарных дефиниций и контекста, например: в СФ период *cheval* ‘конь’ (animal domestique qui sert de monture / 'домашнее животное для верховой езды’); *buef* "вол" (animal domestique pour le travail des champs / ’домашнее животное для работы в поле’); в СВН *huobe* 'земельный надел’. Следовательно, производные имена деятеля характеризуются через отношение к ситуации, в которой участвует объект, названный исходным словом: СФ – *chevalier* ‘тот, кто ездит верхом/ рыцарь’, *bouvier,* ‘тот, кто ухаживает за рогатым скотом’; СВН - *huob**er*** ‘тот, кто владеет земельным наделом*’*. При этом очевидна высокая степень сходства в концептуальной структуре словообразовательных моделей французского и немецкого языков, обусловленного генетической связью его элементов (например, суффиксов), хотя общность происхождения не влечет за собой обязательного структурного и функционального совпадения. Создание производного имени деятеля рассматривается как выбор из структуры концепта определенного фрагмента знаний, который становится мотивационной базой слова.

Известно, что формы языка культуры и формы знания образуют такое единство, которое отмечается исторической сменяемостью, то есть на каждом историческом этапе нормы и стереотипы мышления отражают опыт освоения и осмысления мира, окружающего человека, в форме определенного культурного кода. В средневековье и в современный период происходит постоянный процесс обозначения концептуальной сферы человеческой деятельности. В этой области находит свое воплощение как лингвокреативная деятельность человека, так и образования слов по существующим словообразовательным моделям. Словообразовательные модели понимаются не только как категоризаторы языкового опыта о том, как возникают слова, но и как категоризаторы опыта человека, приобретенного им в процессе взаимодействия с окружающим миром, а производные слова - как маркированные единицы, в которых эксплицируется информация о системе его ценностей. Неотделимость событий от людей, которые в них участвуют и которые их создают, а также людей от их деятельности проявляется при изучении категорий в процессе их пересечения в качестве компонентов вербализованной деятельностной ситуации.

Литература

1. **Алефиренко, Н. Ф.** Современные проблемы науки о языке / Николай Федорович Алефиренко. – М.: Наука, 2005. – 416 с.

2. **Дейк ван, Т. А.** Язык. Познание. Коммуникация / Торн ван Дейк. – М. : Прогресс, 1989. – 310 с.

3. **Демьянков, В. З.** Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода/Валерий Закиевич *Демьянков* // Вопросы языкознания. — *1994*. — № 4. — С. 17–33.

4. **Катагощина, Н. А.** Как образуются слова во французском языке / Нина Алексеевна Катагощина. – М. : Просвещение, 1980. – 109 с.

5. **Кобрина, Н. А**. Когнитивная лингвистика: истоки становления и перспективы развития / Н. А. Кобрина // Когнитивная семантика. Материалы второй международной школы-семинара. Ч. 2. – Тамбов, 2000. – С. 170–175.

6. **Кобрина, Н. А.** О способах комбинаторной реализации некоторых категориальных значений / Н. А. Кобрина // Языки и транснациональные проблемы. Том 2. Материалы 1-й международной научной конференции 22–24 апреля 2004г. – Москва – Тамбов, 2004. – С. 63–73.

7. **Кремзикова, С. Ю.** Словотвір та дискурс: діяльнісні ситуації у старофранцузькій мові : [монографія] / С. Ю. Кремзикова. -К.: Вид. Дім Дмитра Бураго, 2010. – 512 с.

8. **Кубрякова, Е. С.** Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки словянской культуры, 2004. – 555 с.

9. **Кубрякова, Е. С.** Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики /Елена Самойловна Кубрякова // Известия АН Серия литературы и языка. – М. : Наука, 2004. – Том 63, № 3. – С. 3–12.

10. **Лакофф, Дж.** Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф; [пер. с англ. И. Б. Шатуновского]. – М.: Языки славянской культуры, 2004. –792 с.

11. **Макаров, М. Л.** Основы теории дискурса / Михаил Львович Макаров. – М. : Гнозис, 2003. – 277 с.

12. **Маслова, В. А.** Введение в когнитивную лингвистику / Валентина Аврамовна Маслова. – М. : Наука, 2004. – 296 с.

13. **Филлмор, Ч.** Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике.– М. : Прогресс, 1988. – Вып. 23. – С. 52–92.

14. **Baylon, C.** La Communication / C. Baylon, X.Mignot –P. :Nathan, 1991. –400 p.

15. **Bronckart, J.- P.** Activité langagière textes et discours. Pour un interactionnisme socio-discursif / J.- P.Bronckart. – Lausanne: Delachaux et Nestlé, 1996.c. 93

16. **Charaudeau, P.** Dictionnaire d'analyse du discours / Patrick Charaudeau, Dominique Maingueneau. – Paris : Ed. du Seuil, 2002. – 662 p.

17. **Huyghe, R., Tribout, D.** Noms d'agents et noms d'instruments : Le cas des déverbaux en *–eur*/Huyghe Richard, Tribout Delphine//Langue française n° 185 (1/2015). - Armand Colin, 2015.Pp. 99-112.

18. *GD*: **Godefroy, Frédéric.** Le Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IX-e au XV-e siècle. –Paris : Vieweg, 1881–1902. – T. I–X. -Var. p.

Л. В. Новикова
Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ, ОБУСЛОВЛИВАЮЩИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКУЮ АКТИВНОСТЬ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО

Аннотация

В предлагаемой статье автор представляет результаты исследования семантики английских прилагательных, как основного компонента во фразеологических единицах. Исследуется многозначность прилагательного современного английского языка как фактор, оказывающий влияние на активность данных единиц языка в целом и фразообразовательной активности, в частности. Разветвленность семантической структуры как фактор фразеологической активности по праву признается одной из сложных проблем в лингвистике. Интерес к полисемии вызван также и тем, что фактор многозначности слова, несмотря на противоречивые точки зрения лингвистов, признается важным при определении активности единицы.

Ключевые слова: *семантические факторы, прилагательные, частотность, многозначность, фразеологическая единица, фразообразовательная активность*

SEMANTIC FACTORS PROVIDING THE PHRASEOLOGICAL ACTIVITY OF THE ADJECTIVE

Abstract

The present article deals with the results of the English adjectives semantics study as the basic component of phraseological units. It studies the adjective polysemy of the modern English language as a factor providing these units activity on the whole and the phrase forming activity in particular. The semantic structure polysemy as a factor of the phraseological activity is recognized as one of the complex problems in linguistics. The interest to polysemy also evoked by the word polysemy factor, in spite of many linguists' contradictory points of view, is recognized as important in the unit activity determining.

Key words: *semantic factors, adjectives, frequency,* polysemy, *phraseological unit, phrase forming activity*

За последние годы появилось много работ по общей и частной фразеологии. Однако ряд важнейших аспектов этой дисциплины недостаточно исследован. В теории английского языка к такому аспекту можно отнести проблему фразеологической активности слов и факторов ее обусловливающих. Проблема активности слов в целом давно привлекает исследователей. Происходит это, по всей вероятности, потому, что «… неясна роль различных показателей активности, в частности, не ясно, какие из них являются наиболее важными при классификации слов по их активности в целом в языке и речи» [1, с.6]. Нет единства мнений относительно способов выявления тех или иных факторов активности, мало исследована активность разных частей речи.

В работах, касающихся исследования проблемы активности слова в целом и фразеологической активности, в частности, большинством лингвистов признается тот факт, что «различная степень активности различных слов обусловлена целым рядом лингвистических и экстралингвистических факторов. Специальных исследований по активности слов очень немного, вследствие чего данная проблема все еще может быть отнесена к числу недостаточно изученных. В имеющихся работах активность слова рассматривалась фрагментарно, то есть анализу подвергались лишь отдельные аспекты.

Исследуя частотность существительных современного английского языка, Р.С. Гинзбург подчеркивала их различие по основным параметрам,

таким как семантическая и синтаксическая активность, параметр фразеологической активности, напротив, служил критерием выявления различия и сходства существительных английского языка. В качестве основных параметров различия и сходства частотных существительных автор называет также параметры устойчивости и грамматической валентности, частотности и семантической активности [2, с. 67].

В лингвистической литературе исследователи не раз обращались к изучению семантических характеристик прилагательных, проблемам их контекстной реализации, валентности и т.д. Привлекает к себе внимание изучение взаимоотношения семантики прилагательного с другими частями речи: существительным, глаголом в процессе реализации его значения. Так Т.Д. Маргалитадзе приходит к выводу о том, что семантика качественных прилагательных представляет собой сигнификативно-денотативную структуру, поскольку наряду с сигнификативными характеристиками в их лексическом значении постоянно присутствует та или иная денотативная сема. По мнению автора, особенность денотативной семантики прилагательного заключается в том, что она обозначает не класс объектов, а содержит в своей семантике указание о данном классе объектов и, следовательно, об определенной сфере денотации, в которой эти объекты встречаются [3].

Исследуя семантическую микросистему прилагательного “Nuevo” в современном испанском языке, А.И. Ещенко отмечает, что для выявления специфики значения прилагательного - словесного знака, основная синтаксическая функция которого заключается в том, чтобы быть определением другого словесного знака, «…необходимо учитывать его коммуникативную функцию. Имена прилагательные, семантика которых ограничивается исключительно сигнификативным содержанием, употребляются только для обозначения и поэтому могут быть определены как монофункциональные знаки в отличие от существительных как бифункциональных знаков» [4, с.36].

Частотные прилагательные английского языка обычно характеризуются большим количеством значений. Как справедливо отмечает М.В. Никитин, в семантической структуре слова связаны по содержанию в определенные, но не любые пары словозначений. Совокупность этих связей образует схему семантической структуры слова. Каждое значение в такой схеме, по мнению автора, характеризуется с двух сторон: по содержанию и по статусу в системе номинативных средств языка [5, с.36]. При определении

же семантической структуры прилагательного исследователи пытаются прежде всего выявить порядок внутреннего сцепления и соподчинения лексико-семантического варианта в слове, а затем установить, какими языковыми средствами это осуществляется. Прилагательные, как известно, принадлежат к определенным словам, они не указывают на предметы, а приписывают им признаки.

Особый интерес к семантической стороне языка отличал языкознание как науку во все периоды его развития. Традиция эта далеко не случайна, продиктована не только чисто теоретической необходимостью разработки принципов и методов семантических исследований, но и настоятельной потребностью лексикографической и педагогической практики.

Под семантической структурой слова мы, вслед за многими лингвистами, понимаем иерархично упорядоченную систему различных лексико-семантических вариантов в определенный исторический период развития языка в их отношении и взаимосвязи. Многие исследователи отмечают широту семантической структуры английских прилагательных. Так, P. Ziff, анализируя английское прилагательное “GOOD” – выделяет более двухсот значений [6]. Высокий ранг прилагательного “GOOD” и его исключительно широкую сочетаемость также отмечает Z. Vendler [7].

В ходе исследования автор ставил задачу выяснить, каким образом и насколько разветвленность семантической структуры прилагательного влияет на его фразеологическую активность. Число значений анализируемых прилагательных определялось по трем англо-английским словарям: Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English, The Concise Oxford Dictionary of Current English, Longman Dictionary of Contemporary English. Причем за основу брался словарь The Concise Oxford Dictionary of Current English.

Проведенный анализ показывает, что около половины частотных прилагательных, которые относятся к разряду высокочастотных и среднечастотных, имеют очень неодинаковое количество значений, и в большинстве случаев, среднее число значений данных единиц равняется 3 – 5. Например, прилагательные light, free, hot, long – характеризуются числом значений соответственно – 30 – 28 – 21 – 18, а прилагательные fruitful, dependent, working, correct, chief, etc. – характеризуются меньшим числом значений, соответственно -3 -5 -2 -3 -3, хотя данные прилагатель-

ные, как и первые, относятся к разряду высокочастотных и среднечастотных.

Рассматривая зависимость фразообразовательную активность (далее ФА) частотных прилагательных от количества их значений, мы выделили однозначные – 77 единиц, двух – трехзначные – 155 единиц, четырех – семизначные – 180 единиц, прилагательные, имеющие более семи значений – 82 и прилагательные, имеющие более двадцати значений. Условно данный корпус можно представить двумя большими группами – многозначные и немногозначные. К многозначным будем относить прилагательные, имеющие свыше пяти значений, к немногозначным – прилагательные, имеющие до четырех значений.

Результаты исследования показали, что многозначные прилагательные входят в большее количество фразеологических единиц (далее ФЕ) и часто они имеют высокую и среднюю степень ФА, однако указанное положение дел не является определяющей закономерностью, а скорее всего носит характер тенденции. В частности, имеется целый ряд многозначных единиц, таких как natural, delicate, personal, industrial, irregular, formal, critical, independent, simple, rusty, political, local, moral, awkward, etc., имеющих нулевую ФА. С другой стороны, немногозначные прилагательные, такие какwell, golden, merry, rough, kind, farther, level, next, far, wrong, wide, deaf, pink, current, etc. – имеют высокую и среднюю степень ФА.

Некоторые данные по соотношению многозначности и ФА иллюстрируются приводимыми ниже количественными данными, которые еще раз подтверждают, что разветвленность семантической структуры частотного прилагательного современного английского языка играет важную, но не определяющую роль в формировании их фразеологической активности.

Таблица 1. Соотношение количества значений прилагательных и количества фразеологических единиц, образуемых данными прилагательными.

Adjectives	Number of Meanings	Number of Phraseological Units
GOOD	18	70
HEAVY	28	5
SIMPLE	8	0
MAIN	2	4
TIDY	2	0

Таким образом, следует отметить, что не все приведенные выше прилагательные являются наиболее частотными, обладают разветвленной семантической структурой и являются наиболее фразеоактивными, как это предполагалось ранее. В результате проведенного исследования было установлено, что большинство фразеологических единиц формируется на базе основного значения прилагательного.

Литература

1. **Муминов, А.** Опыт исследования активности слов и факторов ее обусловливающих : Дис. … канд.филол. наук. – М., 1972. – 189 с.

2. **Гинзбург, Р.С.** Смысловая структура слова //Иностр. Яз. В школе. -1975. - № 5. – С. 78-90.

3. **Маргалитадзе, Т.Д.** Структурно-семантические характеристики многозначных прилагательных как номинативных единиц в современном английском языке : Автореф. Дис. … канд. Филол. Наук. –Тбилиси, 1982. – 22 с.

4. **Ещенко, А.И.** Семантическая микросистема прилагательного “Nuevo” в современном испанском языке : Дис. … канд. Филол. Наук. – М., 1976. – 194 с.

5. **Никитин, М.В.** Лексическое значение слова : Структура и комбинаторика. – М.: Высшая школа, 1983. – 126 с.

6. **Ziff, P.** Semantic analysis. Ithaca, 1960. -123 p.

7. **Вендлер, З.** О слове “Good” // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1981. – Вып. X. – С. 531-554.

А.С. Ососкова

Донецкий национальный университет

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ЧЕЛОВЕКА ПО ХАРАКТЕРУ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению структурных особенностей номинативных лексических единиц, служащих для образного обозначения лица по признаку «характер» в английском языке. Целью данного исследования является установление специфики образования образных наименований

человека, определение наиболее и наименее продуктивных структурных типов изучаемых лексем. В английском языке отмечено разнообразие морфологических способов, что связано с его аналитическим строем. Анализ продуктивности структурных типов образных существительных-наименований лица показал, что корневой способ является наиболее распространенным. Указано, что суффиксация и словосложение занимают второе и третье место по продуктивности соответственно. Большинство суффиксных наименований образуются от субстантивных и глагольных основ. Композиты чаще всего представлены моделью «существительное+существительное». Усечение, конверсия, звукоподражание, редупликация и префиксация считаются малопродуктивными словообразовательными способами.

Ключевые слова: *образность, образные существительные-наименования лица, структурные особенности, морфологический способ, продуктивность*

STRUCTURAL PECULIARITIES OF ENGLISH FIGURATIVE DESIGNATIONS OF A PERSON BY CHARACTER

Abstract

The paper deals with structural peculiarities of figurative designations of person in the English language. The research objective is to identify structural types of figurative nominations of person and describe them in terms of productivity of different ways of word-formation. The variety of morphological types is determined by the analytical structure of the English language. The productivity of the structural types of figurative nouns denoting a person has been analyzed. It has shown that the non-derived or root words prevail. It is pointed out that suffixation and compounding have turned out to be productive, too. The majority of figurative nouns with suffixes are formed from substantive and verbal stems. The productive composite pattern is “noun+noun”. Clipping, conversion, onomatopoeia and reduplication turned out to be non-productive ways of word-building.

Key words: *figurativeness, figurative designations of person, character, structural peculiarities, word-building, productivity*

В современной лингвистике ключевое место занимает антропоцентрическая парадигма. Она обуславливает повышенный интерес исследова-

телей к тем областям языка, которые связаны с познавательной деятельностью человека и различными проявлениями языковой личности. Поскольку в процессе номинации лица говорящий выражает свое отношение к объекту речи, традиционно категории «образность», «оценочность», «эмоциональность» и «экспрессивность» рассматриваются в неразрывной связи и отражаются в семантике слова.

Объектом предложенного исследования послужили 250 образных существительных-наименований лица (далее − ОСНЛ) по признаку «характер»: *sadist* ‘садист; жестокий человек’, *dynamo* ‘динамо; энергичный человек’, *light* ‘свет; светило, добродетельный человек’, *weathercock* ‘флюгер; непостоянный или ненадежный человек’, *wildcat* ‘дикая кошка; вспыльчивый человек, особенно, женщина’. Изучаемые лексемы получены методом репрезентативной выборки из толкового словаря английского языка «The New Shorter Oxford English Dictionary» под ред. Лесли Брауна [6].

С точки зрения оценочной и эмоциональной характеристики объект исследования представлен бинарной оппозицией «положительные-отрицательные черты характера», которая включает в себя два типа образных наименований. Первую группу формируют образные существительные с негативной оценкой (189 ОСНЛ, что составляет 76 % от общего количества существительных выборки в английском языке). Вторая группа включает наименования с положительной оценкой (61 ОСНЛ, что составляет 24 % от общего количества существительных выборки в английском языке).

Предметом исследования служат структурные особенности образных существительных-наименований лица в английском языке. Современная лингвистика представлена целым рядом научных работ, посвященных исследованиям специфики структуры лексических единиц, в том числе наименований лиц (В. Д. Аракин, О. Л. Бессонова, А. Вержбицкая, В. В. Виноградов, Е. С. Кубрякова, О. Д. Мешков).

При описании структурных особенностей образования английских образных существительных, обозначающих человека по его характеру, следует исходить из того, что английской язык относится к языкам аналитического строя. Это означает, что в нем слабо выражены морфологические показатели частей речи, в частности, слабо развита система приставок и суффиксов.

Это объясняет тот факт, что в зависимости от морфологического способа образования, исследуемые нами образные наименования можно разделить на **7 групп**:

1) непроизводные или корневые образные наименования лица исконно английские и заимствованные: *snot* ‘сопля; чванливый и высокомерный человек’ (древнеанглийского происхождения), *wolf* ‘волк; жестокий или жадный человек’ (общегерманского происхождения), *vermin* ‘паразит; подонок’ (из французского языка), *zombie* ‘зомби; равнодушный человек’ (неясного происхождения);

2) существительные, к корням которых присоединен аффикс: *tigress* ‘тигрица; жестокая или вспыльчивая женщина’ (*tiger* ‘тигр’ + ***−ess***);

3) наименования, представленные композитами: *weathercock* ‘флюгер; непостоянный или ненадежный человек’ (*weather* ‘погода’ + *cock* ‘петух’; модель “N1 + N2 → ОСНЛ”), *save-all* ‘приемник для отходов; скряга’ (*save* ‘сохранять’ + *all* ‘все’; модель “V + N→ ОСНЛ”); *wildcat* ‘дикая кошка; вспыльчивый человек, особенно, женщина’ (*wild* ‘дикий’ + *cat* ‘кот’) (модель “Adj + N → ОСНЛ”), *holdfast* ‘захват; скряга’ (*hold* ‘держать’ + *fast* ‘крепко’) (модель “V + Adv → ОСНЛ”);

4) наименования, образованные усечением или сокращением основ других существительных: *dynamo* ‘динамо; энергичный человек’ (от *dynamo-electric machine* ‘динамоэлектрическая машина’);

5) существительные, образованные с помощью конверсии: *soft* ‘мягкий, слабохарактерный человек или простофиля’ от *soft* ‘мягкий (модель “Adj → N”)’, *stink* ‘презренный человек’ от *to stink* ‘вонять’ (модель “V → N”);

6) наименования, состоящие в имитации звуков: *puff* ‘напыщенный, тщеславный человек’ от *puff* ‘дуновение ветра’;

7) образные наименования, состоящие из удвоенного слога или корня: *shilly-shally* ‘нерешительный человек’ от *shall I-shall I* (повторение модального глагола *shall* в комбинации с личным местоимением *I*).

Из рассмотренных 250 образных существительных-наименований лица по признаку «характер» наиболее распространенными являются наименования лица, отнесенные нами к первой группе (150 ОСНЛ, 60%). Вторая группа наименований представлена 47 суффиксными ОСНЛ (19%) и 1 префиксным ОСНЛ (2%). Словосложение занимает третье место по продуктивности (35 ОСНЛ, 14%). Четвертая группа представлена 7 едини-

цами (3%), пятая – 5 (2%), шестая – 4 единицами (1%), седьмая – 2 ОСНЛ (1%).

В большинстве случаев в английском языке образное значение формируется не за счет семантики словообразовательных средств, а семантики производящей основы. Семантика суффиксов и префиксов не придает наименованиям лица образного значения, а лишь несет рациональный характер оценки. Но отдельные аффиксальные форманты способны поддерживать образность лексической единицы. Так, в ходе проведенного нами анализа было установлено, что наиболее распространенными суффиксами образных существительных- наименований лица в английском языке являются ***–er*** *(twister* ‘головоломка; лгун’ (*to twist* ‘крутить’ + **−er**) и ***–ist*** *(psalmist* ‘псалмист; льстивый человек’ (*psalm* ‘псалом’ + −ist). Другой особенностью является то, что исконно английскому суффиксу ***–er*** синонимичен суффикс ***–ist*** греческого происхождения, что является закономерным следствием постоянного пополнения состава языка заимствованными словами. Следует указать на некоторые семантические особенности образных существительных. Субстантивная основа, которая имеет значение предметности, позволяет с помощью суффикса образовывать производные ОСНЛ, идентифицирующие характер людей. Использование адъективных основ отмечается при образовании существительных со значением качества или состояния, которые во втором лексическом варианте приобретают значение лица: *sublimity* ‘величественный человек’ (*sublime* ‘величественный’ + **−ity**). Необходимо указать на словообразовательную активность префикса ***in-***, придающего отрицательное значение: *invertebrate* ‘беспозвоночное животное; слабохарактерный человек’ (***−in*** + *vertebrate* ‘позвоночный’).

Усечение, редупликация и словосложение выступают стилистически маркированными способами словообразования, которые наиболее характерны для сниженной лексики и придают тем самым существительному пренебрежительную, неодобрительную и презрительную окраску. С точки зрения структуры, мотивированности и функционирования в речи такие ОСНЛ по признаку «характер» относятся к разговорной речи и сленгу.

Таким образом, основываясь на проанализированном фактическом материале, мы приходим к выводу, что в английском языке образные существительные, обозначающие человека по характеру, отличаются разнообразной структурой. Образная лексика формируется не только в резуль-

тате заимствования из других языков, но и за счет использования собственных внутренних ресурсов языка. Образное значение закреплено за корневой морфемой. Однако, с помощью аффиксов образность соединяется с другими более крупными категориями.

Литература

1. **Кубрякова, Е. С.** Типы языковых значений: Семантика производного слова [Текст] / Е. С. Кубрякова // Деривационные форманты и их роль в формировании словообразовательного значения. – М.: Наука, 1981. – 200 с.

2. **Мешков, О. Д.** Словообразование современного английского языка [Текст] / О. Д. Мешков. – М.: Наука, 1976. – 245 с.

3. **Byessonova, O.L.** Evaluative designations of person in non-cognate langauges // Language in the New Millennium: Applied-linguistic and Cognitive-linguistic Considerations. – Berlin : PeterLang, 2018. − P. 77-93.

4. Harper Douglas Online Etymological Dictionary of the English language [Электронный ресурс]. – URL: http://www.etymonline.com/ (дата обращения: 24.03.2019).

5. The New Shorter Oxford English Dictionary on Historical principles [Текст] / Lesley Brown. – Oxford: Clarendon Press, 1993. – Volume 1, 2. – 3801 p. – ISBN 019861134X, 9780198611349.

Е.И. Петрищева
Донецкий национальный университет

СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ СУБСТАНДАРТНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ РОДСТВЕННИКОВ В АНГЛИЙСКОМ, НЕМЕЦКОМ, РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация

В статье рассматриваются словообразовательные и структурно-семантические особенности субстандартных наименования родственников в английском, немецком, русском и украинском языках. Анализируются некоторые способы образования данных лексем, а именно: аффиксация, словосложение и сокращение, выявляются наиболее продуктивные словообразовательные элементы в сопоставляемых языках. Результаты сопоста-

вительного описания особенностей образования субстандартных наименований родственников позволяют выявить общие и дифференциальные признаки сопоставляемых языков на уровне их структуры.

Ключевые слова: *словообразование, аффикс, композит, словосложение, сокращение.*

STRUCTURAL TYPES OF SUBSTANDARD NAMES OF RELATIVES IN ENGLISH, GERMAN, RUSSIAN AND UNKRAINIAN LANGUAGES

Abstract

The article deals with the word-formative and structural-semantic specificity of substandard names of relatives in English, German, Russian and Ukrainian languages. Some ways of word formation of these lexical elements are analyzed (affixation, compounding and abbreviation), the most productive word-formation elements in compared languages are identified. The comparative study of the specific of the formation of substandard names of relatives allow us to identify common and differential features of the compared languages at the level of their structure.

Key words: *word formation, semantic derivation, an affix, a compound, compounding, an abbreviation*

1. Введение

Для современной науки характерна антропологическая направленность. Изучением наименований человека в различных его ипостасях на материале разных языков занимались многие лингвисты, в частности Т. П. Астанкова [2], Ш.Р. Басыров [3], Васильева [4], А.Г. Косицкая [5] и др.

Неотъемлемой частью антрополексики являются наименования родственников. Этот пласт многочисленной и неоднородной лексики подвержен постоянным изменениям, так как он находится в непосредственной связи с уровнем культурного и научного развития самого общества.

Настоящая статья посвящена изучению структурных особенностей наименования родственников в английском, немецком, русском и украинском субстандартных яыках.

Актуальность настоящего исследования обусловлена ее антропоцентрической направленностью, недостаточной изученностью структурных особенностей наименований родственников в английском, немецком, рус-

ском и украинском субстандартных языках как отдельно, так и в сопоставительном аспекте, а также новым корпусом языкового материала.

Объектом исследования являются субстандартные наименования родственников (СНР), а **предметом** – словообразовательные и структурно-семантические особенности СНР, а также оценочный потенциал данных лексических единиц в английском, немецком, русском и украинском субстандартных языках.

Материалом исследования послужили 1170 СНР, взятые из толковых и переводных словарей разговорной и сленговой лексики английского, немецкого, русского и украинского языков, а также Интернет-ресурсов (нем. – 353 ед.; англ. – 239 ед.; русск. – 339 ед.; укр. – 239 ед.).

Целью настоящего исследования является проведение морфологического и словообразовательного анализа СНР и выявление общих и дифференциальных черт в их словообразовательной структуре.

Структурные особенности СНР

Лексический состав языка постоянно пополняется. Это пополнение словарного состава осуществляется не только за счет заимствований из других языков, но и за счет «внутренних ресурсов» языковой системы — словообразовательных процессов и переосмысления уже существующих значений (вторичной номинации).

Настоящее исследование посвящено изучению структуры СНР, которые были образованы, в частности, путем аффиксации, словосложения и сокращения.

2.1. Аффиксация

Под аффиксацией понимают создание новых слов путём присоединения к основе тех или иных словообразовательных элементов (аффиксов). Под словообразовательными элементами подразумеваются суффиксы и префиксы, использующиеся для изменения значения слова или получения из него слова, относящегося к другой части речи. [1, с. 123]. Данный способ образования СНР является самым продуктивным в русском и украинском языках (русск. – 158 ед.; укр. – 144 ед.; англ. – 44 ед.; нем. – 54 ед.). В зависимости от типа деривационного аффикса выделяются суффиксальные и префиксальные СНР. В сопоставляемых языках количественно преобладают суффиксальные СНР (англ. – 44 ед.; нем. – 52 ед.; русск. – 156 ед.; укр. – 135 ед.).

Производящие основы суффиксальных СНР в английском, немецком, русском и украинском языках представлены:

а) именем существительным: англ. *wifey/wifie* перен. разг. ‘жена’ (←*wife* ‘жена’), нем. *Häschen* перен. разг. ‘муж’ (←*Hase* ‘заяц’), русск. *чертенок* перен. разг. ‘жена’ (←*черт*), укр. *поросятко* перен. разг. ‘ребенок’ (←*порося* ‘поросенок’);

б) именем прилагательным: англ. *littlie/littley* перен. разг. ‘ребенок’ (←*little* ‘маленький’); нем. *Altsche* перен. разг. ‘мать’ (← *alt* ‘старый’); русск. *старцы* перен. разг. ‘родители’ (←*старый*); укр. *красуня* перен. разг. ‘жена’ (←*красива* ‘красивая’);

в) глаголом: англ. *taker* перен. разг. ‘ребенок’ (← *to take* ‘брать’); нем. *Produzent* перен. разг. ‘отец’ (←*produzieren* ‘производить’); русск. *пищалкин* перен. разг. ‘ребенок’ (←пищать); укр. *кусака* перен. разг. ‘муж’ (←*кусати*‘кусать’).

Самой продуктивной производящей основой СНР в четырех сопоставляемых языках является имя существительное (англ. – 33 ед.; нем. – 35 ед.; русск. – 143 ед.; укр. – 105 ед.).

В славянские СНР представлены большим набором аффиксов, чем германские, ср.:

– русский: ***-юшк/ушк, тус, -ушек, -ушк, -ашк, -ышк, -енк, -ек, -ичек, -еньк, -ан/ян, -ячик, -ук, -ак/як, -ыч, -ш, -аст, -ик, -чик, -ун/юн, -ал, -ин, унк, -еноч, -уськ, -ок, -к, -енок/онок, -н, -ячк, -ов, -аш, -еч, -ечк, -уш, -оч, ен, -очк, -ич*** (44 аф.);

– украинский: ***-іньк, -ін/ин, -н, -єш, -ятк, -ен, -ок, -ник, -ух, ан, -ець, -инк, -л, -енок, -яш, -ульк, -енц, -ух, -юл, -ель, -янк, -юк, -ик/ік, -ил, -ічк/ичк, -юшк, -очк, -ульк, -ун/юн, -ючк, -ечк, -к, як, ій*** (38 аф.);

– английский: ***-y/ie, -sie- (-sy-), -er*** (5 аф.);

– немецкий: ***-sch, -chen, -el, -i, -in, - lein, - er, -ent*** (8 аф.);

В английском, немецком, русском и украинском языках количественно преобладают диминутивные суффиксы. Эти суффиксы создают у производных слов не только уменьшительный характер, но и эмоционально-экспрессивную оценку обозначаемого денотата. Производные СНР чаще служат для обозначения лица с ярко выраженным оттенком ласкательности. Наиболее продуктивными суффиксами СНР являются:

– английский язык ***-y/ie*** (18 ед.): *bratty* разг. ‘брат’ (←*brother* ‘брат’), *mamm*y разг. ‘мамочка’ (←*mama* ‘мать’);

– немецкий язык ***-chen*** (5 ед.): *Püntchen* перен. разг. ‘жена’ (←*Punkt* ‘пункт’), *Muttchen* разг. ‘мамочка’ (←*Mutter* ‘мать’);

– русский язык ***–ик*** (25 ед.) *крокодильчик* перен. разг. ‘муж/жена’ (←*крокодил*), *папик* разг. ‘отец’ (←*папа*);

– украинский язык ***–ик/ік*** (28 ед.) *котик* перен. разг. ‘ребенок/муж’ (←*кіт* ‘кот’), *паравозик* перен. разг. ‘муж’ (←*паравоз*).

2.2. Словосложение.

Словосложение - это один из способов словообразования, состоящий в морфологическом соединении двух или более корней (основ). В результате словосложения образуется сложное слово или композит [6, с. 469]. Данный способ образования СНР является самым продуктивным в английском и немецком языках (англ. – 140 ед.; нем. – 126 ед.; русск. – 2 ед.; укр. – 1 ед.).

С точки зрения орфографии для СНР-композитов в английском языке характерно слитное, дефисное и раздельное написание (*empty-nesters* перен. разг. ‘родители’, *roughhouse* перен. разг. ‘родители’, *relieving officer* перен. разг. ‘отец’), в немецком – слитное и дефисное (нем. *Hip-Hop-Produzent* перен. разг. ‘отец’, *Bevölkerungsrat* перен. разг. ‘муж’), а в русском и украинском языках – дефисное (ср.: русск. *папье-маше* перен. разг. ‘родители’; укр. *бобасік-колбасік* перен. разг. ‘ребенок’).

В зависимости от семантико-синтаксической связи между структурными компонентами – определяющим (А) и определяемым (В) – композитных наименований родственников в субстандартной лексике германских и славянских языков языках в работе выделяются детерминативные и копулятивные СНР.

Детерминативные композиты или сложные слова, образованные с помощью подчинительной связи, состоят из двух частей: первый компонент является определительным компонентом (детерминативным) (А), второй компонент выступает в функции ядерного (базового) (В) и является его главной частью. При подчинительной связи детерминативный компонент сложного слова всегда поясняет (уточняет) базовый компонент и является его определением. Данный тип композитивных СНР представлен только в английском (140 ед.) и немецком языках (126 ед.), ср.: англ.: *first*А *sergeant*В перен. разг. ‘жена’, *junior*А *wolf*В перен. разг. ‘брат’; нем. *Milch*А *bubi*В перен. разг. ‘ребенок’, *Weib*А *s teufel*В перен. разг. ‘сварливая жена’.

Копулятивные композиты создают оппозицию детерминативным, они также состоят из двух компонентов, но образованы с помощью сочинительной связи, а лексическое значение самого композита в равной степени определяется семантикой его компонентов. Данный тип композитных СНР представлен лишь в русском и украинском языках, ср.: русск. *папьемаше* ‘родители’; укр. *бобасік-колбасік* перен. разг. ‘ребенок’.

2.3. Сокращения

Тенденция к сжатости, экономии языковых средств, а также к усилению выразительности и созданию комического эффекта находит свое прямое отражение в создании и использовании различного рода сокращений, усечений, аббревиатур, контаминаций, редуцированию исходных форм, скрещиванию слов в речи.

Усеченные СНР представлены во всех четырех сопоставляемых языках. Следует отметить, что в исследованном материале СНР, образованные путем сокращения являются малопродуктивными в немецком, русском и украинском языках (англ. – 32 ед.; нем. – 9 ед.; русск. – 6 ед.; укр. – 7 ед.), ср.: англ. *ma разг.* ‘мать’ (←*mama* ‘мать’; нем. *Schwiemu* разг. ‘свекровь/теща’ (←*Schwiegermutter* разг. ‘свекровь/теща’); русск. *ба* разг. ‘мать’ (←*бубушка*), укр. *зай* перен.разг. ‘муж’ (←*зайчик* ‘заяц)

Аббривиатура представляет собой разновидность сокращения и образуется из начальных букв каждого слова устойчивого субстантивного сочетания. Данный тип сокращений представлен лишь среди СНР английского (13 ед.) и немецкого языков (2 ед.), ср.: англ. *xyl* перен. разг. ‘жена’ (←*ex young lady* ‘бывшая молодая девушка’), *om* перен. разг. ‘муж’ (←*old man* ‘старый мужчина’); нем. *AE* груб. ‘отец’ (←*Arschloch-Erzeuger* таб. ‘тот, кто воспитывает сволочь/придурка’), *S.M.* перен. разг. ‘свекровь/теща’ (←*Schwiegermutter* ‘свекровь/теща’).

Разновидностью аббревиатур являются контаминации, состоящие из нескольких усеченных слов. Они выражают новое понятие, которое складывается из значения входящих в него компонентов и не может функционировать параллельно своим исходным (полным) формам. СНР, образованные путем контоминации, выявлены только в немецком языке и являются одними из самых малочисленных (3 ед.): *Mampa* перен. разг. ‘родители’ (←*Mam(a und) Pa(pa)* ‘мама и папа’), *Mamandant* перен. разг. ‘мать’ (←*Mama (und Komman)dant* ‘мама и комендант’), *Momager* перен.

разг. ‘мать, которая занимается раскруткой своего ребенка’ (←*Mama (und Mana)ger* ‘мама и менеджер’).

Выводы

Сопоставительный анализ структуры СНР в английском, немецком, русском и украинском субстандартных языках позволяет сделать следующие выводы:

Субстандартным наименованиям родственников в английском, немецком, русском и украинском языках присуща различная словообразовательная структура: аффиксальная (суффиксальная, префиксальная), композитная и сокращенная.

Самым продуктивным способом образования СНР в английском и немецком субстандартных языках является словосложение, в русском и украинском – аффиксация.

Во всех исследуемых языках среди аффиксальных СНР доминирую суффиксальные СНР, мотивированные преимущественно именными основами. Высокую активность проявляют диминутивные суффиксы.

В русском и украинском языках СНР представлены чаще копулятивными композитами, а в английском и немецком – детерминативными композитами.

Малопродуктивным способом образования СНР во всех исследуемых языках являются сокращения; среди них отмечены модели слоговых и инициальных сокращений.

Литература

Арнольд, И.В. Лексикология современного английского языка: Учеб. пособие / И.В. Арнольд. – 2-е изд., перераб. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 376 с.

Астанкова, Т.П. Структурно-семантическая характеристика наименований лиц мужского и женского пола в американском сленге // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2008. № 552. – С. 16-32.

Басыров, Ш.Р. Номинация муж/жена, возлюбленный/возлюбленная в немецком, английском и украинском языках // Филологические чтения. Материалы международной научно-практич. конференции. – 2012. – С. 35-38.

Васильева, А.С. Наименования лиц женского пола в русском языке конца XX – начала XXI века: семантика, структура, функционирование: автореф. дисс. … к. филол. н. – М., 2016. – 24 с.

Косицкая, А. Г. Структурный аспект наименования человека в искусстве [Текст] / А. Г. Косицкая // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica: научный журнал / отв. ред. В. Д. Калиущенко. – Донецк: ДонНУ, 2016. – Т. 12. – Вып. 2 (34). – С. 74–85.

Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

Е.С. Сысоева
Донецкий национальный университет

АЛЛЮЗИЯ В СЕМАНТИКЕ АНГЛИЙСКИХ ОЦЕНОЧНЫХ АНТРОПОНИМОВ

Аннотация

В статье приводятся основные результаты исследования английских антропонимов с ярко выраженной культурно-исторической аллюзией на известных носителей, как мирового, так и национального масштаба. На основе энциклопедических сведений об известном носителе имени составляется его исторический портрет, неотъемлемой частью которого является имя. Ассоциативный фон имени известного носителя представляется возможным соотнести с положительным или отрицательным знаком аксиологической шкалы. Такой ракурс исследования дает возможность выявить и проанализировать особенности национального мировосприятия и систему этнокультурных ценностей и доминант английской лингвокультуры, которые обусловливают мотивы имянаречения в английском культурно-языковом пространстве.

Ключевые слова: *аллюзия, оценка, аллюзивный оценочный антропоним, аксиологическая шкала, антропонимическая система, лингвокультура*

ALLUSIVE SEMANTICS OF ENGLISH EVALUATIVE ANTHROPONYMS

Abstract

The article presents the main results of the study of English anthroponyms with a pronounced cultural and historical allusion to well-known bearers, both on a global and national scale. On the basis of the encyclopedic information about a well-known name bearer, their historical portrait has been composed, the name being an indispensible part. The associative background of a famous name correlates with a positive or negative axiological scale sign. This perspective of the study makes it possible to identify and analyze the features of the national worldview and the system of ethno-cultural values and dominants of the English linguistic culture, which determine the naming motives in the English cultural and linguistic space.

Key words: *allusion, evaluation, allusive evaluative anthroponym, axiological scale, anthroponymic system, linguistic culture*

О том, что между именем человека, его судьбой и характером существует связь, знали еще наши предки. Считалось, что знать имя человека (своеобразный социолингвистический код) означает иметь власть над ним. По сути латинское слово *fatum* ‘судьба’ происходит от слова *for*, ‘произнести, сказать’, а в Древнем Шумере этимология слова “судьба” была связана с глаголом “давать имя”. В любом языковом сообществе личные имена могут вызывать позитивные или негативные ассоциации, однако в каждой отдельной лингвокультуре набор факторов, влияющих на возникновение дополнительных созначений в семантике антропонимических единиц, будет разным.

Объектом исследования являются английские анрононимические единицы со значением, осложненным оценочным компонентом. Оценочный антропоним (далее ОА) рассматривается как имя человека (личное имя, фамилия и прозвище), лексический фон которого содержит оценочный компонент. Оценка является компонентом коннотации антропонимов, который может быть эксплицирован на основании таких признаков: родное – иностранное; редко – часто употребляемое; активное – пассивное; знакомое – незнакомое; созвучное с позитивно-оценочными – негативно-оценочными единицами вокабуляра; тождественное именам достойных – недостойных

известных носителей. Например, позитивная оценка женского имени *Goldie* в современной антропонимической системе определяется на основании созвучия единицы с английским существительным *gold* ‘золото’, именем традиционно называют девушек с красивым золотистым цветом волос. Мужское имя *Adolf* является негативно-оценочным из-за ассоциации с именем известного общественно-политического деятеля Адольфа Гитлера, идеолога нацизма и основателя тоталитраной диктатуры Третьего Рейха.

Материал исследования составили 3275 ОА, отобранные из антропонимических словарей: “Oxford Dictionary of First Names” под редакцией П. Хенкса, Ф. Ходжес, “The Wordsworth Dictionary of First Names” под редакцией Т. Фрадмана и Словаря английских личных имен и фамилий под редакцией А.И. Рыбакина. Текстовую выборку формируют примеры из английских и американских художественных произведений XIX – XX веков.

Вслед за Е.М. Вольф оценка в значении антропонимической лексики рассматривается как единство следующих элементов: субъект оценки (языковая личность, которая дает имя), объект оценки (языковая личность, которой дают имя), характер оценки (абсолютная позитивная или негативная оценка) и основания оценки (признаки, которые влияют на позитивный или негативный знак оценки антропонима) [4, с. 56]. В семантике имен собственных (далее ИС) на первый план выходят такие признаки, как: родное – иностранное, редко – часто употребляемое, активное – пассивное, знакомое – незнакомое. Признак “знакомое – незнакомое” позволяет определить этимологию, которая, в свою очередь, тесно связана с культурным компонентом коннотации, и констатировать, что имя имеет ярко выраженную национальную принадлежность, которая реализуется в процессе именования, т.е. выступает основой для мотивов имянаречения. Признак “часто употребляемое – редко употребляемое” и признак “знакомое – незнакомое” позволяет субъекту номинации реализировать свои преференции с точки зрения частотности имени. Указанные признаки раскрывают систему ценностей, а также основные преференции общества в процессе именования на современном этапе.

Специфическая семантика антропонимической лексики дает возможность выделить два типа актуализаторов оценки: этимологию общей основы и культурно-исторический компонент (аллюзия). Количественные данные соотношения антропонимов, оценка которых определялась на ос-

нове этимологии внутренней формы и наличия культурно-исторической аллюзии, практически равноправны. Этот факт коррелирует с известной лингвистической теорией о сосуществовании в понятийном объеме антропонимической лексики информации лингвистического и экстралингвистического характера [2; 3; 5; 8]. Например, этимология женского имени *Merry* коррелирует со значеним английского прилагательного *merry* ‘веселый, подвижный’ [6, с. 67]. Ассоциация фонографической формы имени с лексемой, обозначающей положительные черты характера, определяет позитивную оценку антропонима. Культурно-исторический компонент значения мужского имени *Clint*, являющееся сокращенной формой имени *Clinton*, эксплицируется в ассоциации с именем талантливого американского актера, режиссера, продюсера, композитора и политического деятеля Клинта Иствуда (Clint Eastwood). Популярность, а значит и позитивная оценка антропонима подтверждается словарной дефиницией: ***now the name is bestowed because of its association with a popular American film actor, director, producer, composer and politician*** [9, с. 38].

Языковой материал исследования был подвергнут компонентному и семантическому анализу. На основе набора понятийных признаков представляется возможным выделить восемь семантических классов ОА. Наиболее многочисленными являются аллюзивные оценочные антропонимы (далее АОА) (1294 ОА, 39,5% от общего объема выборки), семантическая структура которых содержит национально-культурные коннотации. Количественное преобладание единиц данного класса подтверждает мнение лингвистов о языковой универсальности ценностного восприятия культурно-исторических сведений об именах в процессе имянаречения.

Аллюзивность имен собственных связана с тем, что имя отождествляется с особенностями его носителя или с определенной ситуацией. Подобные имена становятся широко известными не только в определенном культурно-языковом пространстве, но и выходят за границы национальных антропонимических систем. Всемирно известные аллюзивные имена часто становятся симолическими собственными именами [1; 7]. Загадка в тексте аллюзивного ИС вызывает ряд ассоциаций, основной отправной точкой которых является начальный (буквальный) образ, известный читателю из определенного литературного источника. Именно поэтому для адекватного восприятия информации необходимо прежде всего определить этот источник.

Знак оценки аллюзивных антропонимов определялся только с учетом культурно-исторического компонента коннотативного значения исследуемых единиц, т.е. энциклопедической информации об известных носителях, закрепленной в лексическом фоне на уровне узуса. Значит, в семантике АОА по характеру оценочной квалификации преобладает рациональный тип оценки.

По характеру оценки фиксируется значительное преимущество позитивно над негативно окрашенными АОА, что составляет 1046 ед., 80,6 % от общего количества единиц класса и 251 ед., 19,4 % соответственно. Этот факт объясняется стремлением участников языкового сообщества зафиксировать в активном именнике антропонимы, сохраняющие ассоциации с известными историческими, литературными и библейскими носителями, объем национально-культурной информации о которых соотносятся с позитивным концом аксиологической шкалы.

Аллюзивные антропонимы как неотъемлемые элементы ономастической составляющей лингвокультуры, “проживая” жизни своих известных носителей, “аккумулируют” коннотации, отображающие позитивное или негативное общественное отношение к ним. Критерий популярности имен также играет важную роль в актуализации оценочной характеристики аллюзивного антропонима. Аллюзивные ОА нередко становятся объектами семантических процессов апеллятивации и символизации. В процессе имянаречения аллюзивная антропонимическая лексика может быть приоритетной в индивидуальных ситуациях, связанных с поиском необычного “интеллектуального” имени.

Литература

1. **Алефиренко, Н. Ф.** Лингвокультурология [Текст] / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Флинта-Наука, 2010. – 224 с. – ISBN: 978-5-9765-0813-2

2. **Белицкая, Е.Н.** Коннотанимизация онимов как лексико-семантический процесс [Текст] : дис. … кандидата филол. наук : 10.02.15 / Е. Н. Белицкая. – Донецьк, 2000. – 185 с.

3. **Верещагин, Е.М.** Язык и культура [Текст] / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М.: Индрик, 2005. – 1038 с. – ISBN 5-200-01076-4.

4. **Вольф, Е.М.** Функциональная семантика оценки [Текст] / Е. М. Вольф. – М. : Эдиториал УРСС, 2019. – 278 с. – ISBN 978-5-397-06629-7.

5. **Суперанская, А.В.** Общая теория имени собственного [Текст] / А. В. Суперанская. – М. : URSS, 2019. – 368 с. – ISBN 978-5-397-06922-9.

6. **Сысоева, Е.С.** Оценочные антропонимы в английском языке и культуре [Текст] : монография / Е. С. Сысоева. – Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016. – 206 с. – ISBN 978-5-9275-2011-4

7. **Олейник, Т.С.** Семантические и функциональные характеристики символических имен собственных в современном английском языке [Текст] : автореф. дис. на стиск. научн. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / Т. С. Олейник. – К., 2001. – 14 с.

8. **Отин, Е.С.** Словарь коннотативных собственных имён [Текст] / Е. С. Отин. – 2 -е изд. – М.: А ТЕМП, 2006. – 440 с. – ISBN 5-9900358-3-7

9. **Freedman, T.** The Wordsworth Dictionary of First Names [Текст] / T. Freedman, I. Maclead. – Herefordshire : Wordsworth Editions LTD, 1997. – 254 p. – ISBN-13: 978-1853263668

К.Д. Токарева
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

ВРЕМЕННЫЕ, ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ И ОЦЕНОЧНЫЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ АВТОРА В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МЕМУАРНЫХ ТЕКСТАХ XX – XXI ВЕКОВ

Аннотация

Статья посвящена изучению роли языковой личности (ЯЛ) автора в англоязычной мемуарной литературе XX-XXI веков и основополагающей роли пространственных и временных параметров её репрезентации в мемуарном типе текста. Отдельное внимание акцентируется на категории оценки как способе выражения авторской субъективности.

Ключевые слова: *языковая личность, мемуарный текст, пространство, время, локальность, темпоральность, оценка, языковые средства, авторская субъективность*

TEMPORAL, SPATIAL AND EVALUATIVE MEANS OF REPRESENTATION OF THE AUTHOR'S LINGUISTIC PERSONALITY IN THE ENGLISH-LANGUAGE MEMOIR TEXTS OF THE XX – XXI CENTURIES

Abstract

The article is devoted to the role of the author's linguistic personality in the English-language memoir texts and the fundamental role of spatial and temporal parameters as categorical means of this type of texts. A special attention is paid to the category of evaluation as a means of expressing the author's subjectivity.

Key words: *linguistic personality, memoir text, space, time, locality, temporality, evaluation, linguistic (categorical) means, author's subjectivity*

Антропоцентрическая ориентация современной науки, проявляющаяся, в частности, в возрастающем интересе к изучению человеческого фактора в языке, определила внимание лингвистов к проблемам языковой личности (ЯЛ).

К понятию ЯЛ обращались многие языковеды. Классическая концепция ЯЛ Ю.Н. Караулова определяет это понятие как «совокупность способностей и характеристик человека, обусловливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов)». Тексты, созданные ЯЛ, различаются: а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью [Караулов, 1989: 3]. Предложенная автором модель ЯЛ включает три структурных уровня, взаимодействие которых образует «коммуникативное пространство личности»: 1. вербально-семантический, предполагающий нормальное владение естественным языком его носителем и принимающийся им как данность [Караулов 2010: 53]; 2) когнитивный, включающий понятия, идеи и концепты, которые складываются в упорядоченную «картину мира»; 3) прагматический, который связан с выявлением мотивов и целей, движущих развитием ЯЛ [Караулов 1989: 8] и отвечает за понимание места говорящего в мире [Караулов 1999: 155].

В.В. Наумов выделяет пять параметров ЯЛ – (1) психоэмотивный; (2) социальный и антропологический; (3) возрастной и гендерный; (4) нацио-

нальный и (5) праязыковой. Ученый характеризует их следующим образом:

1) ***Психоэмотивная составляющая ЯЛ*** проявляется в выражении эмоций и объединяет в себе психологические и социальные свойства человека: психические проявления определяют его текущее состояние, а социальные характеристики представляют собой устойчивые речевые маркеры, выделяющие данную ЯЛ и ее социальную принадлежность; 2) ***Социальные и антропологические характеристики ЯЛ,*** т.е. образование и профессия человека, а также социальная среда, влияют на формирование индивидуальной речевой деятельности, обращенной к общественной и личностной формам. Первая определяет общую линию коммуникации, а вторая решает практические задачи речевого поведения, т.к. уровень владения языком напрямую зависит от объема знаний о возможностях родного языка и умения реализовать эти знания, а речевое поведение выбирается ЯЛ в зависимости от ее принадлежности к определенной социальной группе; 3) ***Возрастной и гендерный аспекты ЯЛ***; 4) ***Национальная принадлежность ЯЛ*** выражается в самом отношении этноса к языку. Структура языка зависит от ментальности нации, а носитель языка интуитивно чувствует соответствие/несоответствие языковой норме, он может не знать конкретных форм ее реализации, но его незнание восполняется языковым сознанием, которое каждый народ выстраивает по собственным правилам; 5) ***Паразыковые характеристики ЯЛ*** проявляются в формировании каждым социумом своего инвентаря параязыка, отражающего национальную культуру и ментальность, а также особенности психики ее представителей. [Наумов 2006: 17-119].

Таким образом, «человек – и индивид, и часть мира… Человек создает в процессе познания мир, который является одновременно и объективным миром и субъективным собственно миром человека.» [Щирова, Гончарова 2007: 148], при этом основополагающее место в жизни человека занимает когниция, что дает возможность говорить об очевидной связи языка и когнитивных процессов. С одной стороны, язык служит одним из методов познания мира, а, с другой, – для выражения мыслительных процессов [Щирова, Тураева, 2005: 7].

В основе создания МТ лежат когнитивные механизмы памяти, которые позволяют отражать прошлые взаимосвязи человека с реальностью, сохранять исходные данные и избирательно их воспроизводить, воссозда-

вать воспоминания от общего к частному, а образы – на основе ассоциаций. Исследователи выделяют следующие основополагающие характеристики МТ: 1) абсолютное личностное начало в неразрывном единстве с документальностью (З.Р. Сутаева); 2) ретроспективность и обусловленное ею присутствие двух временных планов (И.Д. Фрайман); 3) особый перспективно-ретроспективный хронотоп (А.В. Антюхов). Как следствие в МТ наблюдается некоторое противоречие: с одной стороны, МТ предоставляет все возможности для проявления абсолютной субъективности – Ego, с другой - в МТ отражается подобие этого Ego - внутреннее «я» автора. Автор выступает субъектом оценки, находящемся в непрерывном диалоге с миром настоящего, что делает МТ специфической формой эгоцентрического типа повествования [Гончарова, Шишкина, 2005: 202]. Возникают условия для разграничения между «автором», «автором-рассказчиком» и «протагонистом» - трех ипостасей, дающих повествователю возможность показать степень развития самосознания героя как ЯЛ, вспоминающей с целью проанализировать прошлое и дать ему оценку. Оценка, в свою очередь, направлена на самовыражение, подразумевающее представление «Я» как объекта для другого и для самого себя [Бахтин, 1975: 289]. Таким образом, автор МТ проявляет себя в качестве личности познающей, а тем самым, и языковой.

В философии пространство и время признаются основной формой существования материи; обозначается их объективный характер, отрицается вневременная и внепространственная действительность, подчеркивается их неразделимость. Пространственные параметры отражают местоположение объектов и явлений, расстояния и направления, а временные – мгновения, в которые происходят явления, длительность процессов и т.д. В процессе мироосмысления каждый индивид познает пространственные и временные параметры материальных объектов и духовных субстанций, что находит отражение в языковом строе, где эти параметры фиксируются как результат познания. Это позволяет выделить языковое поле пространства и времени.

Человек существует в пространстве и времени. Хронотоп, или иными словами, художественное время и пространство, является одной из основополагающих составляющих структурирования любого типа текста. На разграничение времени реального и художественного обратил внимание еще А.А. Потебня. П.А. Флоренский отмечал, что любое произведение

принудительно развивается в определенной последовательности [Флоренский, 1993: 230]. М.М. Бахтин, определивший хронотоп как «взаимосвязь временных и пространственных отношений» [Бахтин, 1975: 234], считал, что «жанровые разновидности определяются именно хронотопом» [Там же]. В МТ, активно транслирующих авторскую позицию, хронотоп в большей степени, чем в других текстах служит действенным способом самовыражения и самопрезентации личности.

Концепты времени и пространства вербализуются посредством темпоральных и локальных маркеров, реализуемых различными языковыми средствами.

Пространство формирует одну из основных категорий МТ, в нем сочетаются реальное пространство и его субъективное преломление. Текстовое пространство МТ отражает как реальную действительность, так и ее авторское (субъективное) отражение: автор не просто обозначает свои пространственные координаты, но и дает им авторскую оценку, проявляя свои чувства и настроения.

Категория локальности (пространства) в МТ выражается:

- детерминантами места: *the same thing would happen* ***in Greece****; during our stay* ***in Italy****; weekend* ***at Middleburg****; in the pool* ***at Palm Beach****; back* ***to Washington****;* ***from New York to Virginia****;*
- распространенными предложениями с определением, выражающим пространственные отношения: *to the* ***area of the Rose Garden****; in* ***the Catoctin Mountains*** *in Maryland;*
- сложноподчиненными предложениями с оттенком пространственного значения, вводимыми союзными словами, которые обозначаются местоимениями и наречиями – **where**: *Jackie enrolled for her senior year at George Washington University in Washington, D.C.,* ***where*** *she graduated, in 1951;*
- номинативными распространенными предложениями с существительными пространственной семантики: ***driving back to*** *Woody's Motel;* ***a trip to*** *Palm Beach;* ***a trip to*** *Vienna;* ***a trip to*** *the Greek isles;* ***on the way into*** *town****; on the way back to*** *the White House;*
- глагольными сочетаниями, передающими статическую и динамическую характеристику пространства: *I* ***went to*** *our shared room on a lower floor; She* ***accompanied*** *the president to the Hôtel de Ville;* ***to walk into*** *a few*

more shops; all the farmers ***came into*** *the city; whenever I* ***went into*** *the little town of Middleburg;* ***travel outside of*** *Washington; We* ***walked to*** *the tennis court; I went down to the lobby; When we* ***arrived at*** *the White House; she didn't want* ***to get back in*** *the boat;*

- предметной лексикой с локальной семой: *People would follow her as she walked* ***down the street****; agents would need to leapfrog* ***from one city to another****; unless the president was* ***in town****;*
- топонимами в функции подлежащего: ***Paris had enchanted*** *me like no other city;*
- предложно-падежными сочетаниями с семантикой места: *a huge crowd had gathered* ***on the sidewalk*** *in front of the theater; The three of us sat down* ***in the living room****;*
- обстоятельственными наречиями места, действия и направления: *Mrs. Eisenhower is waiting* ***upstairs****; a small rectangular swimming pool situated* ***in the middle****; first he stayed unobtrusively* ***in the background****; People were walking* ***everywhere*** *with their shopping bags;*
- местоименными наречиями – **here, there**: *I was* ***there*** *with Eisenhower in 1960; Tom Gates is* ***here****;*
- предлогами, выражающими пространственные отношения: *She stopped* ***in front of*** *a store window; We proceeded to walk* ***into*** *a few more shops; I settled into a seat* ***next to*** *a window; Clint Hill walks* ***beside*** *car; Thousands of enthusiastic spectators stood* ***behind*** *the fence line; we were suspended one thousand feet* ***above*** *the crystal blue sea; we could see the bay* ***below*** *Nomikos's villa; while I sat* ***in the back of*** *the boat;*
- безлично-предикативными словами – **far, near**: *The Greek navy ships managed to keep the press boats* ***far*** *enough away; my friends had horses on a ranch* ***near*** *my home.*

Неотделимость пространства и времени в МТ подтверждается взаимосвязью пространственных маркеров с языковыми средствами выражения категории темпоральности (времени). Наблюдается как сочетание личного и исторического времени, так и сочетание реального времени с его авторским восприятием: индивидуальные события переживаются как всемирно-исторические, а всемирно-исторические - как индивидуальные.

Категория темпоральности (времени) осуществляется с помощью абсолютных временных операторов:

- точной датировки: *I was the sixth child of Alma Peterson, born **January 4, 1932**;*
- обстоятельственных наречий времени: *after **yesterday** thunderstorms; the schedule for **tomorrow** morning; **one evening** at Le Club, the European style nightclub; It had rained earlier **in the morning**; **last night** in Pakistan; I'm so happy to be here **today**; The ExComm was meeting **daily, sometimes** twice a day; the president coming by helicopter on **Saturdays** and leaving **Sunday afternoon**; It was **too late** to prepare more food; We finally left Hydra **at midnight**;*
- предложно-падежных сочетаний с семантикой времени: *Home late – **after dinnertime** – tired and hungry; She had ridden in competitions **since early childhood**; had been friends **since the president's Navy days**; we had been using **since March 1961**; Maybe I will go **after all**; on the way back to the Carlyle **after lunch**;*
- двухсоставных предложений с числительным в роли главного члена: ***The 25th was John's third birthday**;*
- указания в тексте на имена известных современников, номинации исторических реалий, описания социально-значимых событий: *included **Ella Fitzgerald, Jack Benny, Harry Belafonte, and Marilyn Monroe**; **President de Gaulle** rode down the Champs-Élysées; in a white lace sleeveless **Oleg Cassini** dress; visiting prime minister of India, **Jawaharlal Nehru**, and his daughter, **Indira Gandhi**; On June 22 1963, President Kennedy departed on **a two-week trip to Europe, with stops in England, Ireland, Italy, and Germany**. **It was history in the making**; **The crowd of three thousand people that were standing behind fence lines on the tarmac broke into a welcoming roar**;*
- использования настоящего актуального, прошедшего перфектного и будущего времени с наречиями времени: *I had **just** got into bed when the phone rang; she was **now** world famous; had **already** been groomed and saddled; I **never** thought anything about it; it hadn't **yet** been determined; Mrs. Kennedy was **still** recuperating;*
- сочетания реального физического времени с авторским восприятием: *During those **long days at the hospital**, I really envied my colleagues who were constantly on the go with the president-elect.*

К числу категориальных средств МТ относится и оценка, поскольку события и явления действительности преломляются в нем через призму со-

знания автора. По мнению Н.Д. Арутюновой, оценка является самой «человеческой категорией», так как обусловлена самой природой человека как физической, так и психической, и определяет его мышление, деятельность и отношение к окружающему миру [Арутюнова, 1982: 5].

В связи с тем, что именно лексика выражает оценочность, обусловленную особенностями восприятия субъекта, можно констатировать что оценка определяется субъективностью авторского повествования и находит свое языковое выражение прежде всего на лексическом уровне. В рассматриваемом МТ к лексическим средствам выражения оценки относятся:

- номинации чувств и эмоций: *a great deal of **pain** in his eyes; I watched in **horror**; in a state of emotional **despair**; I could see the sheer **joy** the animal gave her; , the **pride and appreciation** in the men's eyes was evident;*
- лексика экспрессивной семантики: *she'd say with **whispery excitement**;*
- оценочные слова: *Middleburg was just plain **boring**; IT SEEMS SO **RUDE**; turning her mouth into a **sly** smile; She is such **an animal lover**;*
- фразеологические обороты, крылатые фразы, метафоры: *Sardar had **captured her heart**; My **heart wrenched** with anguish; everybody **fell** more **in love** with Ravello; **an air of quiet confidence**; his face **white as a sheet**; Mrs. Kennedy had **had a hand** in designing; those beautiful **eyes the color of espresso** that **melted powerful men**; Mrs. Kennedy had reached **a boiling point**; Memories of times past came flooding back through my mind; in a sort of **singsong voice**; **flashed into my mind**; There was a **chain reaction**; she was **drowning in sorrow**; there was **worry written all over her face**; I **had only my Florsheims** and my pride to do better than they did; **a mutual "intellectual crush"**;*
- эмоционально-экспрессивные частицы, междометия, звукоподражательные слова: ***Oh**, thank you Mr. Hill.*

Категория оценки может выражаться экспрессивно-синтаксическими конструкциями:

- восклицательными и вопросительными предложениями: ***Don't give up!; Congratulations, Clint!; Really?; What was the reason?;***
- эмоционально-оценочными словами-предложениями: ***What an infectious laugh she had!; What a thrill to have a helicopter land at Grandpa's house!;***

- инфинитивными предложениями: ***The only way to get ashore was by rowboat; The only way Bill Greer knew where to go was to follow the lead car;***
- парцелляциями: ***What did you do prior to becoming an agent? Where did you grow up? Where did you go to college? Are you married or single? Do you have any children? Do you swim? Do you know how to play tennis? Have you ever ridden horses?***

Таким образом, время, пространство и оценка представляют собой текстообразующие категории в мемуарных типах текста в силу присутствия в последних абсолютного личностного начала, соответственно, временные, пространственные и оценочные средства репрезентации языковой личности автора являются для таких текстов наиболее значимыми.

Литература

1. **Арутюнова, Н.Д.** Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики. - М.: Наука, 1982. – с. 5-23.
2. **Бахтин, М.М.** Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
3. **Бахтин, М.М.** Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
4. **Гончарова, Е.А., Шишкина, И.П.** Интерпретация текста. Немецкий язык: Учеб. пособие. – М.: Высшая школа, 2005. – 365 с.
5. **Караулов, Ю.Н.** Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. – М.: ИРЯ РАН, 1999. – 180 с.
6. **Караулов, Ю.Н.** Русская языковая личность и задачи её изучения / Язык и личность. – М.: Наука,1989. – С.3- 8.
7. **Караулов, Ю.Н.** Русский язык и языковая личность. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
8. **Наумов, В.В.** Лингвистическая идентификация личности. – М.: КомКнига, 2006 – 240 с.
9. **Флоренский, П.А.** Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. – М.: Прогресс, 1993. – 324 с.
10. **Щирова, И.А., Гончарова, Е.А.** Многомерность текста: понимание и интерпретация. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2018 – 440 с.

11. **Щирова, И.А., Тураева, З.Я.** Текст и интерпретация: взгляды, концепции, школы. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005 – 156 с.

12. **Hill, Clint, McCubbin, Lisa**. Mrs. Kennedy and me: an intimate memoir. New York, Gallery Books, 2012. – 214 p.

Е.В. Трофимова
Донецкий национальный университет

ОЦЕНОЧНАЯ СЕМАНТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ВЫРАЖАЮЩИХ ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ЭМОЦИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация

Статья посвящена изучению способов выражения оценочно-эмоциональной семантики английских фразеологических единиц, обозначающих отрицательные эмоции. Уточняется специфика фразеологического значения, роль и место коннотации в структуре фразеологического значения. Коннотативный компонент значения фразеологизма имеет сложную структуру и включает в себя оценочный, эмотивный, экспрессивный аспекты. Взаимодействие данных аспектов имеет важную роль в формировании эмоционально-оценочной семантики фразеологизмов, выражающих отрицательные эмоции в английском языке. Оценочная коннотация выражается посредством использования оценочных лексических компонентов в дефиниции ФЕ; лексических единиц – наименований негативных эмоций; а также лексикографических помет. Разграничиваются эксплицитная и имплицитная оценка. Рассматриваются междометные ФЕ как особый класс эмотивной фразеологии. Анализируются семы, дополняющие эмоционально-оценочное значение фразеологизмов, указывающие на характер протекания, фазовость, интенсивность выражения эмоции.

Ключевые слова: *фразеологизм, оценка, эмотивность, оценочность, коннотация, эмоция*

EVALUATIVE SEMANTICS OF THE PHRASEOLOGICAL UNITS EXPRESSING NEGATIVE EMOTIONS IN THE ENGLISH LANGUAGE

Abstract

The paper deals with the ways of expressing the evaluative-emotional semantics of the English phraseological units denoting negative emotions. The specific character of the phraseological meaning is specified, as well as the place and role of connotation in the phraseological meaning structure. The connotative component of the phraseological meaning has a complex structure and includes the evaluative, emotive, expressive aspects. The interaction of these constituents has an important role in the formation of the emotional-evaluative semantics of the idioms denoting negative emotions in English. The evaluative connotation is expressed with the help of evaluative lexical components in the idiom definition; lexical units – names of negative emotions; and also lexicographic markers. The explicit and implicit evaluation are distinguished. The article considers interjectional idioms as a special class of the emotive phraseolocal stock. It analyses the semes which complement the emotional-evaluative meaning of idioms and specify the emotional state, its phasal character, or intensity of the emotion expression.

Key words: *phraseological unit, evaluation, emotiveness, connotation, emotion*

Данная статья посвящена исследованию особенностей оценочной семантики фразеологических единиц (далее ФЕ), выражающих отрицательные эмоции в английском языке. Вопросы реализации категории оценки в языковых единицах разных уровней получают освещение в работах многих лингвистов: Е.М. Вольф, Н.Д. Арутюнова, О.Л. Бессонова, В.Н. Телия, В.И. Шаховский, Н.А. Лукьянова, А.В. Кунин и другие. Как отмечает О.Л. Бессонова, исследование категорий оценочности и эмотивности играет важную роль в изучении концептуализации и категоризации мира и позволяет определить особенности формирования картины мира в процессе познавательной деятельности человека [5; 6]. Цель статьи заключается в определении особенностей оценочной семантики ФЕ, выявлении и описании способов актуализации оценочной составляющей в семантике ФЕ, обозначающих отрицательные эмоции.

Важной проблемой в связи с определением роли оценочности в семантике ФЕ выступает вопрос о фразеологическом значении [15]. Специфика фразеологического значения обусловлена компонентной основой ФЕ и долей участия компонентов в создании смыслового целого [8, с. 146]. В значении ФЕ как в «особой форме отражения действительности» [1, с. 78-79], с одной стороны, кодируется и категоризуется обобщенный опыт когнитивного освоения действительности, а с другой стороны, происходит обогащение исходных знаний и представлений о действительности знаниями языковыми. Специфика фразеологического значения обусловливает необходимость рассмотрения его в лингвокультурологическом аспекте. Фразеологизмы содержат национально-культурный компонент [10], отражают культурно значимую специфику лингвоменталитета [7]. Культурно-национальный опыт языкового коллектива передается в образной составляющей фразеологизма, фиксирующей определенные фрагменты мира и коррелирующей с понятием внутренней формы фразеологизма [12;14]. Как утверждают А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский, образность представляет собой отличительную черту фразеологии, при этом образ в ФЕ реализуется во внутренней форме ФЕ [4].

Исследователи отмечают высокую значимость коннотации в структуре значения ФЕ. А.В. Кунин опровергает утверждение о том, что коннотация накладывается на основное содержание ФЕ, скорее, она (коннотация) находится в сложном единстве с ним. Ученый аргументирует свою точку зрения тесной взаимосвязью рационального и чувственного познания действительности [9, с. 92].

По определению В.Н. Телии, «коннотация – семантическая сущность, узуально или окказионально входящая в семантику языковых единиц и выражающая эмотивно-оценочное и стилистически маркированное отношение субъекта речи к действительности при ее обозначении в высказывании, которое получает на основе этой информации экспрессивный эффект» [13, с. 5]. Как видно из вышеприведенного определения, в структуру коннотации входят несколько компонентов: эмотивный, оценочный, экспрессивный, стилистический. В рамках данного исследования особый интерес представляет статус и взаимосвязь эмотивного и оценочного компонентов. Экспрессивность характеризуется как имманентная черта фразеологизмов, без экспрессивности не бывает эмотивности [9; 11]. Итак, ФЕ, обозначающие отрицательные эмоции, имеют сложную семантиче-

скую структуру, в рамках которой взаимодействуют оценочный, эмотивный и экспрессивный компоненты.

По утверждению А.В. Кунина, эмоции всегда сопровождаются оценкой, поскольку они являются формой отношения человека к действительности [9, с. 93]. На особую связь оценочности и эмотивности указывается и в работах других ученых (см., например, [3; 17]). Данный тезис подтверждается материалом исследования – эмотивный и оценочный компоненты часто образуют неразрывное единство в семантике ФЕ.

Коннотация, как известно, представляет собой «скрытую», формально не выраженную информацию, связанную с прагматической интенцией говорящего, содержащую отношение человека к объектам действительности.

Ссылаясь на Н.Д. Арутюнову, В.Н. Телия формулирует сущность оценочной коннотации в виде утверждения: Я считаю, что то, что X *умный, добрый* и т.п., – хорошо (соответственно – и наоборот) [14, с. 110]. Таким образом, содержание оценочной коннотации составляет мнение говорящего, а любая оценка относительна и зависит от ценностных ориентаций говорящего.

Существует несколько способов выражения оценки в словарных статьях. Оценочный компонент отражается в лексикографических источниках с помощью словарных помет. Сразу стоит оговориться, что анализ фразеографических источников показывает отсутствие единства в системе словарных помет, что, по-видимому, обусловлено сложным характером фразеологического значения, сложностью разграничения и адекватной фиксации компонентов коннотации ФЕ. Проведенные исследования [2; 9 и др.] подтверждают непоследовательность в фиксации оценки посредством использования разнообразных помет.

Анализ показывает, что отрицательная оценка может обозначаться пометами: англ. *derogatory, impolite, taboo, vulgar, slang, ironical, disapproving, informal,* русск. *презр., пренебр., неодобр., ирон., эвфем. предосудит., уничижит., груб., бран., шутл.* Например, *scare the shit out of smb* taboo ‘перепугать кого-л. до смерти’ – to make someone feel very frightened, *be scared (bored) shitless* vulgar, slang ‘очень перепуганный’ – to be vey frightened, *eat someone's ass out* vulgar, slang ‘критиковать, осуждать кого-л.’ – rebuke or scold harshly, *all shook up* slang ‘потрясен, взволнован, взбудора-

жен' – excited; disturbed and upset, *fit to be tied* informal 'взбешенный, в бешенстве, в ярости' – very angry, *one's pet aversion* шутл. 'особая антипатия'.

Кроме словарных помет, экспликация оценочной коннотации ФЕ осуществляется в формулировке словарной дефиниции с помощью оценочных сем, среди которых 'bad', 'unpleasant', 'negative' и др. Например, *give smb hell* 'задать жару, ругать на чем свет стоит' – to make smb's life very unpleasant; shout at smb angrily because they have done smth wrong, *smb's pet hate* 'что-то, что кто-л. сильно не любит' – something that you do not like at all, *make (pull) a face (faces)* 'сделать гримасу' – produce an expression on your face that shows dislike, disgust, or some other negative emotion, or that is intended to be amusing, *a bitter pill (to swallow)* 'горькая пилюля' – an unpleasant or painful necessity (to accept).

Также маркером эмоционально-оценочной коннотации в исследуемых ФЕ выступает наличие семантических компонентов, указывающих на определенную негативную эмоцию 'angry', 'sad', 'worried', 'shocked' и проч. Учитывая специфику материала исследования, этот критерий играет главную роль в формировании эмоционально-оценочного компонента семантики ФЕ. Например, *do someone's head in* **'**сбить с толку**'** – to cause someone to feel annoyed, confused, or frustrated, *a burr under (in) your saddle* 'источник раздражения' – a persistent source of irritation, *breathe fire* 'метать громы и молнии' – to be fiercely angry, *a storm in a teacup* 'буря в стакане воды' – a situation where people get very angry or worried about something that is not important.

Оценка может быть выражена эксплицитно, если хотя бы один компонент в формальной структуре ФЕ носит оценочный характер, а также словарная дефиниция содержит показатель оценки. Например, *dread the moment (when)* 'бояться того момента (когда)' – be worried about, or merely not be looking forward to, something that will, or may happen, *come to grief* 'попасть в беду, хлебнуть горя' – to experience something unpleasant or damaging.

Имплицитная оценка проявляется в словарном толковании ФЕ или может быть обусловлена внутренней формой ФЕ. Так, в семантике ФЕ *down on one's luck* 'в беде, в несчастье, в тяжелом положении' – to be suffering because a lot of bad things are happening to you, usually things which cause you to have no money – отрицательная оценка отражена с помощью компонентов *suffering* и *bad*. Поскольку в формальной структуре таких ФЕ

отсутствуют аксиологически маркированные компоненты, определить оценочный характер ФЕ можно, обратившись к лексикографическому описанию ее значения. Приведем другие примеры: *be hanging over your head* ‘висеть над головой’ – (of something unpleasant) threaten to affect you at any moment, *have kittens* ‘беспокоиться, нервничать, психовать; не находить себе места’ – to become very worried or upset about something, *be in a stew* ‘волноваться, беспокоиться; быть как на иголках’ – to be worried and confused about something.

Отдельного внимания заслуживают междометные ФЕ. Являясь высоко эмотивными ФЕ, они обычно не поддаются словарной дефиниции, а вместо нее передается их мыслительное содержание [9, с. 93]: *What's the idea, What's the big idea, What do you think you are doing? What foolishness do you have in mind?* ‘These phrases, all implying the speaker's disapproval, use idea in the sense of "what one has in mind."’ Приведем примеры: *dear me!* ‘Боже мой!, Вот так так!, Ну и ну!’ *holy cow!* ‘Боже мой! Батюшки!’, *(well) I’m jiggered!* ‘Черт подери!’. Принимая во внимание тот факт, что эмоции являются культурно детерминированными явлениями, влияя в том числе на формы проявления и выбор лингвистических способов их выражения, необходимо отметить, что междометия характеризуются лингвистами как «коллективные знаки эмоционального выражения» и «культуроспецифичные языковые знаки» [16, с. 202]. Междометные ФЕ часто сопровождаются пометами: *I ask you!* informal ‘Я Вас спрашиваю!’ – an exclamation of shock or disapproval intended to elicit agreement from your listener, *I could (just) spit!* informal ‘Я был вне себя от злости!’ – something that you say when you are very angry, usually because of something someone has done, *son of a bitch* груб. ‘Черт побери!’ – something that you say to show that you are very angry or upset, *Get lost!* very inf. ‘Убирайся!’ – something that you say when you are very annoyed with someone or you want someone to go away. Отличительной особенностью междометных ФЕ является их способность к выражению нескольких разных, а иногда противоположных, эмоций. Так, ФЕ *dear me!* ‘Боже мой!, Вот так так!, Ну и ну!’ может выражать эмоции нетерпения, сочувствия, удивления и проч., *upon my soul!* ‘слово чести!’ – восклицание удивления, восторга, досады и т.д. Подобная семантическая диффузность междометных единиц связана с определенной контекстной, речевой зависимостью их употребления. В связи с этим встает вопрос о статусе междометий в языковой системе, а именно в спорном вопросе их соотнесенности с языко-

выми единицами. Считается, что междометные ФЕ не называют, а скорее сигнализируют, указывают на эмоцию [14, с. 115] и этим отличаются от других номинативных лексических единиц. Однако, новые исследования, связанные с развитием коммуникативного и дискурсивного направлений в лингвистике, анализируя роль междометий в речевой коммуникации, особенности их использования в качестве дискурсивных единиц, подтверждают их безусловную принадлежность к языковой системе и указывают на большое значение описания особенностей их функционирования в дискурсе [16].

Материал исследования позволяет выделить ряд семантических признаков, конкретизирующих оценочное значение ФЕ. Указанные признаки характеризуют степень интенсивности выражения эмоции, а также характер ее протекания. Различная степень интенсивности переживания и выражения эмоции может варьироваться от незначительной, умеренной до повышенной и передается с помощью таких маркеров, как *rather, a little, slightly, very, extremely, intensely, completely* и др.: *plumb the depths* ‘впадать в уныние’ – to experience extreme sadness, *can’t stand (bear) the sight of smb / smth* ‘не выносить вида кого-л., чего-л.’ – find objectionable or intolerable, dislike very much, *hate smb / smth like poison* ‘смертельно, люто ненавидеть’ – dislike smb / smth intensely, *hit smb where it hurts most* ‘задеть за живое’ – to do something which will upset someone as much as possible.

Кроме того, в семантике ФЕ отражается дополнительная информация о характере протекания эмоции: «увеличение интенсивности переживания эмоции» (*slow burn* informal ‘постепенно накапливающееся раздражение, гнев’ – a state of slowly mounting anger or annoyance), «фазовость протекания эмоции (начало, продолжение, прекращение)» (*see red* ‘разозлиться’ – become very angry suddenly), «пресыщение» (*have a bellyful* ‘сыт по горло’ – if you say that you have had a bellyful of something, you mean that you find it very irritating or boring, and you do not want to experience it any longer), «каузация эмоции» (*turn (twist) the knife* ‘задеть за живое’ – to do or say something unpleasant which makes someone who is already upset feel worse).

Проведенное исследование подтверждает тесную взаимосязь оценочного и эмотивного компонентов в семантике фразеологизмов, служащих для обозначения отрицательных эмоций. Эмоционально-оценочные смыслы, закрепленные за семантикой фразеологизмов, эксплицируются с

помощью системы словарных помет и определенных семантических компонентов в лексическом составе или дефиниции фразеологизма.

Литература

1. **Алефиренко, Н.Ф.** Фразеология в свете современных лингвистических парадигм [Текст] : монография / Н.Ф. Алефиренко. – М.: ООО Изд-во «Элпис», 2008. – 271 с. – ISBN 978-5-902872-16-0.

2. **Аюпова, Р.А.** Фразеология и фразеография английского и русского языков [Текст] : монография / Р.А. Аюпова. – Казань: Издательство Казанского (Приволжского) федерального университета, 2013. – 269 с.

3. **Бабенко, Л.Г.** Лексические средства обозначения эмоций в русском языке [Текст] / Л.Г. Бабенко. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 184 с. – ISBN 5-7525-0061-3.

4. **Баранов, А.Н.** Основы фразеологии (краткий курс) [Текст] : учеб. пособие / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. – М.: Флинта, 2014. – 312 с. – ISBN 978-5-9765-1567-3.

5. **Бессонова, О.Л.** Негативные эмотивные наименования лица в английской и украинской национальных картинах мира [Текст] / О.Л. Бессонова // Studia Linguistica (Санкт-Петербург). – 2013.– № XXII. – С. 78-87.

6. **Бессонова, О.Л.** Эмотивные концепты в ценностной картине мира [Текст] / О.Л. Бессонова // Наука и культура России. Материалы VIII Международной научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. – Самара: Самарский государственный университет путей сообщения. – 2011. – С. 146-148.

7. **Воркачев, С.Г.** Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «любовь» и «счастье» (русско-английские параллели) [Текст] : монография / С.Г. Воркачев. – Волгоград: Перемена, 2003. – 164 с. – ISBN 5-88234-600-2.

8. **Жуков, В.П**. Русская фразеология / В.П. Жуков, А.В. Жуков. – М.: Высшая школа, 2006. – 408 с. – ISBN 5-06-005399-7.

9. **Кунин, А. В.** Курс фразеологии современного английского языка. – М.: Высш. шк., 1996. – 381 с. – ISBN 5-06-002394-X. ISBN 5-87905-042-4.

10. **Маслова, В.А.** Лингвокультурология [Текст] : учеб. пособие для студ. высш. учеб, заведений / В.А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с. – ISBN 5-7695-0745-4.

11. **Мокиенко, В.М.** Славянская фразеология [Текст] / В.М. Мокиенко. – М.: Высш. шк., 1989. – 287 с. – ISBN 5-06-001467-3.

12. **Силинская, Н.П.** Концепты отрицательных эмоций в английской фразеологической картине мира [Текст] : дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.04 «Германские языки» / Силинская Наталья Павловна. – СПб, 2008. – 214 с.

13. **Телия, В.Н.** Коннотативный аспект семантики номинативных единиц [Текст] / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 143 с.

14. **Телия, В.Н.** Русская фразеология [Текст] / В.Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с. – ISBN 5-88766-047-3.

15. **Трофімова, О.В.** Фразеологія негативних емоцій в англійській та українській мовах [Текст]: монографія (Лінгвокогнітивні та лінгвокультурологічні дослідження. – Т. 1 / Наук. редактор Бєссонова О.Л.,) / О. В. Трофімова. – Донецьк : ДонНУ, 2014. – 248 с. – ISBN 978-966-639-621-4. ISBN 978-966-639-631-3 (Том 1).

16. **Шаронов, И.А.** Междометия в речевой коммуникации [Текст] / И.А. Шаронов // Эмоции в языке и речи: Сб. статей. – М.,2005. – С. 200-220.

17. **Шаховский, В.И.** Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка [Текст] / В.И. Шаховский. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1987. – 192 с.

Н.И. Яковенко
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА СОВРЕМЕННОЙ СПОРТИВНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Аннотация

Современная спортивная терминология является важным компонентом процесса вербальной коммуникации, что обусловлено возрастающей ролью спорта в повседневной жизни человека. В данной работе спортивная

терминология представляет собой жесткую содержательную структуру, которая базируется на тематических лексических группах, объединяющих номинативные единицы олимпийских видов спорта, получивших олимпийский статус не раннее 1986 года. Было установлено, что вне зависимости от вида спорта структуры терминологии оказываются идентичными. Неологизмы присутствуют во всех элементах этой структуры, однако их распределение неравномерно. Проведенный анализ словообразовательных процессов на материале терминов-неологизмов различных тематических групп современной спортивной терминологии позволяет утверждать, что набор использованных продуктивных словообразовательных моделей варьируется в зависимости от принадлежности к той или иной тематической группе.

Ключевые слова: *терминологическая единица, терминология, спортивная терминология, содержательная структура, неологизм*

DENOTATIVE STRUCTURE OF MODERN SPORTS TERMINOLOGY

Abstract

Modern sports terminology is an important component of verbal communication process that is because of increasing role of sport in daily life of a person. In this paper sports terminology presents a rigid denotative structure which is based on thematic groups that unite nominative units of Olympic sports that got Olympic status not before 1986. It was found that regardless of sport, structures of terminology appear identical. Neologisms are present at all elements of this structure, however their allocation is inhomogeneous. Executed analysis of word forming processes on a basis of neologism terms of different thematic groups of modern sports terminology allows to state that set of used productive word forming models varies depending on belonging to one or another thematic group.

Key words: *terminological unit, terminology, sports terminology, denotative structure, neologism*

Спорт является одним из основных пластов современной деятельности человека. Обособившись в прошлом, спорт как явление уже в наши дни стал сферой, интегрированной в другие профессиональные области знаний человека: экономику, политику, музыку, медицину и другие. Пред-

ставляется логичным, что данные изменения коснулись и лексическую составляющую. Спортивная терминология стала одним из основных сегментов специализированной лексики человека, а в последнее время участвует в процессе интеграции с терминологиями и терминосистемами других сфер деятельности и областей человеческих знаний.

В конце XX – начале XXI веков наблюдаются значительные изменения в программах как Летних, так и Зимних Олимпийских игр, связанные с добавлением в олимпийскую программу новых видов спорта. В настоящей работе под «терминами новых видов спорта» рассматриваются термины лишь тех видов спорта, которые были включены в программу Олимпийских игр с 1986 года – именно тогда решением Международного олимпийского комитета на 91 - й Сессии организации в Лозанне (Швейцария) Зимние и Летние Олимпийские игры проводятся в разные годы [4]. Именно анализ терминологий данных видов спорта позволит увидеть особенности использования тех или иных единиц в современном спортивном мире.

Термины, составляющие любую существующую терминологию, являются определяющим звеном в формировании общей картины той или иной сферы деятельности человека. Данные единицы могут быть определены как слова или словосочетания специального (научного, технического и т. п.) языка, создаваемые (принимаемые, заимствуемые и т. п.) для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов [1, с. 474]. Совокупность терминов формирует терминологию. Согласно В.М. Лейчику, терминология представляет собой языковое образование парадигматического типа, представляющее собой стихийно сложившуюся совокупность лексических единиц, обладающих семантической общностью и сходством (близостью) формальной структуры, которые совместно функционируют в одном из языков для специальных целей, обозначая общие понятия области знаний и (или) деятельности, обслуживаемой данным языка для специальных целей [3, с. 116]. Представляется необходимым отметить важность данного элемента языка в процессе коммуникации, поскольку терминология создаёт унифицированную систему, с помощью которой происходит взаимодействие между участниками обозначаемой сферы деятельности и области знания.

В настоящем исследовании сделан акцент на формировании тематических групп исследуемых номинативных единиц терминологий новых

олимпийских видов спорта. В ходе проведённого анализа терминов были сформированы следующие базовые тематические группы терминов: 1) участники спортивной деятельности; 2) оборудование, используемое на спортивных соревнованиях; 3) виды спортивной деятельности; 4) действия в рамках спортивных соревнований; 5) характеристики предметов и явлений в ходе спортивных соревнований.

К основным единицам, обозначающим участников спортивной деятельности, следует отнести субъекты, которые принимают в ней участие: *federation, referee, timekeeper, finish judge, feeding platform judge, starter, announcer, recorder, athlete, participant, player, rider, license-holder, organiser, team, competitor, official, coach, roster, line-up, qualifier, climber, surfer, pitcher, gymnast, pair, breveted judge, lifter*.

Оборудование, используемое на спортивных соревнованиях, относится к отдельной категории структуры спортивной терминологии. К данной категории, помимо непосредственно оборудования, включены места проведения спортивных соревнований. В сфере новых олимпийских видов спорта встречаются следующие основные единицы, описывающие применяемое во время спортивных соревнований оборудование: *course, field of play, skatepark, short climbs, boulders, bicycle, bike, helmet, clothing, frame, chain guards, side stands, mud guards, simulated fuel tanks, butterfly nuts, chain guard lugs, frame mounted reflectors, handlebars, brakes, jersey, gloves, pegs, outfit, fair territory, foul territory, park, flatland, feeding platform, timecard, buoys, skis, uphills, bumpy terrain, downhills, bib, rock.*

Ещё одним сегментом структуры спортивной терминологии являются виды спортивной деятельности. Данные единицы обозначают наименования дисциплин, этапов и стадий спортивных соревнований. К номинативным единицам данной группы относятся следующие основные термины: *motors, Triple-S, Cross, Halfpipe, Big Air, Slopestyle, Telemark, tie, prelims, heat, quarterfinal, semifinal, final, contest, competition, qualifier, last chance, round, phase, small final, big final, Trampoline, Double Mini-Trampoline, cross-border match, cross-border tournament, tie-break, countback.*

Немаловажным элементом в структуре терминологии новых олимпийских видов спорта являются единицы, обозначающие действия в рамках спортивных соревнований: *rotation, trick, routine, qualification, judg-*

ment, pitching, climbing, surfing, DNS, DNF, DQB, yuko, waza-ari, ippon, REL, LIFT score, SEQUENCE score, SURFING score.

Характеристики предметов и явлений в ходе спортивных соревнований также присутствуют в описываемой структуре терминологии и включают в себя следующие терминологические единицы: *Olympic format, Non Olympic format, the highest score, the lowest score, broken equipment, gliding techniques, ski length, ski width, tip, tail, overall height of sectional view (maximum, minimum), foreign energy dead ball, shadow ride, wave score average*.

Другой важной частью исследования является анализ продуктивных словообразовательных моделей терминов-неологизмов новых олимпийских видов спорта. Кроме того, представляется необходимым отметить наличие неологизмов, слов, которые появились в языке позднее некоторого временного предела, который с одной стороны, произволен, а с другой стороны, объективен. Слово считается неологизмом, пока коллективное языковое сознание воспринимает его как новое [2, с. 6].

В.И. Заботкина, опираясь на классификацию Л. Гилбера [5], выделяет следующие виды неологизмов: 1) фонологические; 2) заимствования; 3) семантические; 4) морфологические; 5) фразеологические [2, с. 8]. Следует отметить, что данная классификация учитывает способ создания неологизмов, следовательно, ее использование для анализа словообразовательных продуктивных моделей спортивных неологизмов-терминов целесообразно.

В ходе анализа единиц выделенных тематических групп терминов новых олимпийских видов спорта представляется необходимым отметить, что неологизмы в данных группах встречаются с разной степенью частоты. Стоит отметить, что чаще всего неологизмы встречаются в тематической группе «Виды спортивной деятельности», номинирующей спортивные дисциплины, этапы и стадии проведения соревнований: *Triple-S, Halfpipe, Big Air, Slopestyle, Telemark, prelims*. При формировании данных неологизмов применялись следующие продуктивные словообразовательные модели: заимствование (*Telemark*), семантическая (*Halfpipe, Big Air*), морфологическая (*Triple-S, Slopestyle, prelims*).

Самая низкая степень частоты появления неологизмов наблюдается в тематической группе «Участники спортивной деятельности»: термин-

неологизм *breveted judge* образован посредством семантической продуктивной словообразовательной модели.

В оставшихся представленных тематических группах были выявлены следующие термины-неологизмы. Группа «Оборудование, используемое на спортивных соревнованиях: *boulders* (семантическая словообразовательная модель), *pegs* (семантическая словообразовательная модель), *rock* (семантическая словообразовательная модель); группа «Действия в рамках спортивных соревнований»: *REL* (морфологическая словообразовательная модель), *LIFT score* (семантическая словообразовательная модель), *SEQUENCE score* (семантическая словообразовательная модель), *SURFING score* (семантическая словообразовательная модель); группа «Характеристики предметов и явлений в ходе спортивных соревнований»: *foreign energy* (семантическая словообразовательная модель) *dead ball* (семантическая словообразовательная модель), *shadow ride* (семантическая словообразовательная модель).

Таким образом, по итогам проведённого анализа можно сделать вывод о том, что структуры терминологии новых олимпийских видов спорта оказываются идентичными независимо от вида спорта. В свою очередь, неологизмы присутствуют во всех элементах этой структуры, но их распределение и частота неравномерны. Проведенный анализ словообразовательных процессов на материале терминов-неологизмов различных тематических групп современной спортивной терминологии позволяет утверждать, что набор использованных продуктивных словообразовательных моделей варьируется в зависимости от принадлежности к той или иной тематической группе, однако необходимо отметить, что среди продуктивных словообразовательных моделей неологизмов рассматриваемых тематических групп чаще всего используется семантическая словообразовательная модель, основанная на переносе известного факта или феномена на плоскость рассматриваемого вида спорта.

Литература

1. **Ахманова, О.С.** Словарь лингвистических терминов [Текст] / О.С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – М.: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. – 571 с.

2. **Заботкина, В.И.** Новая лексика современного английского языка [Текст] / В.И. Заботкина. – М.: Высшая школа, 1989. – 126 с.

3. **Лейчик, В.М.** Терминоведение: предмет, методы, структура [Текст] / В.М. Лейчик. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 256 с.

4. **Grasso, J., Mallon B., Heijmans, J.** Historical Dictionary of the Olympic Movement (Historical Dictionaries of Sports) [Текст] / J. Grasso, B. Mallon, J. Heijmans. – Rowman & Littlefield, 2015. – 906 p.

5. **Guilbert, L.** La Créativité Lexicale [Текст] / L. Guilbert. – Paris: Librairie Larrousse, 1975. – 285 p.

Дискурсивные и прагмалингвистические исследования коммуникации

В.В. Авраменко
Донецкий национальный университет

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ И КОММУНИКАТИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ НОВОСТНЫХ МЕДИАТЕКСТОВ, ПОСВЯЩЕННЫХ СИРИЙСКОМУ КРИЗИСУ

Аннотация

В данной статье определен терминологический аппарат и методологические основы исследования коммуникации в медиадискурсе, описаны основные характеристики новостного медиатекста, установлены особенности выражения категории оценки в новостных медиатекстах, выявлены ключевые концепты новостных медиатекстов, посвященных проблеме сирийского кризиса, средства их оценочной реализации в исследуемых медиатекстах. Кроме того, в статье исследованы особенности реализации оценочных стратегий и тактик в новостных медиатекстах, посвященных проблеме сирийского кризиса. Проведенный анализ позволил установить основные лингвокогнитивные и коммуникативные особенности организации дискурса новостных медиатекстов, посвященных сирийскому кризису. Концептуальное пространство новостных медиатекстов, посвященных сирийскому кризису, представлено следующими ключевыми концептами: *ISIL/ISIS, ASSAD, WAR, DIPLOMACY, CRISIS, OPPOSITION, TERRORIST, CEASEFIRE, RUSSIA.*

Ключевые слова: *медиатекст, дискурс, медиадискурс, концепт, стратегия, тактика, новость*

CONCEPTUAL AND COMMUNICATIVE SPACE OF ENGLISH NEWS REPORTS ON SYRIAN CRISIS

Abstract

In this paper the terminological apparatus and methodological foundations of the communication's study in media discourse have been determined; the main characteristics of the media news have been described; the peculiarities of the evaluation's expression in media news have been traced; the research material

of the investigation has been formed; the methodology of its linguistic description has been developed; the key concepts of the media news devoted to the problem of the Syrian crisis and the methods of their realization have been elicited. Beisdes, the peculiaritites of the evaluative strategies' and tactics' realization in the media news devoted to the problem of the Syrian crisis have been investigated. The analysis made it possible to establish the main linguo-cognitive and communicative peculiarities of the discourse organization in the media news. The conceptual space of news media texts concerned with the Syrian crisis is represented by the following key concepts: *ISIL/ISIS, ASSAD, WAR, DIPLOMACY, CRISIS, OPPOSITION, TERRORIST, CEASEFIRE, RUSSIA.*

Key words: *media text, discourse, media discourse, concept, strategy, tactics, news*

Объектом исследования является концептуальная и коммуникативная организация англоязычных новостных медиатекстов, посвященных сирийскому кризису на материале электронных версий британских газет («The Guardian», «The Indepedent»), журнала «The Economist», американских газет («The New York Times», «Daily Mail»), международного информационного агентства «Reuters» и российского международного многоязычного информационного телеканала «Russia Today». Исследование выполнено в русле медиалингвистики, предметом которой является изучение языка массовой коммуникации.

Медиалингвистика является новым самостоятельным направлением и привлекает внимание многих современных отечественных и зарубежных ученых со второй половины XX века (Т. Г. Добросклонская [2], Г. Я. Солганик [4], С. И. Сметанина [3], Теун ван Дейк [1], Алан Белл [5], Мартин Монтгомери [6] и др.).

Несмотря на растущий интерес к проблеме концептуальной и коммуникативнаой организации медиатекстов, отсутствуют исследования, которые носят комплексный характер и в которых интегрируются наработки и достижения когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и политической лингвистики. Актуальность данной работы заключается в комплексном подходе к рассмотрению коммуникативной организации англоязычных новостных медиатекстов. Работа выполнена на стыке политической лингвистики, медиалингвистики и последовательно реализует достижения когнитивно-дискурсивной парадигмы.

В многочисленных текстах, которые ежедневно производятся и распространяются СМИ, очевидно выделяются новость, информационная аналитика, реклама и публицистический текст, обладающие набором определенных характерных признаков. При этом тексты новостей считаются базовыми текстами медиадискурса.

Концептуальное пространство новостных медиатекстов, посвященных сирийскому кризису, представлено следующими ключевыми концептами: *ISIL/ISIS, ASSAD, WAR, DIPLOMACY, CRISIS, OPPOSITION, TERRORIST, CEASEFIRE, RUSSIA.* В силу того, что военный конфликт в Сирии с течением времени принимает новые формы, каждый период сирийского кризиса характеризуется различными ключевыми концептами. Это связано с тем, что номинативная плотность концептов концептосферы «Сирийский кризис» меняется в ходе актуализации тех или иных событий гражданской войны. Данное исследование охватывает события, происходящие в Сирии с сентября 2015 по апрель 2018 года. Данный период, в свою очередь, условно можно разделить на другие периоды: сентябрь – декабрь 2015 г., январь – апрель 2016 г., январь – апрель 2017 г., апрель 2017 – апрель 2018 г. Такое деление обусловлено изменениями, происходящими в ходе сирийского кризиса. Так, первый период (сентябрь – декабрь 2015 г.) можно назвать «активное противостояние», т.к. он характеризуется обострением противостояния террористической группировки ИГИЛ и войсками, защищающими позиции действующего президента Сирии, Башара Асада.

30 сентября 2015-го года стал отправной точкой во взаимоотношениях России и Сирии. Тогда президент России Владимир Путин по просьбе президента Сирии Башара Асада отдал приказ к проведению воздушной операции с нанесением точечных ударов по позициям ИГ самолётами Воздушно-космических сил России. Концепты *ISIL / ISIS* и *ASSAD* являются ключевыми в концептосфере «Сирийский кризис». В январе 2016 года были осуществлены мирные переговоры по решению сирийского кризиса, которые привели к временному прекращению огня. Данный период получил название «временное перемирие», а ключевым концептом периода январь – апрель 2016 года стал концепт *DIPLOMACY.* Период временного урегулирования конфликта сменился периодом под названием «мирное урегулирование» (январь – апрель 2017 г.). Однако, несмотря на то, что в начале 2017 года в Казахстане состоялись успешные мирные переговоры, на которых противостоящие силы пришли к решению о прекращении огня,

данное соглашение не имело долгосрочного эффекта. И, таким образом, ключевым в концептосфере «Сирийский кризис» стал концепт *WAR.* Период «обострение конфликта» (апрель 2017 – апрель 2018 г.) характеризуется активизированием военных действий на территории Сирии. Однако последние новости свидетельствуют о том, что благодаря усилиям России и другим странам (Иран, Турция), способствующим мирному решению конфликта, в некоторых районах Сирии стало возможным проводить гуманитарные операции, направленные на спасение мирных жителей. Следовательно, изменения, произошедшие в номинативной плотности концептов, показали, что помимо ключевого концепта *WAR* в данный период возникает другой ключевой концепт *RUSSIA.*

Исходя из общего количества контекстов, в которых вербализуется концептосфера «Сирийский кризис» за весь период исследования, охватывающий сентябрь 2015 года – апрель 2018 года, можем рассмотреть и определить, в какой период и в каком процентном соотношении реализуются дикурсообразующие концепты *ISIL/ISIS, ASSAD, WAR, DIPLOMACY, CRISIS, OPPOSITION, TERRORIST, CEASEFIRE, RUSSIA.* Анализ показал, что наиболее частотным практически во всех периодах является концепт *WAR.* Также это единственный концепт, который фигурирует во всех периодах, так как основное внимание СМИ приковано именно к военным действиям, происходящих в Сирии уже на протяжении семи лет.

Реализация концепта *DIPLOMACY* в различные периоды Сирийской войны вызывает особый интерес. Расцвет мирного урегулирования Сирийского кризиса пришелся на 2015-2016 гг., а в 2017-2018 гг. показатель частотности является крайне низким, что вызывает беспокойство и свидетельствует о том, что необходимо возобновить работу над дипломатическим подходом к решению конфликта.

В период апрель 2017 – апрель 2018 гг. возникает новый ключевой концепт *RUSSIA,* что объясняется активным участием Российской стороны в решении военного конфликта. Кроме того, в данный период высокий показатель частотности наблюдается у концепта *CRISIS* в силу того, что в корпус исследования был включен Российский источник новостных медиатекстов, посвященных сирийскому кризису.

Количественный анализ использования тактик стратегий конфронтации, кооперации, позиционирования показал, что наиболее продуктивной тактикой для реализации данной стратегии является тактика навешивания

ярлыков [4]. Американский и британский новостной дискурс характеризуется частым использованием данной тактики в основном в контексте российских лидеров и их действий. Другие наиболее используемые тактики – тактика упрека и угрозы, демонстрации ответственности. Тактики установления авторитета и комплимента являются наименее продуктивными для реализации оценочных стратегий в американских и новостных медиатекстах. Однако на материале отечественного англоязычного источника RT можно проследить, что тактика комплимента характерна для дискурса новостей, представляемых российскими журналистами.

Следует отметить, что вопрос гражданской войны в Сирии не перестает волновать мировую общественность уже в течение 6-ти лет, поэтому данное исследование является чрезвычайно важным на сегодняшний день, ведь изучение различных моделей геополитических конфликтов на языковом уровне может способствовать решению конфликтов в реальной жизни.

Литература

1. **Дейк, Т. А. ван** Стратегии понимания связного текста [Текст] / Т.А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике / сост., ред. и вступ. ст. В.В. Петрова и В.И. Герасимова. – Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. – М., 1988. – С. 153-208. ISBN 5-80157-202-3

2. **Добросклонская, Т. Г.** Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь [Текст] / Т.Г. Добросклонская. – М. : Наука, 2008. – 264 с. *ISBN* 978-5-9765-0273-4.

3. **Солганик, Г. Я.** К определению понятий «текст» и «медиатекст» [Текст] / Г.Я. Солганик // Вестник Московского ун-та. – № 2. – Серия 10: «Журналистика». – 2005. – С. 7-15. *ISBN* 978-5-382-01852-2.

4. **Цыбикова, Н. С.** Оценочные коммуникативные стратегии сетевого дискурса [Текст] / Н.С. Цыбикова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – № 12. – Ч. 1. – Тамбов: Грамота, 2014. – С. 195-198. *ISBN* 978-5-9793-0870-8.

5. **Bell, A.** The Language of News Media [Текст] / A. Bell. – Oxford: Blackwell, 1991. – P. 63-89.

6. **Montgomery, M.** Introduction to Language and Society [Текст] / M. Montgomery. – OUP, 1992. – 123 p.

А.В. Воеводина
Донбасская юридическая академия

ЗАИМСТВОВАНИЯ КАК ОСНОВНАЯ ЛЕКСИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Аннотация. Статья посвящена исследованию заимствованной лексики в англоязычных юридических текстах. Лексические заимствования в области юриспруденции тесно связаны с историей английского права и юридического английского языка и, как таковые, являются основной характеристикой юридической лексики. Автор выделяет четыре основных типа заимствованных слов: слова, скопированные с иностранного языка и перешедшие в юридический английский; лексические единицы из областей, не имеющих отношения к области права; лексические единицы, заимствованные одной правовой системой у другой; лексемы, заимствованные из юридического английского языка другими сферами деятельности. Автор сосредоточивает внимание на первых трех типах заимствований. Процесс заимствования рассматривается как явление, которое предполагает не только взаимодействие на уровне языка, но и на уровне культуры и государства.

Ключевые слова: *юридический текст, заимствования, правовая система, литературный язык, юридически язык*

LOAN WORDS AS A BASIC LEXICAL COMPONENT OF ENGLISH-LANGUAGE LEGAL TEXTS

Abstract

The article deals with the study of linguistic borrowings in English-language legal texts. Lexical borrowings in the field of jurisprudence are closely related to the history of the English law and legal English and, as such, are the main characteristic feature of legal vocabulary. The author identifies four main types of loan words: words copied from a foreign language into legal English; lexical units from areas other than law; lexical units borrowed by one Common Law system from another; lexemes borrowed from legal English into other areas. The author focuses on the first three types of borrowings. The process of

lexical borrowing is considered as a phenomenon that involves not only interaction at the level of language, but also at the level of culture and the state.

Key words: *legal text, lexical borrowings, legal system, literary language, legal language*

В период глобализации общества возникает необходимость взаимодействия различных правовых систем, что в свою очередь влечет за собой необходимость создания языка профессионального общения, который был бы удобен для представителей разных государств. В качестве такого профессионального языка используется английский как язык международного общения. Язык профессионального общения является функциональной разновидностью литературного языка, которая используется представителями определенной отрасли (в нашем случае юридической). Профессиональный язык – это совокупность всех языковых средств, которыми пользуются в профессионально ограниченной сфере коммуникации с целью обеспечения взаимопонимания между людьми, работающими в этой сфере.

Общеизвестно, что язык профессионального общения использует лексико-грамматические особенности литературного языка для выражения коммуникативных целей специализированных сообществ. Анализ специализированных текстов – это один из способов выявления повторяющихся характеристик, присущих юридическому английскому языку. В результате такого анализа можно составить перечень лингвистических особенностей, характерных для юридического языка, таких как использование специальной лексики или особых грамматических и синтаксических конструкций. Эти особенности отражают, как профессиональный язык использует лексику и грамматику литературного языка. Отличительными чертами языка юридических текстов, значительную часть которых представляют нормативные документы, являются использование большего количества безличных предложений и конструкций страдательного залога по сравнению с литературным английским языком. Поскольку язык юридических документов, к которым относятся договоры, меморандумы, уставы компаний, свидетельства о регистрации юридических лиц, протоколы, судебные документы, законодательные акты и др., отличается отсутствием экспрессивности, сухостью изложения, множеством устойчивых оборотов и клише, нам необходимо уделять особое внимание использованию в них специаль-

ной юридической лексики, так как неверное толкование этих документов может порождать специфические юридические последствия.

Следует отметить, что значительная часть юридической лексики используется и в обычном литературном языке, в частности в процессе повседневного общения, что подразумевает, что юридическая лексика обязательно является многозначной. Поэтому возникает вопрос: насколько специализированной является юридическая лексика? Можно ли считать юридическую лексику безусловной характеристикой юридического языка? Такие вопросы требуют от нас определения коммуникативных потребностей правовой сферы, с одной стороны, и правовой лексики, с другой, включая те лексические единицы, которые заимствованы из общеупотребительного английского языка: какую часть юридической лексики они представляют и в какой степени их можно считать специализированными.

Таким образом, мы приходим к необходимости рассмотреть три основных аспекта, касающихся юридического языка и юридической лексики. Первый связан с самим определением юридической лексики. Узкое определение включает в себя все лексические единицы, имеющие как минимум одно юридическое значение [6, с. 14], что означает, что эти элементы будут присутствовать в юридических словарях, цель которых состоит в том, чтобы зарегистрировать лексические единицы, используемые специалистами в области права. Однако это узкое определение подразумевает, что некоторые лексические единицы могут иметь также неюридическое значение. С другой стороны, в более широком определении, юридическая лексика включает в себя все лексические единицы, используемые в сфере права для достижения своих коммуникативных целей, независимо от того, касаются ли эти цели внутрипрофессионального общения (общение между адвокатами, судьями, юрисконсультами и т.п.) или межпрофессионального общения (общение между экспертами по вопросам права и непрофессионалами) [6]. Это более широкое определение подразумевает, что некоторые юридические единицы не имеют какого-либо конкретного юридического значения вне правового контекста, а другие не имеют никакого юридического значения вообще и требуют, чтобы толкования конкретных правовых норм рассматривались в конкретном правовом контексте. На самом деле, и это второй аспект, который следует иметь в виду, нет никаких четких лексических границ между юридическим языком и неюридическим языком. Правовая сфера заимствовала лексические единицы из

литературного языка и языка других областей деятельности, приписав им одно или несколько юридических значений. Третий аспект, который мы должны принять во внимание и который вытекает из первых двух, состоит в том, что юридические лексические единицы редко имеют исключительно юридическое значение. Следовательно, полисемия, несомненно, является одной из основных характеристик юридической лексики в английском языке. В этом контексте мы должны различать внутреннюю полисемию (одна лексическая единица имеет несколько юридических значений) и внешнюю полисемию (одна единица имеет как минимум одно юридическое и одно неюридическое значение). Кроме того, эти два типа полисемии могут сосуществовать, поскольку лексема, заимствованная из общеупотребительного английского языка, может иметь различные юридические значения, например, глагол *apprehend – общ. предчувствовать, предвидеть, предполагать, постигать; юр. задерживать, арестовывать;* существительное *assessment – общ. оценка, мнение, суждение; юр. налог, обложение налогом, распределение убытков по общей аварии, сбор, определение стоимости, сумма налогового обложения.* Значения этих слов можно по-разному интерпретировать в зависимости от сферы употребления.

В данной статье мы попытались рассмотреть некоторые заимствования, которые характеризуют юридическую лексику в английском языке. Согласно С.А. Горской, заимствования могут быть определены как **«слова неисконного происхождения, перенесённые из одного языка в другой в результате территориальных и культурных контактов»** [3]. В большинстве определений термин «лексическое заимствование» описывается и как диахронический процесс, посредством которого лексические единицы копируются на язык-реципиент, и как сами заимствованные единицы. Неудивительно, что лексические заимствования в области юриспруденции тесно связаны с историей английского права и юридического английского языка и, как таковые, являются основной характеристикой юридической лексики.

Можно выделить четыре основных типа заимствованных слов. Первый составляют слова, скопированные с иностранного языка и перешедшие в юридический английский. Языками-донорами послужили, в основном, древнескандинавский (язык, на котором говорили викинги, поселившиеся в Англии в период между VIII и XIII вв.), латынь (особенно во время развития христианства в Англии с 596 года; при этом пик латинских

заимствований пришелся конец X в.) и нормандский диалект французского языка, который, несомненно, оставил наибольший след в юридическом английском языке.

Ко второму типу заимствований принадлежат лексические единицы из областей, не имеющих отношения к области права. В частности, можно упомянуть два области. Первая – это религиозная сфера. Одними из наиболее ярких примеров являются лексема *cell (юр. камера)*, которая первоначально означала *келью монаха*, и лексема *clerk (солиситор-практикант)*, которая означала понятия *католический священник, ведущий записи в церковных книгах; приходской казначей*. Кроме того, некоторые из наиболее известных юридических концептуальных метафор непосредственно происходят из религиозной сферы: *act of God – стихийное бедствие, fruit of the poisonous tree – доказательства, полученные незаконным путём, которые не могут быть использованы в суде*, *prayer for relief – ходатайство об освобождении, the neighbour principle – принцип заботы о ближнем.* Эти заимствования из общеупотребительного английского, несомненно, обогатили юридическую лексику, но они также породили проблемы толкования.

Третий тип заимствования – это лексические единицы, заимствованные одной правовой системой у другой. Это связано с тем, что английское общее право распространилось в бывших английских колониях по всему миру, в результате чего некоторые его лексемы существуют в других языках общего права, но не без возможных изменений значения.

Кроме того, можно рассмотреть четвертый тип заимствования, который следует противоположному направлению, то есть лексемы, заимствованные из юридического английского языка другими сферами деятельности. Заимствований из юридического английского языка могут сами по себе быть отдельной темой научного исследования, поэтому мы сосредоточили свое внимание на первых трех типах заимствований.

Причины лексических заимствований разнообразны и не всегда легко определимы. Большинство из них кроется в постоянных завоеваниях, которые имели место в Англии в период между V и XI вв. (римляне, англосаксы, даны и норманны), а также в том, как развивалось английское общее право. Некоторые лексемы были заимствованы либо потому, что они ссылались на правовые концепции, которые были неизвестны в правовой системе Англии в то время и считались полезными (например, *murder,*

outlaw, bond, trust происходят из древнескандинавского права), либо потому что они обозначали чужие правовые концепции, которые были специально применены к иностранному населению, проживающему на англосаксонской территории (в основном даны), и которые постепенно перешли в юридический английский, обычно путем некоторой морфологической адаптации.

По-другому проходил процесс заимствования из латинского языка, так как многие латинские слова были включены в юридический английский главным образом потому, что рукописи были изначально написаны на латыни священниками [5, с. 9]. На самом деле, многие лексемы, используемые в процессуальном английском языке, происходят из латинского: *attorney, solicitor, delict, counsel, advocate*. Некоторые были переведены буквально: *in witness whereof*, некоторые сохранили свое первоначальное латинское написание: *corpus delicti, per se, subpoena, affidavit, versus, habeas corpus.*

Однако наибольшее влияние на английскую юридическую лексику оказал старо-французский язык, использовавшийся в судах, поскольку он был языком права в Англии с момента начала развития общего права под влиянием норманнов в период с VII до XVIII века, когда парламент принял законы (в 1731, 1733 и 1735 гг.), установившие английский язык как единственный язык, использовавшийся в юридической практике. За прошедшие века большинство старофранцузских терминов адаптировались к английскому языку, хотя некоторые их них сохраняются в неизменном виде и в настоящее время: *fait accompli – свершившийся факт, force majeure – форс-мажор, oyez – заслушивать показания*

Большинство обсуждавшихся выше иностранных заимствований, по сути, носят юридический характер и подтверждают гипотезу о том, что юридическая лексика действительно является особой.

Вторая категория заимствованных слов, которая значительно обогатила юридическую лексику, – это неюридическая лексика, то есть лексика, используемая другими сферами деятельности. Когда право заимствует лексические единицы из других областей, можно выделить два основных семантических феномена: заимствованные слова могут сохранять свое первоначальное значение или принимать конкретное юридическое значение.

В обоих случаях рассматриваемые лексические единицы могут не считаться чисто юридическими и иметь юридическое значение только в том случае, если они включены в юридический контекст.

Лексические единицы, заимствованные из религиозной сферы, могут также интерпретироваться в соответствии с их первоначальным значением, например: *act of God - стихийное бедствие вне контроля человека, redemption – искупление (погашение долга или погашение ипотеки), pray – искренне просить*. Отсюда следует, что такая лексика не несет какой-либо особой юридической нагрузки, если не используется в правовом контексте.

Заимствованное слово может происходить из другой системы общего права и иметь другое значение в правовой системе реципиента. Как упоминалось ранее, колонизация привела к распространению английского общего права по всему миру, что неизбежно привело к заимствованиям из английского общего права в другие правовые системы. Одно из существенных последствий таких заимствований связано с тем, что некоторые юридические лексемы не имеют одинакового значения в американском английском и британском английском языке: например, *to table an amendment – брит. внести на обсуждение поправку; амер. отложить поправку.*

Как уже упоминалось ранее, при анализе юридической лексики мы должны опираться на контекст и учитывать тот факт, что переход лексических единиц из категории общеупотребительной лексики в категорию юридической, может также сочетаться с процессами внешнего заимствования. Например, многим лексемам, произошедшим из неюридического французского языка, было приписано юридическое значение, которое можно проследить вплоть до оригинального неюридического слова, например, *evidence.* В других случаях сохранилось первоначальное значение и добавились юридические значения, как в случае с глаголом *avoid* (от старофранцузского *esvuider* через латинское *viduare (инф. viduo) – лишать, отнимать*, который имеет сходное значение в общеупотребительном английском (*evade – избегать, уклоняться*), но может также означать *отменить, сделать недействительным, аннулировать*. Таким образом, мы видим, что семантические связи с исходным языком или сферой деятельности разорваны или слишком ослаблены, чтобы их можно было идентифицировать с первоначальным значением.

В результате проведенного исследования мы можем сделать вывод о том, что заимствования являются основной лексической составляющей ан-

глоязычных юридических текстов. Процесс заимствования представляет собой особое явление, которое предполагает не только взаимодействие на уровне языка, но и на уровне культуры и государства.

Литература

1. **Груенко, С.Е.** К вопросу классификации заимствованной лексики [Текст] / С.Е. Груенко // Наука о человеке: гуманитарные исследования. Раздел 1. Филологические науки. –2016. – С. 43-48. – ISSN 1998-53-20

2. **Елибаева, Р.Д.** Языковые особенности изучения юридического текста в гуманитарном вузе [Текст] / Р.Д. Елибаева // Вестник ТГУ Выпуск 3 (7). – 2016. – С. 31-38. – ISSN 2413-6859.

3. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. / Словари и энциклопедии на Академике. – Академик, 2000-2014. – URL: www.dic.academic.ru, свободный. яз.: рус., англ., нем., фр., исп.

4. **Трубинова, Е. А.** Заимствования как процесс изменения языка [Электронный ресурс] / Е.А Трубинова // Молодой ученый. – 2016. – №10. – С. 1209-1212.

5. **Branaa, J.-E. et al.** The English of Law: England and Wales [Текст] / J.-E. Branaa, Paris, 2006 - 368 p. – ISBN : 978-2-7011-4414-6.

6. **Cornu, G.** Linguistique juridique [Текст] / G. Cornu – Paris: Montchrestien, 2005 – 456 p. – ISBN : 978-2-7076-1425-4.

7. **Haspelmath, M., Tadmor U.** Loanwords in the World's Languages: A Comparative Handbook [Текст] / M. Haspelmath, U. Tadmor – Berlin – New York: Mouton de Gruyter, 2009. – 324 p. – ISBN 9783110218435.

С.Н. Кишко
Донецкий национальный университет

К ВОПРОСУ АНГЛИЙСКОГО КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ МОДЕРАЦИИ)

Аннотация

Статья посвящена исследованию феномена модерации как коммуникативно-прагматической категории, категориальное содержание которой

составляет коммуникативная интенция сдержанности. Такая интенция проявляется в сознательном смягчении иллокуции высказывания, т.е. придании смыслу сообщаемого более умеренного, менее категоричного, безапелляционного тона.

В статье описываются стратегии модерации высказывания – митигация, неуверенность, недоговоренность, аппроксимация, девальвация. Результаты исследования позволяют выявить различную степень их продуктивности в речи. Автор подчеркивает, что категория модерации конституирует коммуникативное сознание представителей английской лингвокультуры, что предопределяет их выбор и предпочтительность определенных средств коммуникации, а именно, средств модерации высказывания, используемых в процессе межличностного взаимодействия. В статье отмечается, что доминантными чертами английского коммуникативного поведения являются преднамеренная некатегоричность, неимпозитивность, косвенность.

Ключевые слова: *коммуникативно-прагматическая категория модерации, интенция, стратегия, митигация, неуверенность, недоговоренность, аппроксимация, девальвация, модератор*

ON THE PROBLEM OF THE ENGLISH COMMUNICATIVE BEHAVIOUR (ON THE BASIS OF THE COMMUNICATIVE-PRAGMATIC CATEGORY OF MODERATION)

Abstract

The article focuses on the phenomenon of moderation as communicative-pragmatic category whose content side is made up by the intention of moderation. The latter is manifested in intentionally moderating the illocution of the utterance, making it more moderate and less categorical. The author describes moderation strategies: mitigation, hedging, understatement, approximation and devaluation. The results of the research show their productivity in speech. The author emphasizes that the category of moderation is a constituent part of communicative consciousness of the representatives of the English linguo-culture, which determines their choice and preference of the means of communication, namely, moderators, used in the process of interpersonal interaction. The article states that the dominant characteristics of the English communicative behaviour are intentional non-categoricalness, being non-imposing and indirectness.

Key words: *communicative-pragmatic category of moderation, intention, strategy, mitigation, hedging, understatement, approximation, devaluation, moderator*

Данная статья посвящена описанию коммуникативно-прагматической категории модерации, которая находит выражение в английских высказываниях особого типа, названных нами «модерированными высказываниями», например, (1) *I can't tell you. Not now. I know that may seem rude and unfair but I've been doing research and investigating a matter that I really don't have time to discuss at the moment* (Cornwell, p. 89). Говорящий не выражает отказ прямо: он многословно оправдывается, признает, что поступает грубо и несправедливо и, наконец, приводит причину отказа – нехватка времени на обсуждение.

Цель работы – обобщить типологию стратегий, с помощью которых исследуемая категория манифестируется в речи представителей англоязычного лингвосообщества. Материал исследования составил 3000 модерированных высказываний.

Актуальность указанной проблематики вызвана растущим интересом исследователей на современном этапе лингвистической науки к коммуникативным категориям, в которых выражаются особенности языкового/коммуникативного сознания представителя того или иного этноса.

Особенности английского коммуникативного стиля являются в центре внимания многих исследователей, которые подчеркивают, прежде всего, влияние этикетных правил и различных моделей вежливости (положительной и отрицательной) на коммуникативное поведение представителей английской лингвокультуры [4; 5]. Однако, несмотря на достаточно презентабельное количество работ в этой области, все еще открытым остается вопрос об общей типологии стратегий, в целом присущих представителям данной лингвокультуры. Более того, описание коммуникативного поведения народа проводится, как правило, с точки зрения совокупности его норм и традиций общения [6]. Однако нам представляется не менее важным в этом смысле и описание категорий, которые принадлежат коммуникативному сознанию представителей определенного этноса как определенная коммуникативная установка, *как* надо говорить.

Как мы отмечали в наших ранних работах, модерация – это коммуникативно-прагматическая категория, категориальное содержание которой

составляет коммуникативная интенция сдержанности [3]. Такая интенция проявляется в сознательном смягчении иллокуции высказывания, т.е. придании смыслу сообщаемого более умеренного (менее экстремального, самоуверенно-категоричного) тона.

Мы рассматриваем интенцию сдержанности как проявление особого психоэмоционального состояния носителя английского языка – состояния, в котором говорящий избегает экстремальности в речевом общении: moderation – the state of being moderate, an avoidance of extremes [8, с.1451], при этом проявление эмоций носит преднамеренный характер и представляет собой стратегию коммуникативного поведения. Такое понимание коммуникативной интенции коррелирует с идеей Дж. Серля, который рассматривает интенцию как «главную составляющую сознания и то свойство многих ментальных состояний и событий, посредством которых они направлены на объекты и положения дел внешнего мира» [7, с.96]; утверждением И.М. Кобозевой о том, что многие языковые явления, которые характеризовались в терминах субъективной и объективной модальности, оценочной коннотации и т.п., являются, по-сути, интенциональными состояниями сознания говорящего [1, с.2], а также идеей Т.В. Лариной об эмотивности английского коммуникативного стиля, т.е. сознательной, запланированной демонстрации эмоций, имеющей определенную коммуникативную установку [4]. В свете вышесказанного, категория модерации может рассматриваться как часть коммуникативного сознания представителей англоязычного лингвосообщества и, будучи таковой, оказывает влияние на их коммуникативное поведение.

По результатам нашего исследования, категория модерации находит выражение в речи в виде пяти стратегий: митигации, неуверенности, недоговоренности, аппроксимации и девальвации, каждая из которых имеет свой арсенал средств манифестации (мы их называем модераторами) [2]. Указанные единицы имеют место на всех уровнях современного английского языка: по данным количественного анализа, их число превышает более 100 единиц: *almost, a bit / a little, in a way, sort of, maybe, perhaps, I'm not sure, I'm afraid, I'm sorry to say, to put it mildly* и т.д. [там же]. Модераторы придают смыслу высказывания оттенок умеренности, недосказанности, неопределенности, неточности и т.п., тем самым, отражая специфику национально-языкового мировосприятия представителей

английской лингвокультуры. Рассмотрим примеры модерации высказывания.

Митигация как стратегия модерации выражается в смягчении говорящим отрицательной оценки реалий объективной действительности:

(1) *I really think that Mrs. Erskine is a bit insane* (Christie, Sleeping Murder. – P. 111). В примере (1) говорящий щадит положительное лицо Мисис Эрскин, смягчая силу отрицательно-оценочного прилагательного *insane* посредством модератора-митигатора *a bit.*

Неуверенность выделяется как стратегия модерации, посредством которой говорящий, утверждая, что некоторое положение дел имеет место, выражает сомнение в истинности выражаемого суждения:

(2) – *I think he died the night he came to your house.*

- *How?*

– *Probably the way you suggested to Nick Bagley … he lost his bearings in the dark and fell* (Walters, – P. 468). Пример (2) иллюстрирует стратегию кооперативного поведения, при котором говорящий избегает категоричного выражения мнения, излагая факты происшествия с неуверенностью, сигналами которой выступают модераторы.

Недоговоренность трактуется как стратегия модерации, посредством которой говорящий преднамеренно сообщает информацию или выражает свое отношение к предмету высказывания или его оценку недостаточно полно, конкретно или однозначно, что производит эффект несоответствия между пропозициональным содержанием и реальным положением вещей в действительности.

(3) *He used his friendliest voice with the reporters assuring them over the telephone that there really was no problem, just kind of a routine technical situation* (Preston, p. 287) (имеется в виду угроза нападения с использованием биологического оружия).

Аппроксимация рассматривается как стратегия модерации, посредством которой говорящий модифицирует номинацию через неточность, приблизительность, неопределенность, релятивность и т.п., с целью ее субъективизации. Данная стратегия является своеобразным способом отражения говорящим картины мира в речи – своего рода „балансирование” между собственным субъективным мнением и реальным положением вещей: (4) *Ruby was more or less training for a dancer* (Christie, P. 31). В

примере (4) говорящий прибегает к приблизительной характеристике неблаговидного рода занятий девушки, не желая его конкретизировать.

Девальвация – это стратегия модерации, которая состоит в деинтенсификации (обесценивании) говорящим положительной оценки реалий объективной действительности с целью объективизации этой оценки: (5) *Seems a very good idea* (Cornwell, – P. 367). В примере (5) говорящий деинтенсифицирует положительную оценку события / факта, придавая ей характер «кажущести», используя в качестве модератора глагол *seem*.

Результаты исследования позволили выявить, что наиболее употребительной в речи представителей англоязычного социума является модерация посредством *митигации* и *неуверенности* – соответственно 27% (810 примеров) и 26% (780 примеров) от общей выборки фактического материала. *Недоговоренность* используется продуцентами в 23% случаев (690 примеров). К а*ппроксимации* англоязычные коммуниканты прибегают в 19% (570 примеров), к *девальвации* – в 5% (150 примеров) случаев, зарегистрированных в исследованной выборке.

Таким образом, категория модерации объединяет стратегии митигации, неуверенности, недоговоренности, аппроксимации и девальвации общностью коммуникативной интенции сдержанности, что, с одной стороны, свидетельствует о ее системном характере, и, с другой, отражает один из важных культурно-симптоматичных аспектов речемыслительной деятельности представителей англоязычной культуры, о чем, в свою очередь, свидетельствует целый ряд средств-модераторов в категориально-знаковой системе английского языка, передающих это специфическое отношение носителей английского языка к действительности.

Наличие категории модерации в коммуникативном сознании представителей английской лингвокультуры предопределяет их выбор и предпочтительность определенных средств коммуникации, а именно, средств модерации высказывания, используемых в процессе межличностного взаимодействия, тем самым, формируя соответствующий стиль коммуникативного поведения, доминантными чертами которого являются преднамеренная некатегоричность, неимпозитивность, косвенность и т.п.

Литература

1. **Кобозева, И.М.** Интенциональный и когнитивный аспекты содержания высказывания: дис д-ра филол.наук: 10.02.19 [Текст] / И.М. Кобозева – М., 2003.

2. **Кишко, С.Н.** Коммуникативно-прагматическое макрополе модерации: синергетический аспект [Текст] / С.Н. Кишко // Вестник ДонНУ: научный журнал. Серия Б: Гуманитарные науки. –№2. – Донецк: ДонНУ, 2017. – С. 36-40.

3. **Кишко, С.Н.** Коммуникативный феномен модерации в современном англоязычном художественном дискурсе: дис. канд. филол. наук: 10.02.04 [Текст] / С.Н. Кишко – Донецк, 2011. – 204с.

4. **Ларина, Т.В.** Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций [Текст] / Т.В. Ларина – М., 2009. – 512 с.

5. **Рябцева, М.Ю.** Категория вежливости в этикетной коммуникации: семантика извинения [Текст] / М.Ю. Рябцева // Филология, 2015. – С.131-138.

6. **Стернин, И.А.** Очерк английского коммуникативного поведения [Текст] / И.А. Стернин, Т.В.Ларина, М.А.Стернина – Воронеж, 2003.

7. **Серль, Дж.** Открывая сознание заново [Текст] / Дж.Серль. пер. с англ. А.Ф. Грязнова. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 242с.

8. **Fowler, H.W.** A Dictionary of Modern English Usage. Sec. Ed. – Oxf. Univ. Press, 1980. – P. 1451.

А.Г. Ненарочкина, Е.А. Пилюгина
Донецкий национальный университет

ПОЛИКОДОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ В БРИТАНСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ XX ВЕКА

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению поликодовых средств выражения в британском художественном дискурсе XX века. Поликодовый художественный текст, сочетающий вербальные и невербальные элементы, выступает в качестве единого структурного и смыслового целого, обеспечивает эффективную реализацию авторского замысла. Настоящая статья со-

держит классификацию поликодовых средств выражения и их функционирования в художественном дискурсе.

Ключевые слова: *поликодовые средства выражения, невербальный компонент, британский художественный дискурс*

POLYCODE MEANS OF EXPRESSION IN BRITISH FICTIONAL DISCOURSE OF THE 20th CENTURY

Abstract

The article deals with polycode means of expression in the British fictional discourse of the XXth century. A polycode fictional text combining verbal and non-verbal elements represents a structural and semantic unit and provides the most effective implementation of the author's intention. The classification of polycode means of expression and their functions in the British fictional discourse of the XXth century is given.

Key words: *polycode means of expression, non-verbal component, British fictional discourse*

Анализ современных лингвистических исследований показывает, что вербальная составляющая не является единственным способом передачи информации в тексте. В связи с этим все большее значение приобретает изучение визуального, графического, шрифтового и цветового оформления текста, представляющего собой когерентное целое.

В научной литературе широко используются такие термины, как поликодовый текст (Г. Г. Молчанова, В. Е. Чернявская, А. Г. Сонин), креолизованный текст (Е. Е. Анисимова, А. А. Бернацкая), мультимедиальный текст (М. А. Пильгун), гетерогенный текст (М. А. Ищук). Термин «поликодовый текст» в 1974 г. был представлен Г. В. Ейгером и В. Л. Юхтом. Ученые противопоставляют монотексты и поликодовые тексты, уточняя, что «к поликодовым текстам в широком семиотическом смысле должны быть отнесены и случаи сочетания естественного языкового кода с кодом какой-либо иной семиотической системы (изображение, музыка и т.п.) [1].

Поликодовый текст предстает сложным текстовым образованием, в котором вербальные и иконические элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, нацеленное на комплексное прагматическое воздействие на адресата [2, с. 73]. Таким образом,

поликодовость предполагает активизацию компонентов разных семиотических систем и их взаимодействие с различными кодами.

А.Н. Баранов и П.Б. Паршин предлагают следующую классификацию поликодовых средств выражения:

1. Супраграфемные – варьирование размера кегля, способа начертания, цвета, подчеркивания, использование заглавных и строчных букв в тексте;

2. Топографемные – нестандартное расположение фрагментов текста на странице, пропуски, каллиграммы;

3. Синграфемные – особенности пунктуации автора;

4. Иконические – использование рисунков, фотографий, таблиц, символов [3, с. 43].

Материалом исследования послужили англоязычные художественные тексты XX века. Цель исследования – анализ поликодовых средств выражения и их функций.

Супраграфемные средства выражения предполагают шрифтовое варьирование. Так, использование капитализации при написании реплик персонажей передает их взволнованность и эмоциональность. Например, в романе «Портрет художника в юности» Джеймс Джойс, описывая спор о религии во время рождественского обеда в семье главного героя, использует капитализацию для передачи эмоционального состояния:

‘She kept dancing along beside me in the mud bawling and screaming into my face: PRIEST-HUNTER! THE PARIS FUNDS! MR FOX! KITTY O’SHEA!’ [5].

Наряду с этим, курсив используется для передачи текста письма главного героя, который оказался в лазарете при иезуитском колледже, в котором он учится:

‘Dear Mother,

I am sick. I want to go home. Please come and take me home. I am in the infirmary.

Your fond son,

Stephen’ [5].

Как видно из данного примера, курсив используется для передачи текста письма. Читатель может понять, что это письмо благодаря формальной фразе, которая является началом данного отрывка ‘Dear Mother’, однако автор произведения обращаются к двойному кодированию, которое предполагает дублирование значения вербального компонента графиче-

ским средством – курсивом, благодаря чему данный отрывок предстает как текст в тексте.

Кроме того, в британском художественном дискурсе XX века были выявлены случаи использования топографемики. Топографемные средства выражаются в отклонении от стандартного оформления полей текста, которое актуализирует соответствующую часть, выделяет графически, показывая читателю особый композиционный статус. В приведенном отрывке из романа «Улисс» автор передает текст песни ‘My girl’s a Yorkshire girl’. Для передачи мотива и ритмической организации данной песни используются разрывы между словами:

But though she's a factory lass
And wears no fancy clothes.
Baraabum.
Yet I've a sort of a
Yorkshire relish for
My little Yorkshire rose.
Baraabum.

[6, с. 459]

Синграфемные средства выражения заключаются в варьировании пунктуационных знаков в тексте, в их нетипичном использовании. К примеру, в романе Вирджинии Вульф «Волны» наблюдается избыточность пунктуационных знаков при передаче мыслей главных героев: *‘I would bury the whole school: the gymnasium; the classroom; the dining-room that always smells of meat; and the chapel’*[7].

Полный отказ от пунктуационных знаков в заключительном монологе Молли Блум в романе Джеймса Джойса «Улисс», написанном в технике потока сознания, служит для выражения авторского замысла [6].

Следовательно, основной функцией синграфемных средств выражения в художественном дискурсе является акцентирование внимания на внутренних монологах персонажей, что способствует реализации авторских интенций.

В функции иконических элементов в художественных произведениях выступают фотографии, рисунки, таблицы, символы, имитация рукописного текста. Примером поликодового художественного текста является рассказ А. К. Дойля «Пляшущие человечки». Изображения в данном рассказе

являются составной частью предложения, о чем свидетельствует тот факт, что автор отделяет изображения от вербального текста знаками препинания: запятой и дефисом, тем самым обеспечивая наиболее эффективную реализацию авторской идеи.

Holmes held up the paper so that the sunlight shone full upon it. It was a page torn from a note-book. The markings were done in pencil, and ran in this way:—

[4].

Исходя из вышеизложенного, поликодовый текст, несомненно, способствует раскрытию художественного замысла, актуализируя авторскую картину мира.

Литература

1. **Ейгер, Г.В., Юхт, В.Л.** К построению типологии текстов // Лингвистика текста: материалы науч. конф. при МГПИИЯ им. М. Тореза. – Ч. 1. – М., 1974. – 110 с.

2. **Анисимова, Е.Е.** Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов. Вопросы языкознания. – №1. – 1992. – с. 71-78.

3. **Баранов, А.Н., Паршин, П.Б.** Воздействующий потенциал варьирования в сфере метаграфемики // Проблемы эффективности речевой коммуникации. – М.: ИНИОН, 1989. – С. 41-115.

4. **Joyce, James.** A Portrait of the Artist as a Young Man. [Электронный ресурс]. – URL.: https://www.planetebook.com/free-ebooks/a-portrait-of-the-artist-as-a-young-man.pdf (дата обращения: 15.03.2019)

5. **Woolf, Virginia**. The Waves. Harvest Books, 1978. – 297 p.

6. **Joyce, James**. Ulysses. Wordsworth Classics, 2010. – 682 p.

7. **Doyle, Arthur Conan.** The Adventure of Dancing Man. [Электронный ресурс]. – URL.: https://sherlock-holm.es/stories/html/retn.html (дата обращения: 15.03.2019)

А.Н. Путивцева
Южный федеральный университет

ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ВО ФРАНЦИИ: ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация

Статья посвящена анализу гендерной специфики речи современных французских политиков в прагмалингвистическом аспекте. Результаты сопоставительного анализа выступлений позволяют проследить тенденции в речи политиков-женщин и политиков-мужчин для дальнейшего исследования гендерного аспекта в политике. В современном обществе возрастает роль женщины, что меняет традиционный уклад и подталкивает развитие гендерных исследований в гуманитарных науках, в том числе и языкознании. Несмотря на принятие Западным обществом феминистической концепции, все еще остается много стереотипов о женственности и мужественности, в том числе поведенческих и речевых. Зачастую, чтобы добиться успеха, женщине приходится подстраиваться под маскулинный тип поведения и использовать соответствующую лексику. Наиболее ярко это выражается в бизнесе и политике, которые традиционно считались исключительно мужскими сферами.

Ключевые слова: *гендерная лингвистика, политический дискурс, прагмалингвистический аспект*

GENDER SPECIFIC OF POLITICAL DISCOURSE IN FRANCE: PRAGMALINGUISTIC ASPECT

Abstract

This paper addresses the analysis of gender specific of speech of modern French politicians in pragmalinguistic aspect. The comparative study of the speeches proves to indicate the trends in speech of politicians-women and politicians-men for the future study of gender specific in politics. In the modern society role of woman grows and it changes the traditional way of life and pushes the development of gender studies in the human sciences, including linguistics. Though the feminist concept is adopted by the Western society, there are still many stereotypes about femininity and masculinity, including behavioral and verbal ones. Often, in order to succeed, a woman has to adapt to a masculine

type of behavior and use appropriate vocabulary. This is most clearly expressed in business and politics, which have traditionally been considered exclusively male areas.

Key words: *gender linguistics, political discourse, pragmalinguistic aspect*

Объектом исследования являются выступления наиболее ярких современных французских политиков. Материал исследования составили интервью, выступления и предвыборные дебаты Марин Ле Пен и Эмманюэля Макрона. В ходе анализа интервью и выступления данных политиков, были замечены не только индивидуальные характеристики речи каждого, но и разницу и особенности в использовании некоторых слов и оборотов.

Наиболее яркое различие речи М. Ле Пен и Э. Макрона заключается в противопоставлении личного местоимения *je* и безличного оборота *il faut*. Так, затрагивая тему миграции и терроризма в дебатах 2017 года [19], Э. Макрон делает упор на личную уверенность и собственные взгляды по данным проблемам *(je suis pour; je rappelle; donc je dis*). В противоположность ему, мадам Ле Пен по возможности избегает личного местоимения, заменяя все оборотом *il faut*. Хотя и в ее фразах встречается форма *moi (et moi, je n'ai pas vu d'attentats)*, тем не менее, ее частотность гораздо ниже, а оборот ее *il faut* ярко контрастирует с "эгоистичным" местоимением Э. Макрона. Для сравнения, в своем обращении к протестующим «желтым жилетам» президент Макрон использует местоимение *je* 4 раза за первые 2 минуты: *j'ai donné en ce sens au gouvernement les instructions les plus recouses; au debut de tous cela, je n'oublie pas, qu'il y a une colère; cela, je ne veux pas la reduire; ... je viens de dénnoncer* [22]. Далее по ходу интервью частотность *je* в речи М. Ле Пен снижается: *j'ai ce sentiment qu'il y a toujours une indignation sélective; je regarde les résultats des ministres de l'intérieur; je vois que la criminalité et la délinquance n'a jamais cessé* (3 раза за 4 минуты). А у Э. Макрона уже за последующие 2,5 минуты количество личного местоимения увеличилось до 8: *je les ai vu, je prendrerai part de ma responsabilité, j'avais d'autres priorités, je sais aussi, je veux ce soir être très claire; ...je me suis battu pour busculer le système politique...; ...je crois plus que tout dans notre pays que je l'aime.* Эти особенности употребления во многом связаны с эгоизмом и агрессивностью мужчин и женской ориентированностью на собеседника, стремлением поддержать диалог.

Следующим пунктом сравнения являются повторы. Они могут быть как средством выразительности, придающим речи живость и динамику, так и средством воздействия на слушателя и использоваться политиками обоих полов. В предвыборных дебатах Мари Ле Пен неоднократно повторяет слова и конструкции, например, *la sécurité et le terrorisme est une problématique majeur, totalement absente de votre projet. Totalement absente; ... qui a invité à chacun de ces congrès, vous entendez, à chacun de ces congrès...;...vous ne le ferez pas. Vous ne le ferez pas...* [19]. А Э. Макрон в этих же дебатах использует повторение гораздо реже: *...pour coordonner cela au mieux, pour prévenir plutôt que guérir...* В обращении к «желтым жилетам» президент Франции тоже прибегает к повторам: *nous avons tous vu: le jeux des opportunistes qui ont essayé de profite de colère sinsère...Nous avons tous vu; c'est celle du couple de salarier qui.. se leve chaque jour tot et revient tard...C'est celle de la mere de famille selibataire, veuve ou divorcée... C'est celle des retraiters modestes qui ont contribue leur vies...* [22]. В целом видно, что Э. Макрон гораздо меньше склонен использовать повторы, в отличие от его оппонента.

Последний пункт сравнения − образность речи. М. Ле Пен в своих выступлениях часто использует метафоры, эпитеты и сравнения, что характерно для речи женщин: *racine du mal, appel aux mortes* [19]; *la table du pouvoir; vous avez dégoupillé la grenade; bombe à fragmentation de la déliquance et la criminalité* [21]. Э. Макрон в свою очередь время дебатов использует только одно сравнение − *saut de cabri*, отдавая предпочтение языковым клише и устойчивым выражениям: *je ne tombe pas... dans le piège...; balayez devant chez vous* (вариант фразы *balayer devant sa porte*); *mesure chirurgicale; poudre de perlimpinpin; aller au coeur*.

Итак, несмотря на работу в одной сфере и в одних условиях, для выражения своих мыслей мужчина и женщина используют разную лексику и разные речевые обороты, сохраняя свою гендерную идентичность. По сравнению с мужчинами-политиками, предпочитающими языковые клише и устойчивые выражения, женщины-политики используют достаточно много метафор, эпитетов и сравнений. Также, в отличие от мужчин, женщины-политики избегают личных местоимений, по возможности заменяя их безличными оборотами "надо, необходимо". Однако, по сравнению с речью женщин-неполитиков, речь женщин-политиков более спокойна и более конкретна, характеризуется мужской ритмикой с перечислениями,

т.е. можно заключить, что высказывания женщин-политиков находятся на переферии "типично маскулинных" и "типично феминных".

Литература

1. **Акуличева, В.В.** Гендерные характеристики рекламного текста (на материале французского языка) [Текст]: автореф. дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук: спец. 10 02 05 «Романские языки» / В.В. Акуличева. − М.: МГУ им. Ломоносова, 2008. − 27 с.

2. **Байбурин, А.К.** Некоторые вопросы этнографического изучения поведения [Текст] / А. К. Байбурин // Этнографические стереотипы поведения. − Ленинград: Изд-во «Наука», 1985. − С. 7-21.

3. **Барышникова, Г.В.** Гендерные различия эмоциональной компоненты во французской художественной коммуникации (на материале литературы XVII - XX веков) [Текст]: дис. на соискание науч. степени канд. филол наук: спец. 10 0219 «Теория языка» / Г.В. Барышникова − Волгоград: ВГСПУ , 2004. − 211 с.

4. **Блохина, Н.А**. Понятие гендера: становление, основные концепции и представления [Текст] / Н.А. Блохина // Общество и гендер. − Рязань: Изд-во «Проверенный», 2003. − 368 с.

5. **Горошко, Е.И**. Проблемы изучения особенностей мужского и женского стиля речи [Текст] // Человек говорящий: язык, познание, культура. − Москва-Тверь, 1995. − 24 с.

6. **Дежина, Т.П.** Этапы становления концепта "гендер" в зарубежной и отечественной лингвистике [Текст] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. − Тамбов, 2017 − 30 с.

7. **Денисова, И.В**. Особенности передачи гендерного аспекта в переводе художественного произведения [Текст]: автореф. дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук: спец. 10 02 20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / Д.И. Денисова − Челябинск: ЧелГУ, 2011 − 20 с.

8. **Калугина, Е.Н.** Гендерные исследования языкового субстандарта в российской лингвистике [Текст] / Е.Н. Калугина. − Acta Linguistica, 2012 – С. 52-60.

9. **Кирилина, А.В**. Гендерные исследования в зарубежной и российской лингвистике (философский и методологический аспекты) [Текст] / А.В. Кирилина // М.: Общественные науки и современность. – 2000. − Вып. 4. – С. 138-143.

10. **Кирилина, А.В., Томская, М.В**. Лингвистические гендерные исследования [Текст] / А.В. Кирилина, М.В. Томская // Отечественные записки. – М.: 2005. − Вып. 2. – С. 112-132.

11. **Кравченко, А.В.** Знак. Значение. Знание. Очерк когнитивной философии языка [Текст] / А.В. Кравченко. − Иркутск, 2000 − 15 с.

12. **Ноздрина, Т.Г.** Формообразование вторичного текста: гендерный аспект [Текст]: автореф. дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук: спец. 10 02 19 «Теория языка» / Т. Г. Ноздрина. − Ижевск: УдГУ, 2016 − 21 с.

13. **Пермякова, О.В.** Явление гендерной стилизации в современной женской литературе (на материале французского и русского языков) [Текст]: автореф. дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук: спец. 10 02 19 «Теория языка» / О.В. Пермякова. − Пермь: ПГУ, 2007 − 22 с.

14. **Халеева, И.И.** Тендер как интрига познания [Текст] / И.И. Халеева // Тендерный фактор в языке и коммуникации. − Иваново, 1999 – С. 25-38.

15. **Шемчук, Ю.М, Андреева, А.В.** Феминизация лексических изменений как проблема гендерной лингвистики [Текст] / Ю.М. Шемчук, А.В. Андреева // Вестник Балтийского федерального университета им. И.Канта. − Калининград, 2013. − Вып. 2. – С. 86-92.

16. **Юланова, Н.Д.** Возникновение и становление гендерной лингвистики [Текст] / Н.Д. Юланова // Молодой ученый. – 2016. – Вып. 105. – С. 907-910.

17. **BFMTV**. Retrouvez l'intégralité de l'interview d'Emmanuel Macron [Видео]. URL: https://www. youtube.com/watch?v=_BeN-rZwZEs (дата обращения: 25.05.2018).

18. **Connell, B. W**. The big picture: Masculinities in recent world history [Текст] / B. Connell // Theorie & Society. − 1993. – № 22. – P. 597-623.

19. **Franceinfro**. Le débat : Marine Le Pen - Emmanuel Macron (France 2) [Видео]. URL: https://www. youtube.com/ watch? v=7JvLf2IL0Vg (дата обращения: 03.05.2017).

20. **Lakoff, R**. Language and women's Place [Текст] / R. Lakoff // Language in Society. − 1973 − 328 P.

21. **Les Terriens**. Marine Le Pen, le fin du plafond de verre? [Видео]. URL: https://www.youtube.com/ watch? v=AHgBr0yy54Y (дата обращения: 15.12.2018).

22. **L'Obs.** Gilets jaunes : réécoutez l'intégralité du discours d'Emmanuel Macron [Видео]. URL: https://www. youtube.com/watch?v=L9S_WF_YlkM (дата обращения: 10.12.2018).

23. **Tromel-Plotz, S.** Frausprache. Sprache der Veranderung [Текст] / S. Tromel-Plotz. − Frankfurt-a-M, 1982. − 220 S.

24. **Tromel-Plotz, S**. Linguistik und Frauensprache [Текст] / S. Tromel-Plotz // Linguistische Berichte. − 1978. − S. 49-68.

И.В. Розова
Донецкий национальный университет

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ВИДОИЗМЕНЕНИЯ – СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ АВТОРСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО САТИРИЧЕСКОГО ДИСКУРСА XX СТОЛЕТИЯ

Аннотация

Статья посвящена функционально – стилистическому исследованию грамматических видоизмененных единиц реализации авторской модальности англоязычного сатирического дискурса XX столетия. Результаты функционально – стилистического анализа отдельных грамматических видоизменений позволяют определить специфику репрезентации ассоциативного содержательного варианта авторской модальности текстового характера. В статье описываются лингвопрагматические особенности нестандартной сочетаемости в системе англоязычного сатирического дискурса XX столетия.

Ключевые слова: *авторская модальность, грамматическая видоизмененная единица, сатирический дискурс*

GRAMMATICAL ABNORMAL UNITS – MEANS OF THE AUTHOR'S MODALITY REPRESENTATION, BASED ON THE XXth CENTURY ENGLISH SATIRICAL DISCOURSE

Abstract

The article focuses on the functional – stylistic study of the grammatical abnormal units of the author's modality representation, based on the XX century English satirical discourse. The results of the study are connected with the definite spectrum of the grammatical abnormal units of the associative conceptual variant of the textual authors modality. The lingvopragmatic peculiarities of the non-standart valency potential are being thoroughly disclosed and submitted.

Key words: *author's modality, grammatical abnormal unit, satirical discourse*

Объектом исследования выступают грамматические видоизмененные единицы реализации авторской модальности англоязычного сатирического дискурса XX столетия. Материал исследования составили англоязычные сатирические дискурсы XX столетия, а именно, сатирические романы и короткие рассказы классика сатирического жанра Ивлина Во. Функционально – стилистическому анализу подверглись произведения "Decline and Fall" и "Scoop". Цель данного исследования – выявление и анализ особенностей функционирования грамматических видоизмененных единиц в системе англоязычного сатирического дискурса XX столетия. Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи:

– определить спектр узуальных грамматических видоизменений;

– охарактеризовать комический потенциал текстовых сатирических ситуаций;

– проанализировать особенности функционирования грамматических видоизменных единиц в сатирических англоязычных дискурсах XX столетия.

К средставам реализации авторской модальности на уровне сатирического дискурса относятся грамматические видоизменения, под которыми понимается такая трансформация моделеобразующих свойств модели языковой единицы, которая не приводит к переходы данной единицы в разряд конструкций другой регулярной модели.

“Моделеобразующими свойствами признаются как формальные, так и грамматические показатели, отличающие данную конкретную единицу, подобные ей в каком-либо отношении конкретные единицы и соответствующую им абстракцию от других единиц такого же уровня” [2, с. 22].

В сатирических дискурсах (английская сатирическая литература XX столетия) выявлены следующие грамматические видоизменения, передающие информацию индивидуализированного имплицитного характера, как употребление формы третьего лица единственного числа глагола во всех лицах единственного и множественного числа, например: *I tells, I says, you stops, things aren’t so easy as they was;*

– употребление формы ain’t вместо aren’t, isn’t;

– употребление нестандартных форм местоимений hisself вместо himself, yer вместо you, them вместо their;

– употребление приллагательного вместо наречия, например:

I say it cordial but careful like = I say it cordially but carefeully;

– употребление союза as в значении that, например:

Young chaps as comes here;

– различные эллиптические конструкции, свойственные быстрой небрежной речи:

Don’t mind, do you, doc? = You don’t mind, do you doctor? Comes of missing breakfast = That comes of missing breakfast.

К разряду грамматических видоизменений сатрических дискурсов относятся формы образованные в результате расширения категориальных возможностей единицы, заполнения “лакун” в системе формаобразования, а также различного рода неправильности, связанные с национально – диалектными или образовательными особенностями говорящего.

Представляется принципиально отличным характер выражаемой информации посредством видоизмененных конструкций, включенных в речь персонажа сатирического дискурса (прямую или несобственно – прямую).

Использование видоизмененных грамматических форм в речи персонажа – оригинальный способ передачи скрытой авторской характеристики (чаще отрицательной) персонажа, формирование авторской модальности (за счет столкновения на основе лингвистической пресуппозиции и лингвистического “вертикального контекста” читателя нормативного и ненормативного образования), например:

Mrs Earl Russel Jackson was in the launge,

"Good morning, madam, said Corker, and how are today?"

"I aches, said mrs Jackson with simple dignity."

"I ackes terrible all round…"

"It's the damp!"

"The Press are anxious for your opinion upon a certain question, mrs Jackson".

"Aw, go and ask somebody else. They be coming to mend that roof as quick as they can, and they can't come no quicker than that, nor for the Press nor nobody".

(E. Waugh. Scoop. p.32)

В анализируемом примере грамматические видоизменения – форма третьего лица единственного числа to ache, употребленная в первом лице единственного числа I aches, а также употребление имени приллагательного вместо наречия являются формальными признаками речевой характеристики mrs Earl Russel Jackson, указывают на невежественность и низкий образовательный уровень героини, которая принадлежит к аристократическим кругам "прогрессивного государства Ишмаэлия".

В речи персонажей англоязычных сатирических дискурсов имеет место стилизация грамматических ошибок, просторечных форм или неправильностей, связанных с невладением в полной мере английским языком (как из-за недостаточной образованности, так и из-за национальной принадлежности героя), например:

'Where's that manageress?' Asked Corker.

'No come.'

'What d'you mean "no come"?'

'Manageress say only journalist him go boil himself, said the boy more explicitly.'

'What did I tell you? No respect for the press. Savages.'

(E. Waugh. Scoop. p.94)

В данном примере грамматические ошибки no come, say journalist him go boil himself, связаны с невладением в полной мере англяйским языком и являются формальными показателями присутствия имплицитной авторской модальности, т.е. автор скептически относится к отстутсвию образованности у молодежи страны, претендующей на почетное звание прогрессивной.

Особенно большими возможностями в плане формирования авторской модальности обладает несобственно-прямая речь, поскольку включение грамматических видоизмененных форм здесь более неожиданно, а значит экспрессивно, т.е. “деактивизируется” восприятие, стимулируется воображение читателя, например:

“He represents himself as a rich man, stays there for some time living like a lord, cashes a big cheque and then goes off. Calls ‘isself’ Sir Solomon Philbrick. Funny thing is, I think, he really believes his tale ‘isself’. I’ve come across several cases like that one time or another. ”

(E. Waugh. Decline and Fall. p.174)

В приведенном примере употребление нестандартной просторечной формы местоимения ‘isself’ вместо ‘himself’ в несобсвенно-прямой речи цитационного характера, на что указывает формализация знаками препинания – это не только речевая характеристика дворецкого Филбрика, но также и оригинальный способ передачи неестественности, лживости его речи, т.е. знак присутствия имплицитной авторской модальности “я смеюсь и торжествую над притворством, лицемерием, умением лавировать между правдой и вымыслом этого персонажа”.

Грамматические видоизменения в несобственно – прямой речи маркируют индивидуальность рассказчика, отражают субъективный подход к изображению действительности, например:

‘Hullo, Jimmy!’ I says. “We don’t see each other as often as we used. Here are things with you. I says cordial but careful like because I didn’t know what Jimmy was up to.”

‘Pretty bad’, said Jimmy. ‘Just fooled a job.’

‘What sort of job?’ I says, ‘Nobling’, he says meaning kidnapping.’

(E. Waugh. Scoop. p.105)

В приведенном примере в двух ролях – и как лица, говорящего от своего имени, и как лица, воспроизводящего чужую речь, способствует субъективной многогранности изображения. Воспроизведенная автором повествования прямая речь относится к персонажу, которого в романе не существует. “Похититель детей” нигде не высказывает своих взглядов в виде собственной прямой речи. Однако, факты воспроизведенные автором, абсолютно достоверны. Форма повествования в примере семантизирована, введение же грамматических видоизменений (I says, I says it cordial, but careful like…) сигнализируют о присутствии авторской субъективно – оце-

ночной модальности “я не согласен с таким бесчеловечным способом заработка на жизнь”.

Грамматические видоизменения в речи персонажа относятся к разряду планируемых автором и обязательных для восприятия читателем способов выражения скрытой концептуально-модальной информации англязычного сатирического дискурса, поскольку в этом случае имеет место использование специально отобранных видоизмененных единиц. Такие видоизменения обычно экспрессивны, неоднозначны (уже в силу того, что в них в свернутом виде присутствует “нормативная единица”), а потому “естественно становятся доминантой смысла художественного текста” [2, с. 57], способствуют “установлению особых внутритекстовых интегративных связей” [5, с. 19].

Грамматические видоизмененные конструкции один из путей передачи той скрытой художественно информации, которая не может быть представлена синонимическими высказываниями в англоязычных сатирических дискурсах XX столетия.

Литература

1. **Гальперин, И.Р.** Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – Москва: Наука, 1981. – 138 с.

2. **Исаева, Л.А.** Виды скрытых смыслов и способы их представления в художественном тексте: автореф. дис. на соискание науч. степени докт. филол. наук : спец. 10.02.04 “Германские языки” / Исаева Л.А. – К., 1996 – 38 с.

3. **Тураева, З.Я.** Лингвистика текса на исходе второго тысячелетия / З.Я. Тураева Лингвистика взаимодействия концепций и парадигм: монография / под ред. З.Я. Тураевой. – Харьков, 1991. с.17-25.

4. **Waugh, E.** Decline and Fall / E. Waugh. – David Campbell Publishers Ltd. – 1993 – 186 p.

5. **Waugh, E. Scoop.** A Novel about journalists / E.Waugh. – Harmondsworth, Penguin Books – 1978. – 228 p.

Ю.В. Сергаева, Е.Л. Гарбар
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

СИНТЕЗ МИФА И РЕАЛЬНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ ДЖ. ДЖОЙСА И ДЖ. БАРНСА)

Аннотация

Авторы статьи обращаются к творчеству Дж.Джойса и Дж. Барнса с целью исследовать, как ирландская, кельтская и классическая мифология соединяется в их романах с реальностью (описанием исторических личностей, реальных событий, стран, городов и т.д.). В статье выявляются и анализируются некоторые маркеры синтеза мифа и реальности в художественном дискурсе: аллюзивные заголовки и имена персонажей, смешение исторических фактов и вымышленных событий, нелинейное, хронологически нарушенное повествование, интердискурсивность, полифония и др. Результаты сопоставительного анализа выбранных произведений двух известных мастеров слова позволяют проследить общее и специфическое в их модернистском и постмодернистском видении мировой и национальной истории и мифологии.

Ключевые слова: *миф, рельность, история, аллюзия, интердискурсивность, модернизм, постмодернизм*

MYTH BLENDED WITH REALITY IN JAMES JOYCE'S AND JULIAN BARNES' FICTION

Abstract

The authors examine how Irish, Celtic and Classic myths blend with reality (historical events, real people and places, etc) in the novels by James Joyce and Julian Barnes. The paper reveals and explores the following markers of reality and mythology blending in fiction: allusive titles and character names, mixing factual and fictional events, nonlinear fractured narrative, interdiscourse and polyphony, etc. The analysis of two renowned writers' literary works indicates some similar and distinctive features in their modernist and post-modernist treatment of world and national history and mythology.

Key words: *myth, reality, history, interdiscourse, allusion, modernism, post-modernism*

Проблема соотношения мифа и исторической реальности уходит корнями в те времена, когда мифологический и исторический способы восприятия действительности были неразделимы в сознании человека. В художественной литературе это соотношение становится жанрообразующим для многих типов – эпоса, сказки и др., в других же жанрах авторы часто использовали синтез мифологического и реального в художественных целях для создания особого мира своего произведения или трансляции традиций, «национальной жизненной модели» [2, с. 298].

Обращение к мифопоэтике Дж. Джойса и Дж. Барнса не случайно – по словам Е.М. Мелетинского, мифологизм является одной из характерных черт модернизма и Джеймс Джойс становится пионером «в области поэтики мифологизирования и создания мифологического романа как особой квазижанровой разновидности» [2, с. 298]. Произведения Джулиана Барнса считают ярким примером постмодернизма, общими чертами которого можно считать избавление от шаблонности, смешение художественных стилей, эклектичность, ироничное отношение к ценностям и мировому опыту художественной культуры, восприятие современного мира как хаоса, неклассическую трактовку традиций [3].

Ограничиваясь рамками статьи, лишь контурно обозначим основные, как нам кажется, средства (маркеры) соединения мифа и исторической реальности в художественном тексте на примере романов Дж.Джойса *Ulysses, Finnegans Wake* и произведений Дж. Барнса *A History of the World in 10 ½ Chapters* и *England, England.*

Заголовок произведения как сильная позиция может эксплицитно содержать отсылку к классической или национальной мифологии (*Ulysses, Finnegans Wake*) или же указывать на реальный объект (*England, England*), историческое описание (*A History of the World in 10 ½ Chapters*). При этом при прочтении романов проявляется имплицитная связь мифологического и повседневного, реальной и нереальной истории. Так, дублинцы *Stephen Dedalus, Leopold* и *Molly Bloom*, как и ряд других персонажей, первоначально лишь в черновиках самого писателя, но потом и в других источниках [4], соотносятся с героями Одиссеи, эпоса Гомера. Неопределенный артикль в заголовке романа Дж.Барнса делает его произведение не просто

отсылкой к известному трактату *The History of the World*, а своеобразной пародией: его роман – это одна из версий истории, а объективной единой для всех истории не бывает. Реальный топоним в заголовке *England, England* тоже получает другую интерпретацию в романе – это утопический парк аттракционов, только лишь изображающий старую добрую Англию.

Имена собственные персонажей так же эксплицитно или имплицитно содержат аллюзии на мифологическое или историческое. Например, немаловажным элементом в романе Дж. Джойса *Finnegans Wake* является вариативное кодирование имен главных героев, что составляет одну из существенных черт идиостиля автора и является текстообразующим приёмом языковой игры в данном произведении. Имена главных героев произведения – *Humphrey Chimpden Earwicker* и *Anna Livia Plurabelle* – как и имя заглавного персонажа *Tim Finnegan,* сокращаются, модифицируются, кодируются и декодируются на протяжении всего объёмного романа, появляясь в более чем 200 вариантах с использованием реальных и вымышленных топонимов, религиозных, мифологических, литературных и исторических аллюзий: *Hence counsels Ecclesiast, Hell's Confucium and the Elements, emerald canticle of Hermes* и др.

Наиболее явно трансформации мифологических образов и мотивов, синтез реального и нереального проявляются в сюжетных линиях названных произведений – например, *Каин, Авель, Адам и Ева,* герои скандинавских мифов являются прообразами главных персонажей в романе Дж. Джойса *Finnegans Wake*, а перемещения по городу героев романа *Ulysses* напоминают странствия Одиссея. В описании утопического парка аттракционов *England, England*, в действиях и воспоминаниях персонажей тоже переплетаются реальные исторические события и мифы, имена реальных и вымышленных персоналий, которые составляют суть английской нации (Шерлок Холмс и королева Елизавета, Робин Гуд и Битлз и т.п.)

Роман Дж. Барнса *A History of the World in 10 ½ Chapters* является весьма интересным в плане использования автором как традиционных мифов, так и ранее созданных другими писателями литературных образов, а также исторических тем и сюжетов [2, с. 105]. При этом мифы используются писателем не только для создания образности, они являются структурообразующим, центральным компонентом данного произведения. Традиционные мифы и их канонические трактовки подвергаются сомнению и переосмысляются. 10 глав и небольшое авторское примечание (0,5 глава)

рассматриваемого романа – это отдельные короткие рассказы, повествующие о каком-либо отрезке истории человечества, объединенные едиными мотивами и повторяющимися образами. Основными являются исторический и библейский мотивы, при этом образ ковчега встречается почти в каждой из глав.

Интердискурсивность – ещё один важный маркер синтеза реального и мифологического в художественном тексте – представляет собой вкрапления научного, юридического и других видов так называемого приближенного к реальности дискурса в эпическое повествование, что также является маркером категории континуума, расширяя границы текста. Прокомментируем этот приём на примере романа Дж. Барнса *A History of the World in 10 ½ Chapters*.

В самой первой главе, повествующей о всемирном потопе от лица червя-древоточца (*woodworm*), происходит смешение классического Библейского дискурса в той канонической версии истории, которую все знают, и разговорного дискурса - дискурса "очевидца". Используются поясняющие вставные конструкции, обращения к читателю, вставные конструкции, несущие в себе критику или субъективное отношение повествователя, а также эмоционально окрашенные и разговорные выражения. Также присутствует современный дискурс, который добавляет реализма разговорному дискурсу. Дискурсы находятся в постоянном противопоставлении друг другу. Каноническое событие или деталь из Библии разоблачаются либо обыгрываются Дж. Барнсом как нелепые ситуации. Использование гипербол и необычного фокального персонажа, т.е. персонажа, который находится в центре внимания в произведении, чьи реакции доминируют, помогает автору добиться иронического эффекта, эффекта демистификации всего Божественного, всего того, что принято воспринимать как должное. Неожиданно разумные мысли, сказанные, казалось бы, одним из самых примитивных существ, заставляют читателя задуматься о существовании другого варианта развития мировой истории, другого варианта мира в принципе.

Не только в первой, но и в последующих главах Дж.Барнс последовательно комбинирует самые неожиданные по сочетанию дискурсы и персонажей. Так, в главе «Wars of Religion», повествующей о суде над червями-древоточцами в XVI веке, библейский образ вписан в официальный судебный дискурс (автор использует множество ссылок, архаичную лексику,

судебный французский и язык и латынь). В главе «Shipwreck», в которой описывается реальное кораблекрушение и написание французским живописцем Т. Жерико картины "Плот Медузы" по этому сюжету, библейский миф имплицитно (плот = ковчег) вписан в искусствоведческий дискурс (описание композиции картины, процесса ее написания). Смешением дискурсов Дж.Барнс передает идею разностороннего взгляда на исторические события, неоднозначность мнений и суждений. Таким образом, данному роману, несомненно, присущи свойства не только интертекстуальности (отсылки к библейским и историческим текстам), но и интердискурсивности, определяемой как совокупность дискурсивных элементов, которые не являются специфическими для одного дискурса, а принадлежат нескольким дискурсам [1, с. 229].

Эффект многоголосия - множества мнений и точек зрения – достигается также посредством использования различных эмоциональных центров или фокальных персонажей. В каждой главе повествование ведется с различных точек зрения, используются различные повествовательные перспективы, что делает роман полифоничным.

В литературном мифологизме, как правило, на первый план выступает идея цикличности и вечной повторяемости первичных мифологических прототипов под разными «масками» [2, с. 6]. Так и у Дж. Барнса одним из основных мотивов является цикличность истории, но в то же время нелинейное, хронологически разорванное повествование создаёт эффект ирреальности, неоднозначности истории. Автор меняет рассказчиков, помещает события в разные временные промежутки и ситуации - один и тот же библейский образ или историческое событие является объектом повествования в совершенно разных дискурсах.

В последующих главах происходит развертывание мифологических тем и сюжетов из первой главы. В последней, 10 главе автор помещает повествование в мифологическое измерение жизни после смерти, в модернизированный рай. Роман в целом воспроизводит структуру Библии, в которой начало (сотворение мира) и конец (апокалипсис) относятся к мифологическому времени, в то время как середина посвящена приближенным к реальности событиям. При прочтении данной книги читатель сталкивается с фрагментарным повествованием об истории мира, поскольку писатель выстраивает историю цивилизации не в хронологическом, а в хаотичном порядке. Подобная организация пространства текста создает образ хаотич-

ного мира, лишенного замысла и развития. Однако одним из основных мотивов в главах является мотив поиска истины – таким образом автор пытается донести мысль, что, хоть истина и непостижима, для человека естественно заниматься ее поиском. Такими средствами Дж. Барнс создает свою критическую трактовку классических мифов, добивается их демистификации и заставляет читателя задуматься о переосмыслении истории.

Таким образом, к приёмам реализации синтеза мифа и реальности в художественном дискурсе можно отнести: аллюзивные заголовки и имена персонажей, смешение в сюжетных линиях и повествовании исторических фактов и вымышленных событий, нелинейное, хронологически нарушенное повествование, повторяющиеся образы и сюжеты, интердискурсивность, полифонию точек зрения и др. Использование данных приёмов отчасти сближает анализируемые произведения, но при этом каждый из романов характеризуется особым набором мифологических образов – универсальных (классических, мировых) и национальных (кельтских, ирландских, британских). Кроме того, можно отметить, что модернизм был направлен на ремифологизацию истории, а постмодернизм возвращается к её демифологизации, используя мифы как основу для пародийного повествования. Несмотря на разные установки, анализ произведений этих признанных мастеров слова позволяет проследить общее и специфическое в их видении мировой и национальной истории и мифологии.

Литература

1. **Гордиевский, А. А.** Интертекстуальность и интердискурсивность - к вопросу о разграничении понятий [Текст] / А. А. Гордиевский // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования – 2006. – № 4. – С.228-233.

2. **Мелетинский, Е. М.** Поэтика мифа. [Текст] / Е. М. Мелетинский. – 3-е изд., репринтное. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. – 407 с. – ISBN 5-02-017878-0.

3. **Новикова, В.Г.** Британский социальный роман в эпоху постмодернизма [Текст]: Дис... док. филол. наук: спец. 10.01.03 / В. Г. Новикова. – Нижний Новгород, 2013.– 439 с.

4. **Gilbert, S.** James Joyce’s Ulysses / Stuart Gilbert. – New York: Vintage books, 1955. – ISBN 978-0-394-70013-7.

О.С. Скрипка
Донецкий национальный университет

МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ПОРТРЕТА ПЕРСОНАЖА В СИСТЕМЕ АНГЛИЙСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА М. СПАРК «НА ПУБЛИКУ» (THE PUBLIC IMAGE)

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению метафоры как средства создания оценочной коннотации в системе художественного дискурса М. Спарк «На публику» (M. Spark «The Public Image», 1968). Повесть английской писательницы Мюриэл Спарк «На публику» представляет значительный интерес в плане оценочных коннотаций в процессе создания художественного образа и авторского видения. Метафора используется с целью раскрытия индивидуальности персонажа, его внутреннего мира. Оценочные коннотации и развернутая метафора, на материале одного произведения, позволяют проследить специфику художественных образов и авторского видения. В статье прослеживается лингвостилистическая функция развернутых метафор в свете создания образов героев в повести. Оценочность как составная часть когниции классифицируется как нулевая, положительная и отрицательная коннотации.

Ключевые слова: *метафора, развернутая метафора, коннотация, художественный образ, портрет*

METAPHOR AS A MEANS OF CREATING A LITERARY PORTRAIT IN "*THE PUBLIC IMAGE*" BY M. SPARK

Abstract

"The Public Image" by M. Spark is of considerable interest in terms of evaluative connotations in the process of creating a literary image. The metaphor is used to reveal the individuality of the character and contributes to conveying their feelings and emotions. Evaluative connotations of the novel and extended metaphors make it possible to trace the creation of images and the author's personal vision. In the article we look into the linguostylistic function of extended metaphor in creating the image of the novel characters. The evaluative cognition

has been identified and also characterized as neutral, positive and negative connotations.

Key words: *metaphor, extended metaphor, connotation, artistic image, portrait*

1. Значительный интерес в плане создания художественного образа во всей его сложности и неоднозначности представляет повесть английской писательницы Мюриэл Спарк «На публику» (M. Spark The Public Image, 1968).

Метафоры формируют портрет и часто разворачиваются до объёмных фрагментов текста. Объектом при этом могут быть как конкретные понятия (различные предметы или люди), так и абстрактные. Метафорический художественный образ порой становится ключевым элементом языковой композиции. В зависимости от ключевого метафорического образа выстраиваются словесные ряды в произведении.

Портрет, выполняя оценочную функцию, способствует более глубокому раскрытию психологии персонажей и позволяет проникнуть вглубь авторского замысла. Словесный портрет персонажа всегда привлекал внимание исследователей. М.М. Бахтин отмечает: «неполнота живописного портрета восполняется в словесном творчестве целым рядом моментов таких как: манеры, походка, тембр голоса, меняющееся выражение лица и всей наружности в те или иные исторические моменты жизни человека» [1, с. 17]. В. А. Кухаренко в связи с данным подходом отмечает «портрет – оценка – это всегда портрет – восприятия, из которого читатель узнаёт многое о самом воспринимающем, поскольку всякое ценностное суждение отражает одновременно свойства как познаваемого объёма, так и познающего субъекта. Особенно интересной задача становится, когда в роли познающего субъекта выступает автор» [2, с. 49].

В прозе М. Спарк отчетливо проявляется взгляд на одну из сторон литературно-художественного творчества, которую она называет «способностью художника манипулировать орудиями его производства, приспосабливая их к обрабатываемому материалу» [7, с. 62].

Одной из характерных черт Спарк-стилиста является своеобразная организация контекста, основополагающими элементами которого является метафора и принцип повторяемости ключевого слова. В данном произведении ключевыми словами являются *lady, tiger, stupidity, animal, shell.*

Взаимодействуя с другими словами в контексте произведения, ключевое слово приобретает коннотации и экспрессивность.

2.Одна из основных тем повести «На публику» – критика современного кинобизнеса. В центре произведения – сложный процесс создания имиджа кинозвезды в сознании миллионов кинозрителей средствами массовой информации. Рекламный образ Аннабел сводится к концепту "*кошка-тигрица*" ("*cat-tiger*"), замененной впоследствии на "*английскую Леди Тигрицу*" ("*English Lady-tiger*").

Рекламный образ Аннабел сопряжен с образом ее мужа. Аннабел и Фредерик – "*удивительная пара, постигшая тайну счастливого супружества"("an amazing couple who has comprehended the secret of a happy marriage ")*. Реклама преображает их до неузнаваемости. Фредерик превращается в холодного эрудита, спортсмена и аристократа, достойного мужа знаменитой жены.

Однако как талант, так и ум Фредерика существуют скорее в сфере гипотетической, чем реальной, о чем свидетельствует ирония, средством выражения которой выступает характерная для Спарк метафора и повтор отрицательного префикса "un". *"Сберегая нерушимую веру в свою талантливость, он испытал его к двадцати девяти годам только в некоторых незначительных постановках и на этом остановился. Строй его мыслей напоминал винтовую лестницу: с любого уровня, с любого поворота он рассматривал одно и то же — свой незапятнанный, ни разу не испытанный талант"* (*"By the time he was twenty-nine years of age his undoubted talent had been tested only a few times in small productions. His mind took the inward took the inward turns of a spiral staircase, viewing from every altitude and point of contortion the unblemished, untried, fact of his talent. In reality Frederick was an untrained intellectual")* [6, с. 25].

Будучи неглупой от природы, Аннабел заставляет и окружающих взглянуть на себя другими глазами. Метафоры "*ее глупость начала таять*" (*... her stupidity started to melt*) и "*новая профессиональная жизнь отточила ее ум*" (*her new professional life sharpened her wits*) [6, с. 29] – всего лишь новый взгляд на актрису как на личность, на сфабрикованное отношение к ней, которое провоцировалось и строилось при сопоставлении с мнимыми достоинствами ее мужа. Искусство и работа слиты для Аннабел воедино – *"Когда я играю, я работаю"("It's my work when I'm playing").*

В несомненном росте профессионального мастерства Аннабел Фредерик усматривает лишь позу, кривляние и пустоту. Метафора "*he silently nurtured the atrocity*", "*им овладевала холодная свирепость*" передает мгновенную вспышку давно зреющей ненависти.

Отрицательные коннотации эпитетов намекают, что внешность Аннабел не была яркой и выразительной *("Puny", "small", "undersized", "feeble*"). "*Mousey"* наводит на мысль о внешней и внутренней невзрачности героини.

Особое место в повествовании отведено описанию необычного цвета глаз, привлекающих зрителя: - *"...a tawny-eyed actress"("янтарно-карие глаза").*

Автор подчёркивает, что в результате усилия продюсера Аннабел стала «Английской Тигрицей экрана» *("the English Lady-Tiger of the films"*) -*"Her eyes were not large, but on the screen they came out so, by some mystery. By some deeper, more involved mystery, another ten years were to pass before Luigi Leopardi, transformed her eyes, on picture-screens, into those of a Cat-Tiger"* [6, с. 24].

Аннабел начинает сама верить в правдивость обмана *"леди Тигрицы"(Lady-tiger).* После компрометирующего ее самоубийства Фредерика, она намерена играть роль "*овдовевшей леди-тигрицы"(widowed lady-tiger),* поскольку сценический образ означает для нее нечто, за что следует бороться. В данном случае, с достоинством выйти из тяжелой жизненной ситуации.

3.Выворачивая наизнанку жизнь своих героев, Спарк развенчивает оба имиджа. Однако, если Аннабел выходит из испытаний личностью, способной противостоять натиску жизненных бурь, Фредерик капитулирует перед собственной злобой и завистью.

Персонифицированная метафора "леди Тигрица" (*lady-tiger*) не реализуется в тексте одновременно, но формируется постепенно, набирая и накапливая экспрессивность. Неизбежно влекущая за собой образность, метафора отнюдь не означает свободу ассоциаций, напротив, она тесно связана с ключевыми словами, на который строится конкретный образ.

Литература

1. **Аксенова, Н.В.** Оценочные смыслы в метафоре: на материале англоязычной литературы XX века [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. Наук : 10,02,04 / Н. В. Аксенова. – М., 2007. – 16 с.

2. **Кухаренко, В.А.** Практикум по стилистике английского языка: Учебное пособие для студентов филологического факультета [Текст] / В. А. Кухаренко.– М.: Флинта: Наука, 2018. – 184 с. – ISBN 978-5-9765-0325-0.

3. **Ненарочкина, А. Г.** О некоторых принципах организации контекста и построения художественного образа повести М. Спарк "На публику" [Текст] /А. Г. Ненарочкина. – С .185-192.

4. **Чичерин, А.В.** Идеи и стиль / А.В. Чичерин. – М.: Советский писатель, 1988. – 374 с.

5. **Шкловский, В.Б.** О теории прозы / Шкловский В.Б. - сб. науч. тр. М.: Советский писатель, 1985. 267 с. – ISBN 0-88233-004-7.

6. **Spark, M.** The Public Image / M. Spark. – L.: Penguin Books, 1996. – 144 p.

7. **Stubbs, P.** Two contemporary views on fiction. Iris Murdoch and Muniel Spark / P. Stubbs. – L., 1974. – 158 p.

И.В. Чечина
Донецкий национальный университет

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АНТРОПОНИМОВ В РОМАНЕ Ш. БРОНТЕ «ШЕРЛИ»

Аннотация

Статья посвящена анализу функциональных особенностей английских литературных антропонимов в романе Ш. Бронте «Шерли». Результаты исследования позволяют проследить специфику репрезентации функций имен персонажей как неотъемлемой части художественного текста, так как автор раскрывает индивидуальные особенности характера и поведения героя в его личном микромире благодаря присвоению персонажу его индивидуального имени. Анализ ономастического материала дает возможность выявить основные функции литературных антропонимов в художественном произведении на основании синтеза классификаций В.А. Никонова и А.В. Суперанской. Как часть художественного текста, литературные антропонимы выполняют номинативную, характеризующую, эмоциональ-

но-экспрессивную, указательную и социальную функции, что объясняется семантическими и структурными особенностями литературных антропонимов, а также стилистическими и жанровыми особенностями художественного произведения.

Ключевые слова: *антропоним, литературный антропоним, имя собственное, ономастика, функция*

FUNCTIONING PECULIARITIES OF ANTHROPONYMS IN CH. BRÖNTE'S NOVEL "*SHIRLEY*"

Abstract

The paper deals with the analysis of the functional peculiarities of the English literary anthroponyms on the basis of the novel by Sh. Brönte *Shirley*. The results of the study prove to indicate the specific representation of personages' names and their functions as an indispensable part of the artistic text as the writer discloses individual characteristics of hero's character and behavior in his personal micro-world by giving the character its personal name. Due to the analysis of the onomastic material the main functions of literary anthroponyms in the given artistic text on the basis of the synthesis of V. A. Nikonov and A. V. Syperanskaya's classifications are marked out. Being a part of the text literary anthroponyms serve in the nominating, characterizing, emotionally-expressive, indicatory and social functions that can be justified with the semantic and structural as well as stylistic and genre peculiarities of the literary anthroponyms.

Key words: *anthroponym, literary anthroponym, proper name, onomastics, function*

1. Вводные замечания

Исследования в области ономастики представляют собой многовековое филологическое наследие. На современном этапе развития ономастики лингвисты демонстрируют разнообразие подходов к описанию семантики, структуры и функциональных особенностей онимной лексики как в семасиологическом направлении, так и во фразеологии и лингвокультурологии. На современном этапе изучения проприальной лексики вклад в развитие ономастических исследований внесен такими учеными, как О. Л. Бессонова [1], А. В. Суперанская [9], Е. С. Сысоева [10]. Вопросам литературной ономастики посвящены работы В. М. Калинкина [6], Т. Е. Егошиной [3], О. И. Фоняковой [11].

Данная статья посвящена исследованию функциональных особенностей английских литературных антропонимов в английском романе XIX века. Материалом исследования послужили 49 личных имен героев романа Ш. Бронте «Шерли».

Под антропонимом мы понимаем особое собственное имя (или набор личных имен), которое документально присваивается человеку как его социальный отличительный знак. Значение имени понятийно, то есть его основу составляет некоторое представление о категории или классе объектов. При стандартном анализе выделяются такие признаки, которые присущи значению антропонима, как: носитель антропонима – человек (*Eliza, Joseph*); принадлежность к определенной национально-языковой общине (*Sarah, Louis*); указание на пол носителя (*Shirley, Hiram*) [3].

Как известно, имя в художественном произведении играет роль ориентира во времени и пространстве. Попадая в художественный текст, оно приобретает статус литературного антропонима и характеризуется особыми специфическими чертами, которые отличают его от общеупотребительного имени [4]. Различия заключаются в том, что литературные антропонимы обозначают не реальные, а идеальные образы вымышленных или реальных объектов, существующих в сознании автора и читателя. Согласно М. В. Карпенко, литературный антропоним – это имя литературного героя, которое функционирует как особый код и сохраняет во внутренней форме информацию о персонаже и художественный замысел автора [7].

2. Основные результаты и наблюдения

Особенности художественного метода Ш. Бронте всегда привлекали внимание исследователей творчества писательницы. Этот вопрос представляет собой интерес для исследователей уже с конца XIX века и не потерял своей актуальности на сегодняшний день. В произведениях Ш. Бронте гармонично сосуществуют романтические и реалистические принципы. Н. А. Дружинина наблюдает в романах Ш. Бронте смещение творческих литературных акцентов на проблемную тему свободы личности и чувств, где поэтические пейзажи выполняют роль языковых иллюстраций к произведениям. Такое взаимодействие романтичного и реалистичного определяет авторскую творческую индивидуальность в произведениях [5].

Н. Я. Дьяконова также подчеркивает связь романа «Шерли» Ш. Бронте с романтической традицией, основываясь на таких приметах,

как автобиографичность, поглощенность автора внутренним миром персонажа, проникновенное изображение глубоких душевных переживаний. Согласно данным признакам роман «Шерли» определяется исследовательницей как «ранний опыт психологического романа, углубленного в тайны сознания» [2].

Ш. Бронте придавала немалое значение социальным и политическим событиям. Для романа «Шерли» был выбран один из кризисных моментов в истории Англии – восстание луддитов, противостояние представителей разных политических и социальных групп. В романе показано, насколько исторические события способны подчинить и изменить героя. Примечательно, что в большей степени изображено влияние моментов столкновений на судьбы главных героев (фабриканта Роберта Мура, его брата гувернера Луи Мура, помещицы Шерли и племянницы священника Каролины Хелстоун). Каждый из персонажей книги может быть охарактеризован как носитель личной жизненной и социальной философии [5]. Из этого следует, что герой романа, а точнее его собственное имя, несет в себе определенный образ, заложенный автором, и выполняет определенные функции в художественном тексте.

Функции литературных антропонимов значительно отличаются от функций общеупотребительных имен. В последнее время все чаще стали появляться иерархически организованные классификации. В первую очередь, выделяются языковые функции, которые осуществляются каждым литературным антропонимом при обозначении индивидуальных свойств и выделении определенных классов. С другой стороны, В. А. Никонов выделяет три функции литературных онимов (он рассматривает их на примере топонимов): адресная, дескриптивная и идеологическая [8]. А А. В. Суперанская подчеркивает коммуникативную, апеллятивную, экспрессивную и указательную функции литературных антропонимов [9].

Данное исследование основано на синтезе упомянутых классификаций. Таким образом, мы рассматриваем, что помимо номинативной, оценочной и указательной функций, имена литературных персонажей выполняют также характеризующую и социальную функции в художественном тексте.

Взгляды лингвистов на функции литературных антропонимов совпадают в том, что все имена выполняют номинативную, или апеллятивную, функцию. Так, главная героиня романа носит имя *Shirley*, вынесенное в на-

звание романа и указывающее на сильную духом девушку-помещицу. В свою очередь, именем *Robert* наделен потомственный коммерсант Роберт Мур, который приехал в небольшой городок, чтобы восстановить там суконную фабрику.

Анализ ономастического пространства романа Ш. Бронте «Шерли» показал, что имена персонажей также выполняют характеризующую функцию. Она предопределяет весь комплекс информации, которая указывает на хронотопические и национальные особенности объектов номинации, которые закрепляются в значении имени в словарной статье и переходят из поколения в поколение [6, с. 25]. Для определения характеризующей функции исследователю требуются определенные фоновые знания, так как в данном случае в семантике имени содержится дополнительная информация. Таким образом, целесообразно утверждать, что имя сестры Мура *Hortensia* обозначает не только хозяйственную и добрую женщину, но и примерную сестру и настоящего друга. Восприятие данного компонента образа может быть декодировано благодаря знанию японского поверья о цветке гортензии, который в Японии ассоциируется скорее с сердечностью и искренностью чувств, помощью в обретении душевного равновесия, чем скромностью или одиночеством.

Контекстуальный анализ имен персонажей в произведении позволяет выделить эмоционально-экспрессивную функцию антропонимов, которая находит свое отражение, прежде всего, в этимологии апеллятива и особенностях структуры самого имени. Для примера рассмотрим одноосновный мужской антропоним *Davy*, носитель которого является помощником священника. Суффикс *-y* в сокращенной форме имени *David* указывает на субъективную оценку персонажа. Для героев романа Дэви Суитинг – это любезный и дружелюбный молодой человек, что подтверждается этимологически. Данное имя происходит от древнееврейской основы *dwd* ‘возлюбленный’ и предполагает такое коннотативное значение, где разные типы коннотаций (оценочная и стилистическая) реализованы одновременно.

Социальная функция антропонимов непосредственно связана с особенностями их структуры. Основными структурными типами литературных антропонимов в анализируемом романе являются одноосновные антропонимы. Это объясняется, главным образом, преобладанием героев из низших социальных слоев, имена которых простые структурно и не усложнены дополнительными компонентами. Так, женский антропоним *Dora*

восходит к основе древнегреческого происхождения *doron* ‘дар, подарок’. В романе носительница данного имени Дора Сайкс – представительница низкого сословия, которая, являясь привлекательной девушкой, добивается желаемого.

3. Выводы

Образы художественных персонажей представляют собой единство структурных, семантических и функциональных компонентов, а текст художественного произведения создает благоприятные контекстуальные условия для проявления лингвокультурологических и этноспецифических особенностей функционирования антропонимов.

Исследование ономастического пространства романа Ш. Бронте «Шерли» показало, что в центре повествования находится одна из главных героинь Шерли, которую автор выделяет за сильный характер, смелость решений и открытость высказываний. Антропоним *Shirley* создает фон для всего произведения благодаря своим этимологическим характеристикам (ст.-англ. *bright clearing* ‘яркая/светлая полянка’), тем самым придавая остальным именам ареол света, силы духа и мужества.

Анализ ономастического материала романа позволяет выделить следующие функциональные особенности личных имен персонажей. Результаты изучения литературных антропонимов и их составляющих показывают, что основной функцией, которую выполняют антропонимы, является номинативная. Они называют самого персонажа и его роль (место) в произведении. Наряду с апеллятивной, характеризующая функция личных имен играет важную роль в художественном произведении, так как имя передает дополнительную информацию о его носителе и роли героя в романе.

Литература

1. **Бессонова, О. Л., Резникова, А. Р.** Отражение культурных кодов во фразеологических единицах с именем собственным в английском, французском и русском языках / О. Л. Бессонова, А. Р. Резникова // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica : научный журнал. – Донецк : ДоНУ, 2018. – Т. 14. – Вып. 4 (42). – С. 85-94. ; ISSN 2415-8720.

2. **Дьяконова, Н. Я.** Романы Эл. Гаскелл и Ш. Бронте: «Мери Бартон» и «Шерли» (опыт сопоставительного анализа) [Текст] / Н. Я. Дьяконова // Филологические науки. – 2004. – № 5. – С. 52-57. ; ISSN 2310-4287.

3. **Егошина, Т. Е.** Имя и жанр (О возможностях литературоведческой прогностики) [Текст] : науч. журнал / Т. Е. Егошина // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2004, № 55. – Т. 1. – С. 136-138. ; ISSN 1562-0808.

4. **Жураева, И. А.** Номинативные функции антропонимов (на материале английского, узбекского и русского языков) [Текст] : автореф. дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / И. А. Жураева. – Ташкент, 2012. – 26 с.

5. История зарубежной литературы XIX века [Текст] : учеб. для вузов / под ред. Н. А. Соловьевой. – М. : Высш. школа, Академия, 2000. – 559 с. ; ISBN 5-06-003546-8; 5-7995-0379-X.

6. **Калинкин, В. М.** Литературная ономастика, или Поэтика онима. Методические указания к спецкурсу [Текст] : для студ. филол. фак-тов / сост. В. М. Калинкин ; отв. ред. Е. С. Отин. – Донецк : ДонНУ, 2002. – 39 с.

7. **Карпенко, М. В.** Русская антропонимика [Текст] : конспект лекций спецкурса / М. В. Карпенко; отв. ред. В. А. Попова. – Одесса : ОГУ им. И.И. Мечникова, 1970. – 42 с.

8. **Никонов, В. А.** Ищем имя. Происхождение, значение, история формирования русских имен [Текст] / В. А. Никонов. – Изд. 2. – М. : Ленанд, 2017. – 128 с. ; ISBN 978-5-9710-3840-5.

9. **Суперанская, А. В.** Общая теория имени собственного [Текст] / А. В. Суперанская ; отв. ред. А. А. Реформатский. – Изд. 4. – М. : Либроком, 2012. – 368 с. ; ISBN 978-5-397-03085-4.

10. **Сысоева, Е. С.** Оценочные антропонимы в английском языке и культуре [Текст] : монография / Е. С. Сысоева // Лингвокогнитивные и лингвокультурологические исследования ; отв. ред. О. Л. Бессонова. – Т. 4. – Ростов-на-Дону : Изд-во ЮФУ, 2016. – 206 с. ; ISBN 978-5-9275-2011-4.

11. **Фонякова, О. И.** Имя собственное в художественном тексте [Текст] : учеб. пособие / О. И. Фонякова. – Л. : ЛГУ, 1990. – 104 с.

Лексикографические источники

12. **Рыбакин, А. И.** Словарь английских личных имен [Текст] / А. И. Рыбакин. – 3-е изд., испр. – М. : Астрель, АСТ, 2000. – 224 с. ; ISBN 5-271-00161-X, ISBN 5-17-000072-3.

13. Behind the Name : the etymology and history of first names [Electronic resource] / M. Campbell, T. Campbell. – Access mode : http://www.behindthename.com.

14. **Hanks, P., Hodges, F.** A Dictionary of First Names [Text] / P. Hanks, F. Hodges. – Oxford, N.Y. : Oxford University Press, 1990. – 444 p.

Источники текстового материала

15. **Бронте, Ш.** Шерли [Текст] : роман / Ш. Бронте ; пер. с англ. И. Грушецкой, Ф. Мендельсона. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – 640 с.; ISBN 978-5-389-02402-1.

И.А. Шашков
Стахановский педагогический колледж
Луганского национального университета имени Тараса Шевченко

ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В РЕЛИГИОЗНОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

Аннотация

В статье рассматривается ряд экстралингвистических факторов, обеспечивающих успешное функционирование русскоязычного сегмента религиозного интернет-дискурсного пространства. С целью выделения ключевых факторов, автор рассматривает технические возможности сетевого функционала, скорость распространения информации, тематическое и жанровое разнообразие, репрезентируемое гипертекстовыми средствами, свободный доступ к информационному материалу, особенности продуцент-реципиентных отношений, социально-обусловленные обстоятельства, влияющие на участие пользователя в исследуемом типе дискурсной практики, а также специфику ситуативной интерпретации текстового материала. Учёт экстралингвистических факторов позволяет рассматривать языковую личность продуцента в качестве инициатора, автора и организатора дискурсного пространства. Языковая личность реципиента рассматривается в качестве пользователя сетевого ресурса со способностью последующей трансформации первоначального статуса реципиента в статус активного участника.

Ключевые слова: *языковые личности участников, глобальность, социокоммуникативная потребность, массовый реципиент*

EXTRALINGUISTIC FACTORS OF FORMING A LANGUAGE IDENTITY IN THE RELIGIOUS INTERNET-DISCOURSE

Abstract

The article deals with the set of extralinguistic factors providing successful functioning of the Russian language segment of the religious internet-discourse space. In order to highlight the key factors the author reviews technical opportunities of network facility, speed of distributing information, thematic and genre varieties represented by hypertext tools, free access to information material, particularities of producent-recipient relations, socially determined circumstances influencing the user's participation in the researched type of discourse practice as well as the particularity of situational interpretation of the text material. Taking in account extralinguistic factors allows to consider the producent's language identity as an initiator, author and organizer of the discourse space. The recipient's language identity is considered to be the user of the web-resource with ability of further transforming the initial recipient's status into the status of an active participant.

Key words: *participants' language identities, socio-communicative needs, mass recipient*

В настоящее время филологические исследования невозможны без учёта фактора субъекта, принимающего участие в процессе производства и обработки информации, опосредуемой уникальным сетевым *универсумом* (Г. Гийом). Внимание лингвистов концентрируется на особенностях использования языка с позиции информирующей стороны, с целью получения прогнозируемой речеповеденческой реакции с позиции стороны информируемой. Язык, по мнению Г. Гийома, «создаёт в мыслящем человеке идеальный универсум (univers-idée), находящийся в постоянном расширении» [1, с. 157]. Подобное расширение как свойство, характеризующее идеальный универсум (т.е. язык), может быть спроецировано на универсум интернет-пространства, развитие которого знаменует определённый исторический этап в становлении цифровой цивилизации. В процессе анализа теоретической основы изучения интернет-дискурсивных пространств на уровне речекоммуникативных и информационно-дистрибутивных практик

в Глобальной Сети следует также обратить внимание на идею *сужения-расширения и равновесия* (Г. Гийом) интенсионально-экстенсиональных отношений: между конкретизирующим интенсионалом (т.е. существованием конкретного типа интернет-дискурсивного образования) и обобщающим экстенсионалом (постоянным появлением новых и трансформацией существующих дискурсивных образований в пространстве Глобальной Сети).

Данное исследование представляет собой опыт изучения религиозного интернет-дискурса как вида информационно-дистрибутивной практики через призму ***экстралингвистических факторов***, способствующих реализации когнитивно-прагматического интенсионала языковой личности продуцента, который определяется как основной участник и инициатор создания исследуемого дискурсного пространства, и удовлетворению социокоммуникативных потребностей сетевого пользователя, в перспективе представляющего целевую массовую аудиторию реципиента. Эффективность реализации религиозного интернет-дискурса (РИД) обусловлена следующими составляющими: 1) когнитивно-прагматическим интенсионалом продуцента, воплощаемым в русскоязычном гипертекстовом материале; 2) учётом иллокутивных установок и предполагаемой пресуппозиции языковой личности реципиента; 3) техническими возможностями сетевого функционала; 4) конституирующей природой данного типа дискурса, проявляющейся в реализации таких свойств РИД как дистанционность, динамичность, вариативность, социологичность, глобальность. Гипертекстовый материал, с учётом полижанровых особенностей организации исследуемого типа дискурса, может рассматриваться как средство практического воплощения когнитивно-прагматических установок языковой личности продуцента в пространстве религиозных сетевых сообществ. С помощью текста дискурс как когнитивно-прагматическое образование и форма информационно-дистрибутивной практики получает возможность реализации и материального воплощения.

Влияние ***экстралингвистических факторов*** на формирование и возможность реализации языковой личности участника РИД предопределено самой природой данной дискурсной практики, включающей в себя набор таких необходимых компонентов как социокоммуникативная ситуация, категории участников, средства, тематическая направленность. Набор данных компонентов позволяет трактовать религиозный интернет-дискурс как динамичный тип информационно-дистрибутивной практики, функцио-

нирующей в глобальной Сети, реализация которой направлена на удовлетворение социокоммуникативных потребностей массового сетевого реципиента. Сам дискурс представляет собой лингвистический феномен, с присущим ему разнообразием трактовок и способный рассматриваться как практика ретрансляции подготовленного информационного материала в адрес сетевой аудитории пользователей через гипертекстовые средства. Например, Т.В. Романова под *дискурсом* понимает «вербализованную речемыслительную деятельность, включающую не только собственно лингвистические, но и экстралингвистические компоненты» [5, с. 29], а текст (в той же работе) исследователь считает «единицей дискурса, манифестирующей лингвистические и экстралингвистические феномены, в которых проявляется языковое сознание и языковая личность как таковая» [там же].

Н.В. Гладкая определяет дискурс как «связный текст в совокупности с различными жизненными, социокультурными, психологическими и другими факторами, т.е. текст в событийном аспекте» [2, с.19]. Соответственно, реализация дискурса предполагает его текстовое воплощение в ракурсе учёта языковых личностей участников, среди которых доминирующая роль отводится языковой личности агента / адресанта / автора / продуцента, а также экстралингвистическим факторам. С другой стороны, реализация РИД невозможна без наличия стороны воспринимающей (интерпретирующей) информационный материал, т.е. реципиента / адресата / интерпретатора, предполагаемое существование которого и обеспечивает существование данной дискурсной практики вообще. Правильный учёт ***экстралингвистических факторов*** (а именно: ***социокоммуникативная потребность, актуальные проблемы, социальный статус, причины, побуждающие к участию в коммуникативном событии, ценностные ориентиры***) способствует нейтрализации статусно-ориентированных границ и адекватной интерпретации со стороны реципиента. «Всё разнообразие механизмов снятия дистанции между адресантом и адресатом направлено на создание рецепции целевого адресата» [6, с.142], т.е. реципиента, для которого подготовлена определённая информация. При этом ключевая роль припадает на *адекватную интерпретацию* (Т.М. Дридзе, А.Е. Гульшина) информационного материала, которая возможна в случае, «если основная идея текста истолкована адекватно замыслу автора» [3, с. 9].

«В описании события, в его интерпретации адресант стремится идти «от человека», и языковой материал выбирается и компонуется в расчёте

на адекватное восприятие, понимание и принятие сказанного. Адресатно-ориентированный «расчёт» является основным коммуникативным принципом современного массмедийного дискурса» [6, с.142]. Подготовленный текст как единица информационного материала, погружённая в определённую социокоммуникативную ситуацию, предполагающую наличие адресата, представляет собой средство реализации дискурса, т.к. именно через текстовый инструментарий автор имеет возможность инициировать, планировать, развивать и совершенствовать информационно-дистрибутивную практику. «Дискурс обозначает коммуникативный и ментальный процесс, приводящий к образованию некой формальной конструкции – текста», – считает В.Е. Чернявская [цит. по Т.В. Дубровская, с. 9]. Не согласимся только с определением текста как «некой формальной конструкции», т.к. в религиозном интернет-дискурсе текст / текстовый материал (или гипертекст как функционально-сетевое воплощение текста) является основным, конкретным средством, обусловливающим успешное функционирование исследуемого объекта.

Принимая во внимание вышеприведённые положения и мнения исследователей, считаем возможным рассматривать **экстралингвистические факторы формирования языковой личности в РИД** как **совокупность свойств, категорий, возможностей и обстоятельств, обеспечивающих успешную реализацию потребностей, целей, интенций и установок языковых личностей участников дискурса с позиции его функционирования как информационно-дистрибутивной практики**.

К числу факторов заявленной категории следует отнести:

1) **фактор динамичности и скорости подачи информационного материала**: данный фактор обусловлен возможностями сетевого функционала и имеет равное отношение к системе жанровой организации любого веб-ресурса религиозно-тематического содержания (*порталы, сетевые сообщества, сайты, домашние (персональные страницы), периодические религиозные интернет-издания* и т.д.). Модератор веб-ресурса имеет возможность мгновенной корректировки / размещения / удаления и т.д. информации;

2) **фактор социокоммуникативной потребности** (процесс подготовки и ретрансляции информационного материала обусловлен учётом предполагаемой проблематики, актуальной для потенциальной языковой личности сетевого реципиента. Учёт продуцентом заявленного фактора

проявляется, например, в тематическом разнообразии рубрик, репрезентируемых гипертекстовыми средствами в пространстве веб-ресурсов, например, на сайте Христианской Православной Церкви «Новая жизнь» рубрика *«Свидетельства»* (в статусе гипержанра) представлена набором гипертекстов, анонсирование которых (через заголовки) способно привлечь внимание посетителя и инициировать переход (по гипертекстовым ссылкам) на выбранный текст: *«Желаю всем познать Бога», «Иисус воскресил меня к новой жизни», «Я крутая, потому что Христос живёт во мне», «Вы недооцениваете силу Бога!», «Он меня любит», «БОЛЬ. БОРЬБА. ПОБЕДА.», «С Богом возможно всё!»* [http://newlife.by/category/ svidetelstva]);

3) **фактор вариативности** в нашем случае подразумевает систему полижанровой организации русскоязычного религиозного интернет-дискурсного пространства, представленного веб-ресурсами религиозного содержания, каждый из которых обладает свойством внутреннего полижанрового развёртывания. Например, *Сайт Христианской Церкви «Знамя Христа»* в статусе гипержанра (первого переходного этапа) представлен рядом рубрик (т.е. гипержанров второго переходного этапа): *«Главная», «О церкви», «Новости», «События», «Расписание», «Статьи», «Контакты», «Служения», «Социальные проекты», «Медиа», «Фотогалерея»* [http://znamyachrista.org]. Развёртывание рубрики *«О церкви»* представлено рубриками *«Видение», «Исповедание Веры», «Пастора»* [http://znamyachrista.org/pro-cerkvu.html].

4) **фактор массового реципиента** в нашем исследовании рассматривается через особенности самой природы существования религиозного интернет-дискурса как практики ретрансляции информационного материала в пространстве Глобальной Сети и его сетевой аудитории пользователей. Одним из немногих ограничений является язык, на котором представлен материал религиозных сообществ. Идея глобальности заключается в проецировании реальной действительности на действительность виртуальную, характеризующуюся высокой скоростью расширения через постоянное появление доступных сетевых ресурсов. Глобальное дискурсное пространство образуется сложением многочисленных гипертекстовых формаций, субдискурсивных пространств разного уровня и спецификой их организации.

Анализируя перечисленные положения, считаем возможным заключить следующее: успешное функционирование религиозного интер-

нет-дискурса как вида информационно-дистрибутивной практики обеспечивается реализацией адресант-адресатных отношений, главными участниками которых представляются языковые личности продуцента и реципиента. Эффективность реализации данных отношений зависит от адекватного учёта экстралингвистических факторов, влияющих на подбор и способы ретрансляции подготовленного информационного материала, что в перспективе наделяет религиозное интернет-дискурсное пространство способностью трансформации социокоммуникативных потребностей и когнитивно-ценностных ориентиров языковой личности реципиента.

Литература

1. **Гийом, Г.** Принципы теоретической лингвистики / Г. Гийом / Общ. ред., послесл. и коммент. Л.М. Скрелиной. – М.: Прогресс, 1992. – 224 с. – (Языковеды мира).

2. **Гладкая, Н.В.** Комические речевые жанры в интернет-дискурсе: дисс. … канд. филол. наук: спец.: 10.02.01 «Русский язык» / Н.В. Гладкая. – Донецк, 2018 – 221 с.

3. **Гульшина, А.Е.** Лингвостилистические особенности текста вебсайта: проблема смыслового восприятия: автореф. дисс. … канд. филол. наук: спец.: 10.02.19 «Теория языка» / А.Е. Гульшина. – М., 2006. – 21 с.

4. **Дубровская, Т.В.** Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков) / Т.В. Дубровская. – М.: Изд-во «Академия МНЭПУ», 2010. – 351 с.

5. **Романова, Т.В.** Человек и время. Язык. Дискурс. Языковая личность: Монография / Т.В. Романова. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2011. – 248 с.

6. **Синельникова, Л. Н.** Специфика адресант-адресатных отношений в масс-медийном дискурсе / Л.Н. Синельникова // Учѐные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальная коммуникация». Том 21(60). 2008 г. №1. – С. 140–153. Режим доступа к статье: http://sn-philol.cfuv.ru/wp-content/uploads/2016/12/sinelnikova.pdf.

Актуальные проблемы переводоведения, теории и практики перевода

О.Л. Косован
Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых

ОБЕННОСТИ ПИСЬМЕННОГО ПЕРЕВОДА НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ

Аннотация

Статья посвящена актуальной учебно-образовательной задаче подготовки специалистов, которые должны овладеть иноязычной специальной терминологией, основами теории и практики своей специальности, а также навыками письменного иноязычного общения. Такой подход предполагает анализ основных теоретических проблем, связанных с лингвистическим изучением процесса перевода и методики работы со специальными текстами на занятиях по немецкому языку. В статье рассматриваются современные направления и понятия науки о переводе, основанные на многолетних теоретических исследованиях и практической деятельности преподавателей.

Формирование переводческих навыков студентов направлено в первую очередь на углубление знаний в профессиональной области, на закрепление грамматических и лексических навыков, способов технического перевода на русский язык. Чтение и перевод специальной литературы на иностранном языке в неязыковом вузе имеют очень большое значение и должны стать одной из важных задач обучения. Подготовка грамотных специалистов со знанием иностранного языка – это важная общеобразовательная задача преподавателей вуза.

Ключевые слова: *немецкий язык, письменный перевод, текст по специальности, межкультурная компетенция*

FEATURES OF WRITTEN TRANSLATION OF THE GERMAN LANGUAGE TEXTS

Abstract

The article is devoted to the actual scientific and educational task of training specialists who must master a special language of foreign terminology, the

basics of the theory and practice of their specialty, as well as the skills of written foreign language communication. This approach involves the analysis of the main theoretical problems associated with the linguistic study of the translation process and methods of working with special texts in the classroom in the German language. The article discusses the current directions and concepts of the science of translation, based on many years of theoretical research and practical activities of translators.

The formation of students' translation skills is primarily aimed at deepening knowledge in the professional field, at reinforcing grammatical and lexical skills, and methods of technical translation into Russian. Reading and translating specialized literature in a foreign language at a non-linguistic university is of very great importance and should be one of the important learning tasks. Training competent specialists with knowledge of a foreign language is an important general educational task for university teachers.

Key words: the *German language, translation, specialty text, intercultural competence*

Высшее профессиональное образование в настоящее время должно соответствовать высокому уровню качественной подготовки молодых специалистов, готовить высокопрофессиональные кадры, обеспечивать студентам владение несколькими иностранными языками. Благодаря этому будущие специалисты будут востребованы на рынке труда, смогут достичь успешного карьерного роста, реализовать свой профессиональный и интеллектуальный потенциал.

Обучение немецкому языку в неязыковом вузе имеет коммуникативную направленность с учётом специфики отдельных специальностей (экономика, машиностроение, автомобильный транспорт, гостиничное и торговое дело, сервис, архитектура, строительство, металлургия и т.д.). Это предполагает чтение и перевод специальных текстов, которые помогают не только овладеть профессиональной терминологией, расширить и активизировать свои речевые навыки и умения, но и интегрироваться в общеобразовательное пространство. Подготовка грамотных специалистов со знанием иностранного языка – это важная общеобразовательная задача преподавателей вуза.

В научной литературе под термином «специальный текст» подразумевается текст, который сообщает какие-то сведения по той или иной

специальности. Он имеет коммуникативную направленность. В нем осуществляется единство языковой формы и смыслового значения. Тексты, которые переводят студенты на занятиях по немецкому языку, являются информационными, техническими и их целью является извлечение новой информации из области их будущей профессии. Под письменным переводом обычно понимается перевод в письменной форме «написанного» оригинала с тем, чтобы студент мог в последующем его прочесть. Письменный перевод специальных текстов подразумевает собой «многократность». Это означает, что восприятие оригинального текста и процесс его перевода могут повторяться неоднократно по желанию студента. Имея перед глазами переводимый оригинальный текст, студенты могут несколько раз перечитывать его содержание, возвращаться к предыдущему сообщению, «забегать» вперед, чтобы иметь представление о необходимой информации. Точно так же они имеют возможность вновь и вновь возвращаться к тексту, который уже перевели, сопоставлять его с оригиналом, делать исправления, корректировать. Все это создает благоприятные условия для наивысшей степени продуктивности и оригинальности перевода. Такой переводческий процесс наиболее эффективен в процессе обучения.

В результате переводческого процесса возникают тексты, которые заменяют первоначальный текст на другой язык. Можно предположить, что текст перевода в полном объеме представляет текст оригинала, собственно, он и есть оригинал, только на другом языке. Конечно, достоверность перевода к оригиналу может быть различна – перевод может быть «удачным» или «неудачным», но даже самый неудачный перевод является «переводом», так как он предполагает репрезентацию (полноправную замену) текста оригинала.

Однако, любой процесс коммуникации может частично потерять информацию, что не помешает студенту понять ее общий смысл и извлечь из этого пользу. Он активно использует эти сведения, применяя свои профессиональные знания и опыт перевода, приобретенные умения и навыки. Перевод специального текста должен наиболее точно соответствовать оригиналу текста и этого можно достичь как с теоретической, так и с практической точки зрения. Однако, самый хороший, самый «адекватный» перевод не обеспечивает исчерпывающую передачу всех мельчайших элементов смысла оригинала. В процессе перевода происходит замена знаков одного языкового кода знаками другого кода. То же самое происходит и при

передаче содержания грамматических категорий. Все содержательные элементы языкового кода составляют единую систему, и информация, которую несет каждый такой элемент, зависит от его места в этой системе. Таким образом, из самого существа языковых кодов, участвующих в процессе перевода, следует, что переводческий процесс не заключается в абсолютном тождестве содержания оригинала и перевода.

Однако любой процесс коммуникации сопровождается некоторыми потерями информаций, связанных с расхождением значений параллельных единиц разных языков, но они не препятствуют процессу общения, процессу коммуникации.

Таким образом, проблема перевода специальных текстов сводится к вопросу о степени подобия оригинала и перевода, как максимально возможного теоретически, так и реально достижимого в конкретных условиях осуществления процесса перевода.

Студенты неязыковых вузов овладевают иностранным языком для того, чтобы использовать его в своей профессии, именно поэтому необходимо уделять внимание развитию умения работать с литературой по своей специальности. Какие же факторы воздействуют на осуществление этого процесса? В первую очередь, ход и результат процесса перевода определяют смысловые решения, которые могут существовать между специализированным текстом и переводом студента в связи с особенностями их уровней содержания. Эти особенности представляют собой постоянные факторы, воздействующие на любой акт перевода, независимо от конкретных условий его осуществления.

Однако коммуникативная модель перевода наглядно показывает, что процесс перевода находится и под влиянием ряда факторов, меняющихся в зависимости от конкретных условий, в которых протекает этот процесс. Описание переводческого процесса не может пройти мимо таких факторов, тем более, что их переменный характер отнюдь не означает незначительности их роли в порождении текста перевода. Любой из переменных факторов может решающим образом влиять на характер переводческого процесса. Именно они определяют, в какой степени в каждом конкретном случае необходимо и возможно установить между оригиналом и переводом отношения эквивалентности, которые в идеале должны существовать между оригиналом и переводом.

Переменные факторы, воздействующие на процесс перевода, могут быть разбиты на три основные группы. К первой группе будут относиться особенности и характер переводимого текста. В процессе перевода студент может иметь дело с самыми разнообразными текстами, отличающимися друг от друга своей функциональной направленностью, временем и местом порождения, отношением к общей норме исходного языка. Все эти обстоятельства накладывают свой отпечаток на технику, методы и приемы перевода, используемые студентом, и на результаты переводческого процесса.

Вторая группа переменных факторов включает разнообразные условия, в которых осуществляется процесс перевода. Сюда относятся такие факты, как способ порождения оригинала и перевода (в виде отрезков письменной речи), степень соотнесенности процессов порождения оригинала и перевода во времени (последовательный или отдаленный по времени перевод), обстановка, в которой протекает процесс перевода (время для выполнения, степень автономности содержания переводимых материалов, степень ответственности за возможные ошибки и пр).

И, наконец, к третьей группе будут относиться все факторы, связанные с личностной характеристикой студентов, участвующих в процессе перевода.

Чтение и перевод специальной литературы на иностранном языке в неязыковом вузе имеют очень большое значение и должны стать одной из важных задач обучения.

Литература

1. **Алексеева, И.С**. Введение в переводоведение : учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений / И. С. Алексеева. – СПб.; М., 2004.

2. **Гавриленко, Н.Н**. Теория и методика обучения переводу в сфере профессиональной коммуникации / Н. Н. Гавриленко. – М., 2009. – Кн. 1.

3. **Доброва, В.В.** Основы технического перевода: теория и практика / В. В. Доброва, Е. А. Елизаров, И. Г. Сысуева, И. А. Гришина. – Самара: Самарский государственный технический университет. – 2013. – 174с.

4. **Комиссаров, В.Н.** Теория перевода (лингвистические аспекты) / В. Н. Комиссаров. - М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.

5. **Чернов, Г.В.** Теория и практика синхронного перевода / Г. В Чернов. – М.: Высшая школа, 1978. – 207с.

А.А. Педерсен
Донецкий национальный университет

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ МОДЕЛИРОВАНИЯ СТАТЕЙ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК В ДВУЯЗЫЧНЫХ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ

Аннотация

В статье обосновывается актуальность и специфика построения модели отдельной пословичной статьи в структуре двуязычных паремиологических словарей с учетом историко-филологического аспекта анализируемых паремийных единиц на основе сопоставительного и комплексного их анализа. Предлагается модель пословичной статьи в структуре паремиологического словаря на материале пословиц и поговорок датского и русского языков.

Ключевые слова: *пословица, поговорка, паремия, паремиологический словарь, содержательная основа, образная основа, дериват, синонимичные / антонимичные паремии, компонент пословичной статьи*

HISTORICAL AND PHILOLOGICAL ASPECT OF MODELING THE ENTRIES OF PROVERBS AND SAYINGS IN BILINGUAL PAREMIOLOGICAL DICTIONARIES

Abstract

The article substantiates the relevance and specificity of building a model of a separate proverbial entry in the structure of bilingual paremiological dictionaries taking into account the historical and philological aspect of the analyzed proverbial units on the basis of their comparative and complex analysis. Proposed in it is the model of a proverbial entry in the structure of the paremiological dictionary of the proverbs and sayings of the Danish and Russian languages.

Key words: *proverb, saying, paremia, paremiological dictionary, content basis, figurative basis, derivative, synonymic / antonymic paremias, component of the proverbial entry*

Изучение опыта паремиографической деятельности указывает на то, что относительно большой редкостью являются словари, в которых была бы представлена информация этимологического и исторического характера. И это связано прежде всего с объективной сложностью, с которой сталкивается паремиограф в поисковой работе с литературными и прочими источниками, в которых такая пословица может быть зафиксирована, употреблена в соответствующем контексте или даже сопровождаться комментариями. Именно анализ письменных источников (сборники паремий, художественные произведения, сборники проповедей, хрестоматии и т.п.) прошлых веков считается одним из наиболее распространенных приемов установления этноса (народа) и его языка, в недрах которого родилась та или иная пословица или поговорка [см., например: 6].

Цель проведенного исследования заключается в том, чтобы обосновать структуру и содержание статьи в паремиологических (включая и двуязычные) словарях историко-филологической направленности.

Объектом исследования является пословицы и поговорки датского и русского языков.

Предметом исследование является историко-филологический компонент структуры и содержания пословичной статьи в двуязычных паремиологических словарях.

(1) На наш взгляд, в качестве одного из первых компонентов пословичной статьи паремиологического словаря историко-филологической направленности следует принять тот, в котором представлены латинские пословицы, поговорки или афоризмы известных представителей античности. Например, к заглавной датской паремии *Gammel kærlighed ruster ikke* (рус. досл. *Старая любовь не ржавеет*) и ее вариантам и синонимам могут быть приведены такие латинские пословицы и цитаты: *Vetus amor non sentit rubiginem* (рус. *Старая любовь не подвержена ржавчине*), афоризмы, восходящие к Вергилию Марону Публию (70-19 гг. до н.э.): *Agnosco veteris vestigia flammae* (рус. досл. *Узнаю следы былого огня*) и *Vivit sub pectore vulnus* (рус. досл. *Живет рана в сердце*) [5, с. 18, 131 и 133].

(2) Отдельный компонент пословичной статьи представлен библеизмами - паремиями библейского происхождения из Книг Святого письма, Ветхого и Нового заветов. Например, к заглавной датской паремии *Skinnet bedrager* (рус. соотв. *Внешность обманчива*) и ее вариантам и синонимам могут быть приведены такие библеизмы: *Красота – это заблуждение,*

красота – суета ... – Книга Притчей Соломоновых, 31:30 / *Его уста гладкие, как масло, - но ссора в серце его, мягше оливы слова его, но они – как те мечи оголенные!* – Книга Псалмов, 55:22 [2, с. 212; 4].

(3) Наиболее сложной задачей нам представляется поиск и установление прототипа ныне функционирующей пословицы в памятниках древнескандинавской письменности. Дело в том, что дидактические сентенции древних германцев не представлены в тех формах, которые мы обнаруживаем в античных паремиях и библеизмах. Вместе с тем, они дают нам довольно богатый материал, который иллюстрирует стереотипы мышления, нравственные установки, и правила житейской мудрости северных германцев раннего средневековья. Например, к заглавной датской пословице *Hvad hjertet er fuldt af, løber munden over* (рус. досл. *Чем сердце переполнено, то и слетает с уст*) и ее вариантам и синонимам может быть приведена такая цитата: *... скрыть не умеют / люди в беседах, / что с ними случилось.* – Старшая Эдда. Речи Высокого, ст.28 [4, с. 135; 5, с. 82].

(4) Собственно филологический раздел пословичной статьи целесообразно, на наш взгляд, начать с компонента, который представлен датской пословицей или поговоркой с дословным ее переводом, а также ее смысловым толкованием на родном языке. Благодаря дословному (буквальному) переводу оказывается возможным глубже и рельефнее представить образную основу паремии, ее внутреннюю форму, то есть именно то, что определяет ее национальную уникальность. Например, ситуация, в которой, несмотря на немалые хлопоты и усилия, результаты оказываются мизерными, в разных языках может получить специфическую образную интерпретацию:

дат. *Det er en strid om kejserens skæg (*рус. досл. *«Битва из-за бороды короля»).*

рус. *Шума много, а толку мало.*

укр. *Діла на копійку, а балачок на карбованець.*

англ. *Great cry and little wool (*рус. досл. *«Много шума и мало шерсти»).*

нем. *Viel Lärm um nichts (*рус. досл. *«Много шума ни о чем»),* или *Aus einer Mücke einen Elefanten machen (*рус. досл. *«Делать из мухи слона»).*

(5) Логично, что в качестве следующего компонента пословичной статьи выступает дериват паремии, то есть фразеологическая единица, которая генетически связана с пословицей или поговоркой и на современном

этапе развития сопоставляемых языков употребляется самостоятельно, независимо от своего источника. Например:
дат. *slå vand på en gås* **(**рус. досл. *окатить гуся водой)* от поговорки *Det er (som) at slå vand på en gås* (рус. соотв. *Как с гуся вода);*
дат. *grave en grav for andre (en)* от пословицы *Den, der graver en grav for andre, falder selv i den* (рус. соотв. *Не рой другому яму, сам в нее попадешь*) [4, с.с. 28-29 и 50].

(6) Принимая во внимание вариативность паремиологических единиц, необходимым компонентом пословичной статьи должны стать варианты паремии, то есть такие ее формы, которые отличаются от основной некоторыми элементами лексико-грамматической структуры. Например, варианты *Den, der leder skal finde* и *Den, der søger, skal finde* (рус. соотв. *Ищущий да обрящет*) отличается всего лишь одним лексическим (синонимичным) элементом, а варианты *Begyndt er halvt fuldent* и *Godt begyndt er halvt fuldent* (рус. соотв. *Доброе начало – полдела откачало*) – отсутствием в первом варианте наречия godt, который модифицирует причастие begyndt.

В некоторых случаях различие между вариантами может быть более значительным, как, скажем, в паре *Den, der vil have alt, får intet* и *Vil man have alt, får man ingenting* (рус. соотв. *Много желать – добра не видать* или *Многого захочешь – последнее потеряешь*); то есть, наряду с различными лексическими элементами intet и ingenting, паремии отличаются типами подчиненных компонентов [Там же, с.с. 20, 32-34, 110, 235].

(7) Смысловое толкование паремии определяет объем и конфигурацию семантического содержания и, таким образом, исключает ошибочную ее интерпретацию, что является необходимым условием включения ее в систему синонимических и антонимических отношений. Таким образом, следующий компонент пословичной статьи включает синонимы паремии, то есть такие ее формы, которые отличаются своей лексико-грамматической структурой и, при ее наличии, образной основой, но при этом синонимичные паремии объединены одним смысловым толкованием, сферой или ситуацией речевой коммуникации. Например, моральное предупреждение о том, что общение с нехорошими, невоспитанными людьми оказывает негативное влияние на тех, кто с ними сталкивается, представлено такими синонимичными пословицами (с образной основой или без нее): *Den ene abe får den anden til at gabe* (рус. соотв. *Потягота на*

Федота, с Федота на Якова, с Якова на всякого), *Det dårlige eksempel smitter* (рус. досл. Дурной пример – заразительный) и *Slet selskab fordærver gode sæder* (рус. соотв. *С кем поведешься, от того и наберешься*) [Там же, с.с. 34, 49, 213-214; 3].

(8) Вслед за синонимичными паремиями, следуют антонимы пословиц и поговорок, то есть такие их формы, которые отличаются своей лексико-грамматической структурой и образной основой (при условии ее выделяемости). Антонимичные паремии противопоставляются своими смысловыми толкованиями, которые мотивированы отличной, как правило, противоположной интерпретацией соответствующих явлений, ситуаций, поступков и даже противоположными нравственными нормами, установками и различиями жизненного опыта. Например, мысль о том, что особенности характера, поведения, социального статуса человека имеют те или иные внешние проявления, воплощена, например, в таких датских пословицах, как *Gale katte får revet skind* (рус. досл. *У бешеных кошек шерсть разодрана*) и *Storfolk kendes straks efter deres udseende* (рус. досл. *Больших людей сразу узнаешь по их внешности*), которые имеют в качестве антонимов такие пословицы: *Der kan også være få penge i en stor pung* (рус. досл. *В большом кошельке тоже может быть мало денег*), *Det er ikke alt guld som glimrer* (рус. досл. *Не все то золото, что блестит*), *Forgyldning forgår, svinelæder består* (рус. досл. *Позолота сойдет, останется свиная шкура*) и др. Понятно, что в различных жизненных ситуациях уместными и полезными оказываются разные, даже противоположные по своей сути советы и правила. Так, пословица *Kan du vente, kan du blive konge of Sverige* (рус. досл. *Если ты можешь ждать, то сможешь стать королем Швеции*) подчеркивает ценность таких человеческих черт, как терпение и выдержка; с другой стороны, пословица-антоним *Mens græsset gror, dør horsemor* (рус. досл. *Пока трава вырастет, кобыла сдохнет*) учит ничего не откладывать на потом и не надеяться на то, что все само собой образуется [4, с.с. 46, 55-56, 102-103, 107, 151, 192, 220].

(9) В датско-русском паремиологическом словаре отдельный компонент пословичной статьи представлен русскими соответствиями к пословице или поговорке в заголовке, к их вариантам и синонимам. Например, статья, представляющая пословицу Han lyver så stærkt som en hest kan rende (рус. досл. Он врет так сильно, как лошадь ржет), может быть снабжена такими соответствиями, как: *Врет, как редьку стружит / Плетет кошели с*

лаптями / Красно поле рожью, а речь ложью / Зубристый топор дорожку чертит / Несет турусы на колесах и т.п. [3].

Таким образом, в процессе моделирования пословичной статьи, определения ее структуры и содержания необходим комплексный поход, который учитывал бы всестороннюю характеристику пословичных единиц, включенных в двуязычный паремиологический словарь. Речь, прежде всего, об учете историко-филологического аспекта, что подразумевает привлечение материала письменных источников, которые могли бы свидетельствовать о генезисе отдельных пословиц и поговорок. Собственно филологический аспект подразумевает их адекватный перевод, а в случае с образными паремиями – раскрытие их этнически отмеченных образных основ, представление их дериватов, в качестве которых выступают различного типа фразеологические единицы, при этом важным является адекватная презентация содержательного плана паремий, что связано с включением их в синонимические и антонимические отношения.

Литература

1. Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о нибелунгах [Текст] / Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Том 9. – М.: Художественная литература, 1975. – 752 с.

2. Библия. Синодальный перевод: [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.my-bible.info/biblio/biblija/index.html

3. **Даль, В.И.** Пословицы русского народа : Сборник. В 2-х т. / В.И.Даль. – М.: Художественная литература, 1984. – 782 с.

4. **Педерсен, О.** Данько-український пареміологічний словник (у контексті літературних джерел античності, язичництва та християнства) [Текст]: навч. посібник для студентів вузів / О.Педерсен : Мін-во освіти і науки України : Макіївськ. економ.-гуман. ін.-т. – Донецьк: Дмітренко А.Р., 2009. – 304 с.

5. **Цимбалюк, Ю.В.** Крилаті латинські вислови [Текст] / Ю.В. Цимбалюк, Г.О. Краковецька. – Київ.: Вища школа, 1976. – 190 с.

6. **Mieder, Wolfgang.** "The Apple Doesn't Fall Far From The Tree": A Historical And Contextual Proverb Study Based On Books, Archives, And Databases // De Proverbio: An Electronic Journal of International Proverb Studies. - 1995. - Vol. 1. - No. 1: [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.deproverbio.com/DPjournal/DP,1,1,95/APPLE.html

А.В. Шершикова
Донецкий национальный университет

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БАЛЛАДЫ В. СКОТТА «ЗАМОК СМАЛЬГОЛЬМ, ИЛИ ИВАНОВ ВЕЧЕР» В ПЕРЕВОДЕ В. А. ЖУКОВСКОГО

Аннотация

Цель работы заключается в проведении компаративного лингвостилистического анализа баллады В. Скотта «Замок Смальгольм, или Иванов вечер» и ее перевода В. А. Жуковским. В статье рассмотрена роль и функции языковых средств разных уровней (включая фонику, версификацию, лексику, синтаксис и стиль) в выражении идейно-тематического содержания баллады. Было обнаружено, что с помощью разнообразных стилистических приемов В. А. Жуковский усиливает лиризм и мелодичность баллады. Кроме того, если В. Скотт подражает особенностям английской народной поэзии, то В. А. Жуковский придает произведению литературный характер.

Ключевые слова: *баллада, перевод, компаративный анализ, лирика, романтизм, Жуковский, Скотт*

Abstract

The work is aimed at the comparative linguostylistic analysis of the ballad “The Eve of St. John” by W. Scott and its translation made by V. Zhukovsky. In the article the functions of linguistic means of different levels (including phonetics, prosody, vocabulary, synax and style) in expressing conception of the ballad are analyzed. It is concluded that Zhukovsky’s translation of the ballad is remarkable for its melodiousness, sensitivity and elevated spirit. Moreover, W.Scott tries to imitate an English folk ballad, while V. A. Zhukovsky makes it literary.

Key words: *ballad, translation/interpretation, comparative analysis, lyrical poetry, Romanticism, Scott, Zhukovsky*

Имя Вальтера Скотта (1771-1832) тесно связано не только с историческими романами, но и с романтическими балладами. В начале своего литературного пути В. Скотт часто совершал поездки в шотландское Погра-

ничье, чтобы изучить традиции и предания родного края. Собирая образцы старинных баллад, В. Скотт со временем начал писать свои обработки народной поэзии. Первое оригинальное произведение В. Скотта – баллада «The Eve of St. John» («Иванов вечер») – также было вдохновлено народными англо-шотландскими балладами. Для «Иванова вечера» характерны многие их черты: наличие резкого начала, динамизм и фрагментарность повествования. Баллада начинается с описания путешествия смальгольмского барона, цель которого читателям неведома. Через несколько строф автор прерывает нить повествования, и мы наблюдаем барона, уже возвращающегося обратно в замок с поврежденными доспехами. Что произошло между этими событиями, еще долго остается неизвестным. В целом, действие баллады укладывается в знаменитую готическую формулу “mystery, terror and suspense” – тайна, страх, напряженное ожидание.

В России баллада стала известна благодаря поэту и переводчику В.А. Жуковскому (1783-1852), «Колумбу русского романтизма» [1, с.48]. Подлинник и перевод баллады предоставляют перспективный материал для лингвостилистического анализа на различных уровнях (включая фонику, строфику, метрику, синтаксис, лексику, стилистику).

И в оригинале, и в переводе велика роль звукописи. В. Скотт с ее помощью усиливает мрачный средневековый колорит баллады. Так, он прибегает к аллитерации на [b] и [r] при описании барона, чтобы подчеркнуть его свирепый и необузданный нрав: *“Then changed, I t**r**ow, was that **b**old **B**a**r**on's **br**ow, / F**r**om the dark to the **b**lood-**r**ed high”.* При переводе В. А Жуковский пытается сохранить этот эффект, используя аллитерации на [р] и внутренним рифмам для передачи негдования барона: *«И Смальгольмский ба**р**он, по**р**ажен, **р**азд**р**ажен, / И кипел, и го**р**ел, и све**р**кал».*

Описывая доспехи барона, В. Скотт прибегает к частому повторению согласного [s], который словно подчеркивает блеск и звон военного снаряжения:

Yet his plate-jack was braced, and his helmet was laced,
And his vaunt-brace of proof he wore;
At his saddle-gerthe was a good steel sperthe,
Full ten pound weight and more.

Перевод этой строфы Жуковским И.М. Семенко называет подлинным шедевром: «Впечатление тяжести, тягостного нагнетения, как физического, так и морального, создается и размером (анапест), и звукописью

(повторение звуков «п» и «т»), и громоздкостью слова «двадцатифунтовой», соответствующего по своему положению в стихе четырем, пяти и шести словам в предыдущих трех строках и падающего всей своей тяжестью в конце строфы [4; с. 79].

*Но в железной броне он сиди**т** на коне;*
*На**т**очил он свой меч боевой;*
*И **п**окры**т** он щи**т**ом, и **т**о**п**ор за седлом*
*Укре**п**лен двадца**т**ифун**т**овой.*

По-разному переданы и заверения смальгольмской леди, что рыцарь сможет увидеться с ней беспрепятственно. В. Скотт использует много свистящих и шипящих, чтобы создать ощущение скрытности, еле слышного в тишине шепота: *“And I’ll **ch**ain the blood-hound, and the warder **sh**all not **s**ound, / And ru**sh**es **sh**all be **s**trewed on the **s**tair”*. В.А. Жуковский использует анафору и синтаксический параллелизм для усиления музыкальности произведения: *«Я собак привяжу, часовых уложу, / Я крыльцо пересыплю травой».*

Еще одной особенностью перевода В.А. Жуковского является использование нехарактерных для народной поэзии (и потому отсутсвующих в тексте В. Скотта) строфических и строчных переносов. Особенно эффектны они в строфе, описывающей возвращение барона в замок:

He pass'd the court-gate,and he oped the tower-gate,	*Он идет в ворота, он уже на крыльце,*
And he mounted the narrow stair,	*Он взошел по крутым ступеням*
To the bartizan-seat, where, with maids that on her wait,	*На площадку, и видит: с печалью в лице,*
He found his lady fair.	*Одиноко-унылая, там*
That lady sat in mournful mood;	*Молодая жена – и тиха, и бледна,*
Look'd over hill and vale.	*И в мечтании грустном глядит…*

С.А. Матяш пишет: «…с помощью строфического переноса В.А. Жуковский передает силу страстной любви смальгольмского барона к его «молодой жене». Само чувство барона в балладе не названо, о нем можно только догадываться по сообщению о преступлении, совершенном из ревности, и по глубокому волнению, охватившему героя перед встречей с женой. Строфический перенос, создающий глубокую психологическую паузу, это волнение “выдает”» [3; с. 260]. Также можно предположить, что этот прием помогает создать образ витой лестницы, «крутых ступеней», а

также имитирует учащенное, сбивчивое дыхание человека, одним духом взлетевшего по ступеням лестницы.

Волнение рыцаря тоже передается переносом, но уже строчным. Кроме того, остановки в его речи, переданные троеточием и переносом, словно подчеркивает прерывистое и тяжелое дыхание призрака. В соответствующей строфе подлинника эти фразы переданы без переноса, они являются всецело выдумкой В.А. Жуковского:

But I had not had power to come to thy bower	*И сюда с высоты не сошел бы... но ты*
Had'st thou not conjured me so.	*Заклинала Ивановым днем.*

Можно заметить, что в балладе у В.А. Жуковского велика роль параллелизмов. Б. Эйхенбаум считает, что это связано с особенностью стихотворного размера произведения (анапест): «Четырехстопные строки амфибрахия, анапеста или дактиля легко распадаются на диподии, в каждой из которых мы имеем симметрию более сильных и более слабых ударений… Когда эта диподийность еще усилена внутренними рифмами, обособляющими каждую диподию, то параллелизм ритма и интонации ощущается еще сильнее, так что синтаксис оказывается в подчинении у ритмической схемы. С балладным стилем это явление срослось неразрывно» [5; с. 95]. Действительно, синтаксические параллелизмы встречаются у В.А. Жуковского чаще, чем у В. Скотта:

В. Скотт:	В.А. Жуковский:
«He turn'd him around, and grimly he frown'd…»	*«Он нахмурясь глядел, он как мертвый бледнел…»*
«And oft to himself he said…»	«*Он вздыхал, он с собой говорил…»*
«The Ancram Moor is red with gore…»	*«Англичанин разбит; англичанин бежит…»*

Особую роль в балладе играют повторы, которые создают фольклорный колорит, песенную ритмичность, музыкальность. Так, описывая встречу барона и его жены, В. Скотт трижды повторяет слова *“now hail”* и *“what news”,* усиливая выразительность высказываний, придавая произведению эмоциональность и взволнованность:

'Now hail, now hail, thou lady bright!'-

'Now hail, thou Baron true!

What news, what news, from Ancram fight?

What news from the bold Buccleuch?'

В.А. Жуковский достигает этого эффекта троекратным повторением вопросительных предложений:

«Я с тобою опять, молодая жена». –
«В добрый час, благородный барон.
Что расскажешь ты мне? Решена ли война?
Поразил ли Боклю иль сражен?»

Троекратный повтор используется в подлиннике и для описания отказа рыцаря прийти на свидание. Отрицание еще больше усиливается с помощью использования синтаксического параллелизма. В переводе эти приемы переданы с максимальной точностью. Более того, глаголы «властен», «смею» сообщают речи более возвышенный и поэтический тон:

I cannot come; I must not come;	*Я не властен прийти, я не должен прийти,*
I dare not come to thee.	*Я не смею прийти (был ответ).*

В целом, в процессе перевода В.А. Жуковский музыкализирует, гармонизирует балладу В. Скотта, придает ей психологизм и лиричность. Кроме того, если В. Скотт последовательно стилизует свой текст под народную балладу, то в переводе балладе придается литературный характер.

Литература

1. **Белинский, В. Г.** Собрание сочинений в 3-х тт. [Текст] / Белинский В.Г. – Т. I. – М.: ОГИЗ Гослитиздат, 1948. — 800 с.

2. **Жуковский, В. А.** Замок Смальгольм, или Иванов вечер [Текст] / В.А.Жуковский // Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 тт. – Т.3. – М.: Яз. рус. культуры, 2008 . – С. 149-155.

3. **Матяш, С. А.** Стих баллад В. А. Жуковского [Текст] / С. А. Матяш // Полное собрание сочинений и писем : в 20 тт. / Жуковский В. А. – Т.3 . – М.: Яз. рус. культуры, 1999– С. 241–262.

4. **Семенко, И. М.** Поэты пушкинской поры [Текст] / И. М. Семенко. – М. : Худож. лит., 1970. – 295 с.

5. **Эйхенбаум, Б.** Мелодика русского лирического стиха [Текст] / Б. Эйхенбаум. – СПб.: ОПОЯЗ, 1922. – 199 с.

Картина мира в зарубежной литературе и культуре

А.В. Минеева
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ОБЪЕКТИВАЦИИ АВТОРСКОЙ КАРТИНЫ МИРА В ПРОЗЕ С. ХИЛЛ

Аннотация

Статья посвящена исследованию авторской картины мира в художественных текстах С. Хилл. Дается определение понятия картины мира и объясняется сущность явления авторской картины мира. В статье разграничиваются понятия психологизма и психологизации в контексте анализа особенностей творчества С. Хилл. Предполагается, что психологизация выступает ведущей тенденцией творчества данного автора. Отмечается необходимость систематизации художественных способов психологизации и реализующих их языковых средств в разных типах текста. Интериоризация и экстериоризация выделяются как общие способы психологизации. К частным способам психологизации относятся диалогизация, интимизация и детализация. Результаты описания художественных способов психологизации применяются в ходе лингвистического анализа психологического рассказа С. Хилл «The Elephant Man».

Ключевые слова: *картина мира, авторская картина мира, психологизация, психологизм, художественный способ, языковые средства*

LANGUAGE MEANS OF OBJECTIVATION OF THE AUTHOR'S WORLDVIEW IN S. HILL'S PROSE

Abstract

The paper focuses on research of the author's worldview in S. Hill's fiction. In the article we define picture of the world and explain the notion of the author's worldview. The paper distinguishes psychologism and psychologization in terms of S. Hill's prose analysis. Psychologization is considered to be the domineering tendency of the author's works. The article highlights the importance of systematization of literary methods and language means of psychologization in various types of text. Interiorization and exteriorization are distin-

guished as general methods of psychologization. Diologization, intimization and detailization are claimed to be specific methods of psychologization. The results of literary methods description have been used in linguistic analysis of psychological short story The Elephant Man by S. Hill.

Key words: *worldview, the author's worldview, psychologization, psychologism, literary method, language means*

Понятие картины мира является одним из центральных понятий современной лингвистики. Оно реализует идею антропоцентричности художественного текста и отражает особенности взаимоотношений человека с окружающей средой [5, с. 11]. В картине мире заключена специфика восприятия мира индивидом, его отношение к различным сферам жизни. Согласно Е. С. Кубряковой, картина мира объективируется в языке. Языковая картина мира является совокупностью объективированных представлений человека о среде [4]. При создании текста автор производит тщательный отбор явлений реального мира. Он предлагает читателю реконструированный, вторичный вариант объективного мира, основанный на его индивидуально-личностных характеристиках, на авторской картине мира.

Под авторской картиной мира понимается совокупность представлений об окружающей среде, отраженная в языке автора. Следовательно, авторская картина мира является разновидностью языковой картины мира. Она репрезентируется в использованных автором языковых средствах, поскольку они связаны с индивидуальным мировосприятием писателя. Для исследования объективированной в тексте авторской картины мира представляется оправданным сфокусироваться на художественных способах и языковых средствах реализации авторских интенций в тексте.

В процессе создания художественного текста авторские представления о мире определяют концепцию, жанровое разнообразие и стиль изложения. Художественный текст состоит из авторских интенций, опосредованно передаваемых адресату с помощью знаковой системы языка. Идеи, мысли и эмоции автора транслируются с помощью сложного комплекса индивидуально-авторских языковых средств [1, с.17].

Предметом настоящего исследования выступают языковые средства объективации авторской картины мира в работах известного английского прозаика Сьюзен Хилл, чье творчество неоднократно удостаивалось престижных литературных премий. Так, роман *I'm the King of the Castle*

принес ей премию Somerset Maugham, сборник рассказов *The Albatross and Other Stories* – премию Совета искусств, роман *The Bird of Night* – премию Уайтбреда, а сборник рассказов *A Bit of Singing and Dancing* – премию Левелина Райса. Хилл удостаивалась и премии Nestlé за детскую литературу. Как отмечают исследователи-литературоведы, творчество Хилл отличается разножанровостью и включает детективы, романы ужасов, любовные, психологические и мистические романы [3]. Всё это многообразие, однако, объединено авторским интересом к внутреннему миру. Хилл смотрит на персонажей и события под этико-психологическим углом, предлагая «образцовому читателю» важные социальные наблюдения и уникально точное воспроизведение психологических нюансов образов.

Литературный психологизм оценивается как художественное качество, выражающееся в глубоком и подробном изображении внутреннего мира персонажа литературными средствами [2, с. 313]. Реализуясь в семантике и структуре текста, психологизм актуализирует авторскую интенцию на имитацию когнитивной самостоятельности персонажа [7]. Тесно связано с понятием психологизма и понятие психологизации (повествования, характера персонажа и пр.), акцентирующее процессуальный характер фокусирования авторского внимания на изображении внутреннего мира персонажа посредством различных художественных способов и языковых средств. Психологизм можно рассматривать как результат психологизации.

В 20 веке психологизация становится одной из основных тенденций в англоязычной художественной литературе. Этот период развития художественной коммуникации характеризуется отсутствием прямых авторских оценок и многообразием форм изображения внутреннего состояния персонажа, которые отличают и творчество С. Хилл. Языковые средства психологизации в прозаических текстах Хилл закономерно определяются особенностями её миропонимания и мирооценки и представляют особый интерес в контексте описания предмета данной статьи. Изучение и систематизация художественных способов психологизации и реализующих их языковых средств, таким образом, будет способствовать пониманию её авторской картины мира. Тот или иной художественный способ психологизации направлен на психологическое изображение персонажа и формируется совокупностью языковых средств (приемов), которые выступают инструментами его реализации. Заметим, что разножанровость творчества

Хилл предоставляет возможность сравнения используемых автором языковых средств и художественных способов психологизации в разных типах текста.

К наиболее общим художественным способам психологизации, формирующим своего рода фундамент психологического описания персонажа, оправданно отнести *интериоризацию,* т.е. эксплицитное изображение освоения мира квазисознанием «изнутри», посредством чувств и мыслей, и *экстериоризацию*, т.е. имплицитное изображение мира квазисознанием «извне», через речь и поступки. Эти концептуальные основы психологизма, по образному выражению И. А. Щировой, формируют его «концептуальный хребет», отражая взаимодействие в психологических текстах внутреннего и внешнего [6, с. 3-4].

К частным художественным способам психологизации, реализующим интериоризацию и экстериоризацию как моделируемые автором формы освоения мира сознанием персонажа, можно причислить диалогизацию, детализацию и интимизацию.

Диалогизация, т.е. имитация автодиалога, создает иллюзию отсутствия автора и, как следствие, мыслительной самостоятельности персонажа. К языковым средствам диалогизации в прозе С. Хилл можно отнести императивы, вокативы, междометия, языковые единицы, изображающие мыслительные процессы, например, глаголы мышления и оценки, эмоционально-окрашенные конструкции, наречия.

Детализация как введение в текст деталей «внешнесобытийного ряда» (терминология Г. Н. Поспелова), имплицирующих внутренний мир. Может осуществляться разноуровневыми языковыми средствами, формирующими детали как микроэлементы художественных образов. Такими языковыми средствами, например, могут выступать элементы лексического уровня, в различной степени реализующие свой семантический потенциал (ср. максимальный эстетический эффект, производимый с помощью символических деталей).

Под интимизацией понимается сокращение дистанции между персонажем и читателем. Интимизация определяет степень вовлеченности читателя в процесс самостоятельной интерпретации описанного внутреннего состояния персонажа. Данный частный художественный способ может реализоваться посредством несобственно-прямой речи, единиц в форме 1-го лица, наречий, междометий, лексем, отражающих когнитивные про-

цессы персонажа (глаголов мышления и оценки, эмоционально-окрашенных конструкций) [7].

Рассмотрим художественные способы и языковые средства психологизации в двух фрагментах из рассказа С. Хилл *The Elephant Man*, связав их с некоторыми особенностями объективируемой ими авторской картины мира. В текстах Хилл персонажи всегда одиноки, покинуты близкими. Им сложно найти своё место в обществе. Часто прослеживается мотив угнетенного детства.

Oh God, Oh God, make it not be a conjuror or a Punch and Judy, William thought, pressing his nails deeply into the palms of his hands. But it was not, it was something he had never seen before, something worse.

В процитированном фрагменте один из центральных персонажей рассказа – маленький Уильям оказывается лишенным ласки и внимания, которые традиционно адресуются ребенку. Равнодушная и резкая в отношении мальчика няня Фосетт (*sharply, impatiently, wary of her moods, with prejudice*) отводит его на детский праздник, но и там исполненный тревоги Уильям не получает удовольствия. Отторжение автором нечуткого отношения к детям и импликация глубокого одиночества ребенка транслируются с помощью *интериоризации* - внутреннего монолога Уильяма, убедительно передающего его страх, и *экстериоризации* – изображения страха через детали внешности. Одна из таких деталей формируется субстантивным словосочетанием *his nails deeply into the palms of his hands* и описывает эмоциональное напряжение Уильяма: охваченный страхом, он сжимает кулаки так сильно, что ногти впиваются в ладони.

Эмоциональный дискомфорт перерастает в приступ паники, и Уильям убегает с шумного детского праздника. Кульминация игнорируемых взрослыми детских переживаний изображается с помощью *детализации:*

He had thought that he would die of fear, high up in the clutch of the elephant man, but he had not died, and now he must remember it, he could still hear the music and the shrieking of the others, pounding in his ears. He came up to a long mirror at the end of the corridor, and was terrified by his own reflection, tense and white-faced.

Представленные в отрывке эмоционально-окрашенные детали образа, реализованные повторяющимся глаголом *to die*, прилагательными *tense, white-faced*, существительными *fear, clutch*, причастиями *shrieking, pounding, terrified* относятся к семантическому полю «страх». Детали имплици-

руют страдания персонажа, лишенного любви и понимания со стороны взрослых.

Таким образом, особенности индивидуально-авторской картины мира раскрываются в рассказе с помощью различных художественных способов психологизации характера и реализующих их языковых средств. Представленное автором тонкое описание внутреннего мира ребенка позволяет сделать вывод о том, насколько неприемлемым является для автора безразличие взрослых к детским переживаниям, нередко обрекающим ребенка на душевное одиночество.

Литература

1. **Воронина, Е. А.** Мировоззренческое знание в литературно-художественном творчестве [Текст]: автореферат дис. на соискание науч. степени канд. филос. наук: спец. 09.00.13 «Философия культуры» / Воронина Екатерина Александровна. – Нижний Новгород, 2008. – 23 с.

2. **Есин, А. Б.** Психологизм [Текст] / А.Б. Есин // Введение в литературоведение: учеб. пособие / под ред. Л. В. Чернец. - М.: Высш. шк., 2004. – С. 313-328. – ISBN 5-89502-373-8.

3. **Киприна, С. В.** Трагедия угнетенного детства в романе Сьюзен Хилл «я в замке король» [Текст] / С. В. Киприна // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2008. – №313. С. 21-24.

4. **Кубрякова, Е. С.** Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука [Текст] / Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1994. – №4. – С. 26 - 45.

5. **Постовалова, В. И.** Картина мира в жизнедеятельности человека [Текст] / В. И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / под. ред. Б. А. Серебренникова. – М.: Наука, 1988. – С. 8-69.

6. **Щирова, И.А.** Психологический текст: Деталь и образ [Текст] / И.А. Щирова. – СПб: Фил. фак. СПбГУ, 2003. – 116 с. – ISBN 978-5-8295-0158-7.

7. **Щирова, И. А.** Текст сквозь призму сложного [Текст] / И.А. Щирова. – СПб.: Политехника-сервис, 2013. – 216 с. – ISBN 978-5-906555-13-7.

Т.В. Чекалина, Л.Р. Саитхалилова
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

СПЕЦИФИКА АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО НАРРАТИВА ПАТРИКА МОДИАНО

Аннотация

Статья посвящена актуальной проблеме автобиографического жанра, а именно, его особой формы – «вымышленной автобиографии», (autofiction) – во французской литературе конца XX-начала XXI вв. Данная проблематика рассматривается на примере автобиографической прозы известного французского писателя, лауреата Нобелевской премии 2014 года, П. Модиано.

Целью исследования является изучение типа автофикции в произведениях П. Модиано, а также специфики его индивидуального стиля, реализующего авторскую установку: l'imaginaire au service de la verité.

В фокусе внимания статьи – роман «Семейная хроника» («Livret de famille»), автобиография «Родословная» («Un Pedigree»), в которых актуализируются фактология и мифология истории, документальное и художественное, правда и вымысел.

Ключевые слова: *жанр, автобиография, нарратив, автофикция, хронотоп, П. Модиано*

PATRICK MODIANO'S AUTOBIOGRAPHICAL NARRATIVE SPECIFIES

Abstract

The article is devoted to the urgent problem of the autobiographical genre, to its peculiar form – «autofiction» – in French literature of the end of XX c.-the beginning of XXI c. The problematics is analysed using as an example the autographic prose of the famous French writer, the laureate of 2014 Nobel Prize, P. Modiano.

The purpose of the research deals with studying the type of the autofiction in the literary by P. Modiano the specifies of his individual style realizing the author's ideals l'imaginaire au service de la verité.

The article focuses on the novel «The Family Chronicle» («Livret de famille») autobiography «The Genealogy» («Un Pedigree»), in which there are highlighted factology and mythology of the history, the documentary and belles-lettres, truth and fantasy.

Key words: *genre, autobiography, narrative*, autofiction, chronotopos, P. Modiano

В настоящее время можно наблюдать рост читательского и научного интереса к жанру автобиографии. Проблематика этого жанра становится объектом исследования различных гуманитарных наук. Художественное осмысление личного опыта и принципы художественного воплощения действительности, психология личности и самоидентификация индивида, фактология и мифология истории в эволюционирующем жанре автобиографии находятся в фокусе внимания отечественных и зарубежных литературоведов, лингвистов, философов, психологов. Одним из наиболее дискуссионных в научной литературе о современном автобиографическом жанре является вопрос соотношения исторического, документального и художественного, вымышленного в рамках одного произведения.

Следует особо отметить большой вклад в изучение жанровой специфики автобиографической литературы французских теоретиков-литературоведов. Французский писатель, критик Серж Дубровский (S. Doubrovsky) ввел в научный обиход понятие «autofiction» – «вымышленная автобиография». Этот термин используют исследователи при характеристике многих современных произведений автобиографической прозы, часто понимая его как отдельный, особый жанр: «autofiction» est le nom d'un genre, s'applique d'abord et avant tout à des textes littéraires contemporains» [2, с. 18].

Существуют и иные трактовки термина «autofiction». Так Филипп Вилен (Ph. Vilain) рассматривает автофикцию как гибридный жанр, занимающий промежуточное положение между классической автобиографией и автобиографическим романом, как наджанровый модус письма [7].

Системному изучению жанра автобиографии во французском литературоведении активно способствует Ассоциация по автобиографии и автобиографическому наследию (L'Assotiation pour l'autobiographie et le patrimoine autobiographique (L'APA)). Эта организация основана в 1992 году. Одним из соучредителей является Филипп Лежен (Ph. Lejeune), которого называют «le pape de l'autobiographie» L'APA проводит регулярные тема-

тические семинары, колоквиумы, дискуссии, выпускает журнал «La Faute à bousseau. Revue de l'autobiographie». Систематизация теоретических концепций автобиографического жанра, связанных с понятием «autofiction» представлена также в работах Филиппа Гаспарини (Ph. Gasparini): монографии «Est-il je? Roman autobiographique et autofiction», в лекции «De quoi l'autofiction est-elle le nom?»

В плане изучения эволюции классического автобиографического жанра в автофикцию, исследования соотношения правды и вымысла, и феномена реалистичности вымысла в автобиографии большой интерес представляет творчество Патрика Модиано, «одного из самых известных и загадочных современных французских писаталей, воплотившего в своих произведениях многие важнейшие закономерности литературного развития конца XX века» [1, с. 4].

Исследователи творчества писателя и сам П. Модиано, отмечают автобиографический характер многих произведений, что объясняется обстоятельствами личного характера, событиями личной жизни автора.

Как известно, Патрик Модиано родился в год окончания Второй мировой войны, 30 июля 1945 года в пригороде Парижа Булонь-Бийанкур. Его родители – мать, фламандка, малоизвестная актриса и отец, еврей, скрывавший свое происхождение, занимавшийся нелегальной торговлей, познакомились в Париже во время оккупации в 1942 году. Тема оккупации Франции во время Второй мировой войны, как и поиски «своих корней», собственной идентичности красной нитью проходят через все творчество писателя. Сам Модиано неоднократно признается, что чувствует себя ребенком войны, что он одержим прошлым, а прошлое это – «смутная и постыдная эпоха оккупации». «… За искусство памяти, благодаря которому автор выявил самые непостижимые человеческие судьбы и раскрыл жизненный мир человека времен оккупации» – так Нобелевский комитет отметил заслуги писателя, присудив П. Модиано в 2014 году премию по литературе. Действительно, критики называют Модиано «виртуозом памяти». Сам писатель в своем первом автобиографическом романе «Семейная хроника» («Livret de famille») пишет: «Je n'avais que vinght ans, mais ma mémoire précédait ma naissance». Это означает, что автор связывает человеческую память с преобразующей силой воображения, что объясняет кредо писателя: «l'imaginaire au service de la verité».

Роман «Семейная хроника» вышел в свет в 1977 году. В этом произведении Модиано впервые представляет читателю факты, события его личной жизни. Интересно композиционное построение этого небольшого по объему автобиографического романа, который состоит из 14 отдельных историй, 15 глав, практически не связанных хронологически. Отдельные главы посвящены жизненным историям отца, матери, бабушки писателя. Важное место в произведении занимает топонимика. На страницах этого романа Модино предстают реальные люди, даты, адреса. Стиль нарратива «Семейной хроники» предельно лаконичен: «A la fin d'une journée de juin 1942, …un vélo-taxi s'arrête en bas, dans le renforcement du quoi Conti, qui sépare la Monnaie de l'institut. Une jeune fille descend du vélo-taxi. C'est ma mère. Elle vient d'arriver à Paris par le train de Belgique» [3, с. 40].

Приверженность такому стилю в своем творчестве сам автор комментирует в одном из интервью: «J'essaie de dire les choses avec le moins de mots possible» [5].

Как известно, суть и форма автобиографического произведения неотделимы от проблемы хронотопа – пространственно-временных координат, в которых происходит действие в произведении. В этом аспекте следует обратить внимание на пространственно-временную организацию романа «Семейная хроника». Специфика его пространственно-временного построения заключается в чередовании и взаимодействии различных пространственно-временных пластов, как в калейдоскопе, сменяющих друг друга. Рассмотрим, например, отрывок из этого произведения, в котором Модиано описывает первую встречу отца и матери в оккупированном Париже осенью 1942 года. Оказавшись в парижской квартире, в которой почти в полном одиночестве прошло его детство, автор силой своего воображения возвращается к далеким событиям июня 1942 года, называя их воспоминаниями: «… cet appartement m'évoquait des souvenirs plus lointains: les quelques années qui comptent tant pour moi, bien qu'elles aient précédé ma naissance. A la fin d'une journée de juin 1942…» [3, с. 40].

И снова квартира. Автор находит записные книжки своей матери за 1942, 1943 и 1944 годы. Их содержание он выучил наизусть еще будучи ребенком. И читатель погружается в далекие события осени 1942 года: «Ainsi, un jour de l'automne 1942, elle avait noté: "Chez Toddie Wernwr – rue Scheffer." C'est là qu'elle a rencontré mon père pour la première fois… » [3, с. 40].

Заканчивается этот экскурс в историю знакомства родителей писателя упоминанием о манеже в Булонском лесу, где укрывался у одного из своих друзей детства, тренера верховой езды, отец Модиано.

Следующий эпизод – тоже место в Булонском лесу. Автор гуляет там со своей маленькой дочкой тридцать три года спустя…

На наш взгляд такая пространственно-временная презентация событий, свободное совмещение разновременных пластов, позволяет писателю добиться оптимального соотношения реального и фикционального, что придует этому произведению большую достоверность в глазах читателя.

Нужно отметить, что смешение фактуального и фикционального в «Семейной хронике» вызвало споры среди французских литературоведов по поводу жанровой специфики этого произведения. Используя критерии концепции Ф. Лежена по поводу тождества: автор-герой-рассказчик, можно было бы характеризовать это произведение как автобиографию: у рассказчика имя автора – Патрик, используются маркеры автобиографического нарратива (moi, mon père, ma mère, ma fille, etc.). Однако в произведении появляется вымышленный образ сестры – «ma pauvre soeur Corinne». Воспоминания о матери (Luisa Colpeyn) реалистичны (4 глава). Эпизод с охотой («chasse à courre en Sologne», 5 глава) фикционален. Таким образом, поскольку «l’autobiographie se mêle aux souvenirs imaginaires» Т. Лоран (T. Laurent) называет «Семейную хронику» «chef-d’oeuvre de mentir-vrai» и относит это произведение, как и большинство исследователей, к жанру «autofiction» (вымышленной автобиографии) [6].

В 2005 году П. Модиано публикует «Un Pedigree» («Родословная») произведение, которое критика единогласно окрестила «автобиография». Уже первая фраза дает четкое представление о его жанровой принадлежности: «Je suis né le 30 juillet 1945, à Boulogne-Billancourt, d’un juif et d’une Flamande qui, s’étaient connus à Paris sous l’Occupation. J’écris juif, en ignorant ce que le mot signifiait vraiment pour mon père et parce qu’il était mentionné, à l’époque, sur les cartés d’identité. Les periods de haute turbulence provoquent souvent des rencontres hasardeuses, se bien que je ne me suis jamais senti un fils légitime et encore moins un héritier» [4, c. 9]. Эти строки наглядно представляют основную проблематику всего творчества П. Модиано.

Сам автор определил «Pedigree» как роман и неоднократно заявлял о том, что чувствует себя неловко в жанре классической, настоящей автобиографии. Негативно высказывался писатель и по поводу термина С.

Дубровского «autofiction». В автобиографических произведениях автор открывает читателю свое сокровенное, очень личное, а занчит, по мнению Модиано, он пишет не «autofiction», а скорее – то, что можно называть «rêveries» [5].

В настоящей статье представлены лишь некоторые особенности, характеризирующие специфику автобиографического нарратива П. Модиано. Системное исследование в данной парадигме всего творчества пистеля, поскольку, как уже отмечалось, большинство произведений П. Модиано автобиографичны, позволит более полно раскрыть проблематику, связанную с эволюцией автобиографического жанра. Так видится перспектива дальнейшего исследования.

Литература

1. **Трофимова, Ю.С.** Особенности художественной целостности тотального романа Патрика Модиано: [Текст]: автореф. дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук / Юлия Сергеевна Трофимова. – М., 2004. – 160 с.

2. **Gasparini, Ph.** Est-il je? Roman autobiographique et autofiction [Текст] / Ph. Gasparini. – Paris: Seuil, 2004.

3. **Modiano, P.** Le livret de famille / P. Modiano. – Gallimard, Paris, 1977. – 64 p.

4. **Modiano, P.** Un Pedigree / P. Modiano. – Gallimard, Paris, 2005. –144 p.

5. **Modiano, P.** Interview [Электронный ресурс]. URL: https://www.capital.fr/economie-politique/le-francais-patrick-modiano-prix-nobel-de-litterature-2014-967282

6. **Thierry, L.** L'oeuvre de Patrick Modiano, une autofiction / L. Thierry. – Presse Universitaire de Lyon, 1997. – 188 p.

7. **Vilain, Ph.** L'autofiction en théorie, suive de deux entretiens avec Philippe Sollers et Philippe Lejeune / Ph. Vilain. – Chatou: Les éditions de la Transparence, 2009. – 123 p.

Традиции и новаторство в современных концепциях обучения иностранным языкам

Н.А. Авдеева
Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых

К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИИ ОБУЧАЮЩЕЙ СРЕДЫ СТУДЕНТОВ «ЦИФРОВОГО ПОКОЛЕНИЯ»

Аннотация

Автор обосновывает необходимость создания образовательного пространства, отвечающего потребностям современного поколения студентов. Применение интерактивных инструментов в обучении этой социальной группы рассматривается как условие успешного освоения студентами универсальных и профессиональных компетенций, мотивированной самоорганизации и самообразования, а также реализации поставленных ими жизненных целей. Подчеркивается важная роль профессионального развития педагога, в частности, в сфере формирования психологической компетентности.

Ключевые слова: *обучающая среда, цифровое поколение, стереотипы, психологическая компетентность, профессиональное развитие педагога.*

ABOUT CHANGING THE LEARNING ENVIRONMENT OF THE «DIGITAL GENERATION» STUDENTS

Abstract

The paper deals with necessity to create the educational environment that meets the needs of the modern generation of students. The use of interactive tools in teaching this social group is considered to be a condition for successful development of students' universal and professional skills, motivated self-organization and self-education, as well as implementation of their life goals. The important role of professional development of a teacher, particularly in the sphere of psychological competence formation is emphasized.

Key words: *learning environment, digital generation, stereotypes, psychological competence, professional development of a teacher.*

В современных условиях модернизации образования и цифровизации экономики необходимо выстраивать адекватный стиль обучения молодежи и создавать образовательное пространство, отвечающее интересам молодого человека и его ожиданиям.

Современная молодежь – это представители особой культуры. Некоторые исследователи относят данную социальную группу к поколению «Z», представители которого родились в XXI веке и выросли в цифровой среде. Яркими чертами «цифрового поколения», получающего в настоящее время образование, называют следующие: умение работать с информацией – они ориентируются в огромных массивах информации, быстро находят, выделяют и запоминают нужное; способность заниматься одновременно разными видами деятельности; «клиповое» мышление – поверхностность и фрагментарность мыслительных процессов; быстрое включение в интересующую их информацию, особенно имеющую практическую ценность; нежелание запоминать, т.к. всё, при необходимости, можно посмотреть в сети; нацеленность на мгновенный результат.

Учитывая особенности нового поколения студентов, педагогам нужно организовать обучающую среду, способствующую преобразованию мировоззрения молодых, мотивирующую их на самоорганизацию и самовоспитание. При этом ценностно-смысловая направленность образования создает условия для обретения каждым обучающимся смысла своего образования, самообразования, смысла жизни, личностных смыслов [3].

Многие педагоги, декларируя работу в технологиях личностно-ориентированного обучения, на практике остаются в традиционной модели формирования личности [2]. Стереотипы профессиональной деятельности преподавателя зачастую препятствуют развитию его личности, творческого мышления. Использование устаревших методов обучения, нежелание включать в учебный процесс мультимедийные ресурсы, дополнительные источники, предлагать студентам проектную работу, публикационную деятельность, является следствием влияния блокирующих стереотипов. В то же время, существующие у педагога функциональные стереотипы, такие как индивидуальный подход к обучению, учет уровня базовой подготовки группы и др., способствуют продуктивной профессиональной деятельности.

Представляется, что преодоление блокирующих стереотипов в педагогической деятельности возможно осуществлять через освоение преподавателями психологических компетенций, что позволит расширить возможности актуализации их самосознания, самоопределения и способствовать не только изменению ценностных ориентаций личности, но и стилей преподавания [2]. Формирование психологической компетентности создает условия для организации преподавателем учебного процесса в сотрудничестве с обучающимся, с учетом его личностных способностей и потребностей.

Эффективным способом преодоления негативного последствия стереотипов может являться повышение квалификации преподавателя в форме целенаправленной работы с группами студентов высокого уровня подготовки. Усложнение педагогических задач создает точки роста, требующие преодоления инерционности и трафаретности в работе. В результате повышается профессиональный уровень педагога, его самооценка, стремление к самосовершенствованию.

Педагог, развивающийся в парадигме личностно-ориентированного образования, предполагающего взаимосвязь обучения и опыта человека, переосмысливает стиль своей профессиональной деятельности и выступает в роли партнера, наставника, фасилитатора, учитывая различия поколений и индивидуальных особенностей обучающихся. Он не столько передает знания студентам, навыки обучения которых сформировались под воздействием передовых технологий, но помогает им оценить и осмыслить полученную информацию: «На смену задачам, связанным с получением знаний, приходят задачи по осмыслению знаний через призму их культурных и личностных ценностей» [3].

Поэтому одним из важных методов обучения молодых людей является диалог. Поскольку преподаватель и студенты представляют собой две равные стороны образовательной среды, диалог между ними может включать «совет, доверительное общение, совместное обсуждение, акцент на личных достижениях» [4]. Эта форма взаимодействия рассматривается как необходимое условие успешного освоения студентами универсальных и профессиональных компетенций.

Перед современным педагогом стоит также задача совместно с учащимся «настроить» процесс обучения, сделать освоение знаний и формирование навыков комфортным и продуктивным.

Молодое поколение ориентируется, прежде всего, на результат, им не так важна оценка, сколько возможность применения полученных знаний для эффективной деятельности в современном мире. Это формирует мотивацию молодых людей к самообразованию и самоактуализации. На первый план выходит обучение студентов способам успешно действовать в социуме с целью реализации поставленных жизненных целей.

С целью изменения обучающей среды целесообразно использовать такие приемы обучения, как:

– превращение традиционного урока в динамичный, с частой сменой видов деятельности;

– максимальная визуализация учебного материала, поскольку у этого поколения склонность восприятие визуальной информации выражена особенно сильно;

– использование структурированных материалов, простых для восприятия;

– включение цифрового контента в аудиторную и внеаудиторную работу, в т.ч. с использованием гаджетов;

– использование интерактивных форм обучения, интернет-платформ;

– участие со студентами во всероссийских и международных проектах;

– подведение итогов каждого этапа обучения, т.к. молодые люди придают особое значение интенсивной обратной связи («feedback-dependent»), отзывам окружающих, а также достижению быстрых результатов.

Для продуктивного обучения студентов «цифрового поколения» востребованы инновационные интерактивные инструменты, освоение которых является важнейшей задачей и новым вызовом в профессиональном развитии педагогов.

Литература

1. **Анянова, И.В.** Поколение «Z»: фокус на результативное обучение (какой вопрос задать ученику – поколения «Z») [Электронный ресурс]. URL: https://coachingineducation.ru/pokolenie-z-fokus-na-rezultativnoe-obuchenie-kakoj-vopros-zadat-ucheniku-pokoleniya-z/

2. **Бобро, Т.П.** Преодоление педагогических стереотипов как фактор ориентации педагогов на личностную модель взаимодействия со студентами [Электронный ресурс]. URL: https://infourok.ru/statya_preodolenie_pedagogicheskih_stereotipov__kak_faktor__orientacii_pedagogov_na-305642.htm

3. **Ермак, Н.А.** Книга об образовании … и не только // ВЕСТНИК ЮРГТУ (НПИ). – 2011. – № 1. – С. 230-234.

4. **Коатс, Дж.** Поколения и стили обучения. / Пер. с англ. Л. Е. Колбачева. – М.: МАПДО; Новочеркасск: НОК, 2011. – 121 с.

О.Г. Каверина

Донецкий национальный технический университет

РАЗВИТИЕ ИНТЕГРАТИВНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ПЕДАГОГА В УСЛОВИЯХ ПРОФИЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ БУДУЩИХ ИНЖЕНЕРОВ

Аннотация

На современном этапе педагогической науки проблема интегративных знаний исследуется с разных точек зрения. В данной статье рассматриваются интегративные характеристики развития преподавателя в условиях образовательной интеграции. Интеграция – это единство общих и технических знаний. Практическая реализация интегративных характеристик преподавателя подразумевает взаимосвязь всех компонентов профессиональной деятельности: психологической, педагогической и деятельности, связанной со знаниями. В статье рассматривается критерий готовности преподавателя к реализации интегративного процесса.

Ключевые слова: *интегративные характеристики, профильное обучение, высшая школа, интегрированные знания, профессиональная ориентация будущего инженера*

INTEGRATIVE CHARACTERISTICS DEVELOPMENT OF A TEACHER IN CONDITIONS OF PROFESSIONAL ENGLISH LEARNING OF A FUTURE ENGINEER

Abstract

At the modern stage of pedagogical science, the issue of the integrative knowledge has been investigated from different view points. This paper deals with the integrative characteristics development of a teacher in conditions of educational integration. The integration implies the unity of liberal and technical knowledge. The practical realization of integrative characteristics of a teacher implies the interlinkage of all components of professional activity: psychological, pedagogical and activity connected with knowledge. The paper deals with the criterion of teachers` readiness for integrative process realization.

Key words: *integrative characteristics, professional language, a higher school, integrative knowledge, professional orientation of a future engineer*

На современном этапе развития педагогической науки проблема интегрированных знаний будущих инженеров изучалась в разных аспектах, а именно: методология гуманизации образования (И. А. Зязюн, Н. Г. Ничкало), гуманизация и гуманитаризация высшего образования (С. У. Гончаренко), интеграция и укрупнение дидактических единиц (А. П. Беляева, М. Н. Берулава, И. Н. Козловская), формирование языковой культуры инженера (Т. Е. Гончаренко, Т. П. Рукас) и др.

Интегративные характеристики всех участников образовательного процесса являются, несомненно, результатом тенденций интеграции и дифференциации современного знания, постепенным переходом от традиционного к инновационному типу обучения. Интегративная характеристика преподавателя и студента рассматривается нами как целостное образование, которое обеспечивает взаимосвязанность компонентов его профессиональной деятельности на психологическом, педагогическом и предметном уровнях, обеспечивая успешную реализацию профильного обучения иностранному языку в высшей технической школе.

Профильное обучение иностранному языку подразумевает следующие виды профессиональной деятельности преподавателя: обучение иностранному языку на разных факультетах технического университета; про-

фильная дифференциация содержания иностранного языка; уровневое обучение иностранному языку (общеобразовательный уровень, профильная языковая подготовка т.д.); дифференцированный подход к обучаемым в зависимости от их мотивов, потребностей, способностей, интересов; диагностическое исследование способностей обучаемых к изучению иностранного языка; практическая реализация различных организационных форм обучения; профессиональная ориентация с акцентом на гуманитарную подготовку; развитие мотивационных интересов к изучению иностранного языка; реализация личностно ориентированного подхода.

Модель подготовки преподавателя к профильному обучению иностранному языку подразумевает интеграцию всех компонентов его профессиональной деятельности (целевой, мотивационный, содержательный, процессуально-управленческий, результативно-оценочный). Моделирование подготовки преподавателя к реализации интеграционных процессов при обучении иностранному языку будущих инженеров базируется на следующих принципах: вариативности, который означает, что профильное обучение иностранному языку основывается на разных профессеобразующих дисциплинах; единства, который предполагает целостность и синтез методов, способов и организационных форм, которые раньше воспринимались как дифференцированные; комплементарности, который регулирует интегративную взаимодополняемость различных методов и способов обучения; регидности, который, означает независимость в использовании форм и методов, специфичных для конкретной профильной дисциплины.

Готовность преподавателя к профильному обучению иностранному языку предполагает постановку не только общеобразовательных целей, но и специфических целей, связанных с профессиональной подготовкой будущего инженера. Профильное обучение рассматривается нами как вид дифференцированного обучения, который предусматривает учет потребностей, наклонностей и способностей будущих инженеров и создание условий для изучения иностранного языка в соответствии с его профессиональной направленностью, что выражается в изменении целей, содержания, структуры и организации учебного процесса.

Основными компонентами содержания являются: базовый (инвариантный, общеобразовательный), профильный и элективный компоненты.

Инвариантный компонент соответствует общеобразовательному стандарту. Профильный компонент связан с рядом курсов, которые изучаются углубленно, обычно на межпредметной основе в зависимости от содержания профессиональных дисциплин. Элективный курс (компонент на выбор) включает ряд курсов, которые изучаются по выбору студента, по своему содержанию и системе требований эти курсы должны выходить за рамки образовательных стандартов.

Организация профильного обучения иностранному языку требует внесения определенных изменений в курс "Методика обучения иностранному языку". Эти изменения должны быть связаны с корректировкой содержания и целей, с введением интегрированных курсов на основе профильного обучения. Содержание и структура курса определяются в зависимости от целевого назначения. Они будут варьироваться, интегрируясь с содержанием профильных дисциплин и детерминируясь как общеобразовательный, углубленный или элективный.

В условиях интегративного обучения определенные изменения претерпевает и профессиональная ориентация будущих инженеров, что не может не учитывать преподаватель иностранного языка. Изменения происходят на уровне содержания, форм и методов профориентационной работы. Практическая реализация интегративных связей иностранного языка с профильными дисциплинами повышает роль мотивационного компонента учебно-познавательной деятельности будущих инженеров, увеличивает возможности личностно-ориентированного подхода. Интеграция знаний и реализация межпредметных связей в условиях профильного обучения иностранному языку требуют дифференцированного подхода к уровням знаний студентов.

Развитие интегративных характеристик преподавателя как управляющего учебно-образовательным процессом должно быть не только на теоретическом уровне, но и основываться на идее практической реализации профильного обучения иностранному языку с учетом общеобразовательного (инвариантного), профильного (вариантного) и элективного компонентов. На развитие интегративных характеристик педагогов оказывают большое влияние способности к репродуктивной и творческой педагогической деятельности, которые обеспечивают некоторую самостоятельность в

процессе реализации межпредметных связей иностранного языка в рамках профильного обучения. Внимание преподавателей может быть сконцентрировано на создании собственных научно-методических разработок, внедрении интегрированных курсов в реальный учебный процесс, на поиске учебного материала профильного характера, на систематизации фактологических знаний. Суть интеграции иностранного языка находится во взаимном проникновении элементов профильных дисциплин в структуру содержания иностранного языка, в результате чего предмет совершенствуется и возрастает его значимость для профессиональной деятельности будущих инженеров.

Успешное осуществление интеграционных процессов при обучении иностранному языку будущих инженеров в большей степени зависит от квалификации преподавателя как носителя определенных интегративных характеристик. В современных условиях интеграции и дифференциации знаний творческая деятельность преподавателя должна осуществляться согласно основополагающему принципу, что каждый преподаватель-ученый-исследователь, который является не только носителем определенной учебной информации, но и находится в постоянном поиске эффективных путей реализации интеграционных связей, их новых организационных форм.

Формирование современных социальных потребностей и ценностей по-новому определяет содержание образования, его основные функции. Идеи интеграции и реализации межпредметных связей требуют формирования у современного преподавателя одного из наиважнейших умений – обучать своему предмету на разных уровнях и в разных условиях. Не менее важна здесь и роль педагогических способностей: академических, коммуникативных, экспрессивных, организаторских. Поэтому формирование профессиональной готовности преподавателя к реализации интеграционных процессов требует особого внимания. На наш взгляд, такая проблема может быть решена двумя путями: общей подготовкой преподавателя к профессиональной деятельности в образовательных учреждениях нового типа и его подготовкой к реализации специфических аспектов своей педагогической деятельности, связанной с реализацией процессов интеграции и дифференциации современного знания.

В профессиональной деятельности преподавателя мы выделяем внутренние и внешние противоречия, которые не обеспечивают достаточный уровень реализации идеи интеграционных процессов. Внутренние противоречия связаны с несоответствием между основными требованиями к профессиональной деятельности преподавателя английского языка и способами осуществления этих требований. Внешние противоречия возникают между необходимым уровнем осуществления учебного процесса и реальными условиями его реализации на интегративной основе.

Психологический компонент готовности к профессиональной деятельности на интегративной основе предполагает единство мотивационного, познавательного, эмоционального и управленческого элементов. На основе взаимообусловленного развития этих интегративных элементов формируется ряд позитивных качеств мышления современного педагога, таких как системность, конкретность, детерминизм, перспективность, критичность, эвристичность, чувство меры и т.д.

Психологическая готовность преподавателя иностранного языка к осуществлению обучения на интегративной основе предполагает такое развитие его интегративных характеристик, которые обеспечивают возможность преподавания дисциплины «Иностранный язык» на базе его межпредметных связей с различными профильными дисциплинами, с учетом разного уровня готовности обучаемых к восприятию иноязычного речевого материала, диагностику способностей будущих инженеров к иностранному языку, повышение мотивации к его изучению.

Педагогическая готовность педагога как компонент его интегративных характеристик включает компетентность в общетеоретических основах профильного обучения и понимание его значения, перспективности и роли в современных образовательных процессах, владение методикой преподавания интегрированных курсов, общими основами дидактики профильного обучения.

Интегративные характеристики педагога подразумевают владение интегрированной методикой проведения практических занятий, умение реализации интегрированных форм обучения.

Интегративные характеристики преподавателя относительно обеспечения предметной готовности к осуществлению внутрипредметных и меж-

предметных связей иностранного языка предполагают соответствующий уровень его профессиональной компетенции, включающий когнитивный, операционный и деятельностный компоненты. Для обеспечения интеграционных процессов необходим пересмотр фундаментальных знаний по базовому предмету "Иностранный язык".

Итак, на основе анализа теоретической литературы по интересующей нас проблеме были разработаны критерии готовности преподавателя к обучению иностранному языку будущих инженеров на интегративной основе, а именно:

1. Психологическая готовность к диагностике способностей будущих инженеров к иностранному языку; к реализации личностно ориентированного подхода в обучении, к организации интегративного обучения на уровне межпредметных связей иностранного языка с различными профильными дисциплинами; к обучению на интегративной основе в зависимости от уровня овладения будущими инженерами языковыми знаниями, умениями и навыками; реализации мотивационного компонента учебно-воспитательной деятельности в рамках непрерывного языкового образования;

2. Педагогическая готовность к профильной дифференциации содержания иностранного языка; к практической взаимосвязи между профессиональной ориентацией будущих инженеров и профильным обучением иностранному языку, к реализации интегративных форм организации обучения иностранному языку;

3. Предметная готовность к разработке методических пособий и рекомендаций совместно с преподавателями профильных дисциплин, систематизацию знаний на межпредметной основе и использование их в коммуникативной деятельности на иностранном языке, использование межпредметных знаний в непрерывном языковом образовании, выработку навыков самостоятельной работы над профильным языковым материалом.

Литература

1. **Берулова, М.Н.** Теоретические основы интеграции образования [Текст] / М.Н. Берулова. – М.: Совершенство, 2018. – 192 с.

2. **Васильев, В.В.** Методология и методика преподавания английского языка [Текст] / В.В. Васильев. – М.: Академия, 1987. – 150 с.

3**. Гергунский, Б.С.** Философия образования [Текст]: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений / Б.С. Гергунский. – М.: Академия, 2018. – 608с.

4. **Гончаренко, С.Ю., Мальований, Ю.А.** Интеграция элементов содержания образования [Текст] /С.Ю. Гончаренко. – Полтава, 1994. – 234 с.

5. **Яковлев, И.П.** Интеграция высшей школы с наукой и производством [Текст] / И.П. Яковлев. – Л. : Изд. ЛГУ, 1987. – 114 с.

Л.Я. Лычко
Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой народной Республики

ФОРМИРОВАНИЕ У ОБУЧАЕМЫХ НАДПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация

Современный рынок труда требует от выпускников учреждений высшего профессионального образования наряду с профессиональными знаниями и умениями сформированности надпрофессиональных компетенций, которые повышают востребованность молодых специалистов и способствуют их карьерному росту. В данной статье обосновывается идея о том, что надпрофессиональные компетенции являются составной частью англоязычной профессионально ориентированной коммуникативной компетенции, формируемой у обучающихся в процессе обучения продуктивным видам речевой деятельности, в частности, говорению. В их основе лежат компетенции четыре «С»: общение (*communication*), сотрудничество (*cooperation*), критическое мышление (*critical thinking*), креативность (*creativity*). Их формирование осуществляется на практических занятиях на основе специально организованных ситуаций общения в парах, группах и происходит непрерывно, параллельно с формированием профессионально ориентированной англоязычной коммуникативной компетенцией.

Ключевые слова: *коммуникативный подход к обучению, компетенции четыре «С», общение, сотрудничество, критическое мышление, креативность*

FORMATION OF STUDENTS' SOFT SKILLS IN THE PROCESS OF TEACHING ENGLISH

Abstract

Modern labour market requires from graduates of higher learning establishments availability of both professional competence and soft skills which increases the demand for young professionals and facilitates their career growth. The article substantiates the idea that soft skills are the component of English communicative competence for specific purposes which are formed in the process of development of production speech activities, in particular speaking. Their basis is four Cs competences: communication, cooperation, critical thinking, creativity. Their development is carried out continuously together with the development of communicative competence.

Key words: *communicative approach to teaching, four "C" competences, communication, cooperation, critical thinking, creativity*

На сегодняшний рынок труда влияют такие факторы, как развитие технологий, глобализация, демографические изменения. В связи с этим, меняются и сами рабочие места, где значительная роль отдается искусственному интеллекту, автоматизации отдельных функций и процессов. В результате возрастает спрос на специалистов, способных выполнять задачи, недоступные для роботов, такие как умение общаться, быстро принимать решения, работать в команде.

Таким образом, кроме профессиональных умений становятся востребованными дополнительные умения, которые значительно повышают возможности трудоустройства и последующего карьерного роста молодых специалистов. В английском языке такие умения определяются как «*soft skills, essential skills, key skills/competencies, non-technical skills, interpersonal skills, skills for life*». В русском языке используются термины «мягкие навыки, основные навыки, ключевые навыки/ компетентности, непрофессиональные навыки, межличностные компетенции, жизненно-важные компетенции. В данной статье мы будем использовать термин «надпрофессиональные компетенции», так как этот термин, на наш взгляд, наиболее точно выражает их независимость от профессиональной принадлежности.

Надпрофессиональные компетенции представляют собой себя широкий набор умений, поведенческих характеристик, межличностных отношений и личных качеств, которые позволяют сотруднику активно работать, общаться с коллегами и достигать поставленных целей. Они универсальны, могут применяться одним и тем же человеком в разных сферах деятельности, их трудно измерить или определить степень или уровень их развития.

Цель данной статьи – описать возможности формирования у обучаемых надпрофессиональных компетенций в процессе обучения профессионально ориентированному говорению на английском языке в учреждениях высшего профессионального образования и определить пути и способы формирования таких компетенций.

Впервые о надпрофессиональных компетенциях заговорили в 90-е годы прошлого века, но более активно их стали исследовать в первом десятилетии 21 века. Их исследованию были посвящены работы И.А. Зимней (2004), А.В. Хуторского (2003), М.Л. Зуева (2007). Во втором десятилетии были предприняты шаги по их упорядочению и классификации. Так, в 2018 г. в ЕС был принят ряд документов, нацеленных на разработку до 2020 г. методов преподавания студентам университетов *soft skills,* составлен Европаспорт навыков, позволяющий как работодателям, так и соискателям рабочих мест определить индивидуальный уровень компетентности. [2, с. 351]. В «Атласе новых профессий – 2020», разработанном Московской школой управления и Агентством стратегических инициатив, представлен перечень профессий, которые, по мнению авторов, будут востребованы в недалеком будущем. В нем отмечается, что среди прочих надпрофессиональных компетенций специалистам понадобятся знание нескольких языков и культур [3].

Однако ввиду того, что надпрофессиональные компетенции можно рассматривать с разных точек зрения относительно к разным условиям и потребностям, единой классификации таких компетенций пока не существует, их количество окончательно не определено, более того, можно предположить, что требования к части надпрофессиональных компетенций будут меняться вместе с развитием общества и изменением условий труда.

Если взять за основу концепцию компетенций 21 века, разработанную для студентов с учетом изменений подхода к образованию в условиях быстро

меняющегося мира, то в ней все указанные надпрофессиональные компетенции условно делятся на три основные группы:

– компетенции обучения или четыре «*C*» (*communication, cooperation, critical thinking and creativity*): общение, сотрудничество, критическое мышление и креативность;

– компетенции грамотности: информационная, технологическая грамотность, медиаграмотность;

– жизненно-важные компетенции: лидерские качества, производительность, социальные умения, инициативность [4].

В данной статье основное внимание уделяется формированию компетенций обучения, как основе *soft skills* в процессе преподавания профессионально ориентированного английского языка.

Обучение любому языку является обучением общению на этом языке. Государственный Стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки «менеджмент» предусматривает формирование у обучаемых следующих компетенций в области иностранного языка:

– способность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия (ОК-4);

– способность работать в коллективе, толерантно воспринимая социальные, этнические, конфессиональные и культурные различия (ОК-5) [1].

Таким образом, формирование надпрофессиональных компетенций было изначально заложено в программу обучения иностранному языку, являются ее неотъемлемой составляющей которой являются компетенции четыре «С». Более того, тот фактор, что многие новые знания, которые обучающиеся и работающие специалисты получают из иноязычных источников, превращают владение иностранным языком в отдельную надпрофессиональную компетенцию.

За рубежом проблемы обучения английскому языку с точки зрения четырех «С» интересовали таких методистов как Ричардс (2002), Эллис (2014), Scrivener (2011). В России этим проблемам посвящены работы А.Ю. Петрова (2017), М.В. Короткой (2016), Н.В. Жадько (2011) и других. В работах отмечается, что формирование надпрофессиональных компетенций связано с развитием умений в продуктивных видах речевой деятельности у обучающихся во

взаимодействии с другими видами компетенций (в чтении, аудированиии, развитием языковых компетенций).

Обучение говорению в рамках коммуникативного подхода к обучению иностранному языку предусматривает особую организацию занятий, где внимание уделяется такой учебной деятельности обучаемых, при которой они могут проявить свою самостоятельность, творческий подход, критическое мышление, чем, в сущности, и являются четыре «С». Рассмотрим их более детально:

1. Общение *(communication).* Развитие умений общения предполагает участие обучающихся в различных формах коммуникации, возможных на занятии: участие в мозговом штурме, ролевых играх, симуляциях, кейсах, проектах. Эти виды деятельности способствуют развитию у них воображения, творческого потенциала, поиску путей принятия решений, а также развитию стратегической компетенции. При этом обучаемые в значительной мере используют функциональный язык, отражающий коммуникативное намерение, которое они стремятся осуществить в конкретной ситуации общения [5]. У них развиваются такие функциональные умения как умения слушать, убеждать, аргументировать, соглашаться, отказываться, поддерживать чью-то идею, высказывание, а также умения в более широком смысле, относящиеся к участию в переговорах и умения осуществлять публичные выступления.

2. Сотрудничество (*cooperation*). Работа студентов в парах и группах способствует развитию у них коммуникативных умений работать в команде для достижения соответствующей цели. У обучающихся есть поставленная задача, которую они должны решить сообща, в процессе ее обсуждения и представить результат. Кроме того, они учатся распределять роли, а значит, и ответственность, делегировать полномочия, у определенной части студентов вырабатываются лидерские качества. При подготовке англоязычных высказываний у студентов вырабатывается стремление к взаимопомощи, они вместе составляют содержание того, что нужно сказать каждому из участников, подбирают нужную лексику, оформляют высказывание грамматически. Общаясь в группе, они менее напряжены и стремятся к более свободному говорению.

3. Критическое мышление (*critical thinking)*. Развитие у студентов умений критического мышления связано, в основном с тем, как обучаемый будет решать поставленную задачу. Этот процесс включает следующие этапы: анализ задания и имеющихся данных, выработку собственного отношения к решению проблемы, ее обсуждение и результат.

4. Креативные умения *(creativity).* Умения критически мыслить связаны со способностью обучаемых справляться с непредвиденными заданиями, каждый раз формулировать свои собственные ответы на неожиданные вопросы, решать новые задачи на иностранном языке [5].

Значительное количество коммуникативных упражнений, представляющих из себя ролевые игры, симуляции, кейсы, осуществляются по строго определенному сценарию. Например, в диалогическом общении обсуждение какого-то явления происходит по заданной схеме: тема обсуждения (например, условия поставок товара), обмен мнениями, выяснение позиций и представлений каждым из собеседников условий сделки, предложения и уступки собеседников, подведение итогов. Примером монологического высказывания может служить публичное выступление. Выступающий должен владеть умениями говорить связно, последовательно, делать переходы от одной мысли к другой, уметь сопоставлять, противопоставлять факты и события. Четкая структура публичного выступления (вступление, основная часть, заключение), а также знание разговорных формул, соответствующих каждому этапу выступления (начало выступления, объявление темы, структуры выступления, переход от одной части выступления к другой) в значительной мере облегчают взаимопонимание между говорящим и слушателями.

На основе вышесказанного можно сделать следующие выводы о том, что изменения, происходящие в экономике и обществе, оказывают свое воздействие и на сферу образования; надпрофессиональные компетенции становятся важным фактором востребованности человека на своем рабочем месте; в силу коммуникативной направленности обучения английскому языку формирование надпрофессиональных компетенций у обучаемых осуществляется непрерывно, параллельно с формированием англоязычной коммуникативной компетеции.

Литература

1. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 38.03.02 «менеджмент» (квалификация «академический бакалавр», «прикладной бакалавр») [Электронный ресурс]. URL.: http://mondnr.ru/dokumenty/standarty-vpo/bakalavriat/send/14-bakalavriat/356-gos-38-03-02-menedzhment

2. **Раицкая, Л.К.** Soft skills в представлении преподавателей и студентов российских университетов в контексте мирового опыта / Л.К. Раицкая., У.В. Тихонова. – Серия «Психология и педагогика». – Т. 15. – № 3. – Вестник РУДН, 2018. – С. 350–363.

3. **Сырямкина, Е.Г.** Практика развития надпрофессиональных компетенций студентов в современном университете / Е.Г. Сырямкина, Т.Б. Румянцева. – Образование и наука. – № 7 (136). – 2016. – С. 117-135.

4. 21st Century Skills [Электронный ресурс]. URL.: https://www.edglossary.org/21st-century-skills/

5. Edita Bekteshi The ‘Fours Cs’ – Collaboration, Communication, Critical Thinking And Creativity At The Faculty Of Arts (Flup), University Of Porto, Porto, Portugal [Электронный ресурс]. URL.: https://www.researchgate.net/publication/318042578

Я.В. Полякова
Донецкий педагогический институт

ФОРМИРОВАНИЕ УЧЕБНЫХ СТРАТЕГИЙ РАБОТЫ С ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ТЕКСТОМ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ДОМАШНЕМУ ЧТЕНИЮ

Аннотация

В статье рассматривается организация домашнего чтения как одного из аспектов лингвистической подготовки студентов языковых специальностей. Предлагаемые учебные стратегии работы позволяют охватить все виды речевой деятельности, используя разнообразные приемы и методы работы.

Ключевые слова: *методика преподавания английского языка в высшей школе, основной иностранный язык, домашнее чтение*

DEVELOPMENT OF LEARNING STRATEGIES FOR READING LITERARY TEXTS IN HOME READING CLASSES

Abstract

The article deals with the organization of Home Reading as one of the aspects of foreign language teaching of EL students. The strategies for teaching Home Reading suggested in the research allow to include all kinds of speech activities, using various techniques.

Keys words: *methods of teaching English in higher educational institutions, main foreign language, Home Reading*

Актуальные политические и социокультурные изменения обусловили формирование новых тенденций в процессе обучения иностранному языку студентов языковых направлений подготовки в целом и обучения чтению на иностранном языке в частности, включая самостоятельное и индивидуальное домашнее чтение. Будущие лингвисты и преподаватели не просто овладевают основами общения на иностранном языке, но делают это в контексте приобщения к культуре страны изучаемого языка и межкультурной коммуникации.

В соответствии с государственным образовательным стандартом Донецкой Народной Республики по направлению подготовки 45.03.02 Лингвистика «выпускник, освоивший программу бакалавриата, должен обладать общепрофессиональными компетенциями (ОПК), которые включают: способность использовать понятийный аппарат философии, теоретической и прикладной лингвистики, переводоведения, лингводидактики и теории межкультурной коммуникации для решения профессиональных задач (ОПК-1); способность видеть междисциплинарные связи изучаемых дисциплин, понимание их значения для будущей профессиональной деятельности (ОПК-2); владение системой лингвистических знаний, включающих в себя знание основных фонетических, лексических, грамматических, словообразовательных явлений и закономерностей функционирования изуча-

емого иностранного языка, его функциональных разновидностей (ОПК-3)».

Домашнее чтение как аспект обучения иностранному языку требует обновления соответствующих подходов и стратегий, а его реализация как содержательного компонента обучения предполагает разработку ряда методических положений, связанных с его организацией и учебно-методическим обеспечением, что и определяет актуальность темы исследования.

Проблема обучения различным видам чтения в процессе изучения иностранного языка в средней общеобразовательной школе и высшем профессиональном образовании освещается в работах Г. Барабановой, И. Бердниковой, О. Бигич, Н. Кучеренко, С. Николаевой, Н. Селивановой, Ж. Тищенко, А. Шерстюк, И. Шульги, Ф. Проуз и др.

Домашнее чтение как один из аспектов преподавания иностранного языка для студентов языковых направлений подготовки являлось объектом изучения многих методистов (В.В. Евченко, З.А. Киселева, Н.И. Наказнюк, О.Н. Поддубская, М.Д. Стрекалова, М.Г. Трещева и др.). Однако в имеющихся исследованиях, посвященных работе с аутентичным художественным текстом на занятиях по домашнему чтению, рассматривались преимущественно отдельные аспекты работы (обогащение вокабуляра обучающихся, фразеологизация речи, усовершенствование монологической речи и т.д.).

Анализ имеющихся диссертационных исследований последних лет и другой научно-методической литературы показал, что проблема организации домашнего и индивидуального чтения студентов на английском языке характеризуется недостаточной теоретической и методической разработанностью. Данное исследование посвящено проблеме формирования учебных стратегий работы с аутентичным художественным произведением в рамках курса «Домашнее чтение» для студентов языковых направлений подготовки.

Одним из ключевых требований к организации учебного процесса в высшем профессиональном лингвистическом образовании является индивидуализация и автономизация обучения, предусматривающая самостоятельное изучение студентом определенного объема материала в рамках

учебных дисциплин. Следовательно, учитывая увеличение удельного веса самостоятельной работы в учебных планах соответствующих направлений подготовки, актуальное значение приобретает вопрос организации домашнего и индивидуального чтения в процессе изучения основного иностранного языка.

Следует отметить, что стратегии работы с аутентичным художественным текстом для студентов языковых направлений подготовки отличаются от домашнего чтения в старших классах средней школы и на неязыковых факультетах. Аутентичные тексты произведений, выбираемые для домашнего чтения, имеют значительно более высокую содержательную и стилистическую сложность по сравнению с учебными и адаптированными текстами. В методическом плане важная роль отводится коммуникативным упражнениям, разнообразию приемов и формы работы, в соответствии с учебными стратегиями. Домашнее и индивидуальное чтение как аспект учебной дисциплины «основной иностранный язык» направлено на повышение эффективности формирования коммуникативной компетенции и на решение в процессе обучения иностранному языку задач, требующих специального учебного и содержательного контекста, каким и являются аутентичные художественные произведения.

Именно поэтому процесс обучения самостоятельному (домашнему) чтению предполагает системный подход к критериям отбора художественных произведений для чтения, что представляет собой отдельное направление исследования. Эффективные занятия по домашнему чтению приведут не только к овладению студентами навыками самостоятельного чтения и повышению уровня овладения языком, но и к усилению профессиональной направленности при обучении иностранным языкам как специальности, формированию общепрофессиональных компетенций. Беспереводное понимание возникает как следствие многократного восприятия слов, словосочетаний и грамматических конструкций в различных сочетаниях, что, в свою очередь, достигается только при условии систематического чтения. Обучение пониманию текста должно осуществляться в первую очередь при чтении и анализе текстов на аудиторных занятиях под руководством преподавателя. Самостоятельное (индивидуальное) чтение является продолжением этой работы. Для обучения пониманию текста используются

различные установки (задачи). Установка на понимание содержания создается системой определенных упражнений, стимулирующих и развивающих поисковую деятельность студента и дающих некоторые ориентиры при изъятии требуемой информации из текста. При подготовке задач, создающих установку на понимание содержания, следует помнить о том, что при чтении иностранной литературы специалисту может понадобиться различная степень проникновения в смысл текста. Иногда достаточно знать, о чем текст (общее понимание содержания); в следующий раз необходимо установить, есть ли в тексте информация, интересующая читателя (поисковое чтение); а может быть, что специалист хочет получить полную ясность в интересующей его информации (чтение с полным пониманием содержания, художественный перевод). Таким образом, студента следует учить и общему охвату содержания текста, и поиску необходимой информации, и адекватному пониманию отдельных частей текста.

Домашнее чтение, по мнению многих методистов, как аспект изучения иностранного языка «носит комплексный и интегрированный характер, так как предполагает владение определенными навыками и умениями извлечения информации из письменного текста, особый подход к формированию навыков и умений в чтении (личностно-ориентированный)» [7]. Это и форма организации аудиторных занятия и самостоятельной работы студентов (с опорой на различные учебные стратегии), и технология обучения, которая включает как комплекс упражнений и заданий, так и приемы контроля.

Хотя домашнее чтение рассматривается как аспект обучения иностранному языку, следует отметить, что домашнее чтение – понятие более широкое, поскольку в нем присутствуют все виды чтения, выделяемые отечественными и зарубежными методистами. В то же время домашнее чтение охватывает при соответствующей организации все виды речевой деятельности (аудирование, чтение, говорение, письмо) и предполагает тесную взаимосвязь с различными аспектами обучения иностранному языку (вокабуляром, грамматикой, фразеологией, лингвострановедением). Поэтому мы считаем, вслед за многими отечественными и зарубежными методистами, что выделение домашнего чтения в качестве самостоятельного аспекта обучения иностранному языку является оправданным и логичным.

Работа с иноязычным художественным текстом на аудиторных занятиях представляет собой контроль работы студентов со стороны преподавателя с целью проверить понимание прочитанного и отработать ряд навыков и умений, уже сформированных на занятиях по практике устной и письменной речи.

Предлагаемая в исследовании М.Д. Стрекаловой методика формирования учебных стратегий работы с иноязычным художественным текстом на занятиях по домашнему чтению включает в себя следующие этапы:

«Vocabulary – работа с лексическими единицами, направленная на обогащение словарного запаса, как активного, так и пассивного, а также на развитие производительных и рецептивных лексических навыков;

Listening – работа с аудиозаписью, сделанной на основе художественного произведения, направленная на развитие навыков и умений восприятия иностранной речи на слух;

Grammar – работа с грамматической конструкцией или структурой, сложной для обучающихся, направленная на повторение пройденного материала и закрепление той или иной грамматической структуры в языке;

Translation – работа, направленная на формирование и развитие у обучающихся умений литературного перевода;

Speaking – работа, направленная на развитие у студентов различных коммуникативных умений говорения;

Writing – работа, направленная на развитие коммуникативных умений письменной речи;

Cultural Awareness (Country Study) – работа, направленная на обогащение страноведческих и социокультурных знаний студентов» [6].

Такую последовательность этапов организации работы с текстом на занятии по домашнему чтению мы, вслед за М.Д. Стрекаловой, считаем оптимальной, исходя из логики построения учебного занятия, распределения этапов, необходимости органического перехода от языковых и условно-речевых упражнений к коммуникативным, оптимального сочетания рецептивных и продуктивных упражнений. Важным элементом считаем аудирование, которое редко присутствует на занятиях по домашнему чтению. Наличие большое числа аудиокниг в исполнении носителей языка, известных актеров и литераторов, экранизаций читаемых произведений

способствует формированию устойчивого интересу студентов к самостоятельному чтению.

Предложенные М.Д. Стрекаловой направления формирования учебных стратегий работы с аутентичным художественным произведением на занятиях по домашнему чтению представляются нам достаточно эффективными, поскольку позволяют охватить все стороны речевой деятельности, используя многообразие приемов и форм. Интегрированный и комплексный характер домашнего чтения способен существенно повысить эффективность различных учебных стратегий и способствовать формированию коммуникативной компетенции, что и является основной целью обучения иностранному языку.

Апробация проанализированной в данном исследовании методики преподавания аспекта «домашнее чтение» на занятиях со студентами языковых направлений подготовки подтвердила ее эффективность. Работа с аутентичным художественным произведением в курсе домашнего чтения по методике, предложенной М.Д. Стрекаловой, способствовала совершенствованию у студентов умений чтения, говорения, аудирования, умений литературного перевода, а также способствовала формированию коммуникативной и социокультурной компетенции.

Перспективность исследования видится в том, что методика формирования различных учебных стратегий работы с иноязычным художественным произведением на занятиях по домашнему чтению со студентами языковых направлений подготовки, вполне переносима на обучение другим иностранным языкам. Основные положения данной методики могут быть использованы в практике преподавания домашнего чтения для интенсивных курсов обучения взрослых, при составлении учебных пособий для профессионально-ориентированного чтения для студентов неязыковых направлений подготовки. Что касается домашнего чтения для студентов языковых направлений подготовки, здесь следует обратить внимание на критерии отбора художественных произведений с точки зрения современного английского языка, линвострановедческих особенностей, культурологического контекста.

Литература

1. **Бердникова, И.А.** Развитие критического мышления на занятиях по домашнему чтению на английском языке [Текст] / И.А. Бердникова // Иностранные языки в школе. – 2009. – № 1. – С. 84-89.

2. **Євченко, В.В.** Використання домашнього читання як засобу формування комунікативної компетенції студентів [Текст] / В.В. Євченко// Вісник Житомир. держ. ун-ту ім. І. Франка. – 2004. − № 19. – С. 108-112.

3. **Киселева, З.А.** Творческий подход к домашнему чтению в обучении иностранному языку в вузе [Текст]/ З.А. Киселева // Вопросы методики преподавания в вузе. – 2017. – Т. 6. № 23. – С. 38-45. – DOI: 10.18720/HUM/ISSN 2227-8591.23.5.

4. **Наказнюк, Н.И.** Принципы отбора текстов для занятий по домашнему чтению для студентов лингвистических специальностей [Текст] /Н.И. Наказнюк // Вопросы методики преподавания в ВУЗе. Выпуск 10: Сборник статей. – СПб. : Нестор, 2007. – С. 138-143.

5. **Поддубская, О.Н.** Методика обучения студентов языковых факультетов страноведческой информации на базе художественных текстов домашнего чтения [Текст]: Дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Поддубская Ольга Николаевна. – Москва, 2003. – 190 с.

6. **Стрекалова, М.Д.** Методика преподавания аспекта «домашнее чтение» на младших курсах языкового вуза [Текст]: автореф. … дис. канд. пед. наук : 13.00.02 / Стрекалова Мария Дмитриевна. – Ярославль, 2008. – 26 с.

7. **Трещёва, М.Г.** Методика обучения расширению активного словаря на основе художественных текстов домашнего чтения студентов третьих курсов языковых факультетов вузов [Текст]: дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 Трещёва Мария Геннадьевна.. – Москва, 2007. – 153 с. РГБ ОД, 61:07-13/878

8. **Prowse, P.** Success with reading – how to organize a reading programme [Текст] / Philip Prowse // Іноземні мови. – 2002. – № 4. – С. 31-32.

Научное издание

МИР. ЧЕЛОВЕК. ЯЗЫК

Сборник научных трудов

За содержание статей, точность приведенных фактов и цитирование
несут ответственность авторы публикаций

Издается в авторской редакции

Подписано в печать 02.07.19.
Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 20,46. Тираж 80 экз.
Заказ
Издательство
Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.
600000, Владимир, ул. Горького, 87.